

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
БОЛЬ ПОБЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Пройдено две страны, добыто могущество, каким обладал в этой стране только император, но нет покоя. Проблема за проблемой кружат голову, давят тяжестью решений, которые нужно принимать. Когда Андрей был на Земле, главное для него было – выжить. Выжить и тогда, когда он крался в «зеленке», каждую секунду ожидая выстрела, выжить, когда он был наемным убийцей, выжить, когда он спрятался от преследователей в отдаленном монастыре и стал монахом. Здесь, в этом мире, главным оказалось другое – уничтожить Зло, а уж потом выжить. И для этого Андрей готов не щадить ни себя, ни своих близких. Как на войне.

- [Евгений Щепетнов](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Эпилог](#)
-

Евгений Щепетнов

Монах. Боль победы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Громыхают колеса кареты по булыжной мостовой, лезут в голову всяческие мысли... Иные и хотел бы, да не отбросишь. Все ли идет так, как надо?

Пройдено две страны, добыто могущество, каким обладал только император, но нет покоя. Проблема за проблемой кружатся, как снежинки, и садятся на голову, на плечи, придавливая к земле тяжестью решений, которые нужно принимать. Когда Андрей был на Земле, главное для него было – выжить. Выжить и тогда, когда он крался в «зеленке», каждую секунду ожидая выстрела, выжить, когда он был наемным убийцей, выжить, когда он спрятался от преследователей в отдаленном монастыре и стал монахом. Здесь, в этом мире, главным оказалось другое – уничтожить Зло, а уж потом выжить. И для этого Андрей готов был не щадить ни себя, ни своих близких. Как на войне.

Впрочем – разве это была не война? Разве он теперь не был солдатом? Солдатом Света. Иногда он в этом сильно сомневался.

С тех пор как Андрей прибыл в этот мир, заброшенный прихотью неизвестной Сущности – он надеялся, что Бога, – бывший наемный убийца и бывший монах только и делал, что убивал. Убивал, убивал, убивал... он уже устал от убийств, от грязи, от переживаний за своих близких, но конца-краю этому конвейеру смерти не было. Вот и сейчас он ехал на завод, чтобы убедиться в том, что смертоносное оружие, которое он сделал достоянием этого мира, производится по графику, что все идет так, как он задумал.

Карета расплескивала лужи – начался сезон дождей, гарантирующий Балрону передышку перед гражданской войной. Во время сезона дождей, длившегося здесь полгода, и месяц после его окончания ожидать от противника военных действий не приходилось – только сумасшедший решился бы отправить многотысячную армию на штурм столицы, когда люди и лошади вязнут по колено в непролазной грязи. Так что у Андрея было время, чтобы подготовиться.

С того момента как было похоронено в морской пучине «тело императора» (драконица Шанти блестяще справилась с этой ролью), прошло уже три месяца. Долгий срок. Для Земли, где жизнь несется бурным потоком, захлестывающим человека и уносящим его в неведомые дали. Здесь – никто никуда не торопился. Андрею стоило большого труда

заставить подчиненных работать так, как он хотел, – быстро, в срок, без задержек и расхолаживания. Приходилось использовать все методы, от кнута до пряника. Пряником, конечно, были деньги. Ну а кнут... кнут, бывало, применялся и не в фигуральном смысле.

Раньше на завод брали заключенных, но Андрей отменил эту практику – последний мятеж показал, что этой публике на режимном предприятии делать нечего. Если, конечно, не хочешь получить нож в спину во время очередного бунта. Теперь там работали только вольнонаемные – за хорошую по здешним меркам плату. Кроме того, для них было организовано питание и проживание – рядом со столицей Балрона Анкаррой фактически вырос новый город-спутник, его называли Оружейный город, по градообразующему предприятию.

При заводе организовали школу механиков, где обучали всех желающих работе на станках, а также с приборами и механизмами. Конечно же – после подписания контракта, где оговаривалось, что они не будут работать нигде больше, кроме как на оружейном заводе. Все шло хорошо. Если только забыть, что грядет огромная, страшная, кровопролитная война.

С юга угрожает спрятавшийся в своем поместье оборотень-бунтовщик Гортус, а в спину смотрит страна исчадий – Славия, ради освобождения которой, собственно, и был задуман весь этот план.

И это не все – где-то бродят старейшины драконов, наблюдающие за исполнением договора, по которому драконы не имеют права вмешиваться в жизнь людей. Опасные, могучие, живущие тысячи лет существа строят козни, и, как всегда бывает в этом мире, их слова и договоры о невмешательстве в жизнь людей есть лишь красивые слова и пустые декларации. Самое главное – это интересы самих драконов, и ради этого они постоянно подправляют историю людей. Увы, как оказалось, никто не избавлен от лицемерия, ни человеческий род, ни драконий.

О том, что драконы, затерявшись в толпе, наблюдали за ходом похорон императора, Андрей узнал от Шанти, его подруги, сестрички, а в миру – молодой драконихи Шантаргон, игравшей роль покойного Зарта Четвертого, убитого при попытке изнасиловать любимую женщину Андрея – Антану. Она и убила его – им пришлось тайно бросить тело императора в океан, и дракониха некоторое время изображала императора, якобы женившегося на Антане.

Все драконы имеют одну особенность – они могут принимать любой облик, от кошки до быка или синего кита, в пределах массы их тела. Драконья чешуя практически непробиваема для оружия Средневековья – не

зря доспехи из драконьей чешуи стоят огромных денег, и носить их могут лишь императоры или очень богатые люди. И вот теперь эти могучие и практически неуязвимые существа стали врагами Андрея.

Он не сомневался, что вскорости ему придется встретиться со старейшинами драконов, и были небеспочвенные опасения, что встреча может закончиться смертью кого-то из них – или Андрея, или старейшин. Умирать он не собирался – дел по горло, какое там умирать? – так что следовало хорошенько подумать, как противостоять летящему на могучих крыльях многотонному огнемету, бронированному непробиваемой чешуей и при этом обладающему мозгом, вмещающим мудрость десятков тысяч лет.

Впрочем, Андрей и сам был непрост – бывший спецназовец, бывший наемный убийца, бывший монах одной из северных обителей Земли, а теперь первоклассный воин и оборотень. За ним стояла мудрость земной цивилизации, ее знания, ее опыт. Мозг Андрея, усиленный мутацией оборотня, был теперь способен вспомнить все знания, которые когда-то, даже случайно, попали в его голову. И эта способность развивалась с каждым днем. Стоило лишь как следует напрячь мозговые извилины, и перед глазами появлялись страницы книг, журналов и газет, которые он когда-то прочитал, справочников, которые он листал...

Но – это все жизни ему не облегчало. Задача стояла мало сказать непростая – безумная! Искоренить Зло в мире, добиться справедливости – что может быть сумасброднее этого плана? Разве справедливость есть на свете? Андрей надеялся, что – да. Иначе зачем все было затевать? Кому затевать? Да Богу, конечно.

И сейчас воин-оборотень – и будущий император Балрона – был орудием Божьим. По крайней мере, надеялся, что это так и есть.

– И чего мы там будем смотреть? Зачем мы туда едем? – обратилась к Андрею спутница, устроившаяся напротив него на кожаном сиденье, обитом серебряными гвоздиками.

Это была симпатичная девушка лет семнадцати, невысокая, веснушчатая, с огненно-рыжими волосами, задорно задранным носиком и довольно приличной грудью, твердыми полушариями торчащей вперед. Она скушаяще покачивала ногой, которую до самого колена обвивали ремешки кожаной сандалии, и, морщась, смотрела в окно на отсыревшие стены домов, на серое небо, где ветер рвал клубы черных туч, на деревья, с которых летели вычурные листья, устилавшие булыжные мостовые. Люди пробегали под косыми струями дождя, подняв воротники, пряча лицо от резкого, хлещущего мокрыми ладонями ветра, уносящего радость светлого

дня из этого утра.

– Ты чего как воды в рот набрал? – продолжала приставать девушка. – Нечего сказать, что ли? Сидишь и тупо молчишь! А мне скучно! А ты меня тащишь на этот поганый завод, когда я могла бы сейчас лежать на кровати, размышлять о вечном, а еще играть с Антаной в «лис и зайцев»! Кстати, я все-таки играю лучше людей! Согласись, драконы умнее вас!

– Мне отвечать по пунктам? Или на всю твою ерунду чохом? – иронически скривил губы Андрей, тяжело вздохнув в очередной раз: с Шанти, когда пребывала в дурном настроении, общаться было не то чтобы затруднительно – просто невозможно. Она ныла, она вредничала, проказила, и Андрей уже десять раз пожалел, что взял ее с собой. Он хотел ее развлечь, потому что драконица не выходила из дворца уже... и не вспомнить сколько времени. Чуть ли не с самых «похорон». Зарядили серые дожди, и она заявила, что драконы – нежные, разумные существа – в это время лежат по теплым и, главное, сухим пещерам и не шастают, как глупые люди, под струями холодной, льющейся с неба воды.

Все последнее время Шанти пребывала в облике человеческой девушки, создав свой образ сама, чем очень гордилась. Она до мелочей слепила тело девицы, перешептываясь с Антаной и надолго уединяясь с ней в спальне, где имелось огромное, в рост человека зеркало – одна из драгоценностей короны.

В один прекрасный день Шанти выпорхнула из спальни и предстала перед Андреем. Он долго откашливался, так что на его глазах выступили слезы. А потом потребовал, чтобы она прикрылась чем-нибудь – не дай боже кто-то увидит и решит, что они тут втроем с императрицей занимаются свальным грехом.

Однако для себя отметил, что девицу Шанти с Антаной слепили довольно соблазнительную. При этом новый облик отражал бесшабашный нрав драконицы. Зеленые глаза смотрели насмешливо и дерзко, будто их обладательница не боялась ничего на свете и не верила, что с ней может случиться что-то плохое.

Образ девушки был выбран не случайно. На похоронах императора Шанти увидела в толпе драконов, судя по всему – старейшин племени. Она почувствовала их удивление, возмущение, ярость – драконица была эмпатом, и могучим. Посовещавшись, решили: Шанти будет рядом с императрицей как ее охранница и подруга. А какой облик пристало принять императорской наперснице? Уж конечно, не черной кошки, в обличье которой Шанти пересекла две страны, сидя у Андрея на плече. Странно было бы, если б императрица играла в настольные игры с черной кошкой.

Вряд ли бы придворные это оценили.

Вот так и стала жить во дворце Шанти, девушка из глубинки, дальняя родственница Антана, ее фрейлина и подруга – по версии для придворных.

В свет Антана не выходила, штата фрейлин не набирала, сославшись на невозможность вести обычный для императриц образ жизни из-за беременности и связанного с этим недомогания. Это было враньем. Антана и сама являлась оборотнем, а они, как известно, обладают могучим здоровьем, так что ее беременность протекала вполне даже приятно и не тяжело.

Впрочем, после родов Антане все равно придется забыть о затворничестве, но женщина, как могла, оттягивала этот момент. Ну не любила дочь купца все эти балы, приемы и церемонии. За что бывала порицаема своим тайным мужем – Андреем.

Они решили подождать с оформлением своих отношений до родов – вот родит, а потом уже Андрей разведется с Олрой и женится на вдовствующей императрице, став принцем-консортом и регентом при будущем императоре Балрона.

Олра до сих пор его любила, но он ее – нет. Оставались еще какие-то дружеские чувства, однако прежняя страсть ушла. И Олра была сама виновата в этом, отвернувшись от Андрея тогда, когда он предложил ей все, что мог дать, – свою любовь, верность и саму жизнь.

Ничто не проходит бесследно. Остался плод их любви – Олра скоро должна была родить. Раньше, чем Антана. Ведь их с Олрой любовь случилась на несколько месяцев раньше...

Олре уже тяжело было выходить в свет, и, оставив свои политические и коммерческие дела, она сидела дома, ожидая схваток и справедливо полагая, что стоит ей отправиться к графине Суран или баронессе Амбуг с визитом, как она тут же родит где-нибудь в углу кареты. Такая перспектива ее не прельщала.

– Что, нельзя было подождать, когда дождь хоть ненадолго прекратится? – канючила Шанти, выпятив нижнюю губу, розовую и пухлую, совсем как настоящая. Если не знать, что за ней скрывается непробиваемый металлизированный хитин...

Андрей встряхнул головой, отгоняя желание ухватиться за розовую губу и завопить: «Ты замолчишь нафиг?!», побарабанил пальцами правой руки по сиденью и с надеждой спросил:

– Может, пообедать хочешь?

– Надеешься заткнуть мне пасть куском мяса? – усмехнулась Шанти. – Так ты же не дашь есть сырое! Чтобы по нему текла сукровица, такая

сладкая, такая свежая! Вам, людям, обязательно надо обуглить эти куски, а потом, чавкая и клацая тупыми зубами, вы будете пытаться оторвать от них мелкие, как кот нагадил, кусочки!

– А может, в трактире кто-то подерется и ты выкинешь его в окно? – продолжил Андрей, не оставляя попыток чем-то заинтересовать капризулю.

– Щас прям! Они при тебе драться не будут! Знаю уже! Все будут тихие и нудные! Они же при виде тебя все обдeldываются, тебя каждая собака знает! А тем более что с нами целая армия дармоедов! Вон сидят, как вороны, на своих тощих, мерзких лошаденках и мечтают, чтобы тебя пронесло – как кара за то, что ты потащил их из теплых казарм под проливной дождь!

– О боже мой! Ну почему бы и тебе не быть тихой! – не выдержал Андрей. – Занудства-то в тебе хоть отбавляй! А вот тихой тебя можно сделать, только заткнув пасть тюком сена!

– Да-да, заткни мне пасть! – с надрывом, завывающим голосом подхватила драконица и, хитро усмехнувшись, добавила: – И чего, если заткнешь? Я все равно по мыслесвязи могу говорить! Голову-то мне не отрубишь! Впрочем, от тебя всего можно ожидать, – добавила она, подозрительно покосившись на злющего Андрея. – Ладно-ладно, не зыркай, как... оборотень на охоте. Молчу-молчу. Так чего мы там смотреть должны, на заводе?

– Средства для затыкания пасти особо говорливым драконам, – сварливо ответил Андрей, поглядывая в окно на нахохлившихся в седлах гвардейцев. От них и правда исходила такая волна тоски и недовольства, что он даже поежился – его, как мутной водой, окатило чувствами солдат. Быть эмпатом иногда вредно для здоровья.

– Это чего, куски мяса нас ждут, что ли? – переспросила, притворившись непонятливой, Шанти. – Так-то я не против хорошего куска мяса.

– Поздно. Я передумал тебя кормить, – прищурился Андрей. – Нет, это не мясо. Приедем – увидишь. Тем драконам, которые испытуют на себе эту штуку, не поздоровится.

– Я себя чувствую предательницей рода, – вздохнула драконица. – Помогаю злейшему врагу драконов!

– Не был я никогда злейшим врагом драконов, ты же знаешь. И люблю тебя, мою строптивую и злобную сестренку, нежной любовью. Это оружие против плохих драконов, тех, которые хотят вечно манипулировать людьми и которые, кстати, сами нарушили договор, вмешиваясь в дела людей. А кроме того, они скоро, уверен, пожелают лишить меня твоего общества, а

еще – самой жизни. А я как-то привык к тебе, да и хочется пожить подольше и посмотреть – что там за горизонтом.

Шанти помолчала и удрученно ответила:

– Прости. Я и вправду что-то не очень хорошо себя веду. И ничего не могу с собой поделать! У меня такое сильное раздражение на этот дождь, на грязь, на отсутствие солнечного света, на эти тучи... и на скуку. Пытаюсь себя сдерживать – и не могу. Я не хотела тебя обидеть. Я тоже тебя люблю, братец. Ты и вправду стал мне родным, так же как мама, например. И плевать на этих драконов – что поделаешь, если они такие идиоты! Будем учить их вести себя правильно. Мы обязательно победим, уверена. Мы не можем не победить!

– Надеюсь, – согласно прикрыл глаза Андрей. – Ну все, пошли? Приехали. Возьми вот зонтик. Платье намочишь, а ты его сегодня первый раз надела. Кстати, оно тебе к лицу, зеленый шелк к зеленым глазам – очень красиво.

– Правда? – улыбнулась довольная Шанти. – А я думала, ты не заметил...

– Женщины, женщины... – пробормотал Андрей и толкнул дверцу остановившегося экипажа.

Лесенка уже была откинута, он сошел на мощный камень двора завода и подал руку драконице, легко спорхнувшей со ступенек. Над ней с хлопком раскрылся зонтик, и крупные капли дождя отбили свой вечный танец, наполняя пространство ровным гулом.

– Иди сюда! – Шанти властно и заботливо потянула Андрея за рукав под кожаное сооружение, украшенное золотой росписью. – Промокнешь! Я понимаю, что ты мужчина, самец и бла-бла-бла, но ведь неприятно, когда льется за шиворот.

Андрей усмехнулся, и они, скрываясь под большущим зонтом, направились к двум мужчинам, стоявшим под навесом. Те что-то жаростно обсуждали и не сразу заметили советника императрицы и его спутницу. Только когда Андрей был в двух шагах от спорщиков, они обернулись и нестройно поприветствовали вельможу, синхронно поклонившись ему чуть ли не в пояс.

– Ладно-ладно! Без церемоний! – досадливо махнул рукой Андрей. – О чем спор? Вы, кажется, готовы друг другу глаза выцарапать!

– Вчера отдал заказ в третий цех, – начал объяснять директор завода Энар, – но вот он, Акур, отказался делать! Говорит, дождусь господина Андрея, ему расскажу, как лучше, и мы будем делать по-другому!

– А что у нас третий цех делает? – осведомился Андрей, задумчиво

глядя на бледного, но решительно настроенного парня лет двадцати.

– Самое главное! Пушки! Вернее – не делает. Отказался делать, пока с вами не поговорит! И мне не стал ничего рассказывать, чего он там придумал!

Андрей нахмурился – пушки были нужны в первую очередь. Нападут драконы – и хана заводу. Одна надежда, что эти древние существа раскачиваются так же неспешно, как и живут: пока надумают, пока определятся, как наказать супостатов, пока спланируют само нападение... А к тому времени они уже подготовятся.

– Вот я и хотел ему морду набить! – горячился Энар. – А он все равно настаивает, говорит – хоть убей, а я буду ждать господина Андрея! И рассказывать, кроме него, никому ничего не стану, потому что это тайна великая... Даже мне, сволочь такая! У-у-у! Если бы ты не был моим братом – убил бы тебя, гадина!

– А не молод он для начальника цеха? – небрежно поинтересовался Андрей, вглядываясь в серые глаза парня, вызывающе задравшего свой курносый нос.

– Хм... нет, – смутился Энар. Он был ненамного старше Акура. – Вообще-то котелок у него хорошо варит. Отец всегда говорил, что этот демонов племянник превзойдет его самого. Инженер от Бога. И работу он налаживает на загляденье. Я ему твержу, что надо сделать так, как сказал господин советник, а уж когда время останется, тогда уже делать то, что он придумал! А он ни в какую!

– Да чего же он придумал-то?! – не выдержал Андрей. – Пошли в контору, там расскажете! Нет у меня времени загадки разгадывать. И вообще нет времени на пустые разговоры! Если идея не понравится, будете делать так, как я сказал. Понял, Акур?

– Само собой. Но я уверен, вам понравится, – солидно кивнул тот и слегка вразвалочку пошел вперед. Оглянулся на рабочих, стоящих неподалеку, и неожиданно зычно для его субтильной фигуры крикнул: – А чего тут толчемся?! Ну-ка по местам! Точить! Сверлить! Работать! Иначе оштрафую!

Рабочие рассосались в мгновение ока. Андрей же усмехнулся – экономический рычаг иногда действеннее любых репрессий. Жрать захочешь – будешь делать то, что скажут.

Они прошли в пахнущий железом, огнем, разгоряченными телами рабочих цех, встретивший их гулом ударов парового молота и визгом пилы по металлу, и поднялись на второй этаж. Акур, повернув ключ в замке, толкнул одну из дверей и пропустил всех в кабинет, посредине которого

стояли длинные столы, заваленные чертежами.

Подождав, когда все войдут, парень выглянул в коридор и, плотно прикрыв дверь, снова запер ее на ключ, под слегка насмешливыми взглядами двоюродного брата и советника, стоявшего рядом с красивой девушкой, почему-то смотрящей на него как удав на лягушку. Будучи небольшого роста, она тем не менее держалась так, будто все вокруг должны пасть ниц и лобызать ей сандалию, выглядывающую из-под зеленого, переливающегося в свете нескольких ламп платья. Впрочем, Акур тут же забыл о прекрасной незнакомке – его снедала неумная жажда создавать, изобретать, придумывать!

Он с гордостью развернул чертежи:

– Вот! Смотрите! Я продумал все! Как увидел ваши пистолеты, так подумал – а почему пушки должны быть такими неуклюжими? Почему они должны заряжаться только с дула? И стрелять дурацкими шарами? Смотрите, как здорово!

Андрей просматривал чертежи, и глаза его полезли на лоб.

– Ты сам это придумал? О боже мой... а ты вообще-то воплотить это в жизнь сможешь? Снаряды, например?

– Чего? Что такое снаряды?

– Вот эти штуки называются снаряды. – Андрей показал искомый предмет на чертеже. – А вот это – затвор. Это – гильза. Там порох. Как ты вообще пришел к идее зарядания с казенной части?

– Каз... чего? Какой части?

– Вот это называется казенник. Ты сам придумал этот затвор? Эти пушки?

– Сам! – просиял парень. – Я посмотрел на пистолеты, которые мы делаем по вашим чертежам, и придумал! Только я думал, это тоже будет называться «патрон», а это – «пуля». Теперь буду знать. И откуда вы столько знаете?! – Акур восхищенно посмотрел на собеседника и тут же забыл о своем вопросе. – Я уже сделал несколько образцов сна... снарядов! Я в цеху, где делают патроны, сказал, что мне надо, брат распорядился – и мне сделали. Получилось! Гли... глизы из меди, капсюль тоже. Снаряд железный. Только я пока не придумал, как сделать так, чтобы снаряд не болтался в стволе. Пуля-то свинцовая, а он железный – как сделать, чтобы его раскрутило? И чтобы он нарезы не сильно снашивал? Но ничего, придумаю! – Парень многообещающе кивнул. – Скорострельность будет выше! Смотрите, сюда затыкаем снаряд, потом закручиваем затвор, бьем молотком по бойку, тот по капсюлю, и бах! Снаряд полетел! Представляете, на какое расстояние он полетит? И что он натворит у врага? Он сразу убьет

несколько человек, пролетая через строй! А ворота? По воротам бить! Издалека! Раскрученный нарезкой снаряд будет лететь гораздо дальше и бить точнее!

– А как ты решил вопрос отдачи? – с интересом спросил Андрей.

Ему было интересно поговорить с гением, изобретателем артиллерии этого мира. Акур еще не понимал, что сделал, его пушки были примитивны и смешны, но... он предвосхитил открытие. Он опередил время. Парень и взаправду был гениален.

– Какой отдачи? А, отдачи! Ну, пушки поставим на турели, будут жестко закреплены. Никакой отдачи и не будет. А если поставить на колеса – откатится назад, потом закатим ее на место – и снова стреляй. Нормально. Вон баллисты гораздо дольше заряжают. А летят камни и стрелы ближе. И пробивная способность меньше. Вот так. Ну как, не зря я задержал изготовление пушек?

Андрей вздохнул и с сомнением посмотрел на сияющего парня – сможет ли? Механизмы настоящей артиллерийской пушки настолько сложны для этого времени... Сколько их они смогут сделать? Что лучше – иметь сто отлитых пушек, стреляющих ядрами, или же пять, но стреляющих снарядами? Он взвешивал все и так и эдак, прикидывал, потом спросил:

– Ты хорошо все рассчитал? Ты представляешь, сколько надо для этого нитропороха? Дымный порох ведь сделать легче. Но дымный тут не пойдет. А производство снарядов? А стволы – ты представляешь, какая там нагрузка? Ты сумеешь найти сталь нужной прочности? И сделать стволы? Нужны мощные прессы, нужны специальные механизмы для изготовления частей пушек. Ты сумеешь выдать к окончанию сезона дождей хотя бы десяток таких пушек?

– Сумею! – решительно заверил Акур. – Денег давайте! Людей! Механиков, кузнецов! Металл, химикаты! Я сделаю, клянусь! Не сделаю – отрубите мне башку!

– Отрублю, отрублю... – задумчиво протянул Андрей, рассматривая чертежи. – И какой диаметр ствола ты думаешь сделать? Калибр то есть.

– Ну... миллиметров семьдесят, – слегка растерянно пояснил парень. – Чем больше диаметр ствола, тем сложнее его отковать. Так что на сегодняшний день это максимальный калибр. Семьдесят миллиметров. Я и снаряды под него приготовил – так-то ничего получились. Только надо еще пушки сделать, но без вашего позволения не могу. Ну так что, господин Андрей? Будем делать такие пушки?

– Нет. Не будем, – ответил Андрей, весело глядя в лицо изобретателю.

Тот на глазах потух, как будто сморщился, а его брат шумно выдохнул и торжествующе воскликнул:

– Вот видишь! Видишь! Я тебе что говорил?! Болван! Выпороть бы тебя! На целые сутки задержал начало выполнения заказа! Ну что с ним делать, господин советник? Дать бы ему в глаз, скотине!

– Никому в глаз мы давать не будем. Пушки будем делать, но не такие. Акур, быстро карандаш, бумагу! Сейчас скажешь – сумеешь сделать такое или нет. Хватит ли у тебя разума, или ты пока не дорос до такого!

Акур встрепенулся и, хмыкнув, встал со стула, с недоверием глядя на Андрея. Потом пошел в угол и с минуту шарился, набирая свинцовые и грифельные карандаши, бумагу, линейки. Вернувшись, разложил все принесенное перед Андреем и выжидающе уставился на него.

– Показывайте. Я не верю, что могу что-то не понять или не сделать. Я гениальный механик. Им всем до меня – как до Славии пешком! Они болваны! – Парень задрал курносый нос и, шмыгнув, утерся рукавом куртки.

– От сволочь! От наглец! – весело восхитился Энар. – Батя всегда говорил, что это самая гениальная и наглая скотина во всем мире! Он его людям-то боится показывать, говорит, узнают – сопрут! Но нагле-е-ец...

Андрей улыбнулся и, развернув лист бумаги, начал уверенно рисовать.

– Начнем со снаряда. Какого рожна он должен быть простой болванкой? Смотри сюда – здесь находится взрывчатка. Сделать ее легко, я тебе скажу как, дам состав. Тут, впереди, вворачивается взрыватель – что-то вроде большого капсюля. При ударе снаряда в цель взрывается капсюль, подрывает взрывчатку. Стальной снаряд разлетается... и все мертвы. Далее. Чтобы он закручивался в стволе, сюда надо приделать медные пояски, а снаряд должен быть вот такой... такой формы. Видишь, тут вдавлено? Ага. Одну проблему устранили. Дальше. Никакая не глиза, как ты ее гадко обозвал, – гильза! Гильза! С ней все понятно, ты ее нормально придумал. Теперь к стволу: диаметр семьдесят миллиметров пойдет. Хотя лучше бы семьдесят шесть.

– Почему семьдесят шесть? – автоматически спросил Акур, лихорадочно блестящими глазами наблюдая за тем, как из-под карандаша советника выходят очертания орудия убийства.

– Ну... так лучше, – уклончиво ответил Андрей. – Итак, семьдесят шесть миллиметров, разрывные снаряды. Нарезку в стволах вы уже умеете делать. А вот отковать такие стволы будет непросто. Сталь нужна очень хорошая, иначе разорвет.

– Найдем! – уверенно кивнул Акур. – Дальше, дальше давайте!

– Теперь записывай: длина патронника 179,3 миллиметра. В стволе двадцать четыре нареза, идущих слева вверх направо. Глубина нарезки 0,762 миллиметра, ширина нарезов семь миллиметров, ширина поля три миллиметра, крутизна нарезов постоянная, угол крутизны $11^{\circ}49'44''$, длина хода нарезов пятнадцать калибров. Длина ствола будет... пять метров. Это увеличит дальность выстрела. Дальше: часть нужно поставить вот на такие штуки – лафет называется. На колесах. Цеплять будем к лошадям. Часть – на турели. Это крепостные пушки.

– Здорово! Еще, еще! – жадно выкрикнул Акур. – Вы – гений! Вы превзошли меня! Я болван в сравнении с вами!

– Тихо-тихо, слушай, – криво усмехнулся Андрей и подумал: если кто и гений, так это тот, кто придумал эти штуки и Интернет. – Итак, дальше. Наводятся они вот так – видишь, крутишь колеса, и пушка вверх... вниз... в стороны. Бить придется прямой наводкой, по стволу. Прицел придумаем потом. Теперь по отдаче. Смотри сюда, это называется накатник, а это – откатник. Тут – жидкость и поршень с прорезями. Тут – мощные пружины, которые возвращают ствол назад. И еще – на стволе, впереди, дульный тормоз. Вот тут каналы, в которые заходят газы после того, как снаряд вылетел из ствола, и тормозят откат. Для того, чтобы механизмы дольше служили. И теперь самое сложное, как мне кажется. Гляди сюда – это затвор...

Андрей долго вырисовывал детали, Акур широко раскрытыми глазами следил за движениями его руки.

– Вы – бог?! – восхищенно прошептал он. – Как вы это могли придумать?! А я-то, болван: завернуть, заглушку, молотком... Мне хочется врезать себе молотком этим по дебильной моей башке!

– Хватит самобичевания, – оборвал его Андрей. – Гляди сюда: это клин. Вот тут стопор... ага. Отводишь ручку, вставляешь снаряд, досылаешь в патронник – щелк! Есть. Он в стволе. Тут спусковой крючок – нажал, бах! Снаряд полетел, а гильза сама вылетела наружу, патронник открыт, досылай снаряд – бах! И полетела смерть. Сумеешь такое сделать?

– О боже, боже мой! Как красиво придумано! – Акур впился в чертежи глазами и деловито спросил: – Подгонять будем, насколько я понял, под те параметры, что вы мне дали? Ох, сложная задача, ох и сложная! Но интересно, да! Клин тут, ага, тут защелка... здорово! Гений, вы – гений!

– А то ж! – хохотнул Энар. – А ты думал! Господин Андрей великий человек! А ты: я гений! я гений! Дурак ты, а не гений!

– Сам ты дурак! – ошетинился Акур. – Сейчас никто не видит, кроме своих... как дам тебе по башке!

– Тихо, тихо, ребята, – остановил разгоравшуюся ссору Андрей. – Акур, если ты сумеешь это сделать, ты и вправду гений. Ты сумеешь? Уверен?

– Я уже сказал! – Надменно выпятив губу, парень встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Точь-в-точь как Ленин в кинофильмах, и Андрею захотелось хихикнуть, но он сдержался и только слегка улыбнулся. – Я сказал: мне нужны деньги, люди, материалы! То, что у нас сейчас есть, недостаточно для постройки этих орудий. Денег понадобится много. Господин Андрей, ищите средства. Сразу скажу, казне придется раскошелиться. Собирайте механиков и мастеров по металлу со всей страны. Всех инженеров. Если дадите то, что мне нужно, к концу сезона дождей я выдам вам самое меньшее десять орудий с полным запасом снарядов – по тысяче на каждое. Уверен.

– Хорошо. Посчитайте, что вам нужно, и завтра пришлите во дворец гонца с расчетами. Я займусь организацией дела. Нам позарез нужны эти пушки. Впрочем, как и пистолеты. Энар, что там с пистолетами и ружьями?

– Делаем. Все как планировали. Пока идем в графике. На этой неделе выдадим сотню нарезных ружей с боеприпасами – по пятьсот выстрелов на каждое.

– Патронов больше давайте. Больше. Солдат надо тренировать. Акур, тут еще кое-что, погляди-ка – как пушки, но только без стволов. Смотри – вот железные направляющие, по ним летят снаряды. Видел, шутихи запускают на праздники, они взлетают и бабахают? Так вот, эта штука называется ракета. Она тоже летит и бабахает. Так бабахает, что мало не покажется. Дальность полета и точность у нее ниже, но когда враг идет массой, плотной стеной – представляешь, если ракета попадет в гущу войска и взорвется?

– Ух ты... займусь! – загорелся Акур. – Будут ракеты! Кстати, их можно поставить на крепостные турели! И пусть попробуют подойти! И на лафеты можно. И стволы ковать не надо... интересно, очень интересно. Будут ракеты!

– Хочешь, я тебе набросаю еще несколько штук? – улыбнулся Андрей. – Подумай на досуге. Но это уже дело далекого будущего. Я запрещаю заниматься ими, пока не будет полностью выполнен этот заказ. Пушек и ракет надо много. И пистолетов. И ружей. У меня должна быть самая боеспособная армия в мире!

Андрей даже не заметил, как оговорился – «у меня». Ведь на самом деле он должен был сказать: «У Балрона». Он уже давно не отделял себя от государства... Его занимал один вопрос: где взять деньги? Казна была

опустошена распутством и мотовством покойного императора. Богатый юг налогов не давал, сливая их бунтовщику Гортусу, а север никогда не отличался богатством. Да и с запада и востока сборы были не ахти какие. Страна в ожидании гражданской войны, и выжать налоги из подданных империи было очень трудно. Все рассуждали примерно так: «В пламени гражданской войны, возможно, сгорят мои долги, налоги. На кой демон сейчас платить императору, когда можно выждать и заплатить потом тому, кто выиграет войну? Все равно победитель потребует денег, так чего же сейчас суетиться?»

Вот и оказалась Антана, великая императрица Балрона, перед разбитым корытом – трон есть, а денег нет. Нужно содержать армию, переоснащать ее, набирать рекрутов – а на какие шиши? Только содержание дворца и штата прислуги обходилось в круглую сумму. А охрана, а гвардия? Зиртон уже докладывал, что в гвардии зреет недовольство – жалованье задерживают, заставляют заниматься муштрой, а при прежнем императоре офицеры гуляли на выданные им золотые и в ус не дули. Были пущены в дело те деньги, что Андрей забрал у исчадий, а еще драгоценности и деньги, отнятые Шанти у разбойников. Но эти средства стремительно таяли, и скоро Андрей и Антана останутся ни с чем. Одно дело – расходы семьи, и другое – затраты на поддержание государственного строя.

Андрей задумался, слегка поколебался – надо ли? – потом все-таки стал набрасывать Акуру чертежи. Он рисовал быстро, размашисто, но линии получались четкими, точными, как у настоящего художника.

Акур опять вытаращил глаза, он почти ничего не спрашивал, лишь жадно вглядывался в наброски и восторженно мычал. Шанти изнывала от скуки и каждые пять минут толкала Андрея ногой. Он злился, но не встал из-за стола, пока не закончил дело.

Попрощавшись с братьями, смотревшими на него как на божество, Андрей с недовольной Шанти погрузился в карету и в сопровождении гвардейцев отправился восвояси, приказав кучеру остановиться у самой хорошей в городе харчевни. Там, где чаще всего дерутся и где можно получить в ухо ни за что.

Кучер вытаращился на Андрея, как на чудище морское, когда услышал, что остановиться надо не доезжая двух кварталов до этого заведения и, оставив там советника со спутницей, ехать во дворец, но, как хороший, вышколенный слуга, ничего не сказал, низко склонившись в поклоне.

С его шляпы стекали потоки воды, плащ был мокрым, как если бы кучер нырял в пруд, поэтому по большому счету ему было глубоко плевать

на капризы и пожелания хозяев. Сказали их высадить – значит, высадить! Все!

Посоветовавшись с командиром охраны, он взгромоздился на карету, хлопнул кнут, лошади дернулись, и огромные, чуть ли не выше самой кареты колеса снова загромыхали по каменной мостовой.

Искомая таверна обнаружилась в портовом районе. Командир охраны постучал по дверце остановившейся кареты и негромко сказал выглянувшему в окно Андрею:

– Господин советник, вон там, в двух кварталах отсюда, таверна «Штопаный парус». Самое злачное из всех злачных мест. По молодости, курсантами, мы туда заходили – ни разу не обходилось без того, чтобы мы с кем-нибудь не подрались. Вы уверены, что вам туда надо? Нет-нет, я знаю, что вы великий мастер меча и очень сильный, смелый человек. Но надо ли вести туда невинную девушку? Вы можете не уследить, и кто-нибудь ее обидит. И что тогда? Ну да, мы разнесем этот вертеп по бревнышкам, но будет поздно. И кроме того, могут вспыхнуть беспорядки. После усмирения недавних волнений народ возбужден, так и ищет повода, к чему бы придраться. Понравилось им, видите ли, грабить и бесчинствовать. Подумайте, надо ли вам это?

Андрей внимательно посмотрел в глаза сержанту гвардии и прощупал его эмпатическим чувством. Тот искренне заботился о самочувствии охраняемого объекта, и Андрей слегка устыдился, что создает людям лишние проблемы. Он полез в карман, нащупал пару золотых и вручил охраннику.

– Найдите тут приличную харчевню и выпейте пива. И кучера не забудьте – промок совсем. А о нас не беспокойтесь – мы прогуляемся и вернемся. Только скажите, где вы будете сидеть, чтобы мы вас нашли. Я решил не отправлять вас во дворец без меня – боюсь, императрица обеспокоится. Зачем нам ее волновать, не правда ли?

– Да, конечно, – с готовностью кивнул охранник, повеселевший и предвкушавший выпивку за чужой счет. – Мы пойдем вон туда, в «Желтый кнут». Недорогая харчевня, вполне приличная. Может, вы тоже там посидите? Нет? Ну вам виднее, – закончил сержант и поспешил сообщить остальным гвардейцам радостное известие. Приятно, в самом деле, – и на службе, и законно можно пропустить парочку кружек пива. А может, горячего вина со специями – это уже кто как любит.

Андрей накинул на Шанти непромокаемый дождевик, висевший в углу кареты, второй надел сам, накинул капюшон и, выпрыгнув из кареты, подал руку Шанти. Она грациозно выпорхнула наружу, вся светясь довольством и

красотой, и тут же выругалась грязнейшим из ругательств, наступив прямо в лужу, где плаваладохлая крыса. Сержант гвардейцев спрятал невольную усмешку – он постарался запомнить новый оборот, чтобы употребить в казарменной бытовой речи.

– Ты чего это?! – рассердился Андрей. – Девушке не пристало выражаться такими словами!

– А пристало тут разбрасывать всякую гадость? – нервно парировала Шанти. – Ффу-у-у! Это надо же какую пакость Бог сотворил! Крыса!

– Мало ли какую еще пакость он сотворил, – туманно заметил Андрей. – Но язычок придерживай.

– Господин советник, – не выдержал сержант, – там, куда вы идете, такой язык более употребителен, чем ваша правильная и вежливая речь. С тем народцем так и надо, иначе на шею сядут. Может, все-таки с нами посидите, в «Кнута»? Там есть отдельные кабинеты, закрывающиеся на ключ, вам будет удобнее. И госпоже.

Андрей слегка нахмурился, потом усмехнулся – что это они себе вообразили? Что Шанти его любовница и он скрывается с ней от своей жены в заштатной гостинице? А что еще должны подумать солдаты, видя, что их господин шастает по значным местам низшего пошиба? Значит, не хочет, чтобы его видели аристократы, знатные господа. И капюшон низко надвинул для того же – чтобы не узнали.

– Как акул жрать, так ничего? – мысленно обратился Андрей к Шанти. – А тут крыску испугалась?

– Акулы же чистые! В воде плавают! Крысы – они гадкие! И мыши тоже! Я их ненавижу! – парировала Шанти, тоже по мыслесвязи. – Отвратительнее существ нет!

– Ничего себе! Отважная драконица, гроза оборотней, боится мышей и крыс? – съехидничал Андрей. – Да может ли такое быть?

– И чего такого? Они *противные*! Да, да, боюсь! Подавись! Боюсь! И что? Лучше я пять оборотней встречу, чем эту мелкую серую гадость! Брр! Не говори мне больше про них! У меня просто чешуя дыбом встает!

– Ладно, не буду. Пошли. Только тут полно крыс. Не боишься, что они ка-а-ак выпрыгнут, ка-а-ак набросятся?! И хвост оторвут у несчастного дракона, чешую которого не могут пробить даже стрелы?

– Я на провокационные вопросы не отвечаю! Наглые, грязные людишки развели крыс и мышей! Сами как крысы! И мыши!

Под разъяренное бормотание драконицы парочка быстро дошла до заведения, на котором имелась грязная, битая морскими ветрами вывеска, и на ней слегка просматривался корабль, под всеми своими штопаными

парусами стремящийся к светлому будущему – вероятно, к такому же вертепу, как этот.

Под небольшим навесом уютно устроились трое пьяниц, обнявшихся и почмокивающих во сне, как младенцы. Их карманы были вывернуты, а шнурки, на которых раньше висели кошель, отрезаны, что свидетельствовало о стремлении заведения охранять здоровье своих посетителей любыми доступными методами. Ведь если они не смогут потратиться на выпивку – значит, и не нанесут ущерба своему здоровью! Можно было бы предположить, что обобрали алкашей случайные прохожие, но такое могло прийти в голову только несведущему человеку. Все, кто попал в «Штопанный парус», должны оставить деньги в этих стенах, или нечего было сюда вообще приходить! Так считал Данеро, бывший пират, а теперь хозяин заведения, который отличался не только патологической жадностью, но еще и светлым умом.

Когда-то его озарило – пиратский промысел совсем не такое выгодное и почтенное дело, как считало большинство глупых романтичных щенков, начитавшихся дурных книжек, а тяжкий, грязный и самое главное – вредный для здоровья труд, приводящий примерно через пару лет или на дно, с камнем на ногах, или на виселицу, под одобрительный шум матросов и рокот барабанов береговой охраны. Гораздо выгоднее грабить на берегу, продавая посетителям таверны еду и выпивку по запредельным ценам и обирая пьяных. Почтенно – и полезно для здоровья. И не менее романтично, кстати! Ведь главная романтика не в преодолении штормовых волн, а в обладании тугим кошельком. Вот где настоящая-то романтика! А как романтично перебирать в руках драгоценности, заложенные пьяницами и не выкупленные обратно, – ведь достались они за гроши. А еще вещички с пропавших кораблей и со случайных прохожих, забредших в этот район – не в то место и не в то время, когда было надо. Немного испачканные кровью, но вполне крепкие и самое главное – очень, очень дешевые. Их хорошенько отстирать, заштопать прорезы на спине, и можно выставить в магазинчике для малоимущих, что в рыночном квартале. Мало кто знал о том, что лавка под названием «Товары по низкой цене» принадлежала владельцу «Штопаного паруса». Он держал ее через двоюродного племянника, который свято хранил эту тайну – под страхом смерти. Родственник или не родственник, а за некоторые вещи Данеро отрезал бы язык кому угодно! Таких лавок у него было три: одна торговала одеждой, другая – ювелирными изделиями, третья – всем, что попадется в руки, от посуды до оружия. Что-то вроде лавки старьевщика, только повыше уровнем.

Парочка, перешагнувшая порог заведения, не привлекла особого внимания – ну пара как пара, ничего интересного. Девушка с наглыми зелеными глазами, задраным носом и пухлыми губами шлюхи, мужчина, прячущий лицо под капюшоном дождевика, – мало ли сюда ходит искателей приключений? Тут бывают и аристократы, чтобы, так сказать, опуститься на самое дно и затем полгода рассказывать своим менее смелым друзьям, что он, герой и отчаяние, посетил знаменитый притон! И ушел оттуда живой и невредимый, прибавив по дороге парочку хамов, посмеявшихся сказать ему слово поперек.

О том, что он тихо, пугаясь каждого шороха, вместе с тремя такими же лопухами просидел тут всего пару часов и был обманут при расчете минимум на золотой, а то и на два, – об этом уточнять не стоит. Совсем не стоит.

И о том, что, если бы кое-кто захотел, не нашли бы даже его трупа, – ему знать не нужно. Данеро выгодны такие посещения, тем более что он держал целый штат проституток, обслуживающих его клиентов, среди которых были и очень важные персоны. После того как сгорел корабль-бордель, которым владели конкуренты, главным заведением, поставлявшим «товар» для VIP-клиентов, стал «Штопаный парус».

Нет, сам Данеро не получал удовольствия от того, что его партнерша извивалась и кричала, вытаращив глаза и пытаясь уговорить своего мучителя не делать ей больно. Он не извращенец. Но если есть люди, которые платят за это большие деньги, почему бы и не дать им то, что они хотят? Тем более что через них можно прокручивать кое-какие делишки и посерьезнее... не все драгоценности, что он приобретал у пиратов, имели бросовую художественную и ювелирную ценность. Были и вещи, стоившие очень приличных денег, даже по меркам аристократов.

И кому их сбывать? Рыночным торговкам? Башмачнику Пежару с его толстозадой дочкой? Нет, ценные предметы находят хозяев среди родовитых людей. Кстати – не гнушающихся иметь свои комиссионные с краденой вещишки. Титул – это хорошо, но частенько проку от него не больше, чем от шляпы с перьями экзотической птицы для домашней кошки. Впрочем, даже меньше – в шляпе кошка может хотя бы уснуть, а титул для нее пустой звук. Как и для тех титулованных людей, не имеющих за душой ни гроша.

Как так получилось? Да мало ли причин... немилость императора, лишившего всех поместий, дурные наклонности – пьянка, азартные игры, жадные красотки, – все это приводит к разорению и к поиску непьющих источников дохода. В общем, Данеро тут был как раз на своем месте –

месте страшного, кровавого паука, держащего в своих руках многие нити темной стороны жизни.

Глава 2

Зал был заполнен процентов на семьдесят. Время обеденное, но в такие заведения люди ходят совсем даже не просто так пообедать, притом завсегдатаи трактира появлялись обычно поздним вечером. Хотя и сейчас около десятка бандитов сидели в дальнем углу и пили горячее вино.

Данеро знал, что они скоро незаметно исчезнут, отправившись на вечернюю «охоту». Лавки закрываются ближе к вечеру, и есть шанс выследить купца, идущего домой с приличной суммой денег. Потому-то торговцы частенько старались держать лавку в том же доме, где жили, – квартира наверху, торгуешь на первом этаже. Но что поделаешь, если дом стоит не в людном месте? И если от лавки до него надо ехать минимум час? Вот и случались время от времени в городе кровавые ограбления или исчезали люди.

Несколько проституток зорко поглядывали за входной дверью, чтобы броситься навстречу посетителю и перехватить его раньше, чем «коллега» по ремеслу. Доходило до жесточайших драк, однажды такая драка даже закончилась убийством. Данеро сквозь пальцы смотрел на это безобразие, если только оно не грозило его благополучию. Никаких убийств, никакого членовредительства – девку, лишившую жизни свою товарку, он приказал задушить на глазах всего «коллектива», в назидание остальным шлюхам: драться деритесь, но уничтожать станок, штампующий деньги, не моги! И ломать его нельзя – изуродованная девка не принесет дохода.

Так-то даже интересно, когда девки дерутся за клиента, – народ ради таких зрелищ бросает игру в кости и свои разговоры о том, кто кого сегодня выгодно прирезал в переулке. Но – все должно быть в меру.

Данеро каждую седмицу даже устраивал поединки шлюх: совершенно голые девки боролись на ковре посреди трактира, пытаясь положить одна другую на лопатки, а победительница потом собирала то, что ей накидали щедрые – или не очень – посетители.

Немногие знали, что из этих денег девкам достанется хорошо если треть – остальное забирал Данеро.

Честно сказать, он уже давно не испытывал необходимости в деньгах. Денег у него было столько, что он мог бы купить несколько таких трактиров со всем персоналом в придачу. В тайном укрытии у него лежало больше двух миллионов золотых. Кроме того, он втихаря скупал недвижимость – дома, землю. Но, как жадный паук, не мог удержаться,

чтобы не высосать сок еще из одной жертвы, не мог остановиться, отказаться от денег, так и плывущих в руки. Но при всем том он был скромен, питался простой, здоровой пищей, не курил, не употреблял наркотики, вина выпивал не более бокала в день, и то разведенного. Любил женщин, да, – а кто их не любит? Но и это не было его страстью – любая из проституток, умелых, тренированных и частенько довольно красивых, обслужила бы его так, как он хочет. И обслуживали. По первому требованию, или скорее – кивку головы. Они боялись его до потери пульса и говорили о нем только шепотом, десять раз удостоверившись, что никто не подслушивает. За язык Данеро карал нещадно.

Внешне это был очень приятный человек лет пятидесяти – пятидесяти пяти, седоватый, с неизменно чистыми волосами, стянутыми на затылке в воинский хвост. Одевался неброско, говорил тихо, вежливо, никогда не матерился и не богохульничал. Но при всем том это был один из самых страшных людей в империи, если не во всем мире.

Как он умудрялся оставаться в живых? К тому же имея кругленький капитал? Легко. Данеро был главарем всего преступного сообщества столицы Балрона. Но самое интересное, что об этом не знал никто, кроме нескольких доверенных лиц, осуществляющих от его имени управление боевыми группами бандитов.

Все преступники платили дань – двадцать пять процентов с награбленного, наворованного, отнятого и украденного. Четкая бухгалтерия и многочисленные информаторы не позволяли мухлевать с оброком, а те, кто противился воле Данеро, исчезали, как лужи под летним жарким солнцем. Акул в море много... им тоже надо есть.

Существовало несколько «ипостасей» Данеро.

Первая – для большинства – трактирщик, в заведении которого можно хорошенько выпить и куда редко заходят патрули городской стражи, то есть здесь безопасно. А еще можно найти доступную женщину.

Вторая – для завсегдатаев – трактирщик, скупающий награбленное, темный махинатор, но – барыга, человек не их круга. Презируемая личность. Кто уважает барыг? Никто, кроме них самих. И кто уважает сутенеров? Вообще никто. Ни клиенты, ни проститутки. Почему до сих пор башку ему не разбили? Да кто знает – говорят, кто-то за ним стоит, кому-то он платит за защиту.

И третья ипостась – это настоящая жизнь Данеро – главарь преступного мира столицы. Об этом уровне знали единицы. Три человека приближенных, главари самых крупных банд города, да еще пара-тройка доверенных лиц.

Данеро не был женат. Зачем? Женщины есть всегда, а детей он не любил – от них одни хлопоты. Власть и деньги, деньги и власть – вот что главное в мире. Ему доставляло удовольствие смотреть на посетителей трактира из-за своей стойки и думать о том, что он мог бы любого из них стереть в порошок. Сломать жизнь, уничтожить морально и физически. И не делает он это только потому, что *может* это сделать. А раз можешь – зачем делать на самом деле? Разве предвкушение не слаще самого удовольствия? Вот ты получил то, что хотел, а потом? Разочарование. Как с женщиной, которую ты добивался, взял ее, как хотел, а потом, застегивая штаны, разочарованно подумал: «И зачем это было? Что у нее по-другому, не такое, как у предыдущих женщин?» И остается лишь чувство досады... до следующего предвкушения, до следующей победы.

Данеро был в некотором роде эстет и, если бы он знал, что говорили по этому поводу мудрецы из параллельного мира, очень бы удивился, насколько их мысли совпадают. «Главное не цель, главное – путь к цели». И сказал бы, что они совершенно правы.

Парочка прошла туда, где было меньше всего народу. Посетители трактира, как ночные животные, не очень любили освещенные места и старались забиться в угол, где темно. Инстинкт говорил: спрячься, не показывай себя!

Похоже, что этой паре инстинкт изменил – мало того что они уселись неподалеку от окна, так девица еще скинула дождевик и осталась в зеленом шелковом платье, тесно облегающем ее упругие бедра и грудь, норовившую выскочить из лифа.

Данеро невольно вздохнул – девица была хороша! Она просто светилась молодостью, чистотой, каким-то добрым весельем, и после взгляда на нее трактир казался еще более грязным, темным и подозрительным местом.

Трактирщик задумался – девка-то высшего сорта. Может, заняться ею? Граф Турасов любит таких – невинных, свежих. Обламывать их любит. Пытать. Можно взять с него большие деньги. Очень большие. Сомнения вызывает только этот мужчина, прячущий лицо под надвинутым капюшоном, – кто он такой? Впрочем, важные персоны сюда не ходят. А с остальными справиться легко. Сравнительно легко. Все люди смертны... Все-таки вначале нужно присмотреться к посетителям.

– Как я поняла, ты привел меня сюда развлекаться, – промурлыкала Шанти, оглядываясь по сторонам. Она с удовлетворением отметила, что несколько мужчин, сидящих неподалеку, пожирают жадными взглядами ее

соблазнительные полушария.

– В общем-то да... только уже жалею, что привел тебя сюда, – сознался Андрей. – Ощущение у меня нехорошее. Знаешь, я некогда воевал в горах, так вот, бывало, идешь и вдруг чувствуешь, что кто-то на тебя смотрит. И не просто смотрит – он твой враг! Он тебе хочет зла! Он сейчас в тебя выстрелит! Падаешь – и вовремя. Выстрел! И если бы ты не упал, лежать бы тебе с пробитой пулей башкой. Это непередаваемо. И не всем дано. Но я умел почувствовать. Может, потому и жив до сих пор. И вот здесь – тяжелая атмосфера. Угроза не от этих придурков с разбойничьими рожами, нет. Что-то другое. Более опасное. Как будто где-то в темноте сидит чудовище и поджидает меня, приготовившись к прыжку.

– Поэтично как! – восхитилась Шанти. – Вот так и надо излагать свои мысли! А то – крысы, мыши... пугаешь меня всякой гадостью. А тут весело. Очень интересно! А что, хорошее место – много придурков, которых можно выкинуть в окно, много еды... кстати, чего там насчет еды? Эй, милая, ну-ка, поди сюда!

Подавальщица, девица лет двадцати пяти, в ярком, облегающем ее прелести сарафане, подошла к столику и, завлекательно улыбнувшись мужчине в капюшоне, ласково спросила:

– Чего изволите? Есть хорошая оленья поджарка с крьюлями, суп из осьминогов с мидиями и артусами, сладкие булочки с медом, пироги с олениной и еще много, много вкусного! И вино – хорошее, кракасийское – белое и красное. А еще, – она наклонилась пониже, – возбуждающие мушки! Если мужчина употребит их за полчаса до постели – потом с себя не скинете! Затопчет!

Шанти хихикнула и спросила по мыслесвязи:

– Не хочешь меня потоптать? А потом я тебя!

– Жестокосердная драконица! После того как ты потопчешь своей тушей... нет уж, обойдемся без топтания!

– Нет, пока обойдемся без топтания. – Шанти лучезарно улыбнулась девице. – Оленьей печени. Почти не обжаренной, чтобы кровь сочилась. Мяса без специй. Слегка обжарить. Ну и... пирогов, пряного мяса с овощами, сладостей, пива – тащи всего побольше.

Подавальщица удивленно вскинула брови, но переспрашивать не стала и пошла выполнять заказ, виляя бедрами так, что казалось, она извивается будто змея. Видимо, такой эффект создавали узоры на ее сарафане, выполненные в виде переплетенных нешироких линий. Мужчины за столиками проводили девицу взглядами, а один, когда она проходила мимо, погладил ее по задку, за что получил соблазнительную улыбку. Похоже, что

девушка работала тут не только подавальщицей...

Андрей привычно, как в бытность свою вышибалой, осмотрел зал и отметил трех здоровенных парней – собратьев по ремеслу, которым он некогда промышлял в Славии. Вышибалы были не очень крупные, но такие... квадратные, что ли, – жилистые, сильные, с цепкими, внимательными глазами. Они гасили конфликты в зародыше – им достаточно было только подойти к скандалистам, и те сразу же замолкали, утихали или выходили наружу, за дверь.

Проследив за взглядами вышибал, Андрей нашел главного – мужичка лет пятидесяти, скромно стоящего за стойкой и прихлебывающего что-то похожее на сок из высокого хрустального стакана. Именно хрустального, а не стеклянного – Андрей отчетливо видел прихотливые изгибы стенок, а еще тонкую золотую гравировку в виде вычурного вензеля. Похоже, это были инициалы владельца. Такие изделия недешевы, даже если забыть, что отделка золотом стоила больших денег.

Андрей задумался – этот штрих как-то выпадал из общей картины. Он чувствовал здесь что-то неправильное, неестественное. Хотя... мало ли где трактирщик мог добыть этот стакан. На базаре купил, например. А то, что этот человек внимательно разглядывал его и Шанти, проявляя большой интерес, так это благодаря драконице, устроившей тут чуть ли не стриптиз. Ее грудь, выпадающая из платья, привлечет внимание и совершеннейшего импотента, что уж говорить про половозрелого, голодного до баб мужика.

Они занялись едой. Шанти с удовольствием поглощала сочные куски печени, резала ножом сочащееся кровью мясо и насмешливо поглядывала на Андрея, который механически жевал то, что ему подали, практически не разбирая вкуса.

Он думал о том, как ему создать самую могучую в мире армию и при этом не замарать рук. Почему он непременно должен был марать руки? А как иначе добыть деньги? Казна пуста. Его личные деньги кончаются. Что делать? Увеличить налоги? Бессмысленно: если при нынешней ставке собираешь ноль налогов, то увеличить налоги на четверть – и будешь собирать больше на четверть от ноля. То есть – опять ноль.

Самое неприятное было в том, что армия волновалась. Не хватало денег на ее содержание. Перефразируя известное высказывание Наполеона: «Народ, который отказывается кормить свою армию, будет кормить чужую», можно сказать так: если они с Антаной не накормят свою армию, то... в общем, хреново им придется. А ведь еще нужны деньги на оружейный завод, высосавший львиную долю всех его личных сокровищ и окончательно опустошивший казну. Расходы на завод уже составили более

трех миллионов, а если продолжать его перестройку, строить новые прессы, создавать новые машины, эта сумма может утроиться. Где взять деньги?

Внезапно ему в голову пришла мысль – а не посоветоваться ли с «женой»? Олра очень умная женщина, и она долгое время в одиночку вела все дела своего трактира. А теперь занимается коммерцией и общается с элитой столицы Балрона. Что она посоветует? Все равно больше ничего в голову не приходило – кроме вульгарной экспроприации денег у богатых людей. Но это порочный путь. Это приведет к бунтам, мятежам и многократному увеличению сторонников Гортуса.

Его внимание привлек голос подавальщицы. Она что-то настойчиво говорила, и, очнувшись от раздумий, Андрей спросил:

– Чего? Что ты хочешь?

– Она хочет, чтобы мы с тобой прошли в кабинет хозяина и с ним побеседовали, – объяснила Шанти. – Говорит, в качестве компенсации за беспокойство за обед с нас денег не возьмут.

Андрей неопределенно пожал плечами:

– А кто хозяин?

– Вы его видели, наверное, – улыбнулась подавальщица. – Он стоял за стойкой. Невысокий такой мужчина с седыми волосами. Это наш хозяин господин Данеро. Очень, очень влиятельный человек. Поговорите с ним, пожалуйста, он будет вам очень обязан.

– Пойдем? – мысленно передала Шанти. – Сдается мне, что будет забавно.

– Ага, будет, – тоже по мыслесвязи мрачно отозвался Андрей. – Я так и знал, что тут тухлецей пахнет. Будь настороже. И это... без нужды не показывай истинную сущность. Иначе придется всех, кто видел, поубивать. А так – просто поколотим их слегка, и все.

Подавальщица провела их через весь зал, потом по длинному коридору куда-то в глубь здания и сдала с рук на руки мрачному мужику, обладающему грацией боксера-средневеса. Не говоря ни слова, тот провел их в большую комнату, в которой все дышало покоем. На стенах развешаны картины, изображающие вишни и яблони в цвету. Обои с рисунком ручной работы были выполнены в пастельных тонах, а оконные проемы заменяли пейзажные полотна, написанные так искусно, что создавалось впечатление реальности увиденного. Иллюзию усиливали шелковые занавеси, обрамляющие картины, – как будто хозяин только что их раздвинул, чтобы полюбоваться видом из окна.

Данеро сидел за овальным столом, сервированным на три персоны

дорогим хрусталем, фарфором и серебром. Трактирщик жестом предложил Андрею и Шанти присесть в кресла с высокими спинками, украшенные искусной позолоченной резьбой.

Андрей прощупал хозяина заведения эмпатически, но ничего особенного не уловил – тот лучился радостью и чуть ли не мурлыкал от удовольствия, как сытый кот. Ни агрессии, ни ненависти. Настроен доброжелательно, как и подобает радушному хозяину, ждущему гостей.

Больше в комнате никого не было, хотя Андрей своим чутьем оборотня ощущал за дверью позади трактирщика присутствие нескольких человек, пахнущих агрессией и страхом, слышал их хриплое пыхтение.

– Осторожнее, – передал он мыслесвязью, – за дверью толпа уродов наготове. Чего-то задумали, твари.

– Не учи ученую, – усмехнулась Шанти и сладко потянулась так, что ее «мячики» чуть не выскочили из лифа. – Знаю. Я что, не эмпатка, что ли? А слух у меня не хуже, чем у тебя.

Андрей попытался пододвинуть кресло – оно стояло так, что до стола пришлось бы тянуться, – но ничего не вышло. Кресло было намертво приделано к полу, и сдвинуть его не представлялось возможным.

В голове Андрея что-то мелькнуло, какие-то ассоциации были связаны с этим креслом. Он напрягся, чтобы вспомнить, но, когда в мозгу возник образ электрического стула и Андрей все понял, было поздно. С потолка мгновенно, как выстрелили, обрушились две стальные клетки, с грохотом вонзившиеся в пол, из которого выскочили зацепы, тут же надежно зафиксировавшие сооружения.

Шанти вскочила с места, ее лицо исказилось, но, прежде чем она что-то сказала, Андрей предупредительно передал:

– Тихо. Сядь! Успеем. Послушаем, что эта гнида скажет. Наше приключение становится очень, очень увлекательным. Просто захватывающим. Не правда ли?

– Правда, – хихикнула Шанти. – Это не драчунов в окно выбрасывать. Наклевывается что-то поинтереснее.

Оно и наклюнулось. Данеро встал с кресла и, подойдя к клеткам, удивленно спросил своих гостей:

– А чего не кричите? Чего не возмущаетесь? Надо ведь угрожать, вопить, что найдете на меня управу, что вы важные вельможи и что все знают, куда вы пошли. И что за вас страшно отомстят, вытянув мне язык через зад. Где ваши правильные слова?

Данеро приблизился к решетке, за которой сидела Шанти, и отшатнулся – «девушка» стала хохотать, заливисто, звонко. Андрей ей

вторил, и с минуту они не могли успокоиться, искоса поглядывая на ошеломленного бандита.

Он, сам того не зная, озвучил именно тот сценарий, по которому и развивались бы события. Если б с ними что-то случилось, Антана сровняла бы с землей этот поганый притон, разыскивая любимого и подружку. Видимо, трактирщик уже не раз слышал подобные угрозы и давно не придавал им значения – мало ли что наболтают жертвы в порыве гнева. Потом они обычно молили о пощаде и сулили капиталы, принимаемые бандитами с благодарностью. Затем – умирали. Без мук, просто и чисто – чик в сердце! И в море. Никаких извращений, никаких мучений. Все по-деловому, все как положено.

Трактирщик дернул за одну из бахромчатых нитей на занавеси у картины, и в комнату тут же вошли трое мужчин. Крепкие, мускулистые, похожие на солдат-наемников или же призовых бойцов. Они молча сели у стола и тоже уставились на клетки с людьми.

– Скажите мне, друзья, – начал Данеро, – как это понимать? Эти два создания сидят в клетках и смеются в голос над несчастным стариком! Я разве заслужил это? Я что, клоун? Кстати, я так и не узнал, кто этот человек. Василю, помоги ему снять капюшон. Надо же мне видеть лицо этого весельчака. Хочу познакомиться с ним.

Названный бандит встал с места, пошел к клетке с Андреем, но тот сам снял капюшон, откинув его за спину. Наступило молчание, и трактирщик наморщил лоб:

– Где-то я уже видел эту физиономию... где-то видел... тихо, молчите – хочу сам вспомнить. Где-то видел... нет, не может быть! Тьфу, демонство какое! Фу-фу-фу... – Данеро присел на стул, уперся руками в колени и, наклонившись вперед, несколько раз выпустил из груди воздух, пошлепывая губами. – Вот так встреча! Господа! Вы знаете, кого я поймал? Это же советник императрицы господин Андрей!

– А я тебе и хотел об этом сказать, – прогудел один из подручных трактирщика. – Это же тот самый победитель турнира! Хозяин, вляпались по самое не хочу. То-то он и смеялся над нами, дураками! И что будем делать?

– А что вы вообще собирались с нами делать? – спросил Андрей. – Не поясните? Просто из чистого интереса спрашиваю.

– Что-что... – задумчиво отозвался Данеро. – Девку одному важному господину за хорошие деньги – он любит попытать таких свеженьких красоток, ну а тебя в расход. Чтобы не пылил на горизонте. В море. Акулам на корм.

– Так и не поздно, хозяин! – с надеждой сказал третий бандит. – Девку продать, а этого в море! Кто дознается-то? У нас куча свидетелей, что они отсюда уходили! Посидели и ушли. На улицу. А куда – откуда мы знаем?

– Не-е-ет, – протянул Данеро, – она может сболтнуть графу, а тот потом будет меня шантажировать. Или шепнет императрице. Императрица крута на расправу – потом на этом месте тридцать лет даже расти ничего не будет, солью место засыпят. Весь наш бизнес порушат. Если в море – обоих. Хоть я и люблю деньги, но ими еще нужно воспользоваться. А это будет проблематично.

– А если их отпустить? Извиниться, дать денег? Мол, попутали, господин советник, прости бога ради! – сказал Василю, упершись глазами в пол. – Господин советник, вы как, не против?

– Он-то не против, – сухо ответил подручному Данеро, – только верить ему нельзя. Вдруг он обиделся и потом нам отомстит? Или того хуже – он поборник справедливости и решит, что нам не место на этом свете? Да на кой мне это? Нет уж, ребята. Отпускать его нельзя.

– Так что, валим его? – спросил третий бандит, мужчина лет сорока, со шрамом, пересекающим его левое надбровье и спускающимся до скулы. – Только это... девку жалко просто так валить. Попользуемся, а потом уже и завалим! Чур, я первый!

– Нет, – ласково осадил его Данеро, – у меня есть другой план. Гораздо более выгодный. Фиртан, у тебя на юге хорошие контакты? Ты же оттуда родом.

– Да, – понимающе кивнул тот. – Хочешь его Гортусу продать? Голова! Ну ты и голова, хозяин! Двух зайцев сразу убьем – и денег срубим, и поддержку будущего императора получим. А девку как заложницу подержим. Если этот чемпион заартачится – мы ее пополам порвем. Отдадим парням, они ее наизнанку вывернут. А он будет смотреть!

– Ну что, пора? Или еще послушаем дебилов? – передала Шанти. – Предвкушаю, какие у них будут рожи!

– Да вроде все что надо услышали, – пожал плечами Андрей. – Можешь начинать развлекаться. А я посмотрю. Только это... без огня, без эффектов, и побереги платье – ты в нем такая красавица! Не забрызгай мозгами. Стой! Погоди! Эту тварь оставь в живых. Мы его с собой заберем. Есть у меня насчет него одна мыслишка, рано ему умирать. Давай, пора... Стой! Этих тоже не убивай. Так, поколоти слегка, развлекись.

– Так, парни, пусть они пока посидят в клетках, а мы сейчас пойдем обсу... – Данеро умолк на полуслове. Глаза его вытаращились, как будто он увидел морского змея, спросившего, как проплыть к городской

магистратуре. Ну скажите на милость, кто не ошалеет от такого зрелища?

Стальная клетка была сделана из длинных прутьев, перевитых между собой короткими. Толщина каждого прута примерно в мизинец – это сооружение точно удержало бы тигра или льва. Или слона. Данеро не любил пускать дело на самотек и предпочитал перестраховаться – он не жаловал некачественные вещи. При всей патологической жадности для себя он приобретал лишь самое дорогое и сделанное на высшем уровне. За эти клетки ему пришлось выложить кругленькую сумму. Зато он был уверен, что решетки не подведут.

В них перебивало много «клиентов» – от приглашенных в гости конкурентов до потенциальных жертв грабежа, уверенных, что хозяин приглашает их на приватный разговор из уважения к их высокому социальному статусу. Как говорил Данеро своим приближенным – люки, отправляющие «клиентов» в подвал, уже не актуальны, прошлый век. Надо работать с душой, с выдумкой, чтобы все было красиво, но при этом эффективно.

Миленькая девушка, мечта извращенца, вдруг начала раздеваться. Она сняла с себя красивое шелковое платье, повесила его на спинку кресла, оставшись совершенно обнаженной, и, не обращая внимания на вытаращивших глаза мужчин, осмотрела себя со всех сторон, огладила крепкую грудь, колыхнувшуюся под напором ее ладоней. Потом сняла сандалии, соблазнительно изгибая стройное тело. Затем взялась за прутья решетки и почти без усилия дернула их в стороны.

Металл с жалобным стоном поддался, разойдясь, как если бы прутья были сделаны из картона, а девица, примерившись розовой гладкой ножкой, аккуратно пролезла в образовавшуюся дыру.

Секунда – и вместо нежной юной девы на полу стояла громадная черная кошка, размером с телегу!

Прыжок! – и один из бандитов, сообразивший, что надо бежать, был настигнут у двери.

Удар лапой! – и он врезается в створку головой, как будто его сбил грузовик. Андрей даже поморщился от громкого стука – в дверь словно запустили пластиковой бутылкой с водой.

Два совершенно незаметных удара – и два других бандита, потянувшихся за висевшими на поясе подобиями мачете, почему-то именуемыми здесь ножами, повалились как кегли, сбитые тяжелым шаром.

Данеро, обладавший быстрой реакцией и великолепной сообразительностью, за те секунды, что «кошка» расправлялась со своими врагами, сделал две вещи: сунул руку под столешницу – похоже, вызвал

подмогу, – и второе – бросился к потайному ходу, открывшемуся за одной из стен.

Обои треснули под напором механизма, открыв сводчатый кирпичный коридор, ведущий куда-то вниз. Андрей хотел крикнуть, предупредить Шанти, но та успела перехватить негодяя прямо на пороге, зацепив его за одежду огромными когтями и отбросив к противоположной стене. Пролетев по воздуху метров десять, преступник впечатался в преграду с противным шмяком, будто огромная жаба, сполз вниз и остался недвижим, как труп.

– Эй, дорогая, аккуратнее! – заволновался Андрей. – Он мне нужен живой! Вот этих можешь терзать как хочешь, а его поаккуратнее!

Под «этими» Андрей имел в виду новых действующих лиц, которые ворвались в кабинет с оружием в руках, – пятерых одетых в кольчуги и шлемы бойцов с короткими, тяжелыми абордажными саблями в руках и двух арбалетчиков со стальными арбалетами двойного заряда.

Увидев громадную черную кошку, они на долю секунды оторопели, но к их чести – тут же бросились в атаку. Арбалетчики спустили курки, и тяжелые стальные болты полетели в «кошку».

Два из них Шанти смахнула лапой, как мошкару, а два ударили ей в грудь, и, видимо, ощутимо, потому что она утробно заревела и бросилась вперед с яростным криком:

– Шкуру портить?! Чешую царапать?! Грязные твари!

Через секунду тела арбалетчиков валялись на полу. Драконица сорвала их головы с плеч, и они покатались по разным углам, как детские мячики.

Пятеро остальных попытались напасть на нее сзади, один даже успел опустить свою саблю ей на спину, отчего по всей комнате раздался скрежет, будто ножом провели по сковороде, но это был последний удар в его жизни.

Молниеносным движением Шанти буквально переломила бойца пополам. Остальные расстались с жизнью в течение двух секунд – за ударами драконицы мог уследить только Андрей, настолько они были молниеносны. В комнате наступила тишина, прерываемая лишь хриплым дыханием выживших бандитов, лежащих в бессознательном состоянии.

Андрей удовлетворенно осмотрел поле боя, потом ухватился за прутья и, дернув вверх, вырвал клетку из зацепов на полу. Выйдя наружу, подошел к распростертому на полу и прерывисто дышащему Данеро и внимательно посмотрел его ауру. У того был раздроблен плечевой сустав, переломы ключицы, трех ребер и костей ноги, а также сотрясение мозга. Андрей обернулся и погрозил кулаком «кошке», с довольным видом поглощавшей какое-то угощение с тарелки Данеро.

– Чуть не прибила паскудника! Я же тебе сказал – аккуратнее! Вот ты негодная! Развлекаться надо со смыслом! Слушать надо, что тебе говорят!

– Ну извини, извини, – ответила Шанти без всякого смущения. – Ну погорячилась. Больно уж шустро он удирал! Вот я и перестаралась. Но ведь живой же? Живой. Подлечи гада, и будет как новенький!

– Подлечу, не сомневайся! – буркнул Андрей и, вздохнув, приступил к лечению. Ему очень не хотелось этого делать, но... куда деваться. Этот человек был ему нужен. Впрочем, человек ли? Разве можно назвать таких тварей людьми?

Через пятнадцать минут черные и красные пятна в ауре бандита были сведены до едва заметного уровня, а цвет лица Данеро стал из землистого розовым, дыхание нормализовалось.

Проверив трех подручных трактирщика, Андрей остался доволен – побиты, но не сильно. Шанти била лапой с закрытыми когтями, так что они пребывали в банальном глубоком нокауте.

– Вот тут все в порядке! Что, не могла и с этим обойтись помягче? Иэххх... руконогая! Вот есть у нас пословица – «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет». Ты не пояснишь ее? А то я все думаю – о чем она?

– Ну хватит измываться! – буркнула Шанти. – Ну погорячилась – с кем не бывает? А сам-то, сам-то...

– Ну и чего сам-то? Расскажи, где я допустил такую ошибку? – вкрадчиво спросил Андрей, грозно глядя на «кошку».

– Не хочу. Настроения нет, – сварливо ответила та, опасливо косясь глазом на «брата». – И вообще, чего ты пристал? Думай, как доставить этих гадов во дворец. Ты же для того им жизнь сохранил? Чего-то от них хочешь?

– Сиди тут и стереги. Всех, кто сюда зайдет, глуши. Можно не до смерти. Или у тебя лапа может только убивать?

– Ты бываешь таким нудным! – закатила глаза драконица. – Таким вредным! Даже вреднее меня. Куда пошел? За охранниками?

– Само собой. Вначале хотел послать гонца, да передумал. Тут всего-то пара кварталов – сам добегу. Пока дождешься... Постой-ка... надо посмотреть, куда ведет подземный ход. Не хочу вытаскивать их на глазах у посетителей трактира. Нам лишний шум ни к чему.

– А чего такого? Может, кто-то возмутится... есть повод его выбросить в окно. Веселье будет!

– Нет! Я же тебе сказал – все должно быть тихо и мирно. Пока что тихо и мирно. Мне кое-что надо обдумать.

Потолок был низким – Андрею приходилось нагибаться, чтобы не задеть макушкой свод. И скорее всего, этот подземный ход был гораздо старше самого здания – кирпичи старые-престарые, позеленевшие от времени, покрытые каким-то сероватым мхом. Освещения не было никакого, но Андрей великолепно видел в темноте, его глаза оборотня улавливали очертания коридора, круто забирающего вниз под углом почти в тридцать градусов, повороты направо и налево – коридор разветвлялся на три тоннеля, ведущих в неизвестном направлении.

Немного подумав и прикинув, в какой стороне порт, Андрей выбрал средний тоннель и ничуть не удивился, когда тот метров через сто пятьдесят выправился, стал пологим и еще через сто метров вывел в широкий канализационный тоннель, по которому городские нечистоты выливались в бухту.

Андрей пошел туда, где брезжил дневной свет, и скоро оказался за портовыми складами возле береговой линии. Тут орали чайки, хватая куски пищи, сконцентрированные в потоке дерьма, и бороздили океан акулы, занимавшиеся примерно тем же.

Вдохнув свежий морской воздух, особенно сладкий после путешествия по миру нечистот, Андрей быстрым шагом стал подниматься в гору, скользя подошвами сапог по глинистому склону, заросшему бурьяном и забросанному различным мусором вроде подозрительных костей и драных тряпок.

Сержант и остальные охранники сидели в трактире, возле камина с потрескивающими в огне дровами, и весело смеялись какой-то истории, которую им рассказывал кучер. При виде Андрея они с готовностью встали, а сержант, отсалютовав, спросил:

– Прикажете во дворец? А где госпожа Шанти? Что-то случилось?

– Пойдемте со мной. – Андрей отвел сержанта в сторонку и объяснил, что тот должен сделать. Затем последовала команда, и солдаты дружно покинули трактир, оставив на столе допитые второпях кружки.

Через двадцать минут они были у канализационного тоннеля – Андрей показал место, сидя на облучке рядом с кучером. Оставив здесь небольшую охрану, отряд во главе с Андреем и сержантом вошел в трубу и, хлюпая ногами по вонючему содержимому, двинулся вперед. Солдаты матерились сквозь зубы, сослепу наступая на трупы животных, на мусор и утопая выше щиколотки в наслоениях ила.

Путь в комнату Данеро был потруднее, чем из нее, – пришлось идти вверх по тоннелю, осклизлому и покрытому плесенью, – двое солдат все-

таки грохнулись, поскользнувшись, и едва не улетели назад, как по ледяной горке. Не без приключений, но они все-таки добрались до комнаты, где скучала Шанти, уже принявшая человеческий облик и развлекавшаяся тем, что время от времени тыкала саблей в совершенно голого мужика, стоявшего в клетке. Он жалобно завывал, а на его заднице виднелись следы многочисленных уколов, от которых тонкие дорожки крови тянулись до самых пяток. Отряд застал ее как раз в тот момент, когда она спрашивала:

– И как ты хотел меня насилловать? Вот этим отростком, что ли? А ты вообще им можешь чего-нибудь? Он тебе, такой маленький, и не нужен! Дай-ка я его отрежу... – Она деловито приподняла оный предмет острым концом сабли, пропуская его между ног супостата, и сделала вид, что сейчас же кастрирует негодяя. Негодяй завывал, и под ним уже образовалась вонючая лужа – от страха тот потерял контроль над функциями организма.

Завидев Андрея, Шанти слегка разочарованно убрала саблю, бросила ее на пол и доложила:

– Приходили еще двое – вон, в углу лежат. Живые. Может, их тоже захватим?

– А этот как здесь оказался? – с интересом спросил Андрей, разглядывая трясущегося человека в клетке.

– А он очнулся. Пришлось посадить в клетку. Позабавилась немножко, уж больно наглый был. И куда чего делось-то, когда оказался без штанов...

Сержант и солдаты, удивленно переглядываясь, посмотрели на «поле боя», полюбовались веселой и довольной Шанти, красиво отставившей ножку в элегантной сандалиии, а потом взялись за дело.

Их было десятеро, так что на каждого бандита пришлось минимум по два человека. С подручными Данеро Андрей приказал не церемониться, ни с живыми, ни с мертвыми, но его самого велел нести аккуратно.

Мертвых бандитов скинули в канализацию, где светились в темноте глаза крыс – сегодня у них будет пир. Живых – погрузили в карету, уложив штабелем, как дрова.

Данеро положили сверху, на трясущегося от ужаса голого бандита. Андрей лично предупредил этого человека, что если тот нагадит в карете – он сам отрежет ему голову. Бандит мелко и часто закивал, карета тронулась, поскрипывая, и, будто тяжело вздыхая под тяжелым грузом, покатила из порта по направлению к императорскому дворцу.

– Мы не собирали внеочередных сходов уже пятьсот тридцать лет. Мы собрались для того, чтобы обсудить важную проблему, назревшую

практически мгновенно, на протяжении всего одного года. – Огромный черночешуйчатый дракон поднял уродливую, украшенную рогами голову и посмотрел на соплеменников.

Драконы спокойно ждали, никто не торопил, никто не кричал: «Давай! Не тяни! Ближе к делу!»

Черный усмехнулся – с одной стороны, это было хорошо: никто не нервировал, никто не теребил оратора, требуя немедленных объяснений, не призывал ускорить течение собрания, ссылаясь на дела. А с другой – раскачать драконов, заставить их принять какое-то определенное решение было задачей непростой.

Главным принципом принятия решений у драконов было: «Давайте подождем. Может быть, оно само как-то рассосется?» И как ни странно, частенько и рассасывалось, или... Вот об этом самом «или» знали немногие. Председатель Совета старейшин и его заместитель частенько действовали на свой страх и риск. Впрочем, какой риск? Что будет, если узнают, что они постоянно подправляют историю людей, устраивая заговоры и притормаживая развитие науки и техники? Хм... он частенько задумывался над этим вопросом. В Совете старейшин – может быть, и ничего, но остальные драконы...

Эти бездельники, парящие над морем и пикирующие на оленей в лесах и прериях, до сих пор пребывают в неведении по поводу того, кому они обязаны своим многотысячелетним ничегонеделанием. Попробуй им скажи, что договор не соблюдался ни одного дня. Что старейшины только и делают, что суют свою морду в людские дела. Что они уже давно живут среди людей, «очеловечились», и вообще давно предпочитают не парить над гладью моря, а жить во вполне комфортных условиях, с туалетом, водой из виадука, разнообразной вкусной едой и красивой одеждой. И не дай боже узнать всей этой массе простых драконов, что им нравится вершить людскими судьбами! Что нет большего наслаждения, чем видеть, как по твоей воле возникают и исчезают огромные государства, населенные сотнями тысяч и миллионами людей, как низвергаются или возносятся отдельные личности, через которых можно управлять этим скопищем двуногих тварей, гордо именующих себя «человек разумный».

Председатель прервал паузу, которая в человеческом обществе показалась бы странной, неприличной, и продолжил:

– У нас имеются сведения, что один или несколько драконов, не входящих в Совет, живут в человеческом обществе, вмешиваются в дела людей – притом на самом высшем уровне. Более того, рядом с этим драконом или группой драконов находится человек, владеющий знаниями,

которые могут перевернуть жизнь людей, увести их от праведного пути, и, приняв эти знания, люди будут угрожать жизни и самому существованию драконьего рода. Вот тема, обсуждению которой мы и посвятим сегодня наш внеочередной сбор.

Председатель тяжело опустился на каменную плиту, возвышающуюся над полом пещеры на высоту драконьего роста, – место для произнесения речей – и, перекрыв каналы мыслесвязи, выругался про себя: сейчас бы он великолепно чувствовал себя в человеческом теле. Свободно, уютно. А вынужден пребывать в многотонной туше, носить которую отказываются его древние лапы и крылья. Давненько он уже не был в своем родовом теле. Обычно – или человеческое, или птица. И жить приятно, и летать легко.

Усмехнулся – вот бы узнали о его мыслях сородичи! Как бы они отреагировали? Заклеймили позором отступника? Честно говоря, он подозревал, а иногда и знал, что у его коллег, таких же древних монстров, как и он, со стотысячелетней жизнью, те же самые проблемы. Вот только признаться друг другу они не могут. Драконы невероятные индивидуалисты, трудно сходящиеся с другими драконами – если только не для зачатия, – а тут еще такие интимные размышления. Нет, исключено. Никто и никогда не признается, что ему надоело жить в драконьем теле и подобно дикому зверю охотиться за добычей.

Интересно было бы проследить, как проводят время остальные члены Совета, – можно поставить свою жизнь против чешуйки старой драконицы, что они болтаются где-нибудь в тепленьких местечках, возле людей, и прожигают жизнь по образу и подобию презируемых ими людишек.

Воцарившуюся в пещере тишину нарушила старая драконица, которая была старше всех в Совете, и, похоже, старше даже председателя. Она сказала:

– Ты нагнетаешь атмосферу страха. Никто и никогда не смог противиться воле драконов. Ты же утверждаешь, что вся наша жизнь висит на волоске. Вот я и думаю – для чего это тебе нужно? Что ты хочешь?

– Я что хочу? Да ты заигралась в человека, Натороканта! Тебе все время мерещатся заговоры, интриги! Я лишь хочу, чтобы все оставалось по-прежнему, как было!

– Я заигралась? – насмешливо хмыкнула старая драконица. – А не ты ли? Ты уже забыл, когда надевал свое родовое тело! Что я, не знаю, что ли? Вечно строишь козни людям и манипулируешь правителями! Тебе ли упрекать меня?

«Старая сволочь! Откуда она знает?! И что она знает?!» – подумал Даранаяс, но во всеуслышание как можно любезнее сказал:

– Давайте не будем сводить счеты, когда дело касается такого важного вопроса...

– Важного?! – снова фыркнула Натороканта. – Это для тебя важного! А мне в Островном королевстве плевать, что происходит в твоём провинциальном Балроне! Мне нет дела до него! И считаю, что нечего было тащить меня сюда! Только любовь к порядку, к традициям заставила меня прилететь на этот брошенный Богом остров, в затхлую Пещеру Совета! И ведь знала – ничего хорошего ты созвать не можешь! Я была против, когда тебя избирали. Ты не можешь сам решить даже такую простую проблему – найти какого-то там нарушителя договора и человечешку, изобретшего какую-нибудь чепуху. Не можешь сам устранить проблему, не хватает ума, и ты вытащил всех старейшин, чтобы показать свою несостоятельность как председателя! Не-е-ет... следующий выборный Совет через пятьсот лет, я буду настаивать на смене председателя. Я не вижу, чтобы ты мог и дальше эффективно возглавлять Совет. Какие-то истерики, запугивание, наведение тени на очевидные вещи. Я очень, очень разочарована в нашем председателе, старейшины.

Драконница замолчала, а Даранаяс, кипя от злости, нарочито спокойно сказал:

– Ещё будут мнения? Или вы хотя бы поинтересуетесь, *что* именно изобрел этот человечешка, как выразилась наша самая *старая* старейшина? – Он специально выделил слово «старая», чтобы уколоть драконницу, намекнув, что она впала в маразм.

Но никто, даже она сама, не повелся на провокацию. Драконы молчали, и от них исходила волна равнодушия и скуки. Даранаяс сразу остыл и еще более спокойно добавил:

– Хорошо. Если Натороканта выразила всеобщее мнение, то я ставлю на голосование один вопрос: дает ли Совет полномочия председателю Даранаясу на то, чтобы по своему разумению устранить проблему с человеком, угрожающим существованию рода драконов, а также найти и покарать по своему разумению дракона, нарушившего договор о невмешательстве в дела людей без разрешения Совета старейшин. Начинаем голосование. Кто за разрешение? Один... два... пять...

– Скоро этот председатель будет ставить на голосование, раздавить ему насекомое на своем брюхе или нет! – злобно проворчала старая дракониха, но тоже подняла головной гребень в знак согласия на выдачу полномочий. Ей хотелось скорее убраться из этой дыры и залечь в благоуханную ванну во дворце монарха Островного королевства, где она играла роль не кого-то, а королевы.

– Итак, Совет единогласно принял решение. Если больше вопросов нет, Совет окончен. Уважаемые старейшины, запомните это решение и передайте его вашим преемникам, – произнес Даранаяс старинную формулу окончания голосования. – Старейшины могут покинуть Пещеру Совета – до следующей встречи!

Драконы медленно потянулись к выходу по длинному тоннелю, который потом будет запечатан председателем.

Через четверть часа в пещере остались только двое – Даранаяс и его приятель Хевессанор, с которым они вместе выросли и который был заместителем председателя и мог созывать Совет старейшин и ставить на нем вопросы, если председатель отсутствовал и его не могли найти. Правда, такое трудно было даже представить – но закон есть закон, положено так издревле. Совет не должен оставаться без главы ни секунды. «Не мы эти законы утверждали, не нам их отменять», – так думали драконы, самые консервативные существа в этом мире, а может, и в других мирах тоже.

Приятели выждали минут пятнадцать с того момента, пока не исчез последний дракон, затем Хевессанор радостно засмеялся:

– Ты гений интриги! Как ловко все обстряпал! Фактически ты получил полномочия на открытое вмешательство в человеческую жизнь, и ни одна сволочь не догадалась! Спасибо тому человеку, спасибо неизвестному дракону. Они нам помогли. Теперь можешь развлекаться без оглядки на Совет – разрешение у тебя есть. Может, ты сам возглавишь эту страну? А что – будешь императором. Хватит уже сидеть в тени. Хватит драконам прятаться, как крысы, по темным углам!

– Не забывай, – буркнул довольный похвалой Даранаяс, – есть еще сотни простых драконов, которые считают, что мы только и думаем, как соблюсти закон. Не нужно засвечиваться, не нужно, чтобы знали, что мы занимаемся тем, чем занимаемся, – пусть все идет так, как положено. Я и из тени сделаю все, что нам нужно. Кстати, люди слишком размножились, ты не находишь? Пора слегка уменьшить их количество. Что-то давно не было хорошей войны. На юге засел этот Гортус, надо бы ему помочь. Пусть он станет императором... в обмен на лояльность некоему обществу «Черных плащей». Вот как мы назовемся. Якобы есть такое общество людей-колдунов, и оно будет помогать ему. Будем рядом с ним, станем направлять его помыслы. Будет много, очень много крови...

– А что с тем человечком? Что с драконом-отступником?

– Сейчас сезон дождей – у меня нет желания летать в Балроне под струями воды. Отправляемся на юг, где сейчас посуше и хоть иногда

выглядывает солнце, будем разговаривать с Гортусом, а как только дожди закончатся – вернемся и растопчем этого поганца с его изобретениями. А отступника найдем – как ты помнишь, он изображал мертвого императора... вот тут и таится какая-то интрига, и я хочу ее разгадать. Но потом. Сейчас главное – Гортус. Он должен идти на Балрон! Он должен взять трон. И мы должны сделать так, чтобы с ним ничего не случилось. У меня есть основания думать, что его попытаются убить. Это же напрашивается само собой – если есть дракон-отступник, участвующий в интригах, то что ему стоит полететь к Гортусу и оторвать тому голову? Я бы так и сделал.

– А кто тебе мешает оторвать голову этому человечку? – задумчиво спросил Хевессанор. – Войти во дворец... р-раз! – и готово.

– Фу! Вульгарно. И неинтересно. Притом – зачем? Пусть он делает то, что делает. Мы успеем с ним покончить и выберем момент тогда, когда он не ждет. Пусть люди как следует покрошат друг друга, уменьшат поголовье... ну а там и мы вмешаемся.

– Все интриги плетешь, – с сомнением покачал головой Хевессанор. – А как же его изобретения? Угрожающие драконам и потрясающие мир?

– Да ладно тебе смеяться. Первый раз, что ли? Никто и не вспомнит этого изобретателя, когда он исчезнет. А в то, что он способен сделать что-то, что *реально* может повредить драконам, – я не верю. Это было сказано так, для этих дураков. Все, давай-ка полетели. Я проголодался, а нам еще лететь и лететь, да еще под этим демоновым дождем. Бррр! Ненавижу дождь! Говорят, что наши предки вышли из морской пучины, – бред, вранье и наговор! Ненавижу воду.

Драконы выползли из пещеры, уперлись в огромный круглый камень в три человеческих роста высотой и перекатали его к дыре, закупорив ее как пробкой. Потом Даранаяс выпустил долгую струю пламени, оплавившую край скалы и край камня, соединив их в единое целое. Пещера была запечатана.

Неожиданно Хевессанор спросил:

– А почему мы тогда не поддержим этого человечка? Зачем нам Гортус? Честно сказать, я слышал, что человек-то он гадкий, подонок, одним словом. Так же можем устроить бойню, уничтожив войско Гортуса!

– Во-первых, *сами* мы ничего уничтожать не будем – открыто. Одно дело – под прикрытием ночи сжечь домишко вместе с его хозяином, а другое – целое войско. А во-вторых, против нас играет неизвестный дракон, аура которого не походит ни на одну знакомую ауру. Это не член Совета. И мне интересно, как он будет нам противостоять! Там дракон, и

тут драконы, там армия, и тут армия. И... началась резня! Это будет забавно.

– Хм... ты все забавляешься, – хмыкнул приятель, – уже десятки тысяч лет плетешь интриги и сталкиваешь людей лбами. Не надоело?

– Глупец! Это единственное, ради чего стоит жить, – интрига, власть над живыми существами! Иначе что остается? Животное существование? Жрать, пить, совокупляться подобно этим тварям, именующим себя людьми? Это не для драконов. Это удел животных. Это не для меня.

Через минуту со скалы, нависающей над бушующим морем, сорвались две большие птицы и понеслись на юг, рассекая воздух и струи дождя своими мощными крыльями. Они не отличались от других таких же птиц, но горе тому хищнику, который попытался бы встать на их пути, и горе всем, кто соберется помешать их полету...

Глава 3

Длинная каменная лестница вела вниз, в подземелье, откуда несло замогильным холодом и сыростью, со смесью запахов человеческих нечистот, мышиного дерьма и дешевой похлебки, которую варили для заключенных из потрохов и костей, вываривая до состояния клейстера. Андрей давно хотел заняться ревизией и реформированием мест заключений, но руки так и не дошли. Некогда. И без того дел хватает. Кроме того, заключенные тут надолго не задерживались – раз-два, и полетела голова, или задергался человек на веревке в веселом танце, удобряя место под виселицей своей кровью и выделениями, чтобы мандрагоре хорошо рослось.

Впрочем, про мандрагору – легенда. А вот про виселицу – нет. Хотя за то время, что Андрей был у власти... что Антана была у власти! – не было ни одной публичной казни. Двух преступников казнили, да, – один был растлитель и убийца, долгое время насилувавший свою падчерицу и убивший жену, чтобы жениться на молоденькой «дочке», второй – грабитель, вырезавший семью купца.

Некоторое время назад, после мятежа, все камеры были забиты, но быстро освободились – кого повесили, кого отправили на принудительные работы (читай: на каторгу), а кого-то выпороли и отпустили. Теперь в камерах было почти пусто – не сезон, так сказать. Эти камеры использовались лишь для особо опасных преступников, «тяжеловесов». Воры, грабители, насильники и хулиганы располагались в другом крыле здания стражи, в общих камерах, ожидая скорого суда. В Балроне не принято было держать преступников по несколько месяцев и кормить на дармовщинку помоями из требухи.

Стражник у двери погромел ключами и, взяв фонарь, сопровождал советника к камерам допроса, почтительно освещая ступеньки и предупреждая о порожке, споткнувшись о который знатный вельможа может упасть. Андрей вежливо поблагодарил, хотя никакого фонаря не было нужно – видел он в темноте лучше кошки.

Обитая железом дверь раскрылась без скрипа, и он оказался в большой комнате, где горел очаг, вделанный в стену. Андрей слегка порадовался распространяемому очагом сухому теплу и сел так, чтобы видеть, как горят поленья. В комнате находились Федор и первый инквизитор Акодим. А еще палач – невысокий мужчина с кудрявой седоватой головой – и Данеро,

привязанный к высокому креслу, напоминающему электрический стул.

– Наконец-то! – проворчал Федор. – Ты где запропастился? И вообще, зачем ты меня сюда позвал? За компанию, что ли? Кто этот тип?

– Да, Андрей, кто этот тип? – прогудел Акодим, потирая огромные руки. – Ну и холодище здесь внизу, как на севере! Хоть вина бы горячего наливали, что ли.

– Налить вам, господин инквизитор? – оживился палач. – У меня есть! Вон чайничек греется – со специями, вкусно!

Акодим некоторое время боролся с искушением, потом махнул рукой – давай! – и палач с готовностью налил ему исходящей паром темной жидкости в глиняную кружку. Посмотрел вопросительно на Андрея – тот отрицательно мотнул головой, и палач снова поставил чайник к огню. Федору почему-то не предложил, видимо, не счел его достойным драгоценного напитка.

По камере сразу разлился запах пряностей, и Акодим с удовольствием крякнул, отпивая из кружки. Посмотрел на Федора и протянул ему:

– Хлебни, вкусно! Затрис умеет делать горячее вино. А кроме того – узнавать правду у тех, кто ее не хочет говорить. Так что, Андрей, зачем нас сюда позвал? Что это за тип?

– Трактирщик это, – невозмутимо пояснил Андрей, – только своеобразный трактирщик. Насколько я понял – довольно-таки одиозная личность. Когда я его взял, считал, что у него просто бандитский притон. Но мы тут с Ша... в общем, допросил я его подручных, и что выяснилось: этот вот божий одуванчик – глава самой крупной, если не единственной в Анкарре преступной корпорации! Все, кто промышляет в городе, платят ему дань. Это своеобразный ночной император столицы. Можете в это поверить? Я – с трудом. Не похож он на главаря преступного мира.

– Так-так... – задумчиво протянул Федор. – И похоже, что ты взял его с собой... дай-ка догадаюсь... собираясь обобщить до нитки. Верно?

– Верно. Но перед этим надо было выяснить, кто он такой. Поговорить с его людьми. Как это такие головорезы его слушаются, да еще и боятся как огня. И много чего они рассказали... но не всё. Не всё. Они и не могут знать всё. Например, где хранятся его деньги.

– А я зачем здесь? – разочарованно спросил Акодим. – Думал, сейчас исчадие будем терзать, допрашивать, а этот уголовник мне неинтересен. На кой демон он мне?

– Ну... может, тебе будет интересно – связан ли он с исчадиями или нет, – пожал плечами Андрей.

– Если бы узнали, что связан, тогда бы и позвали. У меня и без него

дел полно – вон сегодня три инквизитора пришли с жалобой, что их плохо приняли в провинциальных приходах и чуть ли не взашей вытолкали прочь. Нужно разобраться, что происходит, не влияние ли это исчадий или же слабость инквизиторов, которые не умеют себя вести. А кроме этого...

– Иди, иди! – махнул рукой Федор. – Андрей, отпусти его! Пусть идет, а то плешь тут проест своим нытьем.

– Иди, Акодим, если что будет дельного – я тебя приглашу, – согласно кивнул Андрей, и Акодим широкими шагами вышел из комнаты, оставив друзей наедине с палачом и преступником.

Тихо потрескивали дрова, исходил паром чайничек палача, а Данеро с ужасом смотрел на разложенные перед ним инструменты, напоминавшие хирургические. Тут были и зацепы, захваты различных видов, и всяческие иглы, щипцы, молотки, стамески... Все блестящее, начищенное, красивое.

Палач перехватил взгляд Андрея и с гордостью сказал:

– По специальному заказу делали! Большие деньги отдал! Зато не ломаются, всегда острые и при нагреве остаются твердыми, не то что обычные. А то, бывало, накалишь щипцы докрасна, схватишь клиента за кость – а щипцы-то и гнутся! А эти нет – говорят, в нее драгоценные камни добавили, в сталь эту.

– Вынь кляп у него изо рта, а то сейчас подавится, – поморщился Андрей. Разглагольствования палача были ему неприятны. Он понимал, конечно, что это тоже работа и что палачи обществу тоже нужны, но не собирался общаться с этими людьми или пить их вино. И ничего с собой не мог поделать. Впрочем, и не хотел.

Палач семенящей походкой подошел к бандиту и вынул у того изо рта кляп, скрученный из грубого холста. Кляп был мокрый, слюнявый, но палач рачительно осмотрел его и положил на полочку у входа.

– Потом сполосну, и снова можно использовать. Без споласкивания он протухнет, завоняет, а так можно его много раз применять. Экономия! Расточительность нигде не приветствуется. А у меня всегда порядок в хозяйстве. Ну что, господин советник, мне его слегка подрезать, чтобы говорливее стал? Давайте я ему откушу подушечки пальцев на руке. Оно и не сильно изувечит, но воздействие на настроение клиента оказывает очень сильное – большинство сразу начинают говорить, как видят свои белые косточки. – Палач радостно захихикал, Андрей же нахмурился и отвернулся.

Данеро сидел бледный, явно обдумывая ситуацию. Потом хрипло спросил:

– Сколько?

– Все, что есть, – подумав, ответил Андрей. – Сколько у тебя есть?

– Трактир. В трактире тысяч семь. Все. Я все отдам, только отпустите. И буду платить вам пятьсот золотых в месяц. А еще – любые девочки. Бесплатный стол. В любое время. Кроме того, специальные услуги – наемные убийцы, найду для любых дел. Все, что хотите.

– Все? А тогда чего ты нас потчуеть всякой чушью? – жестко спросил Андрей. – Палач, ну-ка, отрежь ему палец.

– Какой? – деловито осведомился палач, взяв с подноса блестящие кусачки, способные перекусить и руку. – Ты какой рукой пишешь, болезный? Говори сразу, чтобы потом не жаловался, что подписать ничего не сможешь.

– Андрей, ну на кой демон ты меня сюда пригласил? – скривился Федор. – Не хочу я смотреть на это!

– Все вы чистоплюи, – пробурчал Андрей, – а кто кричал, что денег на армию нет, что надо что-то придумать, что я не понимаю, вероятно, как это важно, чтобы солдаты получали жалованье. Ну вот, так добываются деньги. Один из способов. Когда я пишу записку в казначейство и тебе деньги передают – это нормально, да? Они не пахнут, правда? А когда вот так, в подвале... чуешь? Стой, палач, пока не надо.

– Чую. Воняет. – Федор встал и пошел к двери. – Извини, я здесь не останусь. Я понял тебя – деньги пахнут кровью. Но я ничего изменить не могу, солдаты хотят получить жалованье.

– Скажи тюремщику, что я распорядился привести того типа, что привезли последним. Шагай.

Федор четко, как на плацу, повернулся и вышел из камеры, держась прямо, будто кол проглотил. На душе у Андрея было хреново. Он и сам не знал, зачем пригласил Федора. Возможно, для того чтобы было легче делать то, что он наметил. Вроде как, если переложить часть груза на плечи друга, самому станет легче. Нет, это не тот груз. И стало ему гораздо тяжелее.

Дверь распахнулась, и в камеру, подпихнутый в спину сильной рукой тюремщика, влетел человек с кудрявыми волосами, торчащими густой шапкой. Он дико огляделся по сторонам, заметил привязанного к креслу Данеро и плюхнулся на колени.

– Прости, хозяин! Я боюсь боли! Кто-то им сказал, что я твой бухгалтер, они меня захватили и привезли сюда! Я все рассказал! Прости!

– Хватит ныть, – презрительно-спокойно сказал Данеро. – Господин советник, что на самом деле вы от меня хотите? Деньги? Я отдам все, что есть. Еще что? Ведь вы не только денег хотите. Или вернее – не только те

деньги, что у меня есть. Я понимаю, попался и должен заработать свою жизнь. Это нормально, это понятно. Так что я должен?

– Палач, заberi этого, – Андрей указал на кудрявого человечка, валяющегося у него в ногах, – и выйди вместе с ним. Дверь прикрой плотно. Узнаю, что подслушиваешь, – уши отрежу. А я узнаю.

– Обижаете, господин советник! Что в мои уши вошло, там и умерло! Вы бы знали, сколько государственных тайн я выслушал – были бы очень удивлены, очень! И никто ничего не узнал. Ваше недоверие меня даже обижает...

– Вон отсюда! – рявкнул Андрей. – Еще слово, и ты на себе испробуешь свои инструменты!

Палача как ветром сдуло. Подхватив бухгалтера, он выскочил за дверь, плотно закрыв ее за собой. Андрей и Данеро остались одни.

Противники внимательно смотрели друг на друга. Каждый был умен и умел добиваться своего. И каждый знал, когда следует идти вперед, а когда надо отступить, потому что проиграл и дальнейшие действия лишь ухудшат ситуацию. Сейчас проиграл Данеро. И должен платить по счетам. Это он понимал четко. Как понимал и то, что, пока он жив, еще не все потеряно. А если будет мертв... в общем, понятно.

– Ты отдаешь мне все деньги, что у тебя есть, – негромко начал Андрей. – За исключением тех, что нужны на содержание трактира. Насколько я знаю, у тебя около трех миллионов. Далее. Ты отписываешь казне все дома и земли, что у тебя имеются. Это еще на два миллиона. По рыночной цене. А она упала. Далее. Ты каждый месяц отдаешь мне девяносто процентов денег, полученных от преступного промысла. Я приставлю к твоему бухгалтеру своего бухгалтера, и он будет проверять все счета. Кроме того, я лично буду тебя допрашивать, и, поверь, у меня есть возможность узнать – врешь ты или нет. Кроме того, я буду давать тебе задания, которые ты должен выполнять, – это сбор информации, это услуги убийц, это любые услуги, которые я у тебя потребую. Ты мой. Ты труп. Но пока живой. Но если ты сбежишь – я найду тебя везде. Клянусь. И разорву на части. И еще – мне нужен контакт с пиратскими капитанами. Я готов предложить им службу, дав грамоту, разрешающую грабеж судов южных магнатов. Пятьдесят процентов награбленного – мои. Корабли не топить, это моя собственность. Насколько я знаю, пираты в большинстве случаев не связываются с захваченными кораблями – негде ставить, больше проблем, чем выгоды. Так вот, приведет в порт – получит вознаграждение. Договоримся какое.

– Какие-то запреты? – хмуро спросил Данеро. – Вряд ли такой

господин, как вы, боящийся замарать руки, не поставит какие-нибудь запреты на мою деятельность. Обязательно найдется что-то, что вам не по нраву.

Андрей встал, задумчиво прошелся по комнате, заложив руки за спину, остановился рядом с Данеро, постоял, покачиваясь с носка на носок, и вдруг нанес два хлестких удара в лицо пирата, сломав тому нос и разбив губы. Хлынула кровь, обильно залив рубаху ошалевшего от боли бандита, он обвис в кресле. Придя в себя, он поднял голову и, хлюпая носом, из которого текла струйка крови, спросил:

– Зачем?

– Чтобы не забывал, с кем разговариваешь. А еще – чтобы знал, что я не боюсь запачкаться в крови. Теперь ты это понял?

– Понял, – согласно кивнул Данеро, с опаской следя за руками этого странного человека. За последние тридцать лет он был единственным, кто напугал его до глубины души. Данеро даже на секунду показалось, что странными желтыми глазами советника на него смотрит демон из ада...

– Это хорошо, что понял, – удовлетворенно кивнул Андрей и, коснувшись ауры трактирщика, остановил кровотечение, зарастив сосуды в носу. Потом резко дернул того за нос, с хрустом поставив сломанные хрящи на место.

Данеро взвыл от слепящей, палящей как огонь боли, но Андрей не обратил на его вопли никакого внимания. Он даже не стал отключать у того боль – пусть почувствует то, что ощущают его «клиенты». Снова аура – и через несколько минут нос был снова цел и невредим. Если бы не залитое кровью лицо и рубаха бандита, можно было бы сказать, что ничего не случилось.

– Запрет: никакого убийства и пыток девушек. Узнаю, что ты снова поставляешь девушек эти подонкам, – убью. Мучительно и страшно. Вот так. – Андрей протянул руку к ауре Данеро, и тот вдруг ощутил дикую, страшную боль в теле, как если бы он превратился в одну разверстую рану, сочащуюся кровью.

Андрей задержал боль на несколько секунд, всего на пять или семь, но за это время Данеро чуть не умер от сердечного приступа, настолько сильны были страдания. Он обмочился, тяжело дышал и был совершенно сломлен. Его дикий крик, вероятно, достиг самого верха, так жутко он кричал.

Андрей подошел к двери и, приоткрыв ее, крикнул палачу:

– Иди сюда!

Палач вошел, ревниво оглядел свое рабочее место и с легким укором

сказал:

– Ну зачем вы утруждали свои рученьки, господин советник! Я бы так поковырялся у него в носу, что и нос был бы цел, и до конца жизни он помнил бы о боли, что я ему причинил! Давайте я вам полью на руки, вы испачкались! А здорово вы его приложили, он так кричал, любо-дорого послушать! Просто песня! Нам у вас еще поучиться надо!

Андрей едва не ударил угодливо хихикающего палача. Похвала из его уст – палач констатирует, что готов у него поучиться, как пытать людей! – это ли не ужас?!

И в который раз он задал себе вопрос: «Все ли верно я делаю? Так ли я должен поступить?» – и в который раз ответил, что не видит другого выхода.

– Пойди к тюремщику, пусть вызовет судью и двух свидетелей-стряпчих. Будем писать документы и заверять их. И еще – отмой ему морду...

Андрей вышел из камеры – ему ужасно хотелось вдохнуть свежего воздуха, пусть даже это воздух пополам с мелкой дождевой взвесью. Ему было тошно.

Судья прибыл через полчаса – востропанный, с ошалелыми глазами. Похоже, его вырвали прямо из-за обеденного стола, потому что на его бороде повисли крошки печенья, а губы лоснились, как будто он только что ел что-то жирное. «Впрочем, может, он и всегда такой неряшливый», – подумал Андрей, ощутив запах еды, впитавшийся в одежду судьи. Еды и едких чернил, пахнувших спиртом и краской.

– Приветствую вас, господин советник! – Судья низко поклонился и махнул рукой своим спутникам – молодым парням с письменными принадлежностями в руках. – Быстрее, быстрее! Не заставляйте ждать! Господин советник очень занят, да и я не просто так болтаюсь по улицам. Бездельники!

Через час все было закончено. Бумаги, подтверждающие перевод денег со счетов Данеро в казну, купчие на землю и дворцы – все было готово. Остальное, укрытое в тайниках под трактиром, Данеро обязался отдать по первому требованию.

Требование было высказано незамедлительно, и трактирщик в сопровождении Федора и нескольких гвардейцев, переодетых в штатское, отправился потрошить захоронку.

Федор пытался было протестовать, дескать, генералу гвардии не пристало ездить по притонам выкапывать сокровища, но потом смирился – и правда, кому еще можно было доверить столь деликатное поручение?

Люди падки на деньги, и подвергать их испытанию сокровищем стоимостью семьсот тысяч золотых было бы неправильно. Потом лови, отнимай... без этого дел хватает.

Отправив Федора, Андрей побрел во дворец, благо, что он располагался недалеко от управления стражи. Конечно, советнику императрицы не пристало бродить по улицам, как простому солдату, но Андрею было плевать на статусность. Он устал от всех этих условностей, и ему очень хотелось просто посидеть где-то в трактире, выпить кружку пива и послушать музыканта, заунывно тянущего балладу о приключениях отважного героя и о его неразделенной любви.

Увы, и этого он не мог себе позволить. Последний раз, когда он собрался это сделать, получилась история с Данеро. Впрочем, окончившаяся довольно хорошо. Вовремя пришли эти деньги, хотя это и была капля в море. На неделю-две заткнуть дыры. Остальные доходы от преступной деятельности трактирщика поступят еще очень не скоро.

Андрея аж передернуло от этой мысли – государство, живущее на доходы от преступной деятельности, от которой оно должно оберегать граждан! Это ли не фарс? Это ли не лицемерие? Он усмехнулся – а что, деятельность государства, в котором он жил до попадания сюда, можно назвать *не* преступной? На его взгляд, государство постоянно грабило своих граждан. Денежные реформы, дефолт, грабительские налоги и поборы чиновников – это ли не грабеж? Ну да, так откровенно, заставляя преступников платить налог со своей преступной деятельности... так – нет. Хотя... нет? Разве нет?

Гвардейцы у входа во дворец отсалютовали, четко вытянувшись и взяв ружья «на караул». Андрей кивнул – Федор муштрует солдат, гоняя по плацу как проклятых с утра до ночи. Но результаты есть. Исчезла расхлябанность, исчез этакий налет анархизма, присущий ранее элитным частям, прикормившимся возле императора. Пить, драть, распутствовать – вот была их главная задача. Правда, после начала реформы армии сбежало процентов двадцать тех, кто пришел лишь за званием и красивой формой, сынки богатых родителей. Их объявили в розыск, как дезертиров, заочно приговорив к наказанию. Но они скрылись где-то в провинции, у родственников, и власти некогда было заниматься поиском беглецов. После. После войны. Все теперь откладывалось на «после войны». А она дышала в затылок...

Длинный коридор, посты гвардейцев, спрятанные за портьерами. Паркетный пол с прихотливым узором, натертый до блеска так, что по нему стыдно было идти в грязных, забрызганных водой из луж сапогах.

Антана удобно полулежала в широком кресле у камина, напротив нее устроилась Шанти. Они играли в «лис и зайцев» на доске, похожей на шахматную. Впрочем, эта игра и была вроде шахмат. Антана научила Шанти, и они целыми днями сидели за доской, иногда споря до хрипоты – Шанти норовила сжульничать и очень сердилась, когда ее на этом ловили. Играли они с переменным успехом, хотя Андрей подозревал, что Антана специально поддается, чтобы драконице не было обидно. А еще – чтобы та не бросила играть. Неинтересно же все время проигрывать, а у Шанти практически не было никаких шансов – Антана играла в эту игру с детства, отец научил.

– Кто выигрывает? – устало спросил Андрей, целуя Антану в щеку и усаживаясь в соседнее кресло.

– Анташка! Она чего-то жульничает! Я не знаю как, но она придумала какое-то свинство и меня обыграла! Все, не буду сегодня больше играть! – Шанти скинула фигурки зверей с доски и раздраженно фыркнула. – Дурацкая игра! Типично людская! Она слишком глупая, чтобы мой мозг мог опуститься до такого безобразия!

– Да-да... человеческий мозг не идет ни в какое сравнение с мозгом мудрых драконов, – с готовностью кивнула Антана. – Это мудрое племя не может опуститься до этой дурацкой игры, его занимают более важные, мировые проблемы... да-да...

Шанти ловко запустила в Антану пирожком с ягодами, Антана выхватила его из воздуха, внимательно осмотрела и откусила кусочек, но тут же отложила в сторону и вздохнула:

– Не буду. Полнею. Надо мучного меньше есть.

– Да чего ты ерунду говоришь! – Шанти лениво облокотилась на подлокотник кресла и, закинув на другой свою длинную ногу, высвободила ее из-под платья практически до пояса. – Тебе надо есть побольше, чтобы создавать младенца! Не будешь есть – младенец будет хилым. Ешь, ешь пирожок.

– Шанти, благовоспитанные леди так не сидят, – прищурил глаз Андрей. – Убери ногу с подлокотника и спрячь ее под платье. И вообще, почему ты не носишь белья? Если уж ты сделала себе все как у людей, какого демона ты этим сверкаешь на глазах у собеседников?

– Да чего такого-то?! – раздраженно парировала Шанти. – Тут все свои, никого чужого. А если бы я не сделала все как у людей, кто-нибудь бы случайно увидел – служанка, например – и мог бы заинтересоваться, почему это у девушки нет пупка или...

– Ладно-ладно! – перебил ее Андрей. – Хватит откровений.

– Ну ты же спросил. Тебя же очень интересует, что у меня там под юбкой! – продолжала упорствовать Шанти. – Белье не ношу потому, что оно давит! Неприятно! Может, тебя интересуют еще какие-то подробности моего строения или процессов жизнедеятельности...

– Вот это меня интересует меньше всего, – вздохнул Андрей. – Анта, она чего, опять в депрессии? Чего такая ядовитая?

– Она проиграла пять раз подряд, вот и психует, – сообщила императрица, не обращая внимания на возмущенное фырканье драконицы. – А не надо заявлять, что люди суть глупые создания, что они плохо соображают и что им нужен поводырь из мудрых, осененных веками, красивых существ.

– Это она про себя, похоже на то, – невозмутимо кивнул Андрей. – А что, в этом облике она красива, да. Ничего против не имею. А как наденет свою настоящую личину – преступники в штаны делают от страха, не то что простые люди. Что касается мудрости... Тебе рассказать, чем она развлекалась в трактире, когда я пришел? Она тебе еще не похвасталась?

– И чего, и чего? – захихикала Шанти. – Ну попугала негодяя, так живой же! Зато больше не будет девушек обижать. Впрочем, для верности следовало бы откусить ему голову... но тут уж ты мешаешь наказывать супостатов как следует. Кстати, как я поняла, теперь ты сам глава преступного мира столицы. Не жмет корона из дерьма?

– Умеешь ты испортить настроение, – скривился Андрей. – Да, я теперь глава преступного мира! И все деньги, кровавые, грязные, будут течь в казну! Почти все... надо же что-то оставить им на развод, иначе вообще ничего не получим. За один страх никто работать не будет.

– Работать? – недоуменно переспросила Антана. – Это – работа? Грабить людей? Отнимать заработанное? И мы на эти грязные деньги будем жить? Я не хочу таких денег, Андрей. Это черные деньги. А гадов, которые воруют и грабят, надо вешать!

– Согласен, – вздохнул Андрей. – Но нам надо выбирать между плохим и очень плохим. Если мы не добудем денег, все, что я задумал, пойдет прахом. Погибнет много людей. Подожди еще, это не все плохое, что я сделал. Будет хуже.

– Что ты задумал? – настороженно спросила Антана.

– Задумал. Пока не скажу. Меньше знаешь – крепче спишь. Тебе нельзя волноваться. Как ребенок?

– Толкается! – просияла женщина. – Так-кой шустрый, это что-то! Скоро, скоро... Задержка. Повитухи говорят – бывает.

– Врут они всё. Может, просто срок посчитали неточно. Я-то помню,

когда мы с тобой первый раз...

– Эй, а ничего, что я тут слушаю о ваших совокуплениях? – возмущенно буркнула Шанти. – Вы на меня уже, как на мебель, совершенно внимания не обращаете! Как мне ножку выпростать из-под платья, так целая лекция о непристойном поведении, а сами обсуждают подробности своих постельных утех! Да ладно, ладно, я пошутила – чего такие рожи-то скорчили? Как дерьмо увидели! Так, молчать! Ни слова! А то обижусь! Лучше расскажи, о чем ты там с этим подонком договорился.

– Я же сказал – будем его доить, как корову, под страхом смерти. Буду забирать у него девяносто процентов денег, отнял три миллиона – теперь есть чем заплатить армии и стражникам. Меня выведут на пиратских капитанов – дам им грамоты, что теперь они пиратствуют от нашего имени, будут грабить корабли южан, плывущие под флагом Гортуса. Пятьдесят процентов добычи наши. Пока все нормально, в общем.

– Ты думаешь, получится с пиратами? – с сомнением покачала головой Антана. – Они с твоей грамотой будут грабить всех подряд. А когда их прихватит береговая стража – скажут, что это распоряжение императрицы, что они грабили только корабли Гортуса. И опровергнуть их слова будет некому. Знаешь, почему некому? Все, кто смог бы опровергнуть, будут на дне морском. Или ты заранее миришься с таким положением? Андрей, ты ведь знал, что так будет, да? Что они будут грабить всех подряд? Ты понимаешь, что перевозки по морю тогда будут парализованы напрочь? Это ты вроде как налогом обложил купцов? Предсказываю тебе: никто не поедет больше по морю. Все будут тащиться по грязи. Или не поедут вовсе. Вот результат этой операции. Пока пиратов как-то сдерживала стража, пока они боялись – большинство кораблей проскакивало, а ты же знаешь, что в сезон дождей другого транспорта, способного доставить груз в приморские города, нет. Рвать колеса в грязи и уродовать лошадей не хочет никто. Торговли просто не будет.

– Умная сестренка, – кивнула Шанти. – Уже не так обидно, что она меня обыграла. Дело говорит. Ты думал над этим? Или тебе важнее сорвать денег именно сейчас? Сей момент? А потом что?

– Потом может и не наступить, если мы не добудем денег, – буркнул Андрей. – Знаю я все. И знаю, что контроль над пиратами иллюзорен. Как узнать, сколько и чего они награбили? Сколько процентов отдали нам, а сколько заныкали по тайникам? Впрочем, это-то можно узнать, на то есть агенты... Кстати, сестренка, не хочешь заняться работой? Поработать, так сказать, для людей, для общества, для нас с Антой?

– На людей и общество мне плевать, – невозмутимо констатировала

Шанти, – а вот для вас... Негодяи вы, конечно, обижаете меня... не любите... не хвалите, не приласкаете никогда... но – я не против. Чего надо делать? Кому-то голову откусить? Ноги-руки оторвать? Я всегда готова!

– Ну... я не знаю... – Андрей сделал вид, что сомневается, – могу ли я предложить тебе это дело... оно сложное, грязное... не все могут это сделать...

– Что, носки твои постирать, что ли? – хмыкнула Шанти. – Да, это страшное дело! Вряд ли я на него сгожусь! Тут нужен смелый человек!

– Нет, не носки, – мягко продолжил Андрей, – мне нужен начальник тайной службы, который организует сеть соглядатаев, шпионов, доносчиков, наемных убийц, интриганов и шантажистов. Федор на это не годится. У меня нет времени, хотя мне и приходится этим заниматься. Дело очень, очень сложное, и тут нужен умный начальник, не гнушающийся ничем, но верный мне, как... ты. Я вспомнил, как ты преследовала бандитов по улицам города, устраивала засады... ты же готовый тайный агент! А то, что ты можешь принимать любой облик, просто великолепно. И убить тебя очень трудно, почти невозможно. Так что скажешь?

Шанти молчала, что не удивило Андрея. При всей ее безалаберности и хулигански-независимой натуре на самом деле она была очень ответственным существом. Если уж она даст согласие, то будет работать не за страх, а за совесть. Это точно. И еще – она умрет, но не предаст его. Это он знал наверняка.

Молчание затянулось, и Антана нетерпеливо переменила позу, прижав руку к животу. Андрей встрепнулся:

– Что, началось?!

– Нет. Пока нет, – с вымученной улыбкой ответила императрица, – но скоро. Очень скоро. На днях. Скоро, сестричка, станешь теткой. Будешь нянчить Андрюшку?

– Почему Андрюшку? – удивился Андрей. – Вы уже имя ему подобрали? А меня спросили?

– Да чего спрашивать-то? – фыркнула Шанти. – Не ты же вынашиваешь! Тебе чего – сунул, брызнул – и пошел себе! А ей таскать в животе! У нас самка дает имя ребенку. Самцы улетают и знай себе болтаются на охоте. Чего им? Дело-то сделал!

– Фу, гадость какая! – буркнул Андрей. – Ты в своем репертуаре. Ляпнешь так ляпнешь. Ну Андрюшка, значит, Андрюшка. А чего, хорошее имя. Кто предложил?... Понятно. Почему-то я так и подумал.

– И будет у меня два Андрея, – улыбнулась Антана. – Большой и маленький.

– И оба – дети, – хихикнула Шанти. – Без надзора им никак. Хорошо. Буду я твоей начальницей тайной стражи. Но чтобы жалованье и прочее, все как у людей! Дворец мне дашь, слуг – иначе странно будет, что я живу вместе с вами. Да и принимать людей где-то надо. С чего начнем?

– С информаторов у бандитов. Подумай, как это сделать. И еще – подумай, в каком виде будешь к ним приходить. В этом же? Или примешь более незаметный вид?

– Не суть важно, – отмахнулась Шанти, – какой надо, такой и приму. Я их запугаю, тварей. Они медяк лишний будут бояться заныкать! А что – забавно, да. Мне нравится. Спасибо, братец, за развлечение. – Она довольно улыбнулась своим мыслям и встала с кресла. – Кое-какие задумки у меня уже есть. Ты отпустил этих троих, подручных Данеро? Ага. Вот с них и начну. А что касается пиратских кораблей, подкину тебе мыслишку – а почему бы тебе вообще не искоренить пиратство, вооружить корабли стражи новым оружием и самому не заняться грабежом судов Гортуса? На кой демон тебе эти пираты сдались? Проходимцы и мошенники?

– Вообще-то я собирался это сделать в дальнейшем, – признался Андрей, – но только тогда, когда пираты отдадут мне призовые корабли. Оснастить их, вооружить... и вперед!

– Ты лучше ограбь этих тварей, отбери корабли, а их перевешай! И будет спокойнее, и будет развиваться торговля, и налогов пойдет побольше. И флот будет! Учись, братец! Видишь, как хорошо, когда у тебя умная сестричка?

– Иди, умная сестричка... подальше, – ухмыльнулся Андрей и серьезно добавил: – Я подумаю над твоими словами. Мне кажется, тут ты права.

Шанти выпорхнула из комнаты – Андрей не стал спрашивать, куда она направилась. Пусть сама решает, как справиться с заданием. Если что – он подправит.

Антана пристально посмотрела на него:

– Тебе не кажется, что мы все больше куда-то погружаемся, опускаемся? Как в болото какое-то?

– А ты что хотела? – хмуро ответил Андрей. – Так не бывает, чтобы влезть на самый верх и не измазаться. Подожди немного, все наладится.

– Сколько – немного? – погрузилась императрица. – Все так хрупко... построено на лжи, на грязи. Получится ли то, что ты задумал? Стоят ли жертвы результата?

– Стоят! – убежденно заявил Андрей. – Я ведь хочу только добра...

Карета остановилась перед высоким двухэтажным домом, у ворот, украшенных позолоченными фигурками: воин, побивающий какое-то легендарное чудовище, напоминающее дракона.

Андрей усмехнулся – Шанти непременно что-нибудь сказала бы по этому поводу. Какую-нибудь необычайную гадость. Но ее не было – уже три дня она исчезала с таинственным видом, ничего не говоря Андрею, лишь отделяваясь фразами типа: «Я работаю! Ты сам же предложил работу! Не лезь, я все тебе потом расскажу!»

Он и не лез, зная, что драконица все равно не выдержит и в конце концов расскажет о происходящем. Чем больше на нее нажимаешь, тем сильнее она сопротивляется. С Шанти тактика грубого давления не проходит, Андрей давно это уяснил.

В этом красивом доме живет Олра, бывшая его любовь и ныне официальная жена советника императрицы Андрея Монаха. Пока официальная жена. То есть можно сказать, что это его дом. Впрочем, по документам он и числится его домом. Хотя бывал Андрей тут совсем не часто, скорее, даже редко.

Солдаты охраны гарцевали перед воротами на своих сытых, высоченных лошадях, а кучер, сойдя с облучка, постучал в створку древком кнута:

– Эй, открывайте! Господин советник приехал!

В окошечко выглянул привратник, и через минуту ворота с противным скрипом растворились, открывая путь карете хозяина. Кучер вычурно выругался в адрес привратника, обвинив его в лености – даже петли смазать не может! – забрался на козлы, и карета въехала на широкий двор, выложенный гладкими каменными плитами.

Навстречу карете уже бежали несколько слуг во главе с мажордомом, высоким седым стариком, работавшим еще у прежнего хозяина, обедневшего и продавшего дом со всем содержимым – и со слугами в придачу. Он задыхался и, подбежав к Андрею, тревожно сказал:

– Наконец-то! Хорошо, что вы быстро приехали! Госпоже совсем плохо! Когда я посылал за вами, она еще не была так плоха, похоже, что у нее родовая горячка!

– Ребенок? – озабоченно спросил Андрей, вбегая в дом по ступеням широкой лестницы. – Ребенок жив?

– Жив! Слава светлomu Господу нашему! Девочка! Госпожа Олра назвала ее Марго! Сказала, что вам, господин, понравится это имя.

Андрей нахмурился, но ничего не сказал. Олра верна себе – перед смертью она как бы дала понять, что знает о подмене, что Антана когда-то

была Марго и Андрей был с ней близок. Впрочем, это ничего не меняло.

Андрей вбежал на второй этаж, где была спальня Олры, и бросил через плечо Зорану, своему секретарю, едва поспевавшему за хозяином:

– Жди здесь. Возможно, ты мне понадобишься.

Толкнул дверь и оказался в удушливой атмосфере сырости, железистого запаха крови и чего-то сладкого, как будто в комнате курили ладан или что-то подобное. Олра лежала в кровати, накрытая по шею, а вокруг сустились люди – четверо, вероятно, именующих себя лекарями.

Один из них сцеживал в плоскую тарелку кровь из руки женщины, второй что-то читал речитативом, подвизгивая на каждом слове, двое остальных перебирали сумки с резко пахнущими снадобьями, похожими на смесь навоза и селитры.

Губы Олры посинели – она умирала. Ее лицо было белым, как простыня, на которой она лежала. Увидев Андрея, женщина шевельнула рукой и попыталась что-то сказать, но не смогла, и ее бледная рука упала назад, на кровать.

– Вон все! – жестко сказал Андрей.

– Господин советник, мы... – начал тот, кто сцеживал у Олры кровь, но Андрей с размаху ударил его по лицу так, что отбросил шага на два.

– Вон твари! Она и так море крови потеряла! Ты чего, тварь, у нее последнюю скачиваешь?! Убью, сука!

– Но мы... дурную кровь...

– Я сейчас тебе самому дурную кровь выпущу! Всю! До капли! – Андрей шагнул к лекарю, и того как ветром сдуло – он выбежал следом за коллегами, позабывшими даже о сумках с дерьмовыми порошками, и прикрыл за собой дверь.

Повернувшись к Олре, Андрей коснулся ауры и стал впитывать лихорадку, боль, всю заразу, которую занесли грязными руками повитухи. Он никак не мог привыкнуть, что этот мир не дорос до понятия «дезинфекция» и к тому, что каждые третьи роды заканчивались заражением роженицы, а каждые десятые обязательно заканчивались смертью новорожденного. Каждые двадцатые – смертью роженицы.

Мельком проскочили две мысли. Первая – надо реформировать систему медицинского обслуживания. И вторая – как и решил, нельзя подпускать ни одного человека к Антане во время родов. Сам примет ребенка.

Олра задышала легко и спокойно. Синюшная бледность ушла, но до полного выздоровления было еще далеко – организм не мог сразу восстановить утраченную кровь, для этого нужно время. Однако лечение

пошло на лад, и от разрывов, полученных при родах, остались лишь небольшие шрамы, которые рассосутся в течение нескольких дней. Видимо, девочка была крупной, поэтому роды прошли тяжело. Да и квалификация этих чертовых лекарей оставляла желать лучшего.

Женщина очнулась. Она робко открыла глаза, как будто не веря в происшедшее, глубоко вдохнула, подняв полной грудью простыню, на которой виднелось ярко-красное пятнышко крови.

– Ты пришел... я так боялась, что ты не придешь... я звала тебя, звала, звала, кричала... и чуть не умерла. Ты знаешь, я папу видела. Но он меня прогнал. Я к нему потянулась, обняла его, а он улыбнулся, оторвал мои руки и толкнул назад, к тоннелю. Я летела... летела... летела... бах! И снова тут. И ты тут. Ты знаешь, у нас ведь родилась девочка. Я назвала ее Марго. Ты не сердишься? Ты не подумай чего плохого, милый, я тебя до сих пор люблю. Я никогда не причиню тебе зла, клянусь! Никогда, пусть я лучше умру! Дура я была. Ох, дура... надо было хватать тебя и бежать на край света, бросить все, забыть обо всем... но что теперь поделаешь. Все так, как оно есть. Правда же? Или нет? – Олра с надеждой смотрела в глаза сидящего рядом с ней на постели мужчины, а он молчал.

Его глаза говорили: «Прости, у меня в душе осталось еще что-то, да... но... место занято. Той, которой я оказался нужен больше». И Олра заплакала.

Она не плакала так с детства, когда соседский мальчишка сломал подаренную ей отцом игрушку. Плакала так, как не плакала никогда, будучи взрослой женщиной, – навзрыд, с воем, до обморока, как по мертвому. Впрочем, по мертвому и есть. Она оплакивала убитую ею любовь.

Отрыдавшись, Олра успокоилась и замерла, схватив руку Андрея и прижав ее к губам.

Андрей смотрел на женщину, бывшую когда-то для него самым близким человеком в мире, и думал о том, как мало нужно, чтобы дом, строившийся месяцами, а то и годами, разрушился. Стоит лишь толкнуть в нужном месте, подправить... и посыпались стены, завалили все, что было красивого, светлого.

– Все, успокоилась? – спросило он грустно. – Что же ты раньше за мной не послала? Это же не лекари, это шарлатаны проклятые! Поубивал бы! Через пару дней уже будешь на ногах. Как девочка? С ней все нормально?

– Да, слава Господу! Крупненькая, такая красавица! В нас с тобой. – Олра счастливо улыбнулась. – Я так мечтала о девочке, так ее хотела! Спасибо тебе! Не думала, что рожать так больно и трудно. Не ожидала.

– Делов-то, – лукаво усмехнулся Андрей. – Напряглась, щелк! – и готово. Чего преувеличиваешь-то?

– Тьфу! Треснула бы тебя! – рассмеялась Олра, довольная, что Андрей с ней шутит, как в былые времена. – Сам бы попробовал! Вас, мужиков, заставить бы рожать, тогда знали бы, как получаются дети. А то небось в вашем представлении это только лишь... м-да. В общем, худо мне пришлось. Спасибо тебе.

– Нечего благодарить, – досадливо отмахнулся Андрей, – не чужие ведь. Да, не чужие. Ты мать моей дочери. И я тебя не оставлю без помощи. Ты же знаешь.

– Знаю, – снова погрузилась Олра, – знаю. А может, мы с тобой, иногда, когда Антана не может...

– Давай не будем об этом, а? – прервал ее Андрей. – Лучше поговорим на другие темы!

– Понимаю, – кивнула Олра. – Как у тебя дела с армией? Я слышала – разговоры идут нехорошие. Вроде как жалование задерживают. Ты выправил положение?

– Кто тебе сказал про армию? – насторожился Андрей.

– Я же бываю у вельмож. Благодаря тебе, кстати. Они пытаются заручиться моей поддержкой – так, на всякий случай. Я ведь жена самого могущественного человека в империи. Правой руки императрицы.

– Ага. Понятно. И что говорят?

– Говорят, что казна пуста, что армия волнуется и как бы скоро у нас не был новый император. Многие собрались бежать в провинцию, в свои дальние поместья, на всякий случай, пока гроза не пройдет.

– А что насчет лояльности? Основная масса как? Не собираются строить мне козьи морды?

– Какие морды? А! – Олра рассмеялась. – Иногда я просто теряюсь от сочности твоих высказываний! Ты пойми, я общаюсь с теми, кто тебе в общем-то лоялен или нейтрален. Те, кто тебя ненавидит, меня не принимают.

– Интересно. И много таких?

– Ну-у... половина. Не меньше. Но они тоже выжидают. После того как ты расправился с главарями мятежа, охоты бунтовать у них точно поубавилось. Боятся. Хотя связь с Гортусом, я думаю, держат. Шпионят для него, это точно.

Андрей помолчал, переваривая услышанное, и, кивнув головой, подтвердил:

– Да. Проблемы с деньгами есть. И большие. Временно я их решил, на

пару недель максимум, но мне нужны деньги. Много денег. На ведение войны, на переоснащение армии. Если я успею провести реформу армии – война будет выиграна. Сто процентов. Но где деньги взять, ума не приложу. Я сунулся в имперский банк, взять заем – а он пуст. Почти пуст. Остались вклады мелких пользователей, по миллиону – два – три. Остальные успели изъять вклады. Вывезли золото. Банкиры разводят руками, мол, нет ничего. Перехватил пару миллионов, и то еле успел, граф Ситаран возмущался так, что чуть не описался от злости. Все выгребли. Вот и посоветуй – где взять деньги? Как добыть несколько десятков миллионов на армию, на перевооружение, на постройку завода, на все, что мне необходимо? Казна пуста. Что делать?

– Грабь, – ни секунды не задумываясь, ответила Олра. – Что ты на меня так смотришь? Грабь! Отбирай деньги! У тех, у кого они есть! У кого много денег! Подумай, у кого они есть, и забирай. Война окончится, ты выиграешь, и никто не вспомнит, на какие деньги ты ее выиграл и как ты их добыл. Победитель всегда прав.

– У нас говорят – «победителей не судят», – автоматически буркнул Андрей, взвешивая сказанное.

– Вот-вот, хорошо сказано, победителей не судят! – обрадовалась Олра. – Смотри, что получается: есть банк, в котором лежат деньги. Назрела война, люди свои деньги изъяли, лишив банк возможности финансировать государственные программы, фактически подрубив твои планы под корень. То есть они сработали как государственные преступники. Что тебе мешает объявить их таковыми? И забрать все, что у них есть? Повод можно найти, да. Придумать на самом деле. Пусть пять человек покажут, что такой-то отправлял их Гортусу, намереваясь заключить с ним соглашение. Гадко? Да. И что? Да наплевать! Главное – дело! Я тебе дам примерный список тех, кто сочувствует Гортусу, кстати, это самые богатые аристократы и есть. Стоп, чего ты улыбаешься? Вот негодный! Ты же это сам уже продумал, и давно! Я же тебя знаю, муж мой. Не хмурься, не хмурься... позволь мне хоть иногда называть тебя мужем. Ведь мы были когда-то счастливы... как я сейчас. И пока ты мой муж. Я тебе нужна, я верная, умная, преданная тебе. И я мать твоей дочери. Кстати, мы скажем ей, что ты ее отец?

– Конечно. Дочь должны знать своего отца. И ты будешь жить в императорском дворце. Мои дети должны воспитываться вместе, одинаково, пусть даже один будущий император, а другая... другая будет графиней. Скажу Антане, чтобы она указом пожаловала тебе графский титул. Мы сделаем по-хитрому – найдем хороших писцов, подчистим

генеалогическое древо какого-нибудь исчезнувшего, захиревшего рода и впишем туда твоих родителей, якобы они дети одного из графов, а ты – соответственно графиня. И императрица, узнав об этом, восстановила справедливость, присвоив тебе титул. Она имеет на это право. Все будет отлично.

– Я люблю тебя. Какой ты умный, какой ты...

– Только не рыдай, ладно?! – рассмеялся Андрей. – Если любовь кончилась, это не означает, что не может быть дружбы и привязанности. Я же сказал, что не оставлю тебя и мою дочку... Дочку... – Андрей будто покатал на языке это слово и смущенное улыбнулся. – Никак не могу привыкнуть, что я стал отцом. И скоро стану им снова.

– Как, кстати, у Антаны дела? Скоро?

– Скоро. Ждем со дня на день. А ты переходила, да?

– Ага. Переходила. Предлагали мне попить порошков, чтобы выгнать ребенка пораньше, – я отказалось. Бред это все. Когда надо ребенку, тогда он и выйдет. Как Бог решит. Ее не тошнит?

– Кого? А! Анту? Нет. Отлично себя чувствует.

– Эх, мужчины, мужчины... я тебе про ребенка – а ты уже мыслями весь в деле, – рассмеялась Олра. – Да, наверное, это правильно. Для нас нет ничего важнее детей, а вы должны думать, как нам всем выжить. Отец тоже такой был. Наверное, потому я тебя и полюбила, что ты очень похож на моего отца. – Олра вздохнула и добавила: – Ладно. О любви потом. Слушай, а о церкви ты думал? Вот у кого денег море. Все жертвуют церквям. У них капиталы немереные. Объяви, что церковь как часть государства должна заботиться о его сохранности. Иначе... в общем... вижу, ты уже и это продумал. С тобой неинтересно, ты все знаешь! – рассмеялась Олра. – Хочешь посмотреть на малышку?

– Хочу! А можно?

– Глупый! Тебе все можно! Я твоя! Малышка твоя! Мы твои близкие! О чем ты говоришь?! Сейчас.

Она дернула за шнурок у кровати, где-то далеко раздался удар гонга. Дверь распахнулась, и в комнату заглянул озабоченный мажордом.

– Что... что, господин... госпожа! Ой, радость-то какая! Госпожа здорова! А эти идиоты лекари...

– Тебя как звать? – спросил Андрей у старика.

– Аким.

– Аким, открой дверь пошире и встань рядом, не загораживай проход... ага, вот так!

Андрей наклонился, поднял три лекарские сумки, взяв их в охапку, и

со всей силы вышвырнул в коридор. Сумки с гулом пролетели мимо испуганного мажордома и, похоже, в кого-то попали, потому что в коридоре пискнули и заскреблись.

– Чтобы этих тварей, именующих себя лекарями, и на пороге больше не было! Увижу – убью! И ни медяка им! Все. Неси сюда малышку, я хочу на нее посмотреть.

– Сейчас, сейчас! – просиял старик. – Она наелась молока кормилицы, спит, такая красивая, такая славная!

Он исчез, и через пять минут в комнату вплыла здоровенная бабища, одна из самых больших женщин, которых Андрей видел в своей жизни. Ее груди напоминали арбузы, а ручищи были как у борца-тяжеловеса или штангиста. Этими руками она нежно прижимала к себе маленький кулек, терявшийся на ее телесах. «Штангистка» улыбнулась Андрею и прогудела как тихая сирена, если такие бывают:

– Здравствуйте, господин советник! Какая славная у вас малышка! Крупненькая! Здоровенькая! Поздравляю! Она красавица – вся в вас. И в маму. Наелась молочка и спи-ит... Хотите посмотреть на ручки-ножки? У нее все в порядке – и рученьки, и ноженьки. Я все проверила. Никаких безобразий. Славный ребенок. Молока у меня много, будет кушать и расти, кушать и расти... у-у-у... моя сладкая!

Андрей наклонился над кульком и всмотрелся в лицо дочери – честно сказать, никакой похожести ни на кого он не увидел. Младенец как младенец – глазки закрыты, сопит носиком... красненькая.

– А чего она красная такая? – озабоченно спросил он. – Чего не розовая? И пятнышки какие-то... не болеет? – Он проверил ауру – нет, та сияла ровным светом, ни красных прожилок, ни черноты. На всякий случай Андрей добавил ей здоровья от себя, аура засветилась сильнее, а красные пятна вроде как побледнели.

– Хо-хо-хо! – как Санта-Клаус, заухала женщина-гора. – Ой, не могу! Простите, господин советник, не удержалась. Все мужики про это спрашивают. С чего ей быть розовой, когда она только что вылезла из... в общем, нормально это. Потом кожа очистится и будет розовенькая и красивенькая. Вас протащи через... хм... вы и не так пятнами покроетесь... хо-хо-хо... Подержите-ка ее. Не бойтесь, не бойтесь, она не стеклянная! Чувствуете, какая тепленькая, приятная? Ваша дочь, запомните, как вы взяли ее на руки в первый раз. Все когда-то в первый раз... – вздохнула она и приняла назад сверток с младенцем.

Андрей повернулся к Олре, хотел что-то сказать, и тут из коридора раздался озабоченный голос Зорана:

– Господин советник, господин советник! Посыльный! Срочно! Императрица рождает! Быстрее, вас требует!

Андрей ошеломленно обернулся к секретарю, хотел бежать, но Олга поймала его за рукав, приподнялась, нагнула за шею и поцеловала в губы, шепнув:

– Может, в последний раз. Прости уж за смелость. Удачи вам с Антой.

Женщина откинулась на подушки, следя за убегающим любимым, и горько вздохнула по ушедшему. Потом посмотрела на новорожденную, и ее лицо озарилось счастьем – вот она, дочь!

И все остальное показалось таким не важным, мелким, незначительным...

Глава 4

Секретарь подал графу Гегайло футляр, запечатанный печатью императрицы. Граф, полный мужчина лет сорока, с глазами навывкате и широким сальным лбом, посмотрел на этот футляр, будто в нем могла лежать ядовитая змея.

– Что это? Откуда? – воззрился он на секретаря Жасиора, человека лет тридцати, шестого сына мелкого чиновника управы. – Ты где это взял?

– У гонца, господин граф. – Секретарь, работавший у графа второй год, поклонился, усмехаясь в усы. Забавно было посмотреть, как у хозяина, наглого и самодовольного типа, трясутся поджилки при виде имперской печати.

– Какого гонца, болван?! – вспыхнул граф, стукнув кулаком по столу. – Ты можешь объяснить как следует?! Какого демона ты паясничаешь?

– Простите, господин граф! – еще ниже согнулся секретарь. – И мысли не было паясничать! Приехал гонец, передал привратнику грамоту, сказал, что это письмо императрицы, и все – ускакал! Я не знаю, что это такое. Оно запечатано личной печатью императрицы. Это все, что мне известно!

– Распечатывай! – приказал граф, глодая ножку фазана, запеченного под силванским соусом с яблоками. – Читай, только почетче, я стал что-то плохо слышать.

«Жир тебя душит, гадина ты эдакая! – подумал секретарь. – А жалование зажимаешь, гнида обжорская!»

Жасиор сломал печать и достал из футляра свернутый в трубочку листок бумаги. Она была ослепительно-белой – говорили, что советник императрицы наладил производство такой бумаги, отличающейся от привычной коричневатой, похожей на кожу. Эта приятно похрустывала и была на порядок выше качеством, чем прежняя.

– Читай, читай быстрее! – потребовал граф и даже отложил на время фазанье крылышко, которое собирался положить в рот.

– «Господин граф! – нараспев начал секретарь. – Я, Императрица Антана, приветствую Вас, своего верного подданного. В это непростое время, я уверена, каждый человек в империи думает о том, как помочь родной стране преодолеть трудности, связанные с тем, что мятежники пытаются начать братоубийственную войну. Как известно, победить в войне без армии невозможно, а на нее нужны средства. А где взять средства, если некоторые подданные забывают вовремя заплатить налоги?

Уверена, что Вы просто забыли выплатить свой долг казне размером в семьсот восемьдесят тысяч золотых. Кроме того, как верноподданный, уверена, Вы не откажете казне в небольшом займе размером в десять миллионов золотых...»

– Сколько?! – прервал секретаря граф, вытаращив свои рачьи глаза так, что они чуть не выпали на стол.

– Десять миллионов золотых, – равнодушно повторил Жасиор и продолжил: – «Как мне известно, Вы располагаете такой суммой. Только лишь недавно Вы забрали из имперского банка двенадцать миллионов золотых, мотивируя это желанием прикупить новое поместье и земли. Уверена, Вы поможете империи в такое непростое время и ссудите короне деньги под полпроцента годовых. Жду Вашего письма с датой и временем передачи денег в казначейство, с учетом задолженности по налогам. Императрица Балрона Антана». Дата, подпись.

– Это что такое?! Это грабеж! – яростно крикнул граф, и не успел затихнуть его крик, как в дверях появился мажордом.

– Господин граф! К вам граф Хаденор! Что ему сказать, вы его примете?

– Болван! Конечно! Веди его сюда!

Минут десять граф Гегайло яростно расхаживал из угла в угол, плюясь и ругаясь всеми черными словами, какие знал, потом уселся и стал ждать гостя, сцепив руки в замок так, что его толстые, как сосиски, пальцы побелели.

Граф Хаденор, высокий, импозантный мужчина лет пятидесяти, появился в дверях, держа в руках футляр, похожий на тот, что получил Гегайло. Он был хмур, сосредоточен и молчалив более обыкновенного. Без лишних слов и околичностей он кивнул на стол, где лежало такое же письмо, и спросил:

– Граф, что вы думаете по этому поводу? Сколько она вам выставила?

– Десять. А вам?

– Тринадцать.

– Ну да, вы же побогаче меня. А забрали из банка, наверное, пятнадцать? – усмехнулся толстяк. – Всегда считал, что держать деньги в банке – все равно что размахивать ими на перекрестке дорог: смотрите, сколько у меня есть!

– А зачем тогда клали на счет? – пожал плечами Хаденор.

– Ну не дома же хранить! Всегда было надежно. А как войной запахло, я и решил – могут пропасть денежки. И снял. И вы так же поступили, да?

– Да. И не жалею. На кой демон нам поддерживать этих выскочек?

Якобы она происходит из семьи герцога Паленского, а он – из графов Ворновых! Лгут, как рыночные торговцы! Слепили документы, и все! Весь архив в руках императрицы, делай что хочешь. Так что будем делать, Габраил?

– Уважаемый Сермон, я только что получил это письмо. У меня голова кругом идет, я не знаю, что делать! Может, вы что-то посоветуете? Как я понял, у вас было больше времени, чтобы подумать над посланием. Когда вы его получили?

– Час назад. Почитал, подумал и сразу к вам. Послушайте, может, она прознала, что мы связались с Гортусом? Что его отец был приятелем моего и в школе учился вместе с вашим в одной группе?

– Нет. Они выскочки. Им никто ничего не скажет. Императрица и советник не нашего круга. Кстати, слышали? Якобы сын императрицы, будущий император, очень похож на советника!

– Перестаньте. Сколько ему – несколько дней? Три? Четыре дня? Как можно сказать, от кого он? Младенцы все на одно лицо. Хотя... слухи такие ходили. Уж очень этот тупой рубака близок к Антане. Женщины любят вояк...

– Вам-то это точно известно, – криво усмехнулся Гегайло. – Ходят легенды о ваших победах над дамами, граф. Замужними в основном.

– Перестаньте. Сейчас не до легенд. Итак, запрос императрицы. Что делать?

– Бежать, конечно. Уехать из города. Немедленно. Поехать в дальнейшее поместье, ближе к югу, и ждать Гортуса. Взять сильную охрану, погрузить золото, и в путь.

– Все золото?! Вы представляете, сколько оно весит? – хмыкнул Хаденор. – Вы же не сможете взять все! Вам понадобится караван из десяти возов! А мне из двенадцати. И охрана. Я только из хранилища банка возил их несколько дней. Кстати, у вас задолженность по налогам есть?

– А у вас?

– Девятьсот тысяч. За несколько лет.

– А чего не платили?

– А вы? Чего глупые вопросы задаете? – рассердился гость.

– Успокойтесь, Хаденор, мы с вами сидим на одном стуле. Платить, конечно, глупо – завтра Гортус придет, а мы деньги отдадим этой курице! И ее петуху! Уезжать надо. Деньги спрятать в поместье, а с собой забрать то, что уместится в одной повозке. Уверен, у вас есть тайник, который найдете только вы. И у меня есть. Так что даже если заберутся в дом, ничего не найдут. Впрочем, здесь оставим сильную охрану, и все будет нормально.

Мы с вами самые богатые люди в этой империи, или одни из самых богатых, скажем так. Чего нам бояться эту выскочку? У нас сильная охрана, наемники плюс наши гвардейцы, которые не чета рохлям Антаны. Если что – пробьемся!

– Уверены? – прищурился Хаденор. – Говорят, что гвардия императрицы в последнее время стала гораздо боеспособнее. А еще этот самый спецназ, как его называют. Вырядились в странную форму, как грязную, всю в пятнах, и бегают, палят из этих штук – ружья называются. Не опасно будет выезжать?

– Демоны! – в отчаянии возопил граф Гегайло. – Что, горите желанием вывалить ей тринадцать миллионов?! Пока за нас не взялись – бежать надо! И прямо сейчас, в ночь! Иначе поздно будет. Вы как хотите, а я уже собираюсь. – Он посмотрел на Хаденора и вдруг за его спиной увидел небольшую черную кошку. Она как будто улыбалась, глядя на графа, и в ее глазах ему привиделся демонический блеск.

– Откуда здесь эта тварь?! – яростно крикнул Гегайло и, будто несчастная кошечка была виновата в его бедах, изо всей силы кинул в нее фарфоровой чашкой с остатками чая.

Конечно, не попал, только забрызгал темной жидкостью рукав камзола Хаденора. Пока извинялся, пока искал глазами кошку – та уже куда-то исчезла.

– В общем, Хаденор, я выезжаю. Что касается этих ружей – чушь собачья! У меня пятьдесят лучников да пятьсот солдат в полном вооружении! И здесь остается двести человек. Пусть попробуют взять!

Караван был готов через три часа. Доверенные слуги долго перетаскивали мешки из потайной комнаты в тоннеле под домом, следя за тем, чтобы кому не следует не увидели, где она находится. Затем граф собственноручно запер потайные двери хитрыми замками, подобрать отмычку к которым было невозможно. Его домашние уже сидели в карете – старший сын, с вечно недовольным, плаксивым лицом, похожий на отца как две капли воды, дочь, еле влезшая в очередное парчовое платье, и жена, надменно взирающая на своего мужа, менее родовитого, чем она. Она его всегда презирала.

После того как Гегайло взгромоздился в карету, заскрипевшую под его немалым весом, караван тронулся в путь. Управляющий помещьем остался стоять у ворот, провожая хозяина, а гвардия Гегайло и наемники, закованные в броню, оцетинившиеся клинками разнообразного первоклассного оружия, обступили карету живой, закованной в железо

стеной, расталкивая случайных прохожих и нещадно хлеща плетью куда попало. А попадало так, что некоторые падали, сбитые с ног ударом плети, утяжеленной свинцовыми шариками.

Вечерние улицы были пустыньны. В последнее время деловая жизнь столицы угасла, затаилась в ожидании перемен и грядущей войны. Дождь, как будто напугавшись грозного вида графского отряда, заполонившего всю улицу от стены до стены, тоже притих, и даже ветер не колыхал поверхность больших луж и намокшие плюмажи шляп челяди графа.

До городских ворот они добрались за час – караван шел небыстро, да и огромная, лакированная черным лаком карета катила медленно, влекомая четверкой лошадей. Кроме того, три воза с деньгами, окруженные охранниками в блестящей броне, непробиваемой даже стрелой, не располагали к бодрой скачке.

Граф прикинул, что до первого поместья они доберутся к утру, – дорога от столицы до поместья была булыжной, так что особых хлопот не предвиделось.

Поместье большое, окруженное мощными стенами, даже можно сказать – крепость, так что взять там графа будет очень трудно, особенно с его войском. Оттуда он разошлет гонцов в остальные свои поместья и скоро соберет войско, сравнимое с императорским. Денег у него хватает, оружия тоже. Несмотря на свой смешной облик, граф был совсем не дурак. Наоборот, он обладал трезвой головой и ясным умом, не зря Хаденор в первую очередь бросился именно к нему. Гегайло умел в определенный момент выбрать правильное решение.

Неожиданно отряд остановился. Граф открыл дверцу кареты и подозвал секретаря. Жасиор выслушал приказание, прищипорил коня и поскакал в голову колонны, узнать, что там случилось. Через несколько минут вернулся и со слегка растерянным видом доложил:

– Господин граф! Ворота закрыты! Стражник сказал, что у него приказ не выпускать вас из города.

– Что-о-о?! Это как понимать?! Да я их... я их... в порошок сотру! Я их уничтожу!

– Габраил, мне все это не нравится, – слегка гнусаво сказала графиня. – Чувствую, это неспроста. Не спеши. Выясни, в чем дело. Как бы беды не было...

– Думаешь, они закрыли ворота в связи с письмом? – нахмурился Гегайло. – Впрочем, я сейчас узнаю.

Пыхтя как паровоз, Гегайло вывалился из кареты и мимо строя своих латников пошел к воротам. Перед опущенной стальной решеткой стоял

парень в солдатской одежде, с алебардой и точил ляды с какой-то рыжеволосой красоткой. Они увлеклись разговором, смеялись и обращали на знатного вельможу и отряд латников внимания меньше, чем на муравейник.

Граф, кипя от злости, подошел к парочке и только тут заметил, что парень был одноглазым – часть лица закрывала черная повязка, а на виске шрам, как будто через глазницу что-то прошло и вышло через висок.

Парень мельком глянул на подошедшего графа, которого сопровождали секретарь и командир графской стражи, сорокалетний мужчина с жестким, угловатым лицом и прищуренными, как у кота, глазами, и снова отвернулся к звонко рассмеявшейся собеседнице. И только когда Гегайло рывкнул, соизволил обратить на него внимание:

– Вы граф Гегайло? Замечательно. И вы спрашиваете, почему ворота закрыты и какого хрена вас не выпускают? Отлично. У меня грамота, которую я обязан вам отдать, предварительно прочитав во всеуслышание.

– А кто ты такой? – презрительно процедил граф, мучительно вспоминая, где он видел этого наглеца.

– Я Зоран, секретарь первого советника императрицы, – спокойно ответил парень, и граф наконец-то вспомнил: да, этот наглец всегда был рядом с советником! И девицу он где-то видел...

– Так вы готовы выслушать указ императрицы, господин граф? Он касается персонально вас.

– Читай, а потом открывай ворота, иначе мы их сами откроем, – прорычал граф. – Хамы! Наглецы! Пороть вас надо, твари безродные!

– «Я, Императрица Балрона милостью Божьей, Антана, объявляю: граф Гегайло, который вопреки моей воле попытался скрыться и лишить корону принадлежащих ей денег в виде укрытых от нас налогов, а также будучи уличен в связях с бунтовщиком и богоотступником Гортусом, объявляется государственным преступником и подлежит императорскому суду. Имущество графа Гегайло и его состояние конфискуется в пользу империи, а сам он будет препровожден во дворец для решения его судьбы. Всякий, кто осмелится оказать ему помощь, материальную или военную, также объявляется государственным преступником и подлежит наказанию в соответствии с законами Балрона. Императрица Антана, сего года, сего числа, четыре часа пополудни, императорская резиденция». Вот, господин граф, получите указ. Вопросы есть? Сами сдадитесь или же нужно прибегнуть к силе? – Наглое лицо парня светилось довольством, он как будто не видел стоящих напротив него нескольких сотен тяжеловооруженных солдат и ему нравилось играть с судьбой.

– К силе? – ошеломленно переспросил Гегайло. – К силе?! – Он завопил так громко, что вспугнул птиц, клевавших лошадиное дерьмо немного поодаль, на дороге, возле серо-желтой лужи грязной воды, перемешанной с лошадиной мочой. – Ты что, идиот?! Открывай ворота, одноглазая помесь свиньи и петуха! Иначе мы их сейчас сами откроем! А тебя повесим на этих самых воротах, дебил!

– Господин граф, это же бунт, бунт против короны, – громко и четко произнес Зоран. – Я же зачитал и передал вам указ нашей императрицы, да продлит Господь ее дни!

– Императрицы?! Этой смазливой шлюхи?! – завопил Гегайло, совсем потеряв разум от ярости. – Да пошла она!.. Грабить взялась?! Как разбойница?! Да она медяка от меня не получит, медяка ломаного и тертого! Рийтар, открыть ворота! А этого придурка повесить на них!

Короткая команда, и двое латников бросились к Зорану. Не успели они добежать, как прогремел гром, и оба упали на землю как подкошенные, и под ними начала образовываться красная лужа.

Гегайло побледнел и рысью побежал назад, под прикрытие своих солдат. Они образовали каре, выстроившись боевым порядком – привратная площадь это позволяла, – и начали двигаться к воротам короткими приставными шагами, прикрывшись окованными железом щитами. Позади закованных в сталь латников выстроились несколько десятков лучников с наложенными на тетиву стрелами – благо, что дождь ненадолго отступил и тетивы оставались сухими, пригодными для стрельбы.

Внезапно откуда-то выскочил большой отряд солдат в странной форме, покрытой разводами и пятнами, будто бойцы недавно вывалились в грязь. Они заняли позицию перед воротами. Передний ряд держал огромные квадратные щиты, упертые нижним краем в землю, под углом в сорок пять градусов. В щитах были сделаны прорезы, в которые бойцы высунули непонятные сдвоенные трубки. Кроме того, такие же солдаты появились на крепостной стене и тоже держали трубки, укрепленные на деревянной ложе. Эти штуки чем-то напоминали арбалеты, но на ложе не было стального лука.

Рийтар помедлил, засомневавшись, но все-таки отдал приказ:

– Лучники, стрельба по моей команде! Первый взвод – бегом в атаку и захватить механизм подъема ворот! Начали!

Стая стрел с убийственной точностью вылетела из луков наемников и с огромной, кажущейся невероятной силой вонзилась туда, куда они метили, – в ноги, руки, в части тела, случайно высунувшиеся из-за щитов

противника. Остальные стрелы воткнулись в странные щиты, завязнув в них и мелко дрожа, будто боясь того, что сейчас могли бы наделать.

На крепостной стене не было ни одного раненого. Бойцы прикрывались зубцами, а кроме того, у них тоже были щиты, подобные тем, которыми прикрывался отряд внизу. Стрелять из луков вверх было гораздо сложнее, точность ниже.

Бойцов, противостоящих пяти сотням наемников Гегайло, было около двухсот человек, потому Рийтар и решился на эту атаку. Весь его воинский опыт говорил о том, что перевес на его стороне. Но он просчитался.

Ответный залп был ошеломляющим. Пули со стальными сердечниками из нарезных двуствольных штуцеров буквально вынесли первые ряды нападающих. Промазать было невозможно – в тесном строю атакующие латники бежали друг за другом, и тяжеленные пули, пробив, как картонные, латы авангарда, прошили их тела, а на излете ранили или убили тех, кто бежал следом. Второй залп прозвучал через секунду после первого, и наступила тишина, которую нарушали лишь стоны и крики раненых да звон гильз, выброшенных эжектором штуцеров на мостовую.

Те, кто сидел на крепостной стене, были вооружены не штуцерами, а длинноствольными винтовками, партия которых поступила с завода буквально на днях.

Их было шестьдесят человек, самых умелых стрелков, выделенных из общей массы рекрутов после длительных, изнуряющих тренировок с ружьями. Каждый отстрелял не менее тысячи патронов. На овладение новым оружием, винтовками ушло дня два, поэтому Федор очень волновался, как они покажут себя в снайперской стрельбе. Для короткоствольных штуцеров дальность была неважна – главное крупный калибр и скорострельность. По толпе невозможно промахнуться, а вот снайперы с винтовками должны были быть очень умелыми.

Да, часть стрелков все-таки промахнулись, но большинство попало в цель.

Половина лучников полегла сразу, остальные получили по стреле и болту из луков и арбалетов от затаившихся на крепостной стене традиционных стрелков, что тоже не было полезно для здоровья. Оставшихся лучников добила из винтовок снайперы. Хотя они и стреляли гораздо медленнее штуцеристов, но их скорости хватало, чтобы перезарядиться раз в несколько секунд: дернуть затвор, вогнать патрон, навести – бах! Пуля со стуком пробивает латы, оставляя маленькую дырочку с неровными краями, и... все. Совсем все. Навсегда.

Отряд наемников споткнулся о трупы товарищей, наваленные как

дрова, замешкался и был расстрелян на месте, как стая куропаток, любопытно поднимающих голову навстречу смерти – откуда же она летит? Пока наемники сообразили, что единственный выход – это упасть на землю и закрыть затылок руками в знак сдачи в плен, от отряда осталось в живых около ста человек и те были в основном ранеными.

Рийтар погиб одним из первых – штуцерная пуля разворотила ему грудь и, сломав грудину, ушла вверх, выйдя сквозь правое плечо и оставив тоннель, через который кровь вылетела за считанные секунды.

Гегайло, который до начала атаки ушел назад, туда, где стояла его карета, остался жив и отделался царапиной – шальная пуля ударила в карету, отщепила длинный кусочек лакированного дерева, и тот воткнулся ему в подбородок, как маленькая стрела. Бежать он не успел – улицу перекрыла стража, и графу оставалось лишь трястись, как пудинг, и ждать своей участи.

В кабинете было тихо, лишь жужжала муха, бессмысленно тыкающаяся в оконное стекло.

– Не подранили? – Андрей обернулся к Зорану, безмятежно стоявшему у стены, с пачкой документов в руке. После того как парень получил ранение, лишившее его глаза, он стал спокойнее и как-то... злее, что ли. Раньше он просто лучился светом и весельем, теперь его душу будто подернуло пеплом.

Андрей мог бы вернуть ему глаз, вылечить, но пока не хотел этого делать, чтобы не светить свои способности. Потом когда-нибудь. Да и времени не было. Растить глаз – это не кровь остановить. Процесс сложный и длительный.

– Нормально. Мы сразу нырнули за будку привратников, так что до нас ни одна стрела не долетела. Ох и месиво же там получилось! Я думал, госпожа Шанти испугается крови, а она молодец, даже не вздрогнула. – Зоран с любовью посмотрел на драконицу, и Андрей слегка нахмурился – этого еще не хватало! Влюбиться в драконицу, которая не может ответить тебе тем же, – это ли не трагедия? Зоран не знал, что Шанти не человек. Для него она была яркой красоткой с огненными волосами, мечта мужчин.

– Записали, что говорил Гегайло?

– Все до слова. Судья подписал. Свидетели тоже. Они прятались на стене.

– Перепугались?

– А то ж... судья чуть не обделался от страха, когда засвистели стрелы, – это мне ребята со стены рассказали. Но все оформил как надо,

так что для суда все готово. Там вас дожидается патриарх, позвать его? Вы назначили ему на полдень. Похоже, он кипит от злости, обед – дело святое. Гораздо святее, чем молитва. А вы его лишили обеда.

– Ничего. Иногда надо отказаться от яств в пользу бедных, попоститься, – безжалостно отрезал Андрей. – Пусть подождет, ему полезно. Спесь сойдет. Что там с Гегайло? Остальные деньги? Сопротивления в особняке не было?

– Нет. Мы доставили его туда, к воротам, и он приказал открыть их. Потайную комнату вскрыли, деньги перевезли в хранилище банка, оформили поступление на счет казны. Оформляем документы на переход права собственности всего его имущества.

– А семью куда? Жена, дети?

– А не все ли равно? – равнодушно пожал плечами парень. – Уехали куда-то, к родне своей. Она же из знатного рода, супруга его. Только матерится как сапожник. Нас материть боится, а мужа крыла так, что уши в трубочку сворачивались. Злобная баба.

– Сколько поступило в казну от Гегайло?

– Шестнадцать миллионов триста восемьдесят три тысячи двести три золотых и... серебро надо упоминать?

– Нет. Медяки тоже. Неплохо, неплохо. Но мало. Надо гораздо больше. Что там со вторым магнатом?

– Граф Хаденор заперся в своем особняке и держит оборону. Выходить отказывается. Есть сведения, – Зоран посмотрел на Шанти, – Хаденор бахвалился, что досидит в своей крепости до прихода Гортуса. У него там большие запасы еды, воды, кроме того, к дому подходит виадук с чистой проточной водой. Поместье большое, и в нем не менее тысячи человек охраны. Мы блокировали его со всех сторон, но не штурмуем, ждем вашего указания. Генерал Гнатьев сейчас там, осматривает позиции, готовится к атаке. Спрашивал у вас, когда начать.

Андрей недолго подумал и сообщил:

– Атаку запрещаю. Займите позиции вокруг поместья, на высоких домах. Если таких рядом нет, постройте вышки на таком расстоянии, чтобы до вышек не мог добить ни один лук или арбалет. Посадите там снайперов с винтовками, самых лучших. Пусть палят во все, что шевелится. Не давайте им жизни. Пусть стреляют по окнам, по лошадям, по всему, что там есть. Разрушите их виадук. Поставьте баллисты и забрасывайте в поместье дохлых собак, кошек – всю падаль, что найдете.

– А трупы бродяг можно? – счастливо спросил Зоран, поблескивая здоровым глазом.

– Нет. Они не заслужили. А вот трупы наемников, выступивших против короны, – все туда. Пусть они будут вместе – мертвые бунтовщики и живые. Стены крепкие?

– Крепкие. Высота десять метров, на стенах охранники, лучники. Укрыты за щитами и зубцами. Это настоящая крепость, по типу императорского дворца. Выкурить оттуда их будет сложно.

– Ничего. Как вонять начнет, так быстро повылезут. Время от времени бросайте туда листовки с предложением сдаться. Обещайте наемникам жизнь и свободу. Что с остальными должниками? Есть подвижки?

– Пока мало, – признался Зоран. – Пока что пришли в банк и сдали требуемое лишь процентов пять от тех, кто должен. Всех переписали. Добавилось три миллиона пятьсот шестьдесят тысяч золотых. Мелкие держатели счетов. Остальные думают.

– Готовьте казнь Гегайло. На рыночной площади, сегодня, в четыре часа пополудни. Там эшафот уже есть, как мне известно.

– Способ казни? Голову рубим или вешаем? Вешают обычно воров и грабителей, благородным отрубают голову.

– Какой, к демонам, он благородный? Предатель! – отрезал Андрей. – В петлю его! А потом насадить тело на кол и пусть стоит на площади. Прицепить табличку: «Граф Гегайло, клятвопреступник и вор! Так будет со всеми предателями и ворами». Тогда и посмотрим, как понесут деньги в банк. На воротах усилили пропускной режим?

– Да. Прежнюю стражу сняли, теперь только спецназ. Проверяют все фургоны, вскрывают мешки. Пропускают только простой люд, благородных заворачивают назад. Уже было два инцидента – благородные попытались напасть на охранника у ворот, чтобы заставить его выпустить их наружу. Оба застрелены на месте, как вы и приказали.

– А как определяете, благородные они или нет? – усмехнулся Андрей.

– Да гонор-то куда спрячешь? – ухмыльнулся Зоран. – У наших людей глаз наметанный. Ну, может, кто-то и проскочил, но только без золота, это точно. Золото все в городе.

– Отлично. Что с мастеровыми, механиками?

– Везем! Собрали откуда могли – теперь отправились в северные провинции. Забираем с семьями, с инструментом, со всем скарбом – и сюда.

– Поаккуратнее с ними. Народ творческий, не любит грубости. Дома для них построили?

– Днем и ночью строят. Бараки, так вы их назвали?

– Пока бараки, – поморщился Андрей. – Потом те, кто захочет,

останутся здесь навсегда. Дадим им настоящие дома. А сейчас пусть живут в бараках. Обеспечьте доставку воды, еды. Постройте вокруг несколько трактиров. Но без крепкого спиртного! Только пиво – и то слабое. Проверю, узнаю, что торгуют вином, управляющего повешу.

– А вы не совершаете ошибку, господин советник? – осторожно спросил Зоран. – Не лучше ли обеспечить их и вином, и пивом, и всем, что захотят? Пусть только оставляют деньги в наших трактирах – деньги и вернутся. Вот вам и еще источник дохода.

– Он верно говорит, – вмешался молчавший до сих пор казначей. – Деньги вернутся назад. Трактиры-то все наши...

– Нет! – резко сказал Андрей. – Никакого вина! Вы не понимаете, – слегка смягчился он, глядя на недоумевающие лица своих соратников, – вино разрушает людей. Мы больше потеряем, когда те же мастера сопьются, запорют нам детали оружия и оно в самый неподходящий момент откажет. Кстати, Зоран, вечером собери мне механиков. Будем говорить прямо на заводе. Нужны бумага, карандаши, хорошее освещение. Всех механиков и инженеров, что есть, собери. Еще мне нужны корабель. Найти всех, кто занимается постройкой судов, и ко мне. Завтра утром, на десять часов.

Он взглянул на стол, и лицо его смягчилось – часы! Наконец-то часы! Грубые, не очень точные, но настоящие часы. Он так страдал здесь без часов. Время встречи можно было назначить только примерно – плюс-минус полчаса, а то и час. В этом мире никто никуда не торопился... Один из механиков понял, что нужно советнику, и часы были изготовлены в рекордные сроки, всего за неделю. Уровень здешней механики это допускал. Просто до сих пор не было желания сделать что-то подобное. А еще – не было идеи. Вот, например, стремена. Казалось бы – чего уж проще? Ну такая простая штука! Однако изобретение этих штук полностью перевернуло военную тактику и привело к усилению роли всадников в военном деле, превращению их в «танки».

– Исполним, – синхронно кивнули головами Зоран и казначей. Если они и не поняли, то выполняют наверняка. У самодержавия есть свои преимущества. Никто не будет тянуть с выполнением приказа, каким бы глупым он ни казался, – можно и головы лишиться. Увы, в этом случае все зависит от того, насколько умным окажется самодержец. С умным – страна пойдет вперед семимильными шагами. Ну а с глупым... понятно.

– Вот еще что... пусть стряпчие подготовят проект указа. По нему – все винокурение будет только государственным делом. Каждый, кто торгует вином, должен купить лицензию. Все винокурни облагаются налогом в

семьдесят процентов с оборота. Если нет желания платить – могут продать казне свои предприятия. Уклоняющиеся от винных налогов будут казнены. И вот еще что – сделайте указ, по которому все, кто уклоняется от налогов, будут подлежать суду и конфискации имущества в размере, тысячекратно превышающем сумму задолженности.

– Чую, полетят головы! – усмехнулся Зоран, переглянувшись с казначеем. – Народ не привык платить налоги.

– Добавь: сборщики налогов, которые будут взимать их с превышением суммы или же вымогать взятки, будут казнены.

Отпустив Зорана и казначея выполнять кучу отданных распоряжений, Андрей остался вдвоем с Шанти, с насмешливым превосходством поглядывающей на своего друга-брата. Ее элегантные сапожки, на которые она сменила сандалии, блестели свежим кремом, а мужской костюм, обрисовывающий крепкие бедра, был чист, будто только что из мастерской портного.

– Когда успела переодеться?

– А может, я никуда не выходила из дворца? Откуда ты знаешь? – рассмеялась драконица. – Лежу тут в кроватке, наслаждаюсь покоем...

– Ладно-ладно, – усмехнулся Андрей, – а то я не видел, как Зоран на тебя смотрел, когда говорил про полученную информацию. Шпионишь в виде кошки? Уже слухи поползли, что императрица оборачивается кошкой и ходит, подсматривает, подслушивает...

– Откуда слухи? – нахмурилась Шанти. – А! Вспомнила! Эта жирная тварь, Гегайло, видел меня у себя в доме. Увы, придется осваивать другой образ. Смотри, у тебя все крутится, все бурлит?

– Бурлит. Кошмар какой-то. Времени в обрез, а надо успеть так много... да ладно. Расскажи, чего там у тебя?

– Ну что же... начну с главного. Пираты. У них своя база, где они ремонтируют корабли, потрепанные в штормах и в драках с купцами...

– Кто бы мог подумать! – буркнул Андрей.

– Хватит ерничать! Ты же не знаешь, где эта база!

– И где? В море на острове, да?

– Да, в море на острове. Да. И я знаю где. Мало того, я там была. Слетала. Это сто миль на северо-запад. Большой остров, сорок верст в длину и двадцать с чем-то в ширину. Большая бухта, свежая вода, лес – все, что нужно для жизни. Город с населением тысяч в десять – все, кто обслуживает пиратов. От проституток до корабельных мастеров. Там пираты отстаиваются, оттуда идут на «охоту». У нас в порту они

появляются как добропорядочные купцы, под флагами каких-то вымышленных купеческих контор. Все всё знают, но молчат. Начальник порта Грист получает хорошие взятки. Здесь, в порту, корабли пиратов разгружаются людьми Данеро, потом забивают трюмы необходимыми припасами, товарами и снова к себе на остров. Например, сейчас у причальной стенки стоят пять пиратских судов, изображающих честных купцов.

– И морская стража их не трогает? – нахмурил брови Андрей.

– А чего ей их трогать – начальник морской стражи тоже имеет мзду. Так заведено испокон веков. Ты как будто не знал этого, – усмехнулась Шанти и побарабанила пальцами по столешнице.

– А что, никто не обращает внимания на то, что там банда головорезов? Неужели ни один человек не возмутился? Те же купцы? Они же рядом разгружаются-загружаются, – хмыкнул Андрей и, встав, прошелся по комнате, заложив руки за спину.

– Они никого не трогают. Ходят себе по берегу, не хулиганят, не дерутся. Почти. Оружие? Оно у всех есть, и у купцов тоже. Баллисты на носу и корме. У каждого первого купца. Вообще такое впечатление, что и купцы, бывает, промышляют пиратством. Трудно отличить пирата от купца. Или купца от пирата.

– Предлагаешь захват?

– Почему нет? Пять отрядов с пистолетами и штуцерами. Снайперы, как ты их называешь, на причале – сбивают всех, кто пытается убрать веревки, привязывающие к стенке...

– Отдать швартовы это называется, – автоматически поправил Андрей, морща лоб.

– Да мне чихать, как это называется. Только захватить эти суда легче легкого.

– Уверена, что это пираты?

– Медяк ставлю против тысячи золотых. Данеро-то у нас на что?

– Кстати, как он к тебе относится? Как ты с ним общаешься?

– Боится, – довольно улыбнулась драконица. – Он же видел меня кошкой. Большой кошкой. Думает, что я колдунья. Это хорошо. Пусть думает. Информацию он предоставляет, деньги отдал, все идет как надо. Вернемся к пиратам – ты думаешь, захватывать эти корабли или нет?

– Думаю. И думаю захватывать все пиратские корабли, что подойдут к причалу. Мы, как только эти возьмем, сразу же их отгоним в другой порт и, пока пиратские капитаны сообразят, что исчезают суда неспроста, захватим десяток кораблей.

– Что будешь делать с пиратскими экипажами?

– А что с ними... на каторгу. Пусть строят завод. Хотя какая-то польза будет от этих тварей, – мстительно усмехнулся Андрей. – Что у тебя с сетью осведомителей? Или ты так и будешь сама шастать в образе зверей и подслушивать?

– А что, плохо подслушиваю? Если бы не я – сбежал бы из города этот пузан, и конец всей операции.

– Ну, положим, я что-то подобное предполагал... и за ними всеми следили... и на воротах мы бы их не выпустили... но вообще – ты молодец. Да. Вовремя предупредила, и получилось красиво. Умница.

– Ладно. Прощен, – рассмеялась Шанти и весело подмигнула «брату». – В общем, так: бандитов я попугала, подружилась, среди них теперь есть осведомители. Являлась к ним в разных обличьях, несколько человек пришлось крепко побить. Ничего, выживут. Может быть, – пожалала плечами драконица, – теперь они тащат мне информацию. И деньги. Я с них деньги вымогаю, – невозмутимо добавила Шанти.

– Почему-то я и не сомневался, что так будет, – вздохнул Андрей. – Куда тратишь?

– На тех же осведомителей. Мальчишек, кухарок, проституток. Кстати, девицы очень, очень много знают. В постели клиенты расслабляются и болтают, похваляясь своими подвигами. А девки мне все рассказывают. Я с ними подружилась. Побила пару-тройку жестоких клиентов, девчонки ко мне и прониклись.

– Я смотрю, ты весь преступный мир терроризируешь... А кем представилась девицам?

– Долго думала – что же им сказать, кто я такая. Так и не придумала. Прихожу, когда мне захочется, ухожу, когда захочется, появляясь тогда, когда мне надо. Кто смотрит за мышами или крысами? Или за кошкой – куда она ходит? Они считают меня ведьмой на службе у Данеро.

– Чисто ради интереса: а как с позиции твоего племени ты видишь проституцию? Ну вот что ты чувствуешь, когда общаешься с этими девушками? Мне просто любопытно. Противно тебе, или ты сочувствуешь им?

– Ничего не чувствую, – хмыкнула Шанти. – Ну хотят они этим заниматься, и ладно. Их дело. У драконов такое просто невозможно. Мы совокупляемся лишь для размножения. Удовольствие можно получить и другим способом – например, поедая вкусную пищу. А такое явление, как проституция, возможно только у людей. Мне все равно, в общем. Хотя я и против того, чтобы их обижали, – они тоже самки, и, если какой-то

противный самец норовит причинить им вред, это меня злит. Я его накажу. Вот и все. Давай к делу, а? У меня встреча через полчаса, а у тебя там патриарх сидит, не забыл? Он сейчас половину бороды сжует!

– Когда узнает, зачем я его позвал, вторую половину сжует. Я жду Акодима, он должен присутствовать. Как бы проблем не было.

– Хочешь ограбить церкви? – понятно кивнула Шанти. – А что, великолепная задумка. Разжирили они, раздобрили. Вера в Бога в душе, а не в золотых побрякушках. Можно бы и поделиться с государством частью сокровищ. В общем, так: я отправила купцов, снабдив их своим товаром, на разведку к Гортусу. Дороги ужасные, тащиться они будут долго, но через месяц-полтора, надеюсь, мы кое-что узнаем от наших торговых шпионов. Можно было бы туда слетать, конечно, но не хочется бросать дела здесь. Я неплохо все наладила, но нужно держать все нити в руках.

– Я как раз хотел с тобой об этом поговорить. Я хочу, чтобы ты полетела к Гортусу и попыталась его убить.

– Оп-па! Интересно. С тобой полететь?

– Я не могу оставить дела. Мне нужно держать на контроле строительство оружейного завода. Плюс добыча денег. Их еще мало. Придется тебе. Если бы удалось убрать Гортуса – мятеж задохнется в зародыше. Они бы все там передрались, и тогда можно было бы вздохнуть свободнее. Понимаешь? Армия недостаточно обучена, и я боюсь, что пушки к нужному сроку не будут готовы. Одними ружьями воевать будет труднее.

– А мое дело? Тут как?

– Я думал над этим. Знаешь, что предлагаю, – возьми себе в помощницы Олру. Она умная, хитрая и самое главное – полностью мне лояльна. Ей можно доверять. Сейчас она живет во дворце, после родов уже окрепла, так что может работать. И она тоже занимается тайными делами для меня – работает со знатью. Узнает их настроения, интригует, втирается в доверие. Возьми ее в заместители, если ты не против, конечно.

– А как я ей представлюсь? Кто я?

– Так и представься – Шанти, мое доверенное лицо, глава тайной службы. А я с ней поговорю. Передай ей нити, те, что считаешь возможными передать, и отправляйся к Гортусу. Только, сестричка, осторожнее, пожалуйста, ладно?

– Ты будешь расстроен, если меня убьют? – усмехнулась Шанти.

– Не то слово! Мы с Антой будем рыдать до конца своей жизни.

– Врешь, что до конца. Но, наверное, все-таки поплачете, – ухмыльнулась Шанти. – Впрочем, я не дам вам такой возможности. Меня

невозможно убить. Я непобедима!

– Болтушка ты, – рассмеялся Андрей. – Помни о тех старейшинах и, если почувешь их, не лезь. Возьми с собой пару пистолетов с патронами, пригодятся.

– Нет. Ваши человеческие придумки мне ни к чему. Я убью Гортуса сама, своими лапами!

– Ох, что-то у меня тяжело на душе от твоих речей... уже жалею, что попросил тебя, – признался Андрей. – Давай-ка мы отменим твой полет. Слишком уж ты самоуверенна. Боюсь за тебя.

– Перестань! Что за недоверие! Я разве когда-нибудь тебя подводила?! Вспомни сундук с золотом! А вспомни...

– Помню, все помню. Ты молодец. Только вот не на месте у меня душа, и все тут. Ноет что-то... предчувствие какое-то, и все. Ладно. Лети. Души гада.

– Не хочу душить. Я ему голову оторву! – хихикнула Шанти.

– Смотри, он не простой человек. Он оборотень, как и я. И вокруг него, возможно, его стая. Будь *очень* осторожна.

– Била я уже оборотней, побью и этого. Все, братец, я побежала искать Олру.

– Чего искать-то? Она сейчас у Анты. Иди к ней, там и поговоришь. Все, вали! И позови патриарха – похоже, я так и не дождусь этого демонова инквизитора!

– Кто там демонов поминает в связи с моим именем? А вот анафемкой приложить?

– Сам тебя приложу чем-нибудь, Акодим! – рявкнул Андрей, приветствуя входящего первого инквизитора. – Ты где бродишь?! Когда я за тобой послал? Там патриарх весь на дерьмо изошел, ожидая! А я без тебя с ним говорить не хочу. Слишком важный разговор. Шанти, девочка, беги, отдыхай. Мы все обговорили.

– Да, братец, побегу к девчонкам, поболтаю! – весело подхватила Шанти и выпорхнула из кабинета, вильнув бедрами.

Акодим проводил ее восхищенным взглядом и задумчиво сказал:

– Где мои двадцать лет? Был бы я молод да не висели на шее матушка с пятью детьми – пошел бы за этой егозой на край света! Ты тут, советник, не прелюбодействуешь, случайно? Против такой красавицы может устоять только пень или старый пень – вроде меня.

– Она названная сестра моя, – не вдаваясь в подробности, пояснил Андрей. – И по совместительству глава тайной службы, чтобы ты знал. Только языком не болтай. Не о том речь, а о том, что... О-о-о! Приветствую

вас, патриарх! А почему вы такой хмурый? Проходите, садитесь сюда, вам будет удобнее... может, вина подать? Чаю? У нас важный разговор, так что... успокойтесь, располагайтесь поудобнее. – Андрей встал из-за стола, приветствуя сердитого мужчину с длинной окладистой бородой и вызолоченной тиарой на голове.

Патриарху подчинялись все приходы страны, так что это был очень важный человек. Формально он подчинялся императору, но с давних времен повелось, что церковь была сама по себе, а император – сам по себе. Патриарх автоматически поддерживал императора, настраивая своих подчиненных на то, чтобы те направляли прихожан в нужное русло, а император не трогал доходы церкви, весьма недурные даже по нынешним временам. Фактически патриарх был первым после императора в списке самых богатых персон империи. Состояния тех, кого сейчас терзал Андрей, вымогая у них деньги, по сравнению с состоянием патриарха были крошками на обеденном столе. Но подходить к вопросу следовало очень, очень осторожно. Настроить против себя церковь означало получить много хлопот вплоть до бунтов. В истории такое случалось.

– Вы меня интригуете, – насторожился патриарх и сел в кресло напротив Андрея. – Только не говорите, что вы собираетесь со мной поступить так же, как с несчастным Гегайло.

– С вами? Да нет, что вы... а что с Гегайло такого? Через два часа он закономерно лишится головы на рыночной площади. За предательство, за оскорбление ее императорского величества, за связь с бунтовщиком Гортусом. А что, вы тоже связались с Гортусом? Умышляете против престола?

Патриарх внимательно посмотрел Андрею в глаза, спокойные и темные, как омут, в котором можно потерять свою жизнь. Он ответил не сразу, но веско и без обиняков:

– Что, деньги?

– Да. Мне нужны деньги на войну с Гортусом.

– Вы не посмеете. Вы глубоко верующий человек, я знаю. Вы не пойдете против веры.

– Против веры – нет. Против церкви – запросто. Если придется. Вы часть государства, почему вы не заботитесь о том, чтобы в нем было хорошо, спокойно, чтобы не было бунтов и потрясений?

– Мы над политикой. Мы служим Господу нашему. А грабя церковь, вы грабите Господа.

– Ничего подобного. Бог – в душе. А не в золотых побрякушках, которые вы носите. Вы набили карманы сокровищами, и вас не заботит, что

казна пуста! А любой намек на то, что у вас попросят денег взаймы на нужды государства, вызывает бурную реакцию. Почему? Вы же должны служить Господу нашему, а не золоту! Для службы хватит и простого полотняного одеяния, а для еды – простой пищи, без особых изысков. Не кажется ли вам, святейший, что вы заелись? Устроили государство в государстве?

– А не кажется ли вам, господин советник, что вы слишком уж резко взялись за дело? – Патриарх пристально посмотрел в глаза Андрею. – Если вы меня сместите, начнется смута! Многие верующие воспримут это как сигнал, что вы идете против веры, что вы адепт Сагана! Вам это надо? В такое время?

– Угрожаете? – Андрей наклонился вперед, и со стороны могло показаться, что сейчас он ударит собеседника. – А вам не кажется, что сейчас вы работаете на Сагана?

– Да как вы смеете так говорить?! – возмущенно вскричал патриарх и вскочил с места. – Я потомственный священник, мой отец был священником, мой прадед был священником! Моя семья служит Господу с незапамятных времен! А вот вы откуда взялись – это еще надо посмотреть! Мой ответ – нет! У церкви нет денег на гражданскую войну претендентов на трон! А если вы попыгаете забрать деньги сами, ограбить церкви – будет бунт! На улицы выйдут сотни тысяч людей! Они сметут вас! Прощайте. Да просветлит Бог вашу заблудшую душу! – Патриарх широкими шагами вышел из кабинета, не затворив дверь, и, грузно топая по коридору, исчез за поворотом.

Воцарилось молчание. Первым пришел в себя Андрей. Он со всей силой ударил по столешнице так, что она жалобно хрустнула и едва не переломилась пополам. Если бы не умение неизвестных столяров, сделавших из дуба не только произведение искусства, но и крепчайшее сооружение, стол вскорости оказался бы на мусорке.

– Тварь! Скотина! Но надо отдать ему должное – он стойко держался. И не дал себя запугать. Это вызывает уважение. Как считаешь, – Андрей встал и прикрыл дверь в кабинет, – если его прихватить, и вправду могут начаться волнения?

– Он имеет огромное влияние в церковной среде, – неохотно признал Аким. – Многие из настоятелей крупных храмов больших городов – его ставленники. Зажми его – начнутся проповеди о сущности власти, о том, как она погрязла в Зле, и так далее. И правда может довести до бунта. Тем более что они сразу могут перекинуться к Гортусу и готовить народ к смене власти, настраивать против императрицы. Вся задача церкви была в том,

что она настраивала людей на верность власти, престолу, ну и церкви, само собой разумеется.

– То есть ты считаешь, что стрясти с попов денег не удастся? – нахмурился Андрей. – Я все-таки рассчитывал, что он испугается. А видишь, как вышло... Так как на него воздействовать? Убрать его совсем, обвинив в пособничестве Гортусу? Снести башку?

– После того как ты прижал аристократию? Мало того что ты рассорился с аристократами, так еще и церковь пнешь? Может начаться такая смута... война с Гортусом покажется детскими играми. Страна сгорит в пламени бунтов. И тот же Гортус придет как освободитель, избавитель от злой власти.

– И что делать? Деньги нужны!

– Пока что деньги на первое время у тебя есть. Не горячись. Обдумай все. Я тоже помозгую, как быть. Там и решим, что делать. М-да-а... – Акодим встал и принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Паркетный пол стонал под его массивной тушей, а борода торчала вперед, как таран корабля.

– Задача... деньги, всюду нужны деньги. Ну что могу тебе сказать – собирай с народа. Недоимки, налоги. Тряси аристократов. Купцов. Всех богатых людей. Это всегда было и будет – как только короне нужно денег, она трясет народ. Армия у тебя сильная, ты это продемонстрировал всем, кому надо, так что организуй команды силовой поддержки сборщиков налогов – и вперед. Злостных по тюрьмам, пока не расплатятся. Что еще можно придумать?

– М-да... надо думать. Надо думать. Слушай-ка, скажи, а если патриарх будет как-то опорочен? Ну я имею в виду – замечен в нехороших поступках? Поднимется за него церковь?

– Скажут – напраслину возводишь. Специально это сделал, – нахмурился Акодим. – Нет, скорее всего – не проскочит такое дело.

– А что у церковников считается таким проступком, что за это можно лишиться поста, если не сана?

– Ну за что могут сместить... все как обычно. Прелюбодеяние, пьянство, непристойное поведение. Но это надо ведь зафиксировать, под присягой. Чтобы все видели – это правда. А потом суметь довести до сведения людей. А как ты доведешь до их сведения? Гонцами? Так они, гонцы, государственные. Значит, вам, власти, подневольные. Фактически это вы говорите то, что они читают на площадях. А может, напраслину возводите?

– Угу, понял, – медленно ответил Андрей, думая о чем-то своем. –

Скажи, а у нынешнего патриарха есть конкурент? Такой, чтобы метил на его место? И вообще – как происходят выборы патриарха?

– Император вносит кандидатуру, а Синод утверждает. Тут есть нюансы – император вначале консультируется с Синодом, надо ли им этого патриарха... предлагает три кандидатуры. Утверждают одного.

– Кто входит в Синод?

– Двенадцать архисвященников, главы самых крупных приходов, по числу областей Балрона. Из них и выбирают патриарха. Если им представить доказательства несправедного поведения патриарха, они его сместят и выберут кого-то из своего состава. Самый реальный претендент – архисвященник Хессонского прихода Шаларон. Они с нынешним патриархом не любят друг друга с детства – вместе учились в церковной школе и вечно соревновались, кто выше поднимется. Фактически они ненавидят друг друга. Но – против церкви ни один из них не пойдет, даже если между собой они режутся на ножах, учти это. Вот такой расклад.

– Ясно. Давай прощаться. Если что, я тебя позову. Мне надо зайти к императрице, посоветоваться, а потом... потом надо посетить казнь Гегайло. Противно, но надо.

– Удачи! – Акодим кивнул и вышел в коридор.

Андрей остался наедине со своими мыслями и проблемами.

Глава 5

– Господин советник, всех собрал, как вы и приказали. Механики, кузнецы, инженеры и... корабелы. Оружейники тоже. Не знаю, правда, что тут делают корабелы, – слегка ворчливо добавил Зоран, – но раз вы сказали...

– Сказал, – усмехнулся Андрей и вылез из кареты, раскрывая над головой зонт.

Дождь хотя и был несильным, но, пока дойдешь до заводоуправления, промокнешь до нитки. Зоран вприпрыжку бежал рядом, огибая лужи, и глинистая земля чавкала под ногами – как следует замостить территорию руки так и не дошли, все силы бросили на установку новых цехов.

Вся честная компания дожидалась советника в огромном цеху, перекрытом крышей, но еще пустом, зияющем оконными проемами без рам. Стоял стол, на котором стопой лежала бумага, перед стеной, так, чтобы падал свет, – большая чертежная доска на деревянной станине с закрепленным на ней листом тонкой бумаги.

Когда Андрей вошел в цех, последовала команда, и все приглашенные встали, нестройно приветствуя хозяина завода. Андрей махнул рукой, и люди снова уселись на свои места, напряженно глядя на этого жилистого, темноволосого молодого человека. Именно молодого, потому что Андрей не выглядел на свои сорок с лишним лет. На вид ему можно было дать лет двадцать пять, максимум тридцать. А среди мастеров – люди и по пятьдесят, и шестьдесят лет, с именем, многие из них имели свои мастерские, кузни и были очень недовольны, что их вытащили сюда, на завод.

Но много было и молодых парней, едва за двадцать, с восторгом смотревших на того, о ком уже слагали легенды, – сам советник Андрей! Гениальный изобретатель, оружейник! Победитель турнира и правая рука императрицы! Лишь для того, чтобы просто посмотреть на него, стоило сюда попасть.

– Приветствую вас, мастера. Собрал я вас здесь в трудный для империи год – на юге засел бунтовщик, угрожающий войной, а на севере ждет момента, чтобы ударить в спину, Славия, с ее исчадиями. – Андрей замолчал, посмотрел в окно, за которым по двору катили тачки вымокшие под дождем рабочие, на птиц, сидящих на высокой стене периметра, потом повернулся к залу и резко сказал: – Я не стану извиняться за то, что вас

оторвали от дел, вытащили из теплых постелей, из своих родных домов. Этого требуют интересы государства. И я проделаю это столько раз, сколько потребуется. Вы нужны империи. Личное – потом. Кстати сказать, вы не будете обижены – вам гарантировано достойное жалование и хорошее питание. Тем, кто останется после окончания строительства и будет работать на заводе, построят отдельные дома. Но те, кто будет мешать, те, кто будет плохо работать, – окончат свои дни здесь. На плахе. Предупреждаю сразу: ваше неправильное поведение будет расценено как предательство. Это чтобы было ясно ваше положение. Да! В бега срываться не советую. Найдем и казним. Теперь о том, что вам предстоит сделать. Здесь сидят те, кто работает с металлом – за исключением корабелов. С ними мы поговорим в последнюю очередь. Первый механизм, который нам предстоит сделать, называется прокатный стан. Смотрите сюда. – Андрей несколькими линиями быстро изобразил на листе бумаги машину, о которой говорил. – Главный принцип прокатного стана заключается в том, что раскаленные листы стали прокатываются между валиками, как хозяйка раскатывает тесто для пирогов. При прокатывании сталь уплотняется и приобретает новые свойства – гибкость, упругость. Примерно так же, как при известной вам проковке. Мы сделаем прокатные станы не только для тонких листов стали, но и для бесшовных труб. Оружейники сразу поняли, что это значит, вижу. Я набросаю вам эскизы, как должны выглядеть прокатные станы, что в них должно быть, какие детали, как происходит сам процесс прокатки, и вы будете создавать эти механизмы. Приводить прокатные станы в движение будут водяные колеса, которые установлены на реке и которые запитывают большие молоты и другие механизмы, но в основном – паровые машины. Их вы тоже постройте. Смотрите, как работает такая машина.

Андрей набросал схему и пояснил детали. Мастера смотрели на советника с недоверием, как на фокусника, достающего из шляпы кролика, и молчали. Наконец седой мужчина, сидящий на табурете в первом ряду, сказал:

– Это возможно. Я возьмусь сделать паровую машину. Но мне нужен металл, инструменты и помощники.

– Все будет, – довольно сказал Андрей. – Вот директор завода, инженер Энар. Обращайтесь к нему. Он даст все необходимое. Кто займется прокатными станами? Впрочем, это снова к Энору, он все организует. Теперь я должен объяснить ситуацию корабелям. У меня мало времени, так что буду говорить коротко и быстро: глядите сюда!

Андрей прикрепил к доске новый лист, нарисовал на нем контуры,

потом сделал еще несколько эскизов и, закончив, посмотрел на предводителя корабелов – тот сидел с отсутствующим видом, видно было, что происходящее его интересовало меньше, чем мышиное дерьмо.

Здесь, среди мастеров по металлу, корабелы были как белые вороны. «Механиками» на судах служили плотники, которые и ремонтировали корабли при поломке. Так что корабела ничуть не трогали объяснения советника.

– Проснитесь, уважаемый! – ехидно крикнул Андрей, наклонившись почти к самому уху пожилого мужчины. Тот вздрогнул и поднял голову под смех присутствующих. – Посмотрите на эскизы, понимаете, что это такое?

– Стальной корабль? Да еще с этой дурацкой машиной? Бред! Нет ничего лучше доброго бруса, обшитого выдержанным деревом! Корабль живой, он дышит, он чувствует. А эта дурацкая железка... да он потонет, как только его спустят на воду!

– Понял, – кивнул Андрей. – Есть кто-то поумнее?

– Есть, – улыбнулся мужчина лет тридцати пяти, сидевший рядом с красным от возмущения старым корабелом. – Я сделаю. Хочу сделать. И мое имя будет прославлено в веках – мастер Воронт. А те, кто боится новизны, кто держится за старое, пусть кусают локти! Скажите, господин советник, а где у этого корабля будут стоять мачты? Вы не показали.

– Нигде. Мачт нет, корабль этот будет двигаться с помощью винта, отбрасывающего воду. Бронзового винта. Двигатель – паровая машина. Судно будет боевым. На нем установят пушки – знаете, что такое пушки? Нет? Узнаете. Там будут палубы, на которых расположится абордажный отряд, трюмы для снаряжения, ну все как обычно. Разве что вот тут будет угольный погреб, тут – пороховой, оружейный... Но прежде надо построить прокатный стан, срочно. Корабль будете строить из металлических листов, сделанных на прокатном стане. Выковывать каждый лист очень долго, да и молоты нам нужны для постройки стана. Вот так.

– А как будут скрепляться листы? – не унимался корабел.

– Заклепками. Я набросаю вам эскизы, как все должно быть, укажу размеры судна, расположение его частей. По ним и будете работать. Вы будете первыми кораблестроителями, построившими стальное судно на паровой тяге. Гордитесь! – Андрей усмехнулся и кивком головы отозвал Энара в сторонку. – Занимайся. Через неделю представишь мне отчет – что сделано, что делается. Бухгалтеров устроил?

– Да, все в порядке. Занимаются расчетом жалованья работникам. Отдел кадров тоже при деле – всех надо оформить. И хозяйственный отдел загружен. Не представлял, что с заводом будет столько хлопот. Не остается

времени на изобретательство.

– Ты изобрази рабочий процесс, – вздохнул Андрей, – изобретений и без тебя хватает. Братец как там? Скажи – прибыло, если будет отвлекаться на другие изобретения! Пусть мой заказ вначале как следует сделает.

– Боюсь за него. Безумный фанатик, не спит – чертит, считает. Есть-пить забывает. Засел в кабинете, воняет как от козла – не моется, подозреваю, что в штаны делает, лишь бы не отвлекаться! Совсем одичал. Но так-то процесс идет. Много сделали, я представлю все в отчете. Лишь бы этот ненормальный себя не загнал. Или не спятил. Впрочем, он давно спятил, – рассмеялся Энар. – Вот что с ним делать?

– Бери людей, тащите его в мойню, насильно – за стол, корми, если надо, с ложки! Он мне нужен просто позарез. А если помрет – это крах многим планам. Он гений, Энар, безумный гений! Приставь охрану, разработаю ему режим – спать минимум пять часов, питаться четыре раза в день, соблюдать гигиену. Скажи, я распорядился, а то отберу у него все игрушки и запру в камере!

– Ага, так и скажу! – рассмеялся инженер. – Это для него страшнее всего – запереть, и чтобы ни карандашей, ни линеек! Сделаем.

– Ну тогда все. Дерзай! – кивнул Андрей. – Деньги тебе привезут завтра, отчет каждую неделю. Смотри не разбазаривай. Денег в казне мало, каждая монета на счету.

– Деньги нужны. Льются как вода между пальцев. Всех кормить надо, поить. Стройматериалы возить, металл возить. Руду покупать, уголь покупать. У меня просто голова кругом! Каждый день приходят возы с металлом, химикатами. Я не успеваю. Мне нужно минимум пять помощников.

– Ну так найми, кто тебе запрещает, – рассеянно ответил Андрей. – Лишь бы дело шло. Смотри, Энар, времени мало. Не успеем – нас сомнут. И тогда тебе тоже не поздоровится. Давай штуцеры, давай винтовки, патроны. Пушки, пушки давай! Ну все, я уехал.

Андрей быстрым шагом вышел из цеха, оставив Энара улаживать дела с мастерами. Зоран ждал его у кареты, через пять минут кавалькада выезжала из ворот завода.

Шанти поднялась на второй этаж дворца и прошла в дальний конец коридора. Все тут было знакомо, все по-прежнему. В комнате, где слуги хранили швабры, ведра, тряпки, мешки, рабочую одежду, пахло чем-то едким – возможно, составом, которым натирали паркет.

Драконница недовольно фыркнула, подошла в лестнице, ведущей на

крышу. Та была широкой, и люк, открывающийся наверх, такой большой, что напрашивалось сравнение с дверью. В одиночку и не откроешь, если ты человек. Массивный люк плотно закрывал проем и весил не менее ста килограммов. Проем был таким широким потому, что в случае осады дворца на крыше располагались солдаты, расстреливающие нападающих. А кроме того, туда можно поднять баллисты и катапульты, чтобы послать врагу увесистый подарочек.

Она легко подняла люк, с шумом обрушившийся на крышу, и поморщилась – от такого грохота, пожалуй, поднимется вся стража. Однако все было тихо, толстые перекрытия дворца хорошо гасили звук.

Шанти вылезла на плоскую крышу и осмотрелась. Отсюда хорошо был виден порт – даже через завесу мелкой дождевой мороси. Горели огни кораблей, стоящих на рейде, огонь маяка пробивался через мрак, указывая путь заблудившимся судам, горели фонари у складов, круглосуточно охраняемых от желающих поживиться сокровищами в виде муки и пряностей. Жизнь шла своим чередом и не замирала даже глубокой ночью.

Опустив крышку люка на место, Шанти аккуратно сняла с себя легкую накидку, платье, сапожки из тонкой, хорошо выделанной кожи с золотым тиснением. Они стоили баснословно дорого, но драконица, приняв облик красивой девушки, неожиданно вошла во вкус к хорошим вещам. Она заказывала одежду и обувь только у лучших мастеров и бывала очень довольна, когда кто-то обращал внимание на ее безупречный вкус.

Особенно ей нравилось, когда это замечал Андрей, скупой на похвалы и весьма далекий от темы одежды и обуви. Шанти иногда злило, что он наплевательски относился к тому, что на нем надето. Но, с другой стороны, если уж такой аскет, как он, похвалил ее платье или сапоги, значит, они на самом деле шикарные.

Сложив вещи в непроницаемый мешок из тонкого, плотного брезента, Шанти приняла свой обычный облик, благо территория дворцовой крыши это позволяла, и перекрытия даже не дрогнули, приняв на себя вес полутонного существа. Драконица расправила крылья и слегка поводила ими в воздухе.

Последний раз Шанти использовала свои крылья... когда же?.. В ночь после похорон императора? Нет, еще пару раз летала на охоту. Но уже и забыла когда. Подвигав крыльями, решила – надо летать почаще, а то этак снова превратятся в хилые отростки, как когда она, маленькая больная уродка, сидела в материнской пещере.

Осмотрела тело и осталась довольна. Чешуйки поблескивали в свете дворцовых фонарей, переливаясь синим, зеленым, красным, – красота, да и

только! Интересно, что бы сказал по этому поводу Андрей... Точно бы похвалил.

Фыркнула – ну почему его похвала так необходима ей? Почему этот человек стал для нее важнее всего на свете, важнее даже матери?! Она думала над этим, но так и не пришла ни к какому выводу. Сексуальный интерес? Да какой может быть сексуальный интерес у полуторатонной драконицы, закованной в непробиваемую броню, и мягкого человека, который и живет-то, как мотылек, один день – один час по времени драконов. Но вот что-то не давало ей покоя, какое-то чувство – дружба, наверное? Так его называют люди, это чувство. Непонятное чувство, незнакомое драконам. Привязанность между драконами – да. Сексуальный интерес – да. Родственная любовь – да. Но почему она чувствует эту самую родственную любовь к человеку? Почему он стал ей как мать, отец и брат вместе взятые? Нет ответа. Наверное, она извращенка. Выродок драконий.

Придя к такой мысли, Шанти тихо захохотала, что вышло у нее как будто где-то далеко прогремел гром. Теперь, когда драконица повзрослела, ее глотка могла исторгнуть такой рев, что перекрыла бы шум базара в рыночный день, оглушив стоящих рядом.

Успокоившись, она прицепила на шею мешок с одеждой, используя специально сделанные лямки, потом короткий разбег... и огромная черная тень бесшумно понеслась в темноту.

Несмотря на свой огромный размер, драконы умели двигаться так тихо, что слышала бы разве что уличная кошка, привыкшая всегда быть настороже в этом большом злом городе. Этому удивлялся даже Андрей, сам ступающий неслышно, как зверь. Он объяснял данный факт тем, что драконы изначально были хищниками, подкрадывающимися к добыче, и этот инстинкт так и не изжился у них за сотни тысяч лет.

Шанти летела на «охоту». Страшную охоту. Хотя сама она храбрилась и внешне была спокойна, самодовольна и весела, внутри нее царил холод. Не за глупым оленем она летела. Не за косулей, яростно убегающей от гибели, перепрыгивая через колючие кусты. За оборотнем, не менее сильным, чем Андрей, который смог устоять в битве даже против ее матери, драконихи Гараскарании, весящей несколько десятков тонн, опытной поединщицы и охотницы. А что может она, Шанти, если по людским меркам ей всего двенадцать лет? Впрочем, сравнивать возраст людей и драконов некорректно. Нет тут никаких сравнений. Но все-таки... Она еще даже не умела делаться невидимой, как ее мать, ставя перед наблюдателем непроницаемую завесу, отводя ему глаза.

Огромные крылья несли Шанти на юг, к новым приключениям, а в

рогатую голову, украшенную великолепным красным гребнем, лезли и лезли мысли, рассуждения, воспоминания... Она давно заметила – почему-то работа крыльями очень располагает к размышлениям. Может, от скуки? Тупо машешь крыльями, надо же чем-то себя занять? А может, активная физическая нагрузка, заставляющая кровь быстрее бежать по жилам, стимулирует работу мозга? В любом случае – делать же все равно нечего... можно и подумать.

Мать. Шанти связывалась с ней последний раз больше месяца назад. Для драконов это «ни о чем». Что такое месяц, если ее мать уже прожила сорок тысяч лет? А ей самой, Шанти, больше ста лет! Но все равно, по людским меркам – давно не общалась с Гараскаранией. Та сама не лезет, не связывается, и Шанти тоже ее не отвлекает. Может, она сейчас как раз охотится, пикируя на дичь, а может, нашла себе нового самца и совокупляется с ним, а тут Шанти... «Здравствуй, мама!» – «Здравствуй, дочка». И что? О чем говорить? Самое смешное, сейчас она поняла – и правда, говорить-то не о чем! Вся ее, Шанти, жизнь – у людей. Интересы людей ей ближе интересов драконьего рода. Даже сейчас она летит для того, чтобы помочь человеку, своему названому брату. Парадокс? Дракон – для людей!

А может, и нет парадокса? Что сделали драконы для нее? Лишь предлагали матери убить этого уродца со сломанными крыльями. Зачем, мол, убогому мучиться. Чик! – и нет головы. А ты нового родишь. Лучше. Красивее. Шанти хихикнула – мать тогда прогнала самца, который сказал это, и порвала ему гребень. Он летел, ругаясь человеческими ругательствами, и ревел, а Гараскарания драла его, как злая, шустрая уличная собака, вцепившаяся в большого домашнего пса. Потом вернулась, накрыла дочь огромным крылом и сказала: «Дочка, я верю, что ты будешь летать! Есть у меня предчувствие. Моя бабка чувствовала будущее, и мне передался этот дар. Когда-нибудь он проявится и у тебя. Так что верь мне – все будет хорошо!»

В душе у Шанти всколыхнулось теплое чувство к матери, и та, где-то далеко, как будто бы это ощутила – по нити, связывающей двух дракониц, прокатилась волна тепла и любви. Такая же нить, как ни странно, связывала Шанти с Андреем. Даже если они не могли говорить по мыслесвязи из-за большого расстояния, то чувствовали друг друга где угодно. Иногда доходило до смешного – только Шанти устроится поспать, а тут Андрею приспичит совокупиться со своей самкой! И на драконицу накатывала такая волна удовлетворения, сексуального возбуждения, что она начинала жалеть, что родилась не человеком. Она бы тоже хотела ощущать такие

страсти, какие дано испытать людям.

У драконов, ей мать объясняла, все по-другому. Все более размеренно, все с расстановкой и осмысленно. И редко. Не как у людей. Шанти как-то высказала предположение, что, наверное, Андрей замучил несчастную Антану, терпящую его домогательства каждую ночь в таких маньячных объемах, так эти двое долго смеялись. Потом Антана, почему-то порозовев, шепнула ей, что такой мужчина, как Андрей, – мечта всех женщин. И что она частенько сама провоцирует его, лишь бы снова ощутить его тело.

Нет, Шанти не могла понять таких вулканных страстей, хотя иногда и завидовала людям – ей тоже бы хотелось испытать подобное. Ну, в крайнем случае, хотя бы попробовать, как это бывает...

Шанти хихикнула и прибавила ходу. Лететь было далеко, и надо успеть к утру. Не хочется, чтобы кто-то видел, как она пролетает над селами и городами. Официально драконов не существует. Они что-то вроде легенды. Нет их, и все тут. А откуда чешуя, которую время от времени находят люди? Ну-у-у... природные какие-то явления – ракушки, например. И вообще – чего пристали? Лучше займитесь делом – подоите коров или сена накошите! Примерно так.

Те, кто встречались с драконом, видели его, обычно молчали. Начнешь болтать, скажут – ненормальный. Обычно так и происходило с теми, кто утверждал, будто встречался с драконом. Допился, мол, до зеленых драконов. Так что не стоило своим легендарным видом вводить людей в смятение духа. Особенно зная, что где-то рядом с ними притаились неведомые старейшины, огромные, злые...

По дороге Шанти задержалась один раз: не смогла удержаться, увидев в прерии стадо антилоп – уж больно вкусно выглядели эти полосатые бестии.

Прихватив одну, весом килограммов под тридцать, молоденькую, жирненькую, она перекусила, с наслаждением ощущая, как к ней возвращаются силы. Все-таки, что ни говори, отвыкла летать на большие расстояния, а сегодня она пролетела... много. Счетчика расстояний у нее же нет...

По прикидкам скоро должна была быть на месте. Пришлось лететь вдоль береговой линии – город, в котором сейчас засел Гортус, находился на берегу моря, впрочем, как и большинство крупных городов Балрона. И это понятно – по воде легче доставлять грузы, а большие города требуют постоянного их подвоза.

На востоке, вдоль огромной реки Эмос тоже имелись крупные города, особенно возле золотых и серебряных россыпей. Возникновение этих

городов, собственно, и связано с добычей драгоценных металлов, хотя россыпи и были не очень богатыми, а потому особого ажиотажа вокруг них не наблюдалось. За день человек мог намыть всего грамм золота, за добычей строго следили надзиратели, пресекающие воровство государственной собственности. Вся добыча драгоценных металлов испокон веков находилась в руках государства. Деньги же надо из чего-то чеканить, вот и заботилась империя о том, чтобы золото и серебро по возможности не утекало на сторону.

Нужный город – судя по карте, которую Шанти изучала перед вылетом, – показался под утро, когда небо уже серело, а очертания деревьев и даже листья на них легко рассмотрел бы любой человек, не только дракон с его ночным зрением.

Драконца, как только начало светать, поднялась на высоту двух верст. С земли в этом случае она будет казаться лишь темной точкой на небосводе, а может, и вообще станет незаметной в слепящих лучах солнечного диска.

Когда до города оставалось около трех верст, Шанти круто забрала к берегу и, сложив крылья, начала пикировать, целясь в прибрежную волну. В самой низкой точке она с хлопком раскрыла крылья и спланировала на берег, усыпанный беловатой галькой.

Бросив под куст мешок с одеждой и обувью, вошла в воду и с наслаждением поплыла в открытое море, приняв облик акулы. Мощный хвост взбивал волны, выметывая из них белую пену, ветер рвал горизонт – хорошо!

«Вот странно, – задумалась она, – дождь я ненавижу, а купание в морской воде – обожаю! Почему так? Может, мои предки были морскими ящерами? Но почему все-таки дождь мне так неприятен? Из-за того, что вода в нем пресная? Впрочем, не любой дождь ненавистен, а вот такой – затяжной, мерзкий. Гроза после яркого солнца, недолгая, шумная, снова сменяющаяся солнечными лучами, – вот это приятно. После нее и цветы пахнут сильнее, и травы... и дичь почему-то после грозы вкуснее – вероятно, наелась этих самых пахучих трав».

Сполоснувшись, Шанти повернула к берегу и, уже подплывая, приняла облик темноволосой, стройной девушки. Образ рыженькой губительницы мужских сердец, в котором она бродила по дворцу, сейчас был нехоти – слишком уж запоминающейся была ее внешность, могли и заметить, запомнить. Шпионов Гортуса в Анкаре хватало.

Выйдя из воды, Шанти пошла туда, где оставила одежду, и вскоре учуяла запах пота, наркотических курений и дешевого спиртного – за

кустом ее мешок потрошили четверо в полувоенной форме, по виду типичные рекруты-новобранцы. Она насмотрелась на таких, толпами приходящих в Анкарру по призыву императрицы.

Парни ошалело уставились на обнаженную красотку, потом один из них, рыжеватый, лет тридцати, с угреватым крупным лицом и здоровенными ручищами молотобойца, с придыханием сказал:

– О господи! Счастливый день! Парни, вы посмотрите, кто тут у нас есть! Я не был с бабой уже три дня, и последней была вонючая беззубая старая проститутка с чирьем на шее! О боже! Иди к нам, цыпочка, иди к папочке! – Он встал и, пожирая взглядом прелести девушки, поманил ее пальцем.

– Грох, может, не надо? – примирительно спросил худой парнишка лет двадцати. – Она на мою сеструху похожа. Представь, у тебя была б сестра и кто-то ее обижал, тебе приятно было бы?

– Иди на хрен отсюда, чистоплюй! – выругался рыжий. – Не хочешь, иди со своим кулаком балуйся, а мне баба нужна! Глянь, она уже разделась для нас!

– Не трогай, я сказал. – Хург вырвал из рук рыжего платье Шанти и, кинув ей в руки, преградил дорогу. – Девчонка чистая, домашняя, невинная, какого черта ты к ней вяжешься?!

– Ах ты сука... – Рыжий сделал незаметное движение, и Хург вдруг вздрогнул, согнулся и упал на гальку, держась за живот. – Получи, тварь! Против меня идти, гнида! – В руке Гроха заблестело лезвие ножа, с которого капала кровь. – Иди сюда, сучка! Удовлетворишь нас троих – останешься жива!

– Какой там жива, – буркнул один из парней, продолжавший потрошить мешок Шанти. – Ты Хурга замочил, а если кто узнает? Валить ее надо. Тем более что баба не простая – глянь, какая одежда дорогая, видать, из благородных!

– Да мне по хрену, из простых она или из благородных. Дырки у нее такие же, как у всех. Иди сюда, сучка! Да-да, ближе! – ухмыльнулся рыжий и поперхнулся словами, вытаращив глаза и болтая ногами в воздухе. Красотка одной рукой взяла его за горло и без напряжения приподняла над землей.

Секунду он висел, пытаясь схватить воздух широко разинутым ртом, потом попытался ударить девушку ножом, который держал в руке, но лезвие лишь скользило по чему-то твердому, как стекло. Потом его сознание погасло.

Шанти тряхнула рукой, как кошка, играющая с мышью, шея

преступника с сухим треском сломалась, и он обвис как кукла.

Второй, что рылся в мешке и предлагал ее убить, вскочил... но не успел сделать и шагу – драконица сбила его ногой и, когда он упал ничком, ударом пятки сломала ему позвоночник.

Третий успел отбежать метров на пять, когда ему в затылок влетел камень размером с кулак взрослого мужчины, раздробив череп и убив его наповал.

Шанти осмотрелась – вокруг не было ни души. Подумала и, наклонившись над Хургом, попытавшимся ее защитить, перевернула его на спину.

Парень был еще жив, но скорее всего – ненадолго. Нож рыжего вспорол ему живот, и сквозь прорезь в рубаше виднелись сизые петли кишок, залитые густой кровью и своим содержимым. Парень застонал и открыл глаза. Увидев лежащих на берегу товарищей, не подающих признаков жизни, он уставился на склонившуюся над ним девушку и с трудом спросил:

– Ты... кто?

– Я Шанти. А ты?

– Я Хург. Ты прости, что напугали тебя... этот Грох такая гадина...

– А как ты оказался в его компании?

– Мы из армии Гортуса... рекруты. Забрали на войну... пригнали сюда... а еды мало... жалованье задерживают, вот мы и ходим на промысел. Воруем... с огородов выкапываем. Рыбу ловим. Я раньше не ходил с Грохом... но меня Жатор уговорил... мол, он удачливый, всегда с добычей. А он тварью оказался. Грабит людей. Я хотел уйти от них... ругались... вот, тебя встретили. Прости, что так вышло. Я бы не дал тебя обидеть, если бы смог.

– А ты и не дал, – вздохнула Шанти и подумала, что люди все-таки не такие гады, как ей казалось. Вот этот парнишка, единственный приличный тут человек, умирает за нее. А она стояла и ждала, пока эти разбойники наговорят побольше, чтобы ее совесть потом не мучила. Но откуда она знала, что рыжий негодяй схватится за нож?!

– Ты похожа на мою сестренку... – улыбнулся парень. – Такая же красивая, такая же...

Его глаза закатились. Хург умер.

Шанти с досадой подумала о том, что даже не знает, из какой он деревни... хоть родителям бы сказать, где он лежит. Пошарила у него в карманах – пусто, ничего, что могло бы указать, откуда он родом. Лишь на груди тонкая серебряная цепочка с крестиком, и все.

Застонал тот, кому она сломала позвоночник. Он не мог шевелить ногами, но пополз в сторону на руках, спасаясь от страшной «богини», вышедшей из моря.

Шанти проводила его взглядом, сделала к нему пару шагов... передумала, вернулась и закрыла глаза Хургу.

Снова пошла к раненому и не раздумывая схватила за голову обеими руками и свернула ему шею. Обшарила карманы – нашла пару серебряных монет, немного медяков, несколько цепочек и медальонов, – нахмурилась. Банда действительно занималась грабежом и убийствами. Вот тебе и рекруты...

Трупы бандитов Шанти оттащила в воду и, отплыв подальше от берега, пустила в свободное плавание. Акулы сожрут.

Хурга она после недолгих раздумий решила похоронить. Так-то Шанти не была сентиментальной, да и знала Хурга всего несколько минут, но ей показалось неправильным бросить его на корм акулам или же оставить гнить на берегу. Он вступился за нее, не пожалел жизни, и она должна оказать ему уважение. Последнее уважение. Все-таки он был хорошим человеком.

Она приняла облик драконицы и мощными когтистыми лапами стала рыть могилу под высокой сосной. Корни дерева рвались как нитки под напором полутонной землеройной машины, и через пятнадцать минут могила была готова.

Вернув себе человеческое обличье, Шанти отнесла Хурга к яме, аккуратно положила, накрыв лицо рубахой, сорванной с убитого бандита, а потом закидала рыхлой супесью пополам с галькой. Постояла, вспоминая, что должна сделать по людским канонам, но так и не вспомнила ни одной людской молитвы. Просто сказала:

– Покойся с миром, Хург, правильный человек. Я буду тебя помнить. Прими Господь его душу.

Затем повернулась и пошла к воде.

Отмывшись от земли и крови, Шанти надела платье, сапожки, курточку и направилась в город.

Андрей постучал по стенке рукоятью тяжелого пистолета, и кучер затормозил, громко крикнув на лошадей:

– Тпру-у-у! Стоять, проклятые!

Сзади в них чуть не врезался экипаж какого-то мелкопоместного дворянина, он высунулся в окно, разъяренный и красный, но увидел императорские гербы и охрану из гвардейцев, тут же умолк и спрятался,

нырнув назад, как в прорубь. Андрей усмехнулся – с некоторых пор императорский герб вселяет в родовитых подданных что-то вроде священного ужаса.

Высунувшись в окно, Андрей крикнул оборванцу, стоящему на перекрестке улиц с пачкой бумаги под мышкой:

– Эй, малец, поди сюда! Чего там у тебя такое?

Шустрый городской мальчишка, не боящийся ни бога, ни черта, бойко зачастил:

– Это газета, называется «Новости Балрона». Купите, господин! Всего два медяка! Тут про то, как казнили графа Гегайло! Про Гортуса – оказывается, он враг империи и поклоняется исчадиям! Про первого советника – оказывается, он из древнего аристократического рода и вообще внебрачный сын покойного отца бывшего императора!

– Это-то зачем? – поморщился Андрей, взглянув на хихикающего Зорана.

– А еще, – частил мальчишка, – про цены на муку, сахар, соль! Объявления – может, хотите купить коня – вот тут есть! Очень, очень интересно! Смотрите, картинка тут – вот Гегайло вешают, а рядом он уже торчит на колу! Очень веселые картинки!

– Тьфу! Хотел забыть эту пакость, а тут... сам рисовал или художника нанял?

– Сам! Я что, рисовать не умею? – обиделся Зоран. – А потом клише вырезали.

– Купите, господин!

– Дай одну, – кивнул Андрей, кинул счастливому мальцу серебряник и, взяв газету, закрыл дверцу кареты. Потом стукнул по стенке, карета заколыхалась и погромыхла дальше. – А что, впечатляюще, – ухмыльнулся Андрей, рассматривая картинку и текст под ней. – И Гортуса хорошенько опорочили. Странно, что ты не стал ему приписывать диетическое питание младенцами.

– Какое питание? Дие... чего?

– Ну... прописанное лекарями, – отмахнулся Андрей. – Ты в другие города отправил?

– Само собой! Скорой почтой, быстрыми извозчиками. Конечно, жаль, что дойдет через неделю-две, но главное, что дойдет. Как это вы здорово придумали с почтовыми станциями: раз! – и заменили лошадей. И с сигналами. Гудеть только любят, негодяи, почтовики эти. А формой гордятся, да. Умеее вы проворачивать дела.

– Ты лучше скажи, почему газета продается за два медяка, хотя первый

тираж должен быть по медяку!

– По медяку – это для тех, кто продает. Но им-то надо зарабатывать. Потом поднимем цену. Сейчас она и так обходится нам дороже, чем по медяку.

– Бумаги хватает? А краски? Учти, газета мне очень, очень важна. Это пропаганда. Кто владеет информацией, тот правит миром. Пусть в убыток, пусть невыгодно коммерчески – распространяй по городам, отправляй куда можно. И вот что, найди людей, которые будут поставлять информацию – слухи, события, все что угодно. Через газету можно сливать информацию о тех, кого нужно опорочить...

– Понял! – усмехнулся Зоран. – Я буду платить им за информацию, этим несунам. Надо нанять людей, которые напишут эти новости. В этот номер писал я сам, но мне тоже иногда хочется спать, так что...

– Несуны эти называются репортеры. И нужен журналист, который будет интересно и хлестко писать статьи, с целью воздействия на общественное мнение. И редактор, он будет отслеживать, что ставить в номер, а что подождет.

– Понял, сделаем. Хотите убрать патриарха?

– Меньше болтай. Особенно в тех местах, где это делать нельзя. Понял?

– Понял, – кивнул Зоран, и Андрею показалось, будто тот подмигнул здоровым глазом. Может, действительно показалось?

– Привет, милый. – Антана обняла Андрея за шею и крепко поцеловала. – Как ты сегодня? Устал? Сейчас я прикажу подать ужин. Я не ужинала, тебя ждала. Пригласим к обеду Олру? А то она скучает одна...

Андрей внимательно посмотрел на Антану и осторожно спросил:

– Ты на самом деле этого хочешь? Или предлагаешь, чтобы доставить мне удовольствие? Или испытываешь меня?

– Ты что? – ошеломленно сказала Антана и отшатнулась, будто ее ударили. – Ты что такое говоришь?! Ты не заигрался ли в свои политические игры, что подозреваешь в таковых даже *меня*?!

Она резко отвернулась и подошла к большому окну, выходящему в сад. Полупрозрачные портьеры шевелил ветерок, доносящий запах каких-то пряных цветов, усыпавших колючие, стриженные в виде шаров кусты, в небе проносились тучи, и моросил бесконечный серый дождь...

Андрей подошел к ней и обнял за плечи. Антана дернулась, убирая его руки, и он увидел, что она плачет. Потом она горько сказала:

– Проклятый престол! Проклятая корона! Проклятый дворец! Когда ты

был простым воякой, борцом со Злом, ты бы никогда мне так не сказал! Никогда! Ты любил меня! А теперь, когда мы на вершине власти, ты стал меняться. Ты стал жестоким, холодным! Ты думаешь лишь об интригах, о том, как удержать эту власть! И не думаешь обо мне! Ты...

– Прости! – Андрей коснулся губами шеи Антаны. – Прости, я ляпнул не подумав. Я всегда любил и люблю тебя и ради тебя умру. Дурак я! – Андрей опустился на колени перед ней и прижался головой к ее бедру. – Прости дурака! Я же просто мужчина. Я не знаю, что у женщин на уме. Ты спросила, и я подумал, что ты меня проверяешь, люблю ли я тебя. Есть ли у меня что-то к Олре, кроме дружбы и воспоминаний. Решил, что ты сомневаешься в этом, поэтому и спросил. Милая, прости меня, пожалуйста. Ты мне дороже всего на свете...

Антана опустила руку, положила ее на голову Андрея и легко пошевелила пальцами, вороша его волосы. Вздохнула:

– Наверное, я сама виновата, что ты меня не понял. Встань, иди сюда. – Она сильной рукой подняла Андрея и, обняв, прижалась к его груди. – Ты как-то отдалился от меня в последнее время, приходишь холодный, напряженный, злой. Мне кажется, эта власть нас разделяет. Ведь мы были гораздо счастливее в том домике... гораздо счастливее. Я знаю, что ты скажешь: долг, дело прежде всего... отец так говорил. И где он? И ты меня оставишь... уйдешь однажды и не вернешься. Молчи! – Она приложила руку к губам Андрея. – Ничего не говори. Я скажу, моя очередь. Я упомянула Олру только потому, что думала – тебе будет приятно, что я выше предрассудков, что для меня ничего не значит мысль о том, что когда-то ты с этой женщиной занимался любовью, обнимал ее, целовал, что у нее от тебя ребенок. Скажу откровенно: да, немного корябает по сердцу. Но я знаю, что ты любишь только меня. Знаю, и все тут. И я не боюсь, что ты снова с ней сойдешься. Но ваш с ней ребенок должен жить так же, как и наш с тобой. Я не верю, что ты будешь относиться к ним по-разному. И не хочу, чтобы ты разрывался между бывшей женой с ребенком и мной. Пусть они будут рядом. И мне спокойнее. – Антана слегка улыбнулась и посмотрела в желтые глаза Андрея. – Все? Как ты обычно говоришь – вопрос закрыт? Если не хочешь, мы ее не пригласим. Будем ужинать вдвоем. Кстати, а где наша сестричка? Где Шанти?

– Полетела по делам, – уклончиво ответил Андрей. – Через денек-другой вернется. Возьми вот, почитай. – Он подал жене газетный листок. – Кстати, можешь положить его в ларец, где хранятся редкие книги, – когда-нибудь он будет стоит огромных денег. Это первый номер нашей первой газеты!

Антана присела на краешек кресла и с интересом стала рассматривать картинки, читать статьи, забыв обо всем. Потом подняла восхищенные глаза на Андрея:

– Потрясающе! Ты даже не представляешь, что ты сделал! Ведь все скучают – дамы сидят дома и собирают сплетни, не знают, чем заняться! А это – сборник сплетен! Они будут ждать каждого номера, драться из-за него! Великолепно! Позову Олру, покажу ей – она сразу поймет. Ты только глаза щуришь, а сам ни демона не понимаешь важность этой штуки!

– Где уж мне, – усмехнулся довольный Андрей. – Представляешь, когда тут появится статья о нынешнем патриархе, о его прегрешениях перед церковью, моралью и всяком таком прочем. И сразу во всех крупных городах! Как ты думаешь, сумеет он при этом сохранить свое место?

– Никогда, – решительно мотнула головой Антана. – Слетит, как птичка с гнезда. Вот для чего ты сделал газету... – прошептала она задумчиво. – Ну и демон же ты. Ты страшный противник. Не завидую тому, кто встанет у тебя на пути.

– Мне приходится быть страшным и безжалостным. Ты же знаешь, я не для себя делаю. Мне не надо этих денег, этой власти! Я для людей хочу! Я хочу, чтобы люди хорошо жили! Чтобы не было Зла! Чтобы...

Он осекся, потому что подумал: ведь было уже. Все было. «Счастье всем даром, и пусть никто не уйдет обиженным!» И убивали ради этого. Тысячами. Миллионами. И он будет убивать. И убивает. А убивая, разве можно остаться прежним?

Антана увидела, как осунулось лицо мужа, и ласково коснулась его плеча:

– Не переживай. Это я так, сгоряча сказала. Сама уже не рада, виню себя за это. Сейчас я позову Олру, и будем ужинать. Будем относиться ко всему проще, ладно? Мы и правда что-то заигрались в интриги. Начали друг друга в чем-то подозревать... а то я брошу эту демонову корону и уйду! Не нужен мне этот трон! Мне нужен только ты... и Марк.

– Увы, назад дороги нет, – грустно усмехнулся Андрей. – Давай команду к ужину. И Олру зови. Я пока пойду поищу кое-что в библиотеке, ладно? Да! Как там Марк? Все в порядке?

– Иэххх! – насмешливо сказала императрица и кинула в Андрея сложенной в комочек кружевной салфеткой со столика. – В первую очередь надо о ребенке. А потом свои газеты-мазеты. Ну мужчины... это что-то. Иди-иди, ройся в своих пыльных фолиантах. Позову.

Андрею хотелось найти какое-то упоминание об исчадиях, и все свободное время он посвящал библиотеке. Прочитал все, что было

написано об этих тварях, но так и не узнал практически ничего нового.

За исключением одного упоминания о странном явлении, которое наблюдали моряки, доставлявшие товары в Островное королевство: небо на горизонте как будто разорвалось, пропали звезды, вспышка... и все. В общем-то все. Если не считать того, что падение предполагаемого болида по времени совпадало с рассказами драконов о новом игроке, появившемся в этом мире. С натяжкой можно было притянуть друг к другу эти два явления, и... Что «и»? Ничего. Ничего в голову не лезло.

Слуга пригласил Андрея к ужину. Есть хотелось ужасно, так что поиски истины позорно проиграли куску мяса и кружке пива.

Кстати, как ни пыталась Антана приучить Андрея к культурно-аристократическому вину, отучив от пива, – ничего не вышло. Он заявил яростный протест, сказав, что ему наплевать, кто там чего пьет, а если она будет возмущаться – отдаст приказ вырубить все виноградники. Она поверила и отстала.

Олра была слегка насторожена, но поддерживала разговор и в восторге, как и Антана, перечитывала газету, снова и снова тыча пальцем в отдельные строки хроники, и предложила иногда подкидывать материал для статей. На что Андрей ответил, что в общем-то для того и было придумано, а не ради светских сплетен. Обе женщины дружно напали на него, сообщив, что мужчины эгоисты и не понимают, как женщинам важно получать такую информацию. Затем зашел разговор о детях – Олра рассказала, как дела у Марго. Все было отлично. У Марго и Марка была одна кормилица – та самая женщина-гора, и оба росли не по дням, а по часам.

Потом женщины вспомнили что-то веселое про Зорана, затеявшего волочиться за молоденькой замужней кухаркой, – муж стерег его возле дверей, и Зорану приходилось попадать в комнату дамы сердца через окно. Статус секретаря советника, конечно, очень весом, но полено в руке обманутого мужа еще весомее.

Андрей слушал веселый треп, и почему-то ему было не смешно. Он сильно беспокоился за Шанти, на душе было тяжело. И вдруг, словно в подтверждение его опасений, ему стало нехорошо, сердце сжалось от боли и затрепетало, будто бабочка, накрытая сачком. И он понял: с Шанти беда. Ей плохо, и, возможно, она умирает.

Побелев, Андрей вскочил и вцепился в край стола так, что пальцы оставили вмятины на полированном дереве. Женщины перепугались, стали его тормозить, пытались заставить выпить воды, но он стоял, сжав зубы и вытянувшись, как стальной клинок, затем выдохнул и хрипло сказал:

– С Шанти беда. Я знаю. С ней плохо. – Андрей упал в кресло, едва не потеряв сознание.

– Вы?! Откуда? Как успели? – Глаза купца, агента Шанти, выпучились, будто он увидел чудище морское. Купец узнал свою начальницу – драконице пришлось снова принять облик рыжеволосой красотки, но при этом «перекрасить» волосы. Перестаралась она некогда со своими огненными волосами, став заметной, как факел в ночи.

– Проходите. Скорее! Тут бродят целые толпы голодных солдат – опасно.

Купец закрыл ворота дома и повел Шанти внутрь.

– Ужас, что творится! Они собрали всех мужчин со всех провинций юга. Кто будет весной пахать и сеять – непонятно. А всю эту массу надо кормить, поить. Те и рыщут, голодные, все сожрали, даже кошек и собак! Вы не представляете, что творится, – банда на банде! Убийства, грабежи, изнасилования!

– Представляю, – сухо кивнула Шанти. – Мне нужно знать, где располагается резиденция Гортуса. Какая там охрана. И вообще, по возможности все о нем – куда ходит, где бывает, кто к нему приходит. Я давала вам такое задание. Что можете сказать?

– Ну что сказать... – Купец усадил гостью за стол в гостиной и сосредоточился. – Он живет в особняке на Бирюзовой улице. Усадьба большая, охрана многочисленная и хорошо вооруженная. Входа туда нет никому, кроме доверенных лиц и то с пропусками. Вот вроде и все.

– А слуги? Слуги выходят? Заходят? Как он может обходиться без слуг?

– Хм... наверное, заходят... А толку-то? Их всех знают в лицо. Вы хотите туда проникнуть?

– А вы полагаете, я задаю вопросы ради развлечения? Делать мне нечего?

– Извините... – Купец слегка стушевался, но тут же воспрянул духом. – Если чем могу помочь – я всегда готов! Этот Гортус всех уже достал, весь городской люд его ненавидит!

– За что? – вяло осведомилась Шанти, обдумывая информацию.

– По городу не пройти – одно хулиганье. Девушкам вообще ходить невозможно – того и гляди юбку задерут в кустах. Я удивлен, вы-то как сюда прошли? Без проблем? Нет, я не имел в виду... – Купец покраснел, поняв, что сморозил глупость, и замолчал.

– Вы имели в виду, что мне задрали юбку в кустах по дороге сюда? –

безжалостно уточнила Шанти. – Нет, не задрали. Со мной нельзя так поступать.

«Особенно если у задиральщиков сломаны обе руки, – подумала она со смешком. – Интересно, что они потом рассказали по поводу инцидента? Известная красotka едва не оторвала руки».

– Информацию приняла. Но мало ее. Почти ничего нет.

– Так я сколько тут? Всего два дня! Что я мог узнать за два дня? – обиженно буркнул купец.

– Понятно. Схожу посмотрю на дом этого Гортуса. Здесь же не очень далеко?

– Пять минут хорошей ходьбы. Через три улицы. Выходите, сразу направо, доходите до перекрестка, поворачиваете налево и три квартала вверх, в горку. Белый дом за красной крепостной стеной – вот это и есть усадьба Гортуса. Только имейте в виду, они хватают всех, кто походит близко! Шпионов ищут. И убийц. Прошел слух, что Гортуса хотят убить, что императрица подсылает к нему убийц. Пятерых уже казнили. Двое и правда бросились на него, когда он проезжал в закрытой карете. Был он в карете в этот момент или нет – еще вопрос. Да эти несчастные даже на подножку не успели запрыгнуть, их тут же перехватили агенты Гортуса. Весь город наводнен агентами Гортуса, и, говорят, они оборотни! Убийц казнили так страшно, что я даже рассказывать об этом не хочу – вырвет. То, как советник поступил с Гегаило, цветочки. Детская игра. Там похуже было...

– Императрица не посылала убийц, – фыркнула Шанти. – Так кто же были на самом деле эти несчастные?

– Не знаю. Мало ли недовольных? Например, отцы-братья-мужья-возлюбленные тех девиц, что он замучил. Гортус славится экзотическими привычками, с детства. Говорят, что он не получает сексуального удовлетворения, если партнерша не кричит от боли. Извращенец тот еще.

– А где он девушек берет?

– С улиц. Его подручные отлавливают на улице девушек и доставляют к нему. Из его поместья они уже не выходят. Говорят, случайные прохожие на берегу видели длинные свертки, которые его слуги выбрасывают в море. Но никто ничего точно не знает. И еще – возле него появились какие-то колдуны. Именуют себя обществом «Черных плащей».

– Что за общество? – насторожилась Шанти.

– Никто не знает. Говорят, могущественные колдуны. Гортус хвастался, что с их помощью он разнесет войска императрицы в клочья. А потом завоеует Славию.

– М-да... такого негодяя на престол... это исчадие какое-то... Кстати, не исчадия ли? Как эти колдуны относятся к церкви? А Гортус?

– Нормально относятся. Он в церковь не ходит, но и другим не запрещает. Храмы стоят как стояли.

– Значит, не исчадия... понятно... – протянула Шанти. – Скажи, а где, на каких улицах промышляют ловцы девушек?

– Хм... не знаю. Вероятно, начиная от его усадьбы и по всему городу. На городском рынке еще. Да, говорят, там хватали.

– А почему люди не бунтуют? Как они терпят такое?

– А вы видели, сколько у него солдат? Задавят сразу. Кто пытается сопротивляться – казнят на месте. Закона нет, есть Гортус. Один, говорят, вступился за свою молодую жену – они на рынке вместе торговали, – так его привязали к лошади и волокли по улицам, пока не помер. А жена сгинула в усадьбе Гортуса. Все и говорить-то боятся, даже шепотом! На рынке мало что продается, и то по высоким, очень высоким ценам. Я выставил немного муки и зерна в своей лавке по цене в три раза дороже, чем обычно, – вмиг смели. Так-то выгодно здесь торговать, но нет гарантии, что ночью к тебе в дом не вломятся и не отберут наторгованное. Или по дороге к лавке фургон не ограбят. В общем, это ужас какой-то. Я никогда такого не видал. Поговаривают уже – скорей бы императрица башку Гортусу снесла, устали все.

– Снесет, снесет, – задумчиво сказала Шанти. – А где у вас рынок?

– Налево, пять кварталов. Там еще пожарная каланча стоит, ее отовсюду видно. Не ходите туда! Вы думаете, узнаете там последние слухи? Народ молчит, все боятся рот открыть. Наживете неприятностей, и все. Не надо!

– Спасибо за предупреждение, но я все-таки схожу, – улыбнулась Шанти. – Если со мной что-то случится – все расскажете госпоже Олре.

– Не нравится мне ваша прогулка, ох не нравится, – покрутил головой купец. – Не дай боже налетят ловцы – пропадете!

– Авось не пропаду, – Шанти решительно встала. – Мне пора. Собирайте информацию – количество солдат, оружие, все, что сумеете узнать.

Выйдя за калитку, Шанти подняла голову и слегка улыбнулась. Проглядывало солнце, несмелые лучи тихонько ощупывали мир, и на душе у нее стало светло и ясно. «Все-таки хорошо, что здесь хоть иногда проглядывает светило!» – подумала она и бодрым шагом отправилась туда, где над городом возвышалась пожарная каланча, похожая на верзилу в шляпе.

Глава 6

Еще когда Шанти вошла в город, ей сразу бросилась в глаза грязь на городских улицах. Все заплевано, загажено, такое впечатление, что власти все равно, как живут горожане. Никаких сдерживающих факторов. Да, ходили патрули из хорошо вооруженных солдат во главе с младшими офицерами, но они не обращали ровно никакого внимания на мусорящих, пачкающих, даже гадящих рекрутов и новобранцев. На глазах драконицы один просто сел и сделал свое грязное дело, не обращая внимания на то, что находится в людном месте. И никто ему даже слова не сказал.

Шанти прикинула – если бы это происходило в Анкарре, придурок уже получал бы свою порцию плетей. Чего-чего, а за порядком там следили.

Стоящие у стен и слоняющиеся без дела парни обращали внимание на идущую по улице девушку – присвистывали, показывали пальцем, причмокивали и делали непристойные жесты. «Такое впечатление, что у них всех как-то сразу наступило умственное помешательство, – думала Шанти. – Ведь у себя дома они так себя не ведут, стыдно ведь! А почему тут так? Война все спишет? Вполне может быть, что так и думают. Все равно, мол, подышать, так хоть перед смертью почудить».

– Девушка, девушка, у меня есть пять серебреников! – Перед ней возник прыщавый долговязый юнец в одежде цветов герба Гортуса. – Пойдем со мной! Пойдем! Ты такая сладкая!

Его глаза лихорадочно блестели, парень был как будто в горячке. «Больной? – подумала Шанти. – Похоже, что скоро у них тут начнется веселье в виде чумы – если вовремя не наведут порядка».

– Пошел вон! – презрительно сказала драконица и, обойдя его, пошла дальше, внимательно прислушиваясь к тому, что происходит сзади.

Она ожидала чего угодно, только не этого – парень упал на мостовую и, рыдая, стал биться головой о камни, но скоро затих. Шанти оглянулась – несколько человек уже обшаривали его карманы, кто-то срезал кошель, и тут же началась драка. Засвистел патруль, подбежали тяжелооруженные солдаты регулярной армии, блеснули клинки – на мостовой осталось два трупа.

Шанти нахмурилась – и с такой армией они собираются взять Анкарру? Да это бред какой-то! И тут же просветлела – ценная информация. Все это означает, что большая часть армии Гортуса есть никуда не годный сброд. И пусть она численностью превышает армию

Андрея в несколько раз, зато боеспособность армии империи гораздо выше.

– Девушка! – послышался голос откуда-то сбоку.

Шанти обернулась, готовая отразить агрессию, и увидела мужчину лет сорока пяти, седого, в кольчуге, наплечниках, с прямым мечом на поясе и кинжалом слева на боку. «Опять?! – подумала она. – Что ж вы никак не успокоитесь-то!»

– Девушка, не ходила бы ты по городу, – неожиданно сказал мужчина. – Видишь, что происходит? Нагнали сброду, тут мужикам-то ходить небезопасно, а уж таким красоткам подавно! Иди скорее домой, иди! Давай я тебя провожу, чтобы никто не обидел.

Шанти прощупала его эмпатически – нет, никакого сексуального влечения, искреннее участие.

– У меня дочь твоего возраста, тоже красавица, – пояснил тот. – Идем, я до дому тебя провожу. Не бойся, я не дам тебя в обиду.

– Я не боюсь, – лучезарно улыбнулась Шанти. – Я только до рынка дойду и сразу назад. Не нужно помощи. Иди по своим делам. Останься в живых.

Мужчина неодобрительно покачал головой, но настаивать не стал. Он проводил долгим взглядом красотку, похожую на его дочь, и затосковал – на кой демон ввязался в это предприятие? Денег заработать? Этот демонов Карил пообещал, что тут будут хорошо платить, а вся кампания закончится в считанные недели. И что? Засели на весь сезон дождей, жалованья нет, жрать нечего. Сын с дочерью там одни, жена больная. Ну зачем, зачем он поперся сюда?!

И вдруг пришло решение – валить надо отсюда. Правильно сказала девчонка, надо остаться живым. И вообще, он уже не в том возрасте, чтобы, как в двадцать лет, махать железкой. Тут ломит, там болит, раненая нога под дождем ноет – валить надо, точно. А если предъявят претензии, мол, дезертир? А некому будет предъявлять. Этот сброд никогда не победит. Они разбегутся тут же, как в них врежутся тяжеловооруженные конники. А Гортусу отрубят башку победители. Все, решено: уходить!

Ветеран бодро зашагал в сторону южных ворот, привычно придерживая рукой длинный меч. Идти до дома трое суток – без еды, без денег, на которые он мог бы что-то купить. Но солдат не унывал – выдержит. Зато – скоро дома. Обнимет жену, детей и останется в живых. Спасибо девчонке, навела на мысль. Жаль ее, попадет в беду. Он остановился, подумал – может, вернуться, проводить ее? Но потом махнул рукой – она сама знает, что делает. Каждый должен сам отвечать за свои поступки. И пошел дальше.

Рыночные ворота ничем не отличались от своих собратьев в других городах империи. Если только тем, что были более ободранными? На деревянных створках свежесвыцарапанные матерные слова и глубокие отметины, как если бы кто-то метал ножи или дротики.

Привратник встрепнулся, увидев Шанти, выскочил из будки и замахал руками:

– Дура! Ты куда прешься?! Вдруг сейчас «охота» Гортуса прискачет, и сгинешь навечно! Уходи, уходи отсюда! – Красные щеки старика пошли пятнами, а седые волосы растрепались. Он него пахло спиртным и застарелым потом. – Быстро уходи отсюда! Не то время, чтобы по рынку бродить! Сплетни пришла собирать, что ли? Тут и сплетен-то нет, одно безобразие! Я даже плату за въезд уже не собираю – торговцев-то почти нет. Что ты тут хотела купить-то?

– Да так, посмотреть хотела, – пожала плечами Шанти, и ее легкая курточка распахнулась, обнажив крепкие полушария, чуть не вываливавшиеся из лифа.

Старик замер, впившись глазами в грудь девушки, и тихо сказал:

– Ты точно дура. Не миновать беды. Ты чего так вырядилась, запахнись! Скорее! Ну! Поздно. В будку, в будку прячься! – Старик попытался оттащить Шанти от ворот, но рядом уже заплясали сытые, красивые кони. Семеро хорошо одетых молодых людей в камзолах цветов герба Гортуса внимательно смотрели на Шанти, пока один не сказал:

– Вот так добыча! Неужели мы могли пропустить такую красотку? Зехер, сажай ее к себе. Подержись за нее, пока Гортус до девки не добрался.

Всадники захохотали, а упомянутый всадник наклонился и, схватив Шанти за талию, усадил ее впереди себя, крепко обхватив за грудь.

Шанти, если бы захотела, могла бы сейчас перекачать свой вес из *нечто* в свое человеческое тело. И тогда конь просто сломался бы под полуторатонным весом. Но задача стояла совсем другая, и ей пришлось ко всему прочему терпеть руки потного парня, лапающего ее грудь. Она создала иллюзию настолько мощную, что рука «охотника» ощущала лишь гладкость кожи, а его нос чуял запах цветов, исходящий от незнакомки.

Парень остро пожалел, что он не Гортус и что после хозяина девка достанется ему измочаленной, окровавленной, избитой до полусмерти. Как бы он хотел быть первым из тех, кто вонзится в ее бархатную плоть!

Скрипнув зубами, всадник подстегнул лошадь, и та помчалась в табунке своих товарищей, опрокидывая не успевших убраться с дороги

прохожих.

В трех кварталах от базара под ноги лошади попался какой-то седой солдат, замечтавшийся о чем-то своем, лошадь сбила его мускулистой грудью, он покатился по мостовой и ударился головой о придорожный камень, проломив себе висок.

«Охота» поскакала дальше, не обратив внимания на свою случайную жертву, а к трупам уже начали стягиваться стервятники в человеческом обличье. Не успел солдат вернуться домой...

Кавалькада влетела в ворота усадьбы, тут же закрывшиеся за ней и оцетинившиеся копьями и алебардами охраны. Вокруг особняка, как и вдоль стены и на стене, было множество вооруженных до зубов охранников. У многих – луки и арбалеты в боевой готовности. Никто не мог пройти без проверки даже в переулочек, где находилась усадьба. Шанти в этом убедилась и поняла, что, если она появилась бы здесь одна, ее, скорее всего, приняли бы за шпионку, и до Гортуса она могла бы и не добраться. Так что ее решение верное.

– Давай ее в комнату! Что она, плачет? Молчит? Перепугалась, видать. Знает, что ее ждет. Тащи в дом, только не повреди. Синяки поставишь – Гортус тебе башку снимет. Он сам любит им синяки ставить, свежачок любит, чтобы был! Он скоро вернется из мойни.

– Одеть ее во что-то другое? – спросил мужчина, по виду напоминавший мажордома – ливрея, гладкое холеное лицо.

– Нет. Как есть пускай. Придет – сам решит. Веди ее в комнату для утех, привяжи там к стене. Ребята, помогите ему – вдруг она будет сопротивляться, еще поколотит несчастного!

Командир охотников заржал, а Шанти, слегка прищурившись, посмотрела на его ауру.

Верно Андрей говорил – оборотни. Целая стая оборотней. И они подчиняются старшему, он их инициировал. Стая. «Интересно, – подумала она, – любовь Андрея и Антаны, вернее, Антаны к Андрею не следствие ли того, что он является ее старшим? Или там все намешано – и любовь, и подчинение старшему?» Впрочем, не больно-то видно, чтобы она беспрекословно ему подчинялась. Может, как-то особым образом делается, чтобы при инициировании стая подчинялась старшему? Шанти пожалела, что не поинтересовалась этим вопросом поподробнее, но раздумывать над этой проблемой было некогда – ее втащили в дом, приволокли в какую-то комнату... и она вздрогнула от отвращения.

Пыточная. Настоящая пыточная. Инструменты, блоки, крюки, петли. Запах. Как ни вымывали – остался запах крови. Сладковатый запах тлена.

Вымывай не вымывай, а запах бойни никуда не деть.

Ее толкнули к стене и, растянув руки в стороны, зажали их в плотных стальных захватах, проложенных толстой стеганой тканью – видать, чтобы жертва раньше времени не повредила себе руки. Потом то же самое проделали с ногами пленницы.

Конвоир сжал ее грудь, провел ладонью по бедру и, ухмыляясь, сказал:

– Мы с тобой еще увидимся. После того как с тобой развлечется Гортус. Правда, после этого ты будешь уже не такая красивая и гладкая. Жаль. Но ничего! Тебе все равно будет приятно, мы постараемся доставить тебе как можно больше удовольствия! Ведь ты же любишь мужчин? Сегодня у тебя их будет много.

Он резко засмеялся, глядя на Шанти желтыми глазами, вышел из комнаты, и она осталась одна.

Когда ее вели в дом, Шанти осмотрелась – да, ее выводы были верными. Никакими путями в дом проскочить было нельзя. Первое, что приходило в голову, – замаскироваться под слугу, принять его облик. Но эту идею она отбросила сразу – где искать этого слугу, чтобы всмотреться в него и принять его облик? Где его поймать? Да, можно попробовать получить информацию о слугах, куда они ходят, где берут продукты и все такое прочее. А если не ходят? Если продукты давно в доме, если их не выпускают из усадьбы? В таких сооружениях по типу крепостей запасались продуктами и водой на годы вперед. Зачем кому-то выходить и где они будут чего закупать в голодном городе? Тем более что из соображений безопасности лучше слуг не выпускать вообще.

Принять облик какой-нибудь зверюшки или птички? И такая мысль была, самая реальная по исполнению. Лишь одно «но» – только представить себе птичку или зверюшку, которая вдруг рвется в дом! Ее, само собой, попытаются отогнать, убить, в конце концов. И закончится это банальной дракой. А там ведь оборотни. Шанти помнила, как толпа оборотней ободрала ее до самого мяса. Даже непробиваемая чешуя не спасла. Это вам не обычные люди с их жалкими сабельками.

Кстати сказать, Шанти не была уверена в том, что тяжелое копье в руках потрясающе сильного оборотня не пробьет ее чешую. Убить, может, и не убьет, но вот поранить – запросто. Оборотни такая злостная штука... их только жечь огнем, но и горящие они бросаются как сумасшедшие. Притом – ему только отбежать в сторону, перекинуться, и вот он снова здоров. Кроме того, где гарантия, что в это время Гортус будет дома? И где его искать по дому? Со стаей, висящей на хвосте... Нет, зверюшки-птички не выход.

И вот тогда ей пришел в голову элегантный ход – ее доставят к этому негодяю. Враги. И так оно все и вышло. Неприятно, конечно, все время хотелось откусить руку, тискающую ее иллюзорную грудь... но всему свое время. И до этой шаловливой ручонки доберется. Когда оторвет Гортусу башку. Надо только немного подождать...

Комната, где приковали Шанти, была огромной. В длину около ста пятидесяти человеческих шагов и в ширину пятьдесят, не меньше. По центру колонны, поддерживающие свод. По всей вероятности, тут свободно могли бы разместиться несколько десятков купеческих возов. Драконица вначале не поняла, зачем нужен такой зал, да еще и с потолками на высоте третьего этажа, но потом вспомнила, что видела подобное помещение во дворце, там частенько пировал покойный император и все его предки.

Скорее всего, здесь давно оборудовали пыточную. Впрочем, возможно, они совмещали приятное с приятным – и пировать, и пытаться. Чем не развлечение – насиловать и пытаться красивую женщину на пиру, на глазах у всех.

По зрелом размышлении Шанти все больше утверждалась в мысли, что так и было. А еще ей пришлось в голову, что эти люди, хотя они и ходят в церковь, молятся Богу, ничем не отличаются от исчадий. Те не скрывают свое Зло, поставили его во главу своей веры, а эти – просто врут. И делают то же самое, что и исчадия. «Все врут! – с горечью подумала Шанти. – Люди врут, драконы врут, вообще есть кто-то, кто не врёт?»

Ждать пришлось около часа. Где-то в отдалении послышались голоса, топот ног, и вскоре в зал вошел Гортус, сопровождаемый людьми в черном. Шанти видела его на турнире и хорошо запомнила лицо.

Гортус был весел и что-то говорил своим спутникам, а увидев Шанти, прикованную к стене, замер и с удивлением сказал:

– Красотка... странно. Почему у нее такая интересная аура? Я такую видел только у вас, Даран... и у Хевеса.

– Аура?! – напряженно сказал тот, кого называли Дараном, и жестким, скрипучим, как ножом по стеклу, голосом рявкнул: – Вон отсюда, Гортус! Быстро! Уходите! Не смотрите на меня так! Хевессанор, вынеси его отсюда! Это тот, кого мы ищем!

Телохранители Гортуса почему-то решили, что схвативший их хозяина поперек туловища «колдун» напал на него, и попытались вонзить в него спрятанные под одеждой короткие клинки, но не смогли пробить драконью чешую. Хевессанор выкинул Гортуса за дверь, как щенка, закрыл ее на засов – толстую, окованную железом дверь – и тоже уставился на

прикованную к стене Шанти.

– Предательница! – холодно прогремел голос дракона в голове Шанти. – Как ты посмела нарушить договор?!

Шанти посмотрела на двух людей в черном – вокруг них сияли ауры драконов. Такая была и у ее матери. А еще – она вспомнила лицо одного из них, видела его в толпе зевак на похоронах, когда изображала труп императора. Старейшины! Она попалась. Глупо, тупо – попалась!

Шанти стало так горько, так грустно, что она невольно передала мощнейший импульс мыслесвязи Андрею:

– Беда! Я попалась! Меня захватили! Я погибаю!

Отчаяние ее было таким сильным, таким безысходным, какого она не испытывала с тех пор, когда человек сломал ее младенческие крылья и она поняла, что никогда не сможет летать.

Почему-то весь выплеск, вся сила ее мыслесвязи ушла не на связь с матерью, а для того, чтобы связаться с Андреем. Дошел ли он? Шанти в этом не была уверена.

Шанти рванулась из захватов, они лопнули, как картонные. Сбросив оковы, драконица кинула взгляд по сторонам – единственный выход находился за спиной у врагов. Там же и большое окно, через которое при желании, хоть и с трудом, она могла бы пролезть в своем драконьем обличье. Теперь было уже не до Гортуса – ноги б унести!

Она быстро перекинулась в драконицу – одежда полетела в стороны, лопнула, как трухлявая, разлетелись щегольские сапожки, которые стоили столько, что и вспоминать неохота. Платье – такое красивое, так идущее ей... плевать! Все будет! Только бы вырваться, только бы уйти!

Острые когти вырывали дощечки из паркетного пола – Шанти рванула вперед, как гоночный автомобиль с места – только дым из-под колес! Нет, она не была настолько глупа, чтобы броситься на старейшин, – только уйти, пролететь над ними, врезаться в раму, высадить ее и улететь в небо. А там... там ее стихия. Пусть попробуют взять! Вперед! Не подведите, крылышки!

Не удалось.

Драконы поступили так же, как и она. Стали драконами. И не просто драконами, а Драконами! Если сравнивать черного дракона Даранаяса и Шанти, чтобы иметь представление о размерах обоих, нужно представить себе кошку и новорожденного слепого котенка. А потом перенести пропорции на драконов в зале.

Даранаяс был потрясающе, ужасающе огромен! Он возвышался под потолок, и Шанти с разгону врезалась в его грудь, как в скалу. Удар был

ошеломляющим. Даранаяс вздрогнул, но... даже не пошатнулся. А драконица упала на спину, едва не сломав крылья. Сколько в нем было веса? Сорок тонн? Сто? Неизвестно. Его можно было сравнить только со стратегическим бомбардировщиком, каким-то чудом оказавшимся в бальном зале. Он занял не менее четверти помещения. А еще одну четверть – Хевессанор.

Даранаяс обрушился на драконицу всем своим весом, припечатав ее к полу. Летели куски дерева – Шанти пыталась вырваться, разбрасывая лапами вырванный паркет, доски, куски балок. Хвост драконицы, бьющейся в попытках освободиться, ударил по колонне, поддерживающей свод, и столб в два обхвата треснул, как спичка. Посыпалась пыль, известка, с грохотом врезалась в пол позолоченная стеклянная люстра, висевшая на цепи под самым потолком, – в пылу борьбы драконы задели подъемный механизм, спрятанный за потайной дверью, разбитой в щепы.

Драконы ревели, хрипели, рвали друг друга, в борьбу включился и Хевессанор, зажавший хвост Шанти и рвавший ей хребет огромными белыми зубами.

– Не убивай! – крикнул по мыслесвязи черный дракон. – Мы ее казним показательно, чтобы другим было неповадно! Я сейчас ее обездвигу!

Даранаяс нанес несколько мощнейших ударов лапами, как молотом, прямо по голове Шанти, сознание которой уже поплыло от боли. После пятого удара драконица затихла, обмякла и перестала шевелиться. Ее аура стала слабой, и в ней появились красно-черные пятна и полосы.

Шанти была сильно избита. Под ней собралась большая лужа крови, вся спина драконицы была изрезана, чешуя сорвана до мяса, крылья разорваны, лапы сломаны. Теперь, даже если она и вырвется на свободу, лететь точно не сможет – это было видно с первого взгляда.

Драконы снова превратились в людей и, прикрыв тела остатками одежды и сорванными с окна портьерами, открыли засов на двери.

– Это что тут было? – ошеломленно спросил Гортус. – Что это? Дракон?

– Это была колдунья, – невозмутимо пояснил Даранаяс. – Отступница, работавшая на империю. Ее послали, чтобы она вас убила, – как мы и предупреждали. Слава богу, мы оказались рядом. Теперь видите, что бы могло с вами случиться. – Даранаяс обвел рукой разрушенный зал. – Да, хорошо, что мы оказались рядом. Теперь о главном: сейчас нужно принести цепи и как следует связать отступницу. Мы будем по очереди возле нее дежурить, чтобы она не сбежала, превратившись в какую-нибудь кошку или голубя... впрочем, крылья у нее не работают. И ноги сломаны, да. Так

что никуда не убежит. Но все равно на всякий случай вяжите ее. И нужно сделать клетку, в которую мы поместим ее для того, чтобы перевезти в укромное место. Наш орден колдунов должен казнить отступницу. Мы бы могли убить ее прямо сейчас, но это неправильно. Должна свершиться казнь. Вы можете сделать такую клетку, чтобы она в нее поместилась?

– А чего ее делать, – пробормотал Гортус, – не такая уж она и большая, эта тварь. Есть такая клетка на колесах, для преступников. Вот как втащить ее туда... она же весит, наверное, прилично. Хотя... собрать солдат, возьмут веревки – толпой затащат. Эй, Хефенор, распорядись: клетку для преступников к окну, доски и народу побольше. И цепи не понадобятся – засунем ее туда, в клетку. Прутья у клетки крепкие, а лапы, я смотрю, у нее переломаны – так что не вырвется. У этих тварей кости не за минуты сращиваются, нет? Ага. Значит, никуда не денется. Да, вижу, господа... без вас бы мне точно конец пришел. Благодарю.

– Куда?

– На завод. Быстрее, быстрее! – Андрей подпрыгивал от нетерпения, глядя, как готовят карету, потом опомнился, вырвал у одного из солдат поводья и запрыгнул в седло. Пришпорил лошадь и с места в галоп понесся через дворцовые ворота. Охранники вразнобой тоже вскочили в седла, во дворе остались только кучер, недоуменно смотрящий вслед умчавшемуся хозяину, конюхи, запрягающие лошадей в карету, спешенный солдат и Зоран, жалобно вопящий:

– А я?! Меня забыли!

Андрей скакал так, что свистело в ушах, а подкованные копыта лошади выбивали искры из мостовой. Солдаты подтянулись ближе, часть выдвинулась вперед и разгоняла случайных вечерних прохожих гиканьем и свистом, заставляя поскорее убираться с дороги. Слава богу, обошлось без травм и особых приключений, пара прохожих с синяками не в счет.

На заводе, завидев хозяина, тут же распахнули ворота, и Андрей, влетев на двор, соскочил с коня и побежал в заводоуправление.

Энар ошеломленно уставился на Андрея усталыми глазами, потер их, как будто пытаясь избавиться от наваждения:

– Что случилось? Почему вы так поздно?

– На склад! Оружейный склад, быстрее! Дорога каждая минута!

Через пару минут они были уже у низкого, без окон здания из красного кирпича, со стенами толщиной в метр. Дверь была такой же мощной – стальная, прошитая железными прутьями. Энар погромел здоровенными сложными ключами, открыл, и они вошли внутрь.

Винтовки, штуцеры, пистолеты – все было разложено по полкам. Длинные ряды стволов, готовых к войне. Полки заполнены только процентов на пять, не больше. Но и этого бы хватило, чтобы остановить орду Гортуса. Если бы были патроны. А их пока маловато – несколько десятков ящиков.

– Где у тебя пистолеты – те, самые мощные?

– Вон там, в углу. Но их еще мало – всего десяток. Для них нужны особые патроны, а еще – стволы. Первая партия оказалась негодной – разрывались через одного. Мы все перепробовали. Сделали новую партию, из новой стали, как вы сказали, – эти отстреляли нормально. По тридцать выстрелов – и никаких проблем. Впрочем, нет. Есть проблема... – Энар замялся.

– Что? Какая?

– Отдача. Даже когда мы их держим двумя руками... в общем, Акуру лоб раскроило. Аккурат промеж глаз, прямо до кости садануло. Он не ожидал такой отдачи, вот и получил.

– Надеюсь, без последствий?

– Почти. Поблевал немного, но отошел. Чертит там у себя чего-то.

– Понял. Мне давай пару пачек патронов к этим стволам... нет, три пачки. Два пистолета, чтобы проверенные были и не подвели. И... нет, ничего. Все. Стоп! Вещмешок есть? Такой, чтобы с двумя лямками и регулированием их длины?

– Найдем... – слегка удивился Энар. – Вам когда нужно? Пистолеты, мешок?

– Вчера, – хмуро ответил Андрей. – Стой! В пачке сколько патронов?

– Как обычно, десять.

– Пять пачек клади. Да бегом, бегом, Энар! Срочно!

Через пятнадцать минут в руках Андрея был увесистый мешок с двумя двуствольными крупнокалиберными нарезными пистолетами и пятью пачками патронов. Он взлетел на коня, махнув Энару на прощанье, и снова поскакал по улицам города.

Привратники на южных воротах уже опускали решетку, когда заметили приближающийся отряд конников. Остановились и, когда узнали первого советника, по его приказу снова подняли решетку так, чтобы можно было проехать. Андрей двинулся к воротам, охрана за ним, но он остановил:

– Не нужно. Поезжайте во дворец. Мне необходимо остаться одному. И вот еще что... – Он спешился и кинул поводья старшему охраны. – Лошадь не нужна. Приказываю всем возвратиться во дворец, – жестко

сказал он, глядя на недоумевающее лицо офицера.

Тот отсалютовал, и отряд, медленно, оглядываясь на Андрея, поехал по улице, исчезая в сумерках.

Андрей закинул вещмешок за плечи и, провожаемый любопытными взглядами привратников, вышел за ворота.

Смеркалось. Возле ворот никого не было, кроме запоздавших возчиков, прикидывающих, как устроиться на ночлег возле закрытого на ночь города. Увидев, что ворота открылись, они радостно бросились вперед, и фургон загромыхал по мостовой под ругань привратников. Пока они рядились с охранниками по поводу въезда, Андрей отошел метров на сто и, свернув к ручью, в тень деревьев, исчез с глаз наблюдателей.

Тут было грязно – мусор, лошадиный помет, – видать, здесь ночевали те, кто не успел въехать в город до закрытия. Андрей поморщился, выбрал место почище и стал раздеваться, вешая одежду на ветку старого дерева, наклонившегося к воде. Раздевшись донага, сложил вещи в вещмешок, раздувшийся до приличных размеров, – в нем ведь еще были и пистолеты с патронами, совсем немаленькие штуки.

Перекинуться в Зверя было делом секунды. Попрыгал на месте, разгоняя кровь. Прикинул, как пристроить на спину вещмешок. Пришел к выводу – на спине ему, увы, не место. Будет болтаться, мешает бежать. Альтернативы нет – взял мешок в зубы. В принципе ничего так, можно таким способом передвигаться – если не обращать внимания на противный вкус мокрой ткани.

Глубоко вздохнул пару раз перед стартом, как спортсмен, готовящийся к рекорду, и сорвался с места, наращивая и наращивая бег. Рекорд ему сегодня предстоял, да. Еще никогда он не бегал с такой скоростью и на такие расстояния. Нет – с такой скоростью бегал, конечно, когда догонял добычу. Но чтобы пробежать так несколько сотен километров... выдержит ли? Должен выдержать. Иначе Шанти погибнет. Андрей чувствовал, что драконица еще жива, но жизнь в ней едва-едва теплилась.

С досадой подумал о том, что неплохо было бы вызвать ее мать – уж она бы навела шороху! Хотя... кто знает? Она ведь драконица, привыкла подчиняться старейшинам. А кто мог захватить такой танк, как Шанти? Уж не Гортус с его людьми-оборотнями, это точно. Хотя... все бывает. Андрей уже давно ничему не удивлялся. Жизнь иногда выкидывала такие фортели, что нарочно не придумаешь. Шанти тоже не всеильна, тем более что она еще ребенок и многие функции ей недоступны. Например – невидимость, которой пользуются взрослые особи. Ну опять же – невидимость эта против людей. А драконы прекрасно видят драконов, скрытых под пеленой,

отводящей глаза. Так что и невидимость бы не помогла, если б за Шанти взялись старейшины.

Старейшины... они ассоциировались у Андрея с чем-то старым, замшелым, как огромные валуны, принесенные древним ледником. От них исходила такая же опасность, как от горного обвала – лучше под него не попадать. А чтобы не вызвать – нельзя кричать, шуметь, бросать камни и шагать слишком смело. А они с Шанти шагали и шумели. Вот и дошумелись.

Пронесется перед глазами травинки, кусты, стволы деревьев, вспугнутый заяц прыснул в сторону, с ужасом скакнула косуля, почуяв запах Зверя. Живите... не до вас!

Километры, километры, километры... ложатся под могучие лапы, почти не знающие усталости. После двух часов бега возникла проблема: оказывается, тащить мешок во рту не такая уж и хорошая идея – а как высунуть язык? Андрей никогда бы не подумал, что это так важно! Зачем язык высовывать? А как снизить температуру тела? От активного движения идет перегрев тела, а язык способствует снижению температуры, как охлаждающий элемент. Ведь Андрей бежит не в экономичном режиме, он бежит на максимуме, на пределе возможностей. По его прикидкам, около ста километров в час выдает. Как автомобиль. С такой скоростью и только на короткие дистанции могут бегать лишь гепарды. От Зверя уже валил пар, и если бы не дождевые струи, охлаждавшие его тело, то результат мог бы быть плачевным.

Шло время, под утро Зверь стал уставать, его мышцы немели, и ему все больше хотелось есть – до умопомрачения, до потери человеческого сознания. Тогда он бросил мешок и с ходу, почуяв запах еды, накинулся на молодого лося, вспугнутого им у реки.

В три могучих прыжка Зверь настиг несчастное животное и, вскочив ему на спину, вонзил в загривок громадные белые клыки. Ему повезло – это была лосиха, так что не пришлось тратить время на возню, неизбежную при убийстве более сильного животного.

Зверь с наслаждением вгрызся в лося, еще подергивающегося в последних попытках удержать жизнь, и рвал, рвал, проталкивая в желудок куски теплой, сочащейся кровью плоти. В один присест он съел огромное количество мяса, так что его живот раздулся, будто у беременной женщины. Немного отдохнул, посидел возле добычи, переваривая, потом пошел к речке и, войдя в воду, опустил на песчаное дно, наслаждаясь ощущением струй, обтекавших разгоряченное тело. Полежал, ощущая, как снижается температура, потом вышел из воды и отправился доедать

добычу. Однако его ждал неприятный сюрприз – у растерзанного труп лосихи суетился небольшой медведь, который, заведя приближающегося Зверя, глухо зарычал, как бы предупреждая: это мой трофей! Не трогай!

Зверь осторожно подошел на расстояние прыжка, глаза его горели, а в глотке клокотала ярость. Постояв секунду, он вдруг взревел – так громко, так страшно, что все обитатели леса, находившиеся в радиусе километра, испуганно бросились наутек, слышав голос странного существа. Медведь прервал трапезу и, ворча, стал пятиться, искоса поглядывая на хозяина добычи и избегая смотреть ему в глаза.

Зверь подошел к останкам лосихи и стал есть. Съеденное им раньше уже наполовину переварилось – обмен веществ у оборотня был потрясающим.

Обглодав последнюю косточку, Зверь вернулся к брошенному мешку, взял его в зубы и снова помчался по лесным тропам. Бежать было тяжело – живот набит мясом. Но вскоре он вошел в ритм и понесся с огромной скоростью, срывая когтями подстилку из опавших листьев, отбрасывая ошметки земли и разбрызгивая лужи.

Утро застало его в прерии, в нескольких километрах от города, который был его целью. Мышцы буквально гудели от полученной невыносимой нагрузки, Зверь был покрыт грязью и заляпан засохшими клочьями пены, падавшей изо рта во время бега.

Жарко. Очень жарко. Зверь бросил мешок и с разбегу запрыгнул в море, с наслаждением смывая с себя грязь. Судьбе было угодно сделать так, что купался он в том же месте, где до этого купалась Шанти, и если бы он присмотрелся, то увидел бы ее следы на прибрежной гальке. Но ему некогда было присматриваться. Преобразившись в человека, Андрей еще немного поплескался и, выйдя из воды, оделся. Закинув вещмешок на плечи, зашагал к городу, чьи стены виднелись в паре километров, на вершине холма.

Он не знал, что чудом разминулся с очередной шайкой мародеров – они прошли всего в ста метрах от него. Да его и не интересовало, кто и где бродит. Он шел к своей цели как торпеда, и, если бы мародеры попались на дороге, он бы смахнул их из этой жизни, как фигурки с шахматной доски. Впрочем, скорее всего, они бы к нему и не полезли. От Андрея явственно исходила опасность, заостренные черты его лица были такими хищными и жесткими, что даже привратник не стал его спрашивать о цели посещения города. Пырнет еще... сейчас какого только сброда не набежало в этот несчастный город.

Теперь нужно было найти Шанти, приблизиться на расстояние

мыслесвязи и поговорить с ней. Где она сейчас может находиться? Само собой – в усадьбе Гортуса. Где находится усадьба? А вот тут уже нужен шпион. Шанти перед отлетом передала Олре свои контакты, и Андрей узнал у нее, где обитает засланный в стан врага купец. Найти его дом не составляло труда – надо было всего лишь пройти пять кварталов от городских ворот, повернуть на восток, пройти еще шесть кварталов... и вот он, дом с зеленой крышей.

Стучать пришлось долго. За калиткой кто-то испуганно дышал, и Андрей снял с головы капюшон, который на всякий случай опустил пониже, чтобы его не узнали те, кто бывал в Анкарре на турнире.

– Хватит, открывай, – сказал он.

Лязгнул засов, калитка открылась, и трясущийся от страха купец пропустил Андрея внутрь, тихо заохав:

– Ой-ой! Вы?! Откуда?! И не побоялись?! Да вас же каждая собака знает!

– Да нет тут собак, – угрюмо сказал Андрей. – Похоже, что всех съели. Шанти была у тебя?

– Была, была, вчера была! Говорил я ей, не ходите на рынок, там рыщут «охотники», не послушалась! Захватили ее. Во дворце она. Я ходил на рынок, осторожно расспросил привратника. Он ее описал, ошибки нет. Госпожа Шанти.

– Что за охотники?

Через полчаса Андрей знал все, что было известно купцу об «охотниках» и Гортусе, о расположении усадьбы и охраны, ее примерное количество, чем вооружена и так далее. А еще узнал, что в доме Гортуса был большой шум, поймали убийцу-колдунью, которую скоро казнят.

– Кто казнит? Где казнят? Как-то можно выяснить? – сумрачно спросил Андрей.

– Нет. Это все, что я смог выведать, – виновато развел руками купец. – Нет, вру! Вот еще что – возле Гортуса неотлучно находятся колдуны в черном, которые и спасли его от смерти. Распознали колдунью. А она вроде как отступница, из тех же колдунов. Вот теперь все.

– Та-ак... а откуда это известно? Ну про колдунов и отступницу?

– Я узнал от того же привратника, и стоило это мне пару медяков. Откуда он узнал – разве скажет? Видимо, кто-то из солдат слышал, разболтал, и пошел по городу гулять слух. Вы же знаете, как это бывает.

– Знаю. – Андрей задумался. Ему предстояло решить, как пробраться в усадьбу. Следовало тщательно все взвесить. Промахнуться – означало обречь Шанти, да и себя самого на верную гибель.

Все так болело, что Шанти долго не могла собраться с мыслями. Стоило лишь шевельнуть лапой, и боль накатила ошеломляющей, шипящей волной, как если бы она сунула ногу в костер и держала, пока не слезла чешуя. Глаза заплыли и с трудом открывались. Дышать тоже трудно – видимо, сильно помята грудина.

Старейшина. Громадная черная гора, обрушивающаяся на нее вновь и вновь. Потрясающая, невероятная, злая сила, припечатавшая ее к полу так, что толстенные бревна, служащие опорой, переломились как лучинки. Этот дракон был крупнее ее матери, крупнее, чем все те драконы, которых она видела в своей жизни. Как он умудрялся поднимать такую тушу в воздух, даже если и обладал способностью уменьшать свой вес? Впрочем, почему бы нет... вполне может и летать. А еще – бить своими лапами-колоннами.

Что она сделала перед тем, как ее растоптал этот монстр? Что-то такое, чего нельзя было делать, что может привести к беде... Андрей! Шанти чуть не заплакала. Андрей, ее брат, ее единственный друг... Если он придет сюда, чтобы спасти ее, – погибнет. Точно погибнет! Никто, никто не может сравниться силой со старейшинами! Она сама не представляла мощь этих тварей! Это даже не драконы, это какое-то стихийное бедствие, вулкан, землетрясение! Нельзя, чтобы Андрей приходил. У него жена, у него дети. Он нужен своим друзьям и всему миру. А она... ну что она? Неудачно получилось, да... но что поделаешь? Сделала все, что могла. Как тот парень, похороненный ею на берегу моря. Он тоже имел право выбора и выбрал свою дорогу. И она выбрала. И винить в этом некого, кроме себя самой. Не выяснила, не развела как следует – поперлась к Гортусу. Ошибка. И не безобидная, как, например, при пикировании на добычу. Там промахнулась – чиркнула по земле когтями и дальше полетела. А тут – со всего размаху, из пике и в землю. Насмерть. А почему насмерть? Она же еще жива! Пока жива – можно надеяться. Пока не умерла – еще есть шанс... ой... как больно...

– Видишь, жива тварь! – послышался голос человека. – Зашевелилась. А до того, тыкай не тыкай, даже не вздрагивала. Видать, очнулась.

– А правда, что она в девку превращалась?

– Правда. Ее хозяину привезли, а оказалось – она нарочно к нему хотела пробраться и убить его! У-у-у... тварь!

Вспышка боли – что-то острое воткнулось ей в бок, не прикрытый чешуей, прямо в рану.

– Что тут происходит? – Холодный, тягучий голос, ледяной, как дыхание горных ледников. – Пошли вон отсюда!

– Не больно-то тут командуйте, – заносчиво сказал тот, который делал ей больно. – Всякие колдуны еще будут тут...

Хлесткий удар, грохот:

– Вон отсюда, иначе лишишься головы, ничтожная человеческая тварь! Ты посмотри, Хеве, как эти твари обнаглели! Размножились, насекомые проклятые... тьфу! Какого демона я на их языке говорю...

Голос замолк, потом загрохотал в голове Шанти:

– Ты очнулась, я вижу. Открой глаза как следует. Не притворяйся, я знаю, что ты в сознании!

Открыла глаза и медленно, преодолевая боль, повернула голову, глядя на того, кто стоял за толстыми прутьями решетки.

– Вот так. Жаль, что так вышло, – сказал «человек» в черном, – но ты сама виновата. Ты пошла на поводу у людей, ты помогаешь им, нарушила договор. Поэтому будешь наказана.

– И какое наказание? – спросила Шанти, уже зная ответ.

– Смерть, конечно. – Дракон даже удивился. – Ты разве не знала? Тебе лет сто, наверное, не больше, но ты должна знать, что бывает с теми, кто нарушает договор. Мать же тебе об этом рассказывала? Так? Кто твоя мать? Как тебя звать?

Молчание.

– Не хочешь отвечать? Твое право. Но только учти: ты можешь умереть просто, легко, а можешь – очень больно и страшно. В любом случае ты будешь сожжена. Уже готовится для тебя костер, на который ты ляжешь. Но ты можешь уснуть и не чувствовать, как сгораешь, поджариваешься заживо, а можешь жить на костре долго, получая сполна все, что ты заслужила за свое предательство.

– И в чем заключается мое предательство? И кого я предала? – не выдержала Шанти.

– Род драконов, конечно, – вмешался другой дракон. – Ты помогала человеку, а люди – естественные враги драконов. Нельзя, чтобы они поднялись до такого уровня, когда смогут нанести вред драконам. Их, людей, надо держать в зубах, и чуть только начнут выскальзывать – сжимать эти зубы. Вот зачем тебе понадобилось лезть в это дело, скажи?

Шанти не удостоила его ответом.

– Будешь молчать – тебе будет очень больно, – равнодушно пояснил первый дракон. – Или ты отвечаешь на наши вопросы, или...

– ...Кричишь на медленном огне, – закончил второй. – Очень неприятно. Последний, кто связался с людьми, умирал пять часов. Всем надоело ждать, и мы его добились. Когда это было, Дар? Хм... тысяча

восемьсот лет назад. Он вообразил, что может без Совета старейшин решать, кому из людей жить, а кому нет.

– И за что должен был умереть приговоренный вами человек? – небрежно поинтересовалась Шанти. – Ну тот, за кого заступился погибший дракон.

– Изобретатель некий. Изобрел кое-что, о чем тебе знать не следует. Впрочем, ты все равно умрешь... Огонь он изобрел, который не тух даже под водой. А этот самый дракон с ним вместе вырос и не желал допустить гибели товарища. Вот и поплатился за это. Надо время от времени кого-то казнить, чтобы остальная масса драконов знала, что наказание последует немедленно и бесповоротно.

– Вы негодяи, – спокойно передала Шанти. – Вы сами живете среди людей, пользуетесь их трудом и пакостите, гадите им. Ненавидите их. За что? Что они вам сделали? Среди них много хороших людей, не заслуживающих смерти. Притом что вы сами нарушаете договор – вмешиваетесь в их жизнь! Вы натравливаете их друг на друга! Совет изжил себя. Вас давно следовало разогнать, как стаю бешеных псов. А когда люди узнают, что вы делаете с их жизнью, они вас убьют.

– Значит, говоришь, убьют? – усмехнулся первый дракон. – Вот мы и защищаем всех драконов от людей. Люди хитрые твари, изворотливые, они могут втереться в доверие. Но дай им волю – обязательно нанесут вред. Что касается договора... Дура, этот договор для вас! Для массы драконов, которые охотятся на просторах прерий! Для нас нет договора, мы над договором! Мы следим за его исполнением, а следить – значит, быть над ним. И все драконы довольны. Всем хорошо.

– Всем? А людям?

– Люди?! Что люди? Это такие же звери, как олени или зайцы, только еще умеют связно излагать свои глупые мысли. Да и то не всегда. Что о них думать?

– А почему же вы их не уничтожили совсем? Уничтожили бы – да и жили бы себе спокойненько. Врешь ты все. Вы наслаждаетесь властью над людьми. Вы мелкие, подлые твари. Вот вы кто.

– Хочешь меня разозлить, мечтаешь умереть быстро? – усмехнулся первый дракон. – Не выйдет. Уничтожить? Их слишком много. Было уже такое, пытались извести это племя – но они прячутся, а потом снова размножаются, как насекомые. Пусть они сами себя истребляют. Сами. Своими руками. Власть? Да, мне нравится власть, и что? И вообще, ты чего-то разболталась, вот только не по делу. Итак, как твое имя? И как зовут того человека, которому ты помогаешь? Не хочешь отвечать?

Хорошо, я сам скажу, – усмехнулся дракон. – Ты Шанти, а тот, кто тебя послал убить нашего человеческого ублюдка, – Андрей. Скоро мы им тоже займемся, пусть только поуменьшит количество людей. Думаю, он устроит хорошую бойню. Но мне нужно знать – что он изобрел, какую опасность эти изобретения представляют для людей. Вот что главное.

– Пошли вы в...

– Видишь, как много плохого ты взяла у людей? Даже ругаешься, как они.

Дракон схватился за прутья клетки и стал с силой ее трясти. Клетка раскачивалась, Шанти швыряло из стороны в сторону, боль разрывала внутренности, распухшие лапы не могли помочь удержаться, и драконица билась о прутья клетки.

– Хватит, Дар! – озабоченно сказал второй дракон. – Ты клетку сломаешь! В чем потом ее везти? Не на себе же тащить?! Кстати, надо позаботиться о том, чтобы поменьше народу ее видело. Ни к чему разговоры о драконах.

– А те, кто ее повезет? Охрана? Они-то точно скажут, что затаскивали на костер дракона.

– А кто сказал, что они оттуда вернутся? Их тоже... на костер. Как гарнир к основному блюду. – Дракон захохотал, ему вторил другой.

Шанти стало страшно и противно. Нет, не из-за того, что она умрет. Умрет – значит, так тому и быть. Страшно за людей, за Андрея, за его детей, за Антану с Олрой – ведь останутся такие вот твари, и они сделают все, чтобы навредить ее близким. Близким? Да, близким. Как ни странно, близкими ей стали люди. А вот эти твари, ее сородичи, – враги. Удивительно...

– Мне стыдно, что я принадлежу к роду драконов, – с горечью сказала Шанти. – Вы не разумные существа, вы монстры. Вас надо уничтожать! Безумные, бешеные звери!

– Ничего. Скоро ты избавишься от принадлежности к драконьему роду. Навсегда. Уже сегодня вечером. Хеве, ты разослал приглашения членам Совета?

– Да. Так что сегодня вечером мы продемонстрируем результаты нашей работы. Мы поймали отступника. А если она и там, на Совете, выступит так же, как здесь, – перевыборы председателя ты выиграешь наверняка. Слышишь, предательница? Когда придут члены Совета, выступи с такой же речью. Тогда мы добавим тебе огоньку, и ты умрешь быстрее. Меньше мучений будет. – Дракон опять засмеялся и добавил: – На кой демон нам ее рассказы? Мы узнаем об изобретениях и без нее, через

своих людей. А потом спросим у самого изобретателя. Прежде чем убить его. Пойдем отдыхать, готовиться к Совету. Кстати, через пару часов надо выдвигаться на место. Лучше прибыть заранее, осмотреть, хорошо ли все приготовили к казни. Эти людишки такие необязательные, за ними нужен глаз да глаз.

– Ты прав. Пойдем, нужно пообедать.

Задержнув полог на клетке, драконы пошли прочь из большого амбара на задворках усадьбы, где стояла клетка с Шанти. Она осталась наедине с темнотой и болью.

Время текло бесконечно... В круговерти полузабытья и боли нет времени, есть только застилающий мозг красный туман. Сквозь него Шанти, горящей в лихорадке, представлялись картины – мать, принесшая добычу... Андрей, так смешно удирающий от Гараскарании... младенцы Марк и Марго на руках счастливых матерей... Зоран, тайно влюбленный в Шанти, девушку его мечты – так он сказал ей когда-то. Забавный мальчишка... был бы он драконом... Андрей, стоящий справа от трона, гордый, хмурый и такой родной. Андрей, Андрей... не приходи, не приходи сюда!

– Почему?

– Что почему?

– Не приходится почему?

– Хм... беда будет. Не надо приходиться, даже из моего бреда. Сиди в голове и не приходи.

– Шанти, ты что? Шанти, очнись! Ты больна? Шанти!

– Ты голос в моей голове... ты картинка в моем мозгу... уходи, не надо приходиться, ты погибнешь... они ждут, что ты придешь. И тебя убьют. Я знаю, они тебя хотят убить, они сказали.

– Кто «они»?

– Дар и Хеве. Они так называют друг друга.

– Старейшины?

– Да. А откуда ты узнал? А-а-а... ты же у меня в голове, вот откуда. Они хотят меня сжечь. А потом полететь и сжечь тебя. Они ненавидят людей. Они всех ненавидят, кроме себя самих. Их интересует только власть! Они больны! Их надо уничтожить! Больно, мне так больно...

– Что они сделали с тобой?

– Все, что могли. Все... Я не могу летать, не могу ходить. Я почти труп. И у меня лихорадка. Я умираю. Но драконы так просто не умирают, ты же знаешь. Пока жив мозг, я буду жить. Умирать. До-о-олго... и мучительно. Они обещали это. Будет Совет, и потом они меня сожгут.

Скоро повезут на казнь. Скоро...

– Куда повезут? Куда?

– Куда-то на берег моря... там костер готовят. Чтобы меня мучить. А теперь уходи... я немного посплю... – Мозг Шанти затопила волна беспамятства, и она отключилась. Ее трясло в лихорадке, и мозг время от времени отключал тело, как будто срабатывал предохранитель.

Андрей, лежа на крыше здания неподалеку от усадьбы Гортуса, закрыл глаза и тихо простонал:

– Она даже не поняла, что это я!.. Думала, что это галлюцинация! Твою мать... твари! Они ее изувечили... Ненавижу! Ненавижу!

Он скрипел зубами, дергался как помешанный – такой шипучей ненависти он не испытывал с тех пор, как сидел в клетке, а перед решеткой стоял адепт исчадий и над ним измывался.

С трудом успокоившись, Андрей подполз к краю крыши и, спустившись по стволу дерева, спрыгнул позади этого дома, видимо ранее служившего лавкой или небольшим магазинчиком. Теперь он был заколочен, и на его стене написано – «Продается».

Андрею понадобилось полдня, чтобы, не привлекая к себе внимания, обойти все дома вокруг усадьбы Гортуса. Нужно было подобраться к логову врага на расстояние мыслесвязи. Какое? Он и сам не знал. Андрей периодически пробовал связаться с Шанти, но всякий раз неудачно. И только здесь, в ста метрах от стены усадьбы – получилось. Может, вышел на нужное расстояние, а может, Шанти до того просто была без сознания и он не мог к ней пробиться. В любом случае – информация получена, и, отбросив эмоции, нужно было готовиться к акции. А там будь что будет.

Куда они ее повезут? Скорее всего – на юг. Там берег более пологий. Наверняка вывезут подальше, километров за десять, чтобы никто не видел, как сжигают Шанти. Им ни к чему привлекать внимание к драконам. Должен быть рядом лес – дрова-то нужны, не с собой же тащить. И большая плоская площадка – чтобы приземлились несколько монстров размером с пароход. Ну, может, и поменьше, не с пароход, но, если судить по матери Шанти, они должны быть очень большими. Тогда вперед – искать это место... и устраивать засаду. Посмотрим, кто кого!

Андрей свернул за угол и зашагал к южным воротам. Пистолеты, лежавшие в заплечном мешке, успокаивающе постукивали по спине, а в голову лезла песня:

Наверх вы, товарищи! Все по местам!

Последний парад наступает!

Глава 7

А что, если он ошибся и Шанти повезут через северные ворота? Андрея обдало волной страха, и он, будучи уже почти у самых ворот, повернул назад.

Нет, он не может рисковать. Пусть вероятность ошибки составляет одну тысячную процента, пусть он все просчитал, но... нет, нельзя.

Быстрым шагом вернулся к усадьбе Гортуса и занял такую позицию, чтобы нельзя было проехать мимо него незаметно. С западной стороны улочки упираются в дома других высокопоставленных горожан, и выезд на центральную трассу только здесь.

Сел у стены дома, приладил на коленях котомку, опустил капюшон пониже, свесил голову на грудь – типичный пьяница, усевшийся поспать. До перекрестка метров сто пятьдесят, вряд ли кто-то рассмотрит его как следует. И ауру на таком расстоянии почти не видеть.

Сидеть пришлось минут сорок. За это время дважды на него покушались. Вернее, не на него, а на его имущество. Охочая до чужого добра рука уцепилась за ляжку и поволокла мешок в сторону. Андрей среагировал мгновенно, хрустнули кости, и воришка с жалобным криком убежал вниз по улице. Андрей даже не видел, кто это был.

Второй – полез по карманам. Этого пришлось двинуть так, что он или помер, или забылся в глубоком обмороке. Андрей прислонил его к стене рядом – вроде как они вдвоем сидят и отдыхают от трудов праведных. Почти в обнимку. А то, что у одного из пасти течет струйка крови – так, может, он съел чего-то...

Процессия показалась неожиданно, хотя Андрей ее и ждал, – здоровенная телега, накрытая плотной тканью, вокруг охрана из солдат, человек тридцать. Телегу тащит четверка лошадей, запряженная цугом. Солдаты на лошадях, вооружены до зубов, а позади телеги едут двое на вороных жеребцах, в цвет их плащей. Лица рассмотреть трудно, да и ни к чему – они могут принять любой облик, эти твари.

Солдаты расчищали путь процессии – кто не успел быстро убраться, получил по голове и плечам плоской стороной меча. Двум прохожим это не понравилось до такой степени, что они остались лежать на обочине, как кучи тряпья.

Андрей встал и побрел следом за повозкой, держась на большом удалении от нее и скрываясь за прохожими, удивленно рассматривающими

странную процессию.

За городские ворота вышел без проблем, стражники были заняты обсуждением того, что везут в этой повозке. Варианты таинственного содержимого были разные, от золотого запаса Гортуса до преступников, собранных со всего города и предназначенных для ритуального убийства двумя колдунами, замыкающими процессию. Мол – у них вырвут сердца, сожгут на костре, и это нанесет непоправимый ущерб императрице и ее прихвостню. «Прихвостень» не дослушал, каким образом вырывание чужих сердец нанесет ущерб его «насосу» для перекачки крови, свернул на боковую дорогу, идущую параллельно той, по которой двигался фургон, и побежал. Не превращаясь, просто как обычный бегун. В человеческом облике.

Пробежав около километра, вернулся на основную дорогу, тем более что боковая тут резко поворачивала под девяносто градусов и уходила вдоль реки куда-то в сторону.

На мосту, сложенном из грубых камней, никого не было, так что он беспрепятственно перешел на противоположную сторону реки и снова побежал туда, где следовало искать площадку для сожжения драконицы.

В голове его проворачивалась карта окрестностей, так что он автоматически перебирал все возможные места, куда мог повернуть конвой. И по всем заданным параметрам у него выходило только одно место – маяк. Вернее, бывший маяк.

Это был мыс, выдающийся в море и защищенный волноломом – огромными камнями, о которые разбивались шторма. Камни лежали живописными грудками, и в них жило много морских обитателей, поэтому сюда любили заходить рыбаки, неизменно наполнявшие корзинки осьминогами, мидиями, крабами – всем, что море дарит настойчивым и умелым людям. Маяк давно не использовался – он был таким старым, что никто и не помнил, когда его построили. Говорили, что во времена прапрадеда умершего недавно императора. Осталась лишь крепкая башня, построенная из камней, сложенных на старинном растворе, рецепт которого утерян, да ровная площадка перед башней, размером с поле. Зачем предкам была нужна такая площадка, с какой целью – никто уже и не знал. Но она точно имела искусственное происхождение.

К площадке вела булыжная дорога, местами сильно поросшая травой, но вполне проезжая и крепкая, без рытвин и ухабов – такая же древняя, как и маяк.

Стоял этот маяк в двенадцати верстах за городом, достаточно, чтобы из города не было видно пламени, но и не так далеко, чтобы не доехать до

места за три-четыре часа. Процессия двигалась медленно, поэтому скорее четыре часа, чем три. Но это и не важно – созванные на Совет драконы должны были слететься лишь к ночи.

Андрей, конечно, насчет времени прилета «судей» ничего не знал, но место он выбрал безошибочно – спустя час с небольшим ему открылся мыс, в основании которого, у башни, виднелся большой помост, на котором сустились люди. Они укладывали стволы деревьев и охапки хвороста. На этот помост-костер был сделан въезд и выезд. То есть достаточно было просто направить лошадей на эту гору дров, остановить их наверху, распрячь... и оставить там телегу с содержимым. До того момента, когда это самое «содержимое» придется раскрыть перед Советом.

Андрей залег на каменистой горке, окруженной высоченными деревьями. Их кроны начинались на высоте в три человеческих роста, и ничто не мешало наблюдать бурную деятельность вокруг будущего костра.

Андрей прикинул время – было около четырех вечера. Стемнеет через пять часов. Скорее всего, по логике, драконы должны прилететь поздним вечером или ночью – в темноте они видят великолепно, а их желание оставаться незамеченными требует покрова тьмы. На это указывало и время выезда конвоя. Совет точно должен состояться ночью.

Нужно было решить – или ждать, когда телегу с Шанти подгонят к костру, после этого драконы, скорее всего, выгонят отсюда всех людей как ненужных свидетелей, или же напасть по дороге. У обоих вариантов были свои преимущества и свои минусы. Меньше людей – не придется убивать кучу народу, да и хватит ли у него на это времени? Пока будет возиться с солдатами, прилетят остальные старейшины, и тогда ему мало не покажется. Довольно и двух имеющихся в наличии «мегатанков», с ними бы справиться. Но если остальные не прилетят до темноты и конвой отошлют обратно, он успеет разобраться с двумя драконами. «Сумею ли?» – закралась тревожная мысль.

Напасть на подъезде к месту казни? Придется убить всех охранников. Людей придется убивать? Ну если уж на то пошло, они выполняют свою работу, и в их смерти его вины не будет – нечего было трогать Шанти. И вообще они оказались не в то время не в том месте.

Тщательно взвесив «за» и «против», Андрей выбрал второй вариант. Он не мог дать врагу ни малейшего шанса. Дополнительного шанса в виде толпы престарелых, безумных старейшин. Солдат он как-нибудь перебьет, а вот старейшин – вряд ли. Когда они прилетят? Он мог лишь предполагать, а на ошибку у него нет права.

Приняв решение, Андрей встал и побежал туда, где дорога, идущая к

маяку, отходила от центрального тракта. Там было одно очень удобное место – дорога спускалась в густо заросшую деревьями ложину. Если кто-то крылатый-огромный соберется там полетать – деревья не дадут ему это сделать. Некоторые экземпляры лесных гигантов достигали толщины в два обхвата, а в кустах под ними трудно заметить засевшего диверсанта, тем более что дорога просто-таки утопала в большущих лопухах высотой под два метра. Настоящие тропические растения. Вот тут Андрей и собрался дать бой.

Он знал, что будет очень тяжело, но верил в успех предприятия. Иначе быть не могло, потому что... не могло. Это было бы нехорошо, несправедливо. Неправильно.

И лишь одна мысль мучила его постоянно: вот он освободил Шанти, а дальше? Она весит полторы тонны и передвигаться сама не может. Сумеет ли она сделаться маленькой, чтобы он мог ее унести? Если они ее вконец изувечили и драконья способность к метаморфозе исчезла – тогда все. Конец. И скорее всего – ему тоже конец. Он ведь Шанти не оставит, и как следствие – его прикончат прилетевшие на Совет старейшины.

Ну что сказать – значит, судьба. Значит, так тому и быть. Делай что должно, и будь что будет – так, кажется, звучит старинный рыцарский девиз? Не важно.

Андрей разделся, зарядил пистолеты, рассовал патроны по карманам куртки, расстелил ее на земле, положил сверху заряженные стволы и несколько патронов и уселся рядом, впадая в ступор ожидания, отринув все мысли, кроме одной: убить и остаться в живых. Как когда-то...

Процессия показалась через час. Но вполне может быть, что Андрей ошибался, состояние, в котором он находился во время ожидания, было сродни забытию – сознание отключено за ненужностью, работает только сторожевой пункт, который должен подать сигнал, когда потребуется.

Ехавшие впереди всадники отодвигали нависшие над дорогой огромные лапы лопухов, за ними следовала упряжка, тащившая клетку.

Андрей тенью скользнул со своего места, перекинувшись в Зверя, максимально отдав своему второму «я» управление телом, оставив лишь одну задачу – убить всех, кто вокруг клетки, и не дать убить себя.

Зверь бесшумно спустился к обочине, дождался, когда отряд приблизится на расстояние десяти метров, и, выскочив на дорогу, издал жуткий, протяжный рев-вой, который напугал даже хозяина леса – медведя. Если уж косолапый попятился от этого рева, если в округе разбежалась вся живность, включая старого, выдавшего виды огромного секача, что говорить о лошадях, которые и волка-то настоящего не видели? А тут еще

запах Зверя, бросившийся в ноздри и на генетическом уровне заставивший лошадей вспомнить те времена, когда за дикими табунами гнались по прерии стаи хищников.

Кони взвились на дыбы – часть из них просто выкинула всадников из седел и ускакала, хрипя и выпучивая глаза, часть понесла удержавшихся ездоков, убегая от этого воплощенного ужаса, возникшего на дороге.

Запряженные в телегу с клеткой лошади тоже попытались бежать, разворачивая повозку поперек дороги, и Андрею пришлось их убить, перерезав глотки.

Даранаяс с Хевессанором удержались в седлах, но долго не могли остановить понесших лошадей, когда же остановили и вернулись к месту нападения, возле клетки все почти завершилось.

Те, кто был выброшен из седел, и те, кто шел пешим строем, пожалели, что когда-то пошли на службу к своему хозяину. Их наняли для войны, для охраны, для того чтобы убивать и защищать – людей и от людей. Но это чудовище не было человеком. Это был демон, вырвавшийся из ада.

Зверь пронесся вдоль каравана. Те, кто попадался ему по пути, умерли или были искалечены так, что не могли принять участие в драке. Да и какое участие? Люди парализованы страхом, и все, что они хотели, это спастись от неминуемой смерти. Но поздно. Последнее, что они видели, – чудовище с горящими желтыми глазами и его оскаленную пасть.

Удар лапой – разбитая голова. Рывок зубами – из бедра вырван кусок мяса, хлещет кровь, и человек падает, еще не зная, что он труп.

На расправу с конвоем у Андрея ушло секунд двадцать. Мало кто пришел в себя настолько, что попытался взяться за оружие, ужас обуял этих солдат.

Стойкое сопротивление оказал лишь один – это был оборотень из стаи Гортуса. Он успел перекинуться и схватился с Андреем со всей своей отчаянной силой. Ему доводилось убивать людей ночной порой, проносясь по улицам города, но он никогда еще не сталкивался в битве с другими оборотнями. Он ошибся. Нужно было бежать, бежать куда подальше от этого разъяренного чудовища, шансов у него не было никаких. Ведь Андрей бился за своего друга, за всех, кто стоял за ним, – любимую, друзей, детей, за весь мир, и у него не было права проиграть. И он не проиграл.

Два оборотня столкнулись грудь в грудь, взреывая и осыпая друг друга молниеносными ударами, полосую стальными когтями и зубами. Андрей был точнее, сильнее и опытнее. Через пару секунд его зубы

сомкнулись на шее противника, хрустнули перекушенные позвонки, и голова чудовища беспомощно повисла на мышцах и сухожилиях.

Отбросив труп, Андрей пробежал по дороге туда-сюда, добывая тех, кто спрятался и был ранен. Когда все было кончено, он сорвал ткань с клетки.

Состояние Шанти было ужасным. На ее боках зияли глубокие раны, воспалившиеся и покрытые запекшейся кровью, гребень на голове истерзан в клочья, сломанный хвост торчал под углом девяносто градусов, губа разорвана и в ране виднелись белые зубы, окрашенные кровью.

– Шанти, девочка! Очнись! Шанти!

Ответа не было.

Андрей в отчаянии рванул дверь клетки, запор не выдержал и лопнул, жалобно звякнув. Телега качнулась, а Шанти перекатилась с места на место, издав рев-стон боли.

– Шанти, девочка моя, очнись, пожалуйста! Шанти, я тут, очнись!

– Андрей? – послышался слабый, очень слабый сигнал мыслесвязи. – Ты правда тут?

– Да! Да! – обрадовался Андрей. – Шанти, скорее уменьшайся в размерах! И я тебя унесу! Скорее, скорее, девочка!

– Я попробую... – Драконица шевельнулась, пытаясь принять позу поудобнее. Увы, не получилось, более того – похоже, Шанти потеряла сознание, потому что она обмякла и замерла беспомощной окровавленной грудой мяса.

Андрей разочарованно заревел и бросился на тех, кто теперь возвращался, чтобы покарать наглеца, осмелившегося противиться воле властителей этого мира. Теперь начиналась настоящая битва. Он не успел унести Шанти, увы. Ему оставалось или убить врага, или умереть.

Его шансы на победу были слишком иллюзорны. Он понял это, когда лошадь, раздавленная тушей гигантского дракона, жалобно захрипела, придавленная к земле. Даранаяс не удосужился даже спешиться, преобразуясь в свое настоящее тело. Зачем? Лошадь – расходный материал. Как и эти люди, как этот жалкий человечешка-мутант, осмелившийся противостоять его, дракона, воле.

Андрей задрал голову и глухо зарычал от ненависти. Черный как ночь дракон возвышался над ним невероятной горой, оборотень рядом с ним – почти что как слепень рядом с человеком. Что он может сделать? Ну что?

Лапа, похожая на опору моста, приближалась как в замедленной киносъемке, и была видна чешуя, плотно покрывающая ее так, что не оставалось ни малейшей щели, через которую можно добраться до мягкой

плоти. Да и была ли у этого существа мягкая плоть? Казалось, он весь сделан из камня, старого, вытертого ветрами и грозами.

Андрей отступил в сторону, и земля задрожала от удара, раздавившего в лепешку два лежавших поблизости трупа. В уши ударила звуковая волна, как будто кто-то хлопнул огромной мухобойкой. Спасло то, что Андрей был оборотнем с невероятно быстрой реакцией. А еще то, что дракон был слишком массивен. Его масса, дающая ему эпическую силу, была и его проклятием – такую тушу сдвинуть непросто.

– Зажился ты, тварь! – выкрикнул Андрей по мыслесвязи, уворачиваясь от следующего удара и перемещаясь в сторону того места, где оставил свои вещи. – Пора бы тебе сдохнуть!

– Ха-ха-ха... уж не ты ли прекратишь мое существование? Ну давай-давай, попробуй! – загрохотал дракон, не прибегая к мыслесвязи.

Завороженный зрелищем хохочущего монстра Андрей едва не попал под удар другого дракона, зашедшего со стороны и обрушившегося на него со склона горы. Хорошо, что он слышал малейшие шорохи чутко, как зверь. Этот монстр, несмотря на потрясающие, апокалипсические размеры, передвигался тихо, подобно хищнику.

– Может, и я! – передал Андрей мыслесвязью, галопом срываясь с места в сторону оставленного оружия. По дороге он перекинулся в человека, и дракон с некоторым удивлением и восторгом заметил:

– Это кто у нас такой?! Хеве, ты посмотри, какой подарок судьбы! Это же дружок мятежницы! Тот самый наглый человечек, что нам нужен! Не убивай его! Он пойдет гарниром к своей подружке. Обездвижь его.

Мимо Андрея пролетело облако какой-то желтоватой жидкости, и он вспомнил рассказ Шанти о том, как охотятся драконы, – эта жидкость, вырабатываемая специальной железой, выбрасывалась в стороны жертвы, и та замирала, парализованная, как если бы ей вкололи яд.

Если дракон применял и вторую железу, служащую катализатором, то это желтое облако возгоралось, и получался этакий огнемёт, дальность которого зависела от способностей его обладателя. Некоторые экземпляры могли метать огонь на сто – сто пятьдесят метров и больше, а длительность импульса могла достигать десяти секунд. Температура же в самой горячей точке пламени такова, что плавилась камни. Андрей предполагал, что получалось что-то вроде облака перегретой плазмы – очень, очень злая штука.

Скрывшись под кустами, он, как опытный вояка, быстро перекатился в сторону, и точно – в то место, где он только что находился, ударила струя яда. Подбежав к одежде, за несколько секунд натянул штаны, куртку,

сапоги и, зажав в руках пистолеты, снова бросился на поле боя.

Это были не простые пистолеты. Не зря Энар жаловался, что стрелять из них практически невозможно, даже держа обеими руками. Напоминали они обрезы двустволки двенадцатого калибра, с пистолетной рукояткой и вертикальным расположением стволов. Заряд нитропороха был усилен, а пули... пули специально сделаны именно для этих пистолетов.

Они были похожи на жакан, но внутри пули имелся стальной стержень из закаленной стали. Если мягкая свинцовая пуля обладала большим останавливающим действием, то заключенный внутри стержень при соприкосновении пули со стальной броней прорывал мягкую оболочку и прошивал сталь, как картон.

Когда эти патроны испытывали при стрельбе по стальным доспехам самого лучшего качества, пули прошивали латы навывлет. В броне оставалась вмятина с тарелку, как будто врезали кувалдой, а в центре небольшое входное отверстие. Что было бы с содержимым лат – пока неизвестно. Эти пистолеты и патроны еще ни разу не были использованы против людей. Впрочем, и против других существ тоже. Андрею предстояло, так сказать, провести полевые испытания нового оружия, и он очень надеялся, что оно не подведет. А что ему еще оставалось, кроме как надеяться?

Быстро переместившись по краю лощины, он добежал до черного дракона, ползающего вокруг клетки, как танк, и вопящего, как тепловоз:

– Ну что же ты, человечиска! Вылезай! Ты же хотел лишить меня жизни, мелкий гаденыш! Давай, лиши, насекомое!

«Мелкий гаденыш» притаился за здоровенным деревом, напоминающим секвойю, со стволом обхватом пять в диаметре, и собирался с духом, слушая, как трещат под ножищами монстра другие деревья. Тот работал как сваебойный копер, явно наслаждаясь разрушением и хаосом, которые он щедро вываливал на этот лес.

– Ну где же ты, кусачее мерзкое насекомое?! – вопил Даранаяс, радостно хохоча. – Хеве, я и не думал, что наша затея будет такой веселой! Давно не получал такого удовольствия от жизни!

Андрей осторожно выглянул, прикинул расстояние до веселого душки дракона и рванул вперед так, что точно посрамил мировой спринтерский рекорд.

Подбежав к дракону, Андрей разрядил пистолет, который держал в правой руке, в переднюю левую лапу монстра. А точнее – в сочленение сустава. Оно находилось выше его головы, на высоте около трех метров.

Эффект был ужасающим. Андрей впервые стрелял из этого пистолета,

и, когда тот рявкнул, перекрывая хохот и рев дракона, он едва удержал ствол, и это притом, что Андрей был гораздо сильнее самого сильного человека. Пистолет едва не вывернулся из его руки и чуть не врезал в глаз. Зато и результат впечатлял – удар сразу из двух стволов превратил сустав Даранаяса в кровавую кашу, лапа, не выдержав веса десятков тонн массы этого существа, подломилась, и дракон стал заваливаться вперед и набок, как взорванная водонапорная башня. Андрей едва успел отскочить в сторону, и туда, где он только что стоял, грохнулась морда дракона, разбрызгивая грязь вперемешку с опавшими листьями. Андрей запомнил этот взгляд больших желтых глаз на всю жизнь.

Он поднял второй пистолет и выпустил заряды двух стволов в желтый мерцающий глаз.

Голова – это на самом деле сосуд. Сосуд с жидкостью, которая практически не сжимается. Голова мало чем отличается в этом отношении от пластиковой бутылки или арбуза. Выстрелив из ружья в эти предметы, можно посмотреть интересное зрелище. Калибр у пистолетов Андрея был ружейный, кроме того, заряд усилен более чем в полтора раза в сравнении с ружейным – не зря предыдущие стволы не выдерживали нагрузки и пришлось менять ружейную сталь. Эти стволы выдержали.

Голова дракона просто взорвалась. Если б Андрей выстрелил в толстенную кость черепа, она бы погасила удар, и даже если бы стальной сердечник проник в мозг и убил дракона – такого потрясающего эффекта не вышло бы. Но факт есть факт – свинцовые цилиндры с закругленным концом как два поршня вонзились в мозг через глазницу и мгновенно уничтожили все содержимое черепной коробки, превратив в кашу.

Этому способствовало и то, что мягкий свинец пули при ударе о жидкость сплюснулся, и «поршни» превратились в свинцовые лепешки. Стальные стержни полетели дальше, и сила энергии их была такова, что один из них вырвал кусок кости из затылка дракона и упал на излете где-то в лесу. Второй стержень пролетел через глотку в шею и попал в грудную полость гиганта, где и завяз в кости.

Даранаяс прекратил свое существование – как и хотел. По крайней мере, с его слов – хотел. Его гороподобное туловище еще долго вздрагивало, не желая умирать, лапы скребли землю, но мозга, способного отдать команду органам, уже не было. Из тоннеля на месте глаза гиганта текла густая кровь, кусочки мозга и темно-красные брызги заляпали Андрея с ног до головы, и, чтобы руки не скользили на рукоятках пистолетов, ему пришлось вытереть их о куртку.

Переломлен пистолет, эжектор выбросил медные гильзы, с глухим

пробочным стуком два новых патрона заняли свои места, потом та же операция проделана еще раз, и Андрей снова готов к бою. Остался еще один дракон, и пока он здесь...

А он был здесь. Гороподобная туша нависла над Андреем, и он не раздумывая спустил курки, метя в грудь Хевессанору. Расстояние было небольшим, так что промахнуться невозможно. Две пули пропахали широченную грудь дракона, вырвав кусок мышцы и вонзившись в ствол дерева позади врага. Еще один выстрел усадил дракона на пятую точку, и у него возникло ощущение, как будто кто-то ударил его огромной, как у Даранаяса, лапой. Пуля раздробила ему толстенную грудную кость, вызвав ужасную боль.

И Хевессанор испугался. Такого ужаса он не испытывал с детства, когда учился летать, прыгая с высокого утеса, и налетевший порыв ураганного ветра едва не разбил его об острые скалы. Как и тогда, дракон понимал: сейчас он погибнет, и ничего, ничего не может с этим поделать.

Сбивая деревья, натываясь на толстые стволы, он бросился бежать, взмахивая крыльями, на ходу принял облик птицы и, мелькая среди ветвей, унесся в сторону моря. Последний выстрел Андрей сделал уже вслед врагу – пуля просвистела рядом с Хевессанором, однако добавила скорости ошалевшей «птице». Перезарядка – и Андрей снова готов к бою.

Прислушался – вокруг тихо, смолкли даже птицы. Вечер, сумерки, где-то далеко стучат топорами и громко переговариваются люди. Ни ветерка, не шумят листья, не жужжат мухи. Будто попрятались все...

Не глядя на конвульсивно вздрагивающую тушу черного дракона, Андрей опустил руки с пистолетами и привалился к стволу дерева, переводя дыхание. Руки и ноги тряслись, его буквально лихорадило, как от тяжелой болезни. Уже очень давно он не испытывал таких нервных и физических перегрузок, как в этот раз.

Позволив себе постоять секунд десять, оторвался от дерева и тяжелой рысцой побежал к клетке с Шанти.

Драконница по-прежнему была без сознания. Андрей приступил к лечению, внимательно следя за воздухом – сбежавший враг точно должен привести толпу таких же злых и, возможно, гораздо более умных существ, и те не станут церемониться, устраивая показательные аутодафе, как убитый придурок. Они просто спалят все окрестности своим «напалмом», справедливо решив, что рисковать своей тысячелетней жизнью есть глупость, недостойная просвещенных драконов.

И потому нужно поторопиться.

Аура драконницы была красной, местами с черными пятнами и

прожилками. Андрею дважды пришлось перекидываться в Зверя, чтобы устранить впитанную болезнь Шанти. Он буквально переполнялся ее повреждениями, как ядом, и на пределе наполнения трансформировался, скидывая накопленную дрянь. Наконец аура драконицы снова засияла нормальным цветом – местами еще оставались розовые пятна, но они скоро исчезнут. Раны затянулись, воспаление исчезло. Увы, как следует срастить конечности и хвост он не смог – не было времени. Как не было времени и на то, чтобы выправить крылья. Это довольно долгий процесс, так что... потом. Все потом.

– Проснись, девочка! Шанти! Проснись! – Андрей постучал по клетке, и драконица, открыв глаза, внимательно и недоумевающе посмотрела на него.

– Ты жив... я так рада...

– А я-то как рад! Ты даже не представляешь! – криво усмехнулся Андрей, утирая с лица кусочки жирного желтого вещества вперемешку с темно-красными сгустками. – Быстро уменьшайся и полезай в карман! Бежать надо! Сейчас тут будет толпа уродов с крыльями! Да и на берегу наверняка слышали выстрелы, могут примчаться – у меня нет желания еще немного повоевать, особенно с существами размером в три твоих мамы. А то и в пять.

– Чего пять? – не поняла Шанти.

– Мам пять! – нетерпеливо ответил Андрей и гаркнул: – Скорее, демон тебя задери! Уменьшайся! Я тебе что сказал?!

– Так бы и сказал, – растерянно пробурчала Шанти, похоже еще не до конца оправившаяся от шока. Она замерцала, и через несколько секунд на полу клетки сидела маленькая драконица. С котенка величиной.

Андрей облегченно вздохнул, осторожно поднял ее и сунул в карман куртки. Шанти завопилась в кармане, высунула оттуда мордочку, изувеченную зажившим шрамом, и капризно сказала:

– Там воняет. Я не буду там сидеть. Я буду глядеть на дорогу. И почему ты такой грязный? Чего это на тебе висит? Ты неаккуратно покушал?

– Твою мать! – выругался Андрей. – Не хватало, чтобы ты спятила! Да, покушал! Сlopал мозг этого придурка! Только не спрашивай о вкусе – он был противным.

Андрей забрал вещмешок, рубаху, спрятал в мешок заряженные стволы и помчался по дороге, размышляя – а не перекинуться ли ему в оборотня? Нет, Шанти еще слаба, держаться как следует не может, так что лучше пусть сидит в кармане. Да и тащить мешок будет неудобно.

Выбежав на тракт, Андрей осмотрелся. Ни души – люди опасались

ездить в это время суток. Того и гляди днем-то ограбят, чего уж говорить о ночи.

Он немного подумал, выбирая маршрут. В город в таком виде идти он не мог, значит, нужно искать ночлег где-то в другом месте. Андрей запомнил дорогу, уходящую вдоль небольшой реки. Река – именно то, что нужно. И питье, и еда – на водопой обязательно кто-то придет, вот тебе и мясо. Отдохнут, он полечит Шанти, ну а там и придумают, как быть дальше.

Андрей осторожно снял с себя куртку со спящей Шанти и задумчиво посмотрел на ее мордочку, торчащую из кармана. Она как будто улыбалась рассеченной губой. Он зарастил раны, да. Но шрамы остались. Нужно будет зашить ей губу, как следует вправить хвост, лапы осмотреть – как состыковались и начали срастаться кости. И крылья... все заново. Но все это потом. Больше всего его беспокоило, что у нее, похоже, было психическое расстройство. Шанти вроде и понимала, где находится, и одновременно не понимала. Она как будто снова вернулась в те дни, когда вдвоем со своим другом-человеком путешествовала по миру, больная, маленькая, не умеющая летать, озлобленная на весь мир. Ясно, что это результат стресса, болезни, отравления продуктами распада организма – всего того, что она испытала в плену. Мозг как будто выключился, ушел в прошлое, вырезал кусок воспоминаний об этих нелегких днях. Почему? Кто знает. Она ведь дракон, а не человек.

Вздыхнув, Андрей перекинулся в Зверя и тихо растворился в чаще.

Уже через минут десять он учуял косулю, догнал ее и задрал. Съел на месте часть мяса, а остальное принес туда, где лежала Шанти. Положил мясо возле нее, а на лист лопуха выложил свежую печень – драконица ее обожала. Аккуратно достал Шанти из кармана куртки, положил возле мяса – драконица даже не пошевелилась, спала. Андрей собрал одежду, вытряхнул из карманов патроны и ушел к реке – надо было отстирать кровь. В качестве мыла использовал песок – драил долго, но все-таки добился, чтобы одежда приобрела более-менее приличный вид, когда высохнет, конечно. Выжал и пошел назад, к своей подруге.

Как на грех, подул ночной ветерок, и снова зарядил мелкий, противный дождь. Андрею было холодно, одежда мокрая, и, немного подумав, он пошел за хворостом для костра. Правда, совершенно не представляя, как будет его разжигать под дождем. Впрочем, был один способ, даже два, но... В любом случае – можно хотя бы погреться, ломая сучья. Что касается сухости дров – всегда можно найти и сухие, особенно

там, где деревья растут настолько плотно, что их кроны не пропускают воду. Здесь были такие, похожие на земные елки, только ветви росли еще гуще. Вероятно, какая-то разновидность ели. Под их мохнатыми лапами всегда было сухо и всегда имелись годные для костра ветки. Немного, но были, надо только хорошенько поискать.

Разложил «пионерский костер», укрыв его за густым кустом, и задумался: «А чем же зажечь? Если бы Шанти была здорова... не хочется ее будить. А если пальнуть в костер из пистолета? Пороха в патронах полно. Вот только грохоту будет... на всю округу. Надо нам это? Хм... а костер надо? А вдруг те же драконы решат меня разыскать? И прилетят на свет костра? Хорошо. Будем рассуждать логически: отошел примерно километров на пятнадцать – быстрым шагом, а где и бегом. Ушел вдоль по реке, далеко от моря. Где они будут меня искать? Скорее всего, в городе, в селениях. На кой черт я пойду в лес? Да на такой! Если я так рассуждаю, значит, и они так будут рассуждать. Могут искать и в лесу. Однако с чего я решил, что они кинутся меня искать? Вот так взяли и полетели? Ох, сомневаюсь! Им еще надо решить, куда девать тело покойного председателя, им надо выслушать второго дракона, который поведает им, какая я гадина. Потом они будут долго думать, как соорудить мне козью морду, и у них на это уйдут недели, а то и месяцы. Это же драконы – Шанти всегда говорила, что ее родичи принимают решения в час по чайной ложке. Это люди всегда куда-то торопятся, а они нет. У них впереди вечность! Это мы – мотыльки, порхающие у костра времени... Кстати, как там моя девочка?»

Андрей внимательно посмотрел на ауру Шанти и вдруг увидел черное пятнышко у нее на затылке – ранее второпях не заметил. Опухоль мозга, видимо, следствие сильного удара. Он выругался про себя – вот и причина ее странного поведения! Вот откуда лакуна в памяти. И причина того, что она все время спит.

Через несколько минут от опухоли не осталось следа. Аура светилась ярко, пропали и розовые прожилки. Если бы не ее увечья...

Шанти потянулась, вздрогнула, в ее ауре вдруг возникла краснота боли. Она открыла глаза и, заметив Андрея, протяжно сказала:

– Это ты, братец! Как хорошо, что ты пришел! Ты меня услышал, да?

Андрей осторожно взял Шанти на руки и прижал к груди, как ребенка.

– Как я мог не прийти, глупенькая? Я всегда приду, что бы с тобой ни случилось, ты же знаешь. Прости меня...

– За что? Не за что тебя прощать. Я сама пошла. Не захотела бы – не пошла. Даже не сомневайся. И не вини себя. Зато теперь я хорошо знаю

наших старейшин. Очень хорошо знаю. И гораздо лучше отношусь к людям. Знаешь, когда сородичи ломают тебе лапы, а человек тебя приходит выручать – начинаешь на многое смотреть по-иному. Впрочем, когда я встретила тебя, на многое стала смотреть иначе. Иногда мне кажется, что от дракона у меня осталась лишь оболочка. А теперь – изломанная оболочка. Стоп! А как ты меня вообще выручил? Как ты сумел?! О-о-о... чувствую, рассказ будет интересным.

– Вот что, перекуси, а потом и поговорим.

– А чего ты голый сидишь при девушке? Где твоя одежда?

– При девушке? – поперхнулся Андрей и демонстративно огляделся по сторонам. – А где тут девушка?

– Я девушка, – невозмутимо ответила Шанти и, не выдержав, приснула. – Ну правда, какого демона ты тут вывалил свои телеса? Где одежда?

– Она в крови была. Я постирал. Мокрая вся. Вон под деревом лежит. Не на себе же сушить. Костер разожжешь?

– А почему нет? – хмыкнула Шанти. – Тащи меня к костру. Лапы у меня побаливают. Как я поняла, ты меня подлечил. Но не до конца. Боюсь даже спросить, чего они со мной сделали. Крыльев опять нет, лапы болят, а тут чего? – Она провела по губе. – Вот твари! Такую красоту порушили! Надеюсь, ты им крепко за меня наподдал. Я знаю, какой ты в гневе. Зря они с тобой связались! Мой братец та еще злюка!

– Ага, злюка. Одного я убил. Второй улетел, с пулями в груди. И во что это выльется – одному Богу известно. Разжигай, я замерз до посинения! Ух ты, классная зажигалка! Ты мне напоминаешь паяльную лампу!

– Чего это за лампа такая? – подозрительно спросила драконица, поглядывая блестящими глазками на разгорающийся костер. Она выпустила в него великолепную струю перегретой плазмы, и сучья вспыхнули, как будто их полили бензином.

– Вот такая. – Андрей мысленно передал ей изображение паяльной лампы.

– Ффф! Вот выздоровею, я тоже тебе какую-нибудь гадость скажу, – злорадно пообещала драконица. – Пока не могу – меня душит чувство благодарности к спасителю, а еще – любопытство. Начнешь тебя ругать – ты не станешь подробно рассказывать о бое с драконами. А я от любопытства помру.

– Вот что, сейчас я принесу еще сучьев, чтобы нам веселее сиделось у костра, развешу свою опоганенную кровью подлеца одежду для просушки. А кроме того, пожарим немножко мяса, ты не против?

– Не против, братец. С тобой научилась есть всякую гадость! Жарь, но так, чтобы сок был. И печенку подогрей. Скажи, я сильно уродливая стала? Уродка, да?

– Глупенькая! Для меня ты самая красивая драконица на свете, и вообще – самая красивая девушка, если не считать Антаны, конечно. Впрочем, она-то явно не девушка...

– Фу! – фыркнула Шанти. – Солдатский юмор. Это Зоран на тебя дурно действует. Ты полечишь меня?

– Нет, конечно. Зачем? Больная ты злее, напущу тебя на врагов – ты их порвешь, как тряпку!

– Негодяй! – рассмеялась Шанти и бросила в Андрея подобранной с земли палочкой. – Суши свою одежду, а то бродишь вокруг меня с голым задом!

– Кто бы говорил! – рассмеялся Андрей. – Ладно, все сделаем. Мясо пожарим, печень подогреем, одежду просушим, крылья зашьем, губу поправим! Главное – мы живы, вместе, и катись все к демонам, правда, сестренка?

– Правда, братец! Мы им всем глаз на задницу натянем, этим старейшинам!

– Здесь тоже такое выражение есть? – удивился Андрей. – Точно, натянем. Отдыхай, все будет...

Члены Совета смотрели на Хевессанора – жалкого, грязного, в потеках засохшей крови, тяжело дышащего – и не говорили ни слова. Наконец Сертанайон, огромный красный дракон, неодобрительно сказал:

– Доигрались. Даранаяс все-таки доигрался. Я никогда не доверял этому выскочке. Он слишком любил власть.

– А кто ее не любит? – возразила зеленая Остраназа. – Ты, что ли, не любишь власть? То-то ты на Южном континенте устроился советником Черной страны. Развлекаешься мелкими племенными войнами... Все хороши. Мы все заигрались. И доигрались до того, что люди скоро нас будут уничтожать. Следовало прислушаться к словам Даранаяса о том, что человек изобрел оружие, способное нас убивать. Хевессанор, почему вы нас не убедили? Почему вы с Даранаясом не рассказали, что именно изобрел этот человек?

– А что бы это изменило? – устало парировал Хевессанор. – Вы вспомните, как Дар начал доклад, и что? Натороканта чуть не пасть ему затыкала! Оскорбляла, говорила гадости! И что он должен был сделать? Мы решили сами устранить проблему и потом довести до сведения Совета,

что мы сделали. Вот и все. Дар не хотел переваливать на Совет то, что мог сделать сам. В чем он виноват? Кроме того, мы и сами не знали точно, что это оружие так опасно.

– Они не знали! – фыркнула Натороканта. – Вы не знали, а мы должны были догадаться с ваших слов, да? Ну вы и мыслители, ну вы и... Один уже лежит кучей пепла, другой изображает здесь подстреленную косулю – смотреть на тебя жалко! Вид как у бродячего пса! Я предлагаю переизбрать председателя Совета и его заместителя. Эти два типа не оправдали оказанной им чести. Впрочем, председатель сам переизбрал себя. В покойники. А вот заместителя надо другого. И вообще я бы изгнала Хевессанора из Совета. Он слишком бестолков, чтобы вершить судьбами мира. В Совете должны быть драконы с головой, а не с задницей вместо нее!

– Перестань, Натороканта, – вмешалась Олисовия, – ты же знаешь, что членов Совета выбирают из самых старых драконов. Потому мы и называемся старейшинами. Хевессанор один из самых старых драконов. И не такой уж и глупый, каким ты его тут выставляешь. Ты вечно мутишь воду, скандалишь и нападаешь на других членов Совета. Вот и сейчас, вместо того чтобы решать главную проблему – появление в мире оружия, способного нас уничтожить, – ты начинаешь дразнить о власти. Что, самое время для этого, что ли? Пока мы тут власть делим, люди нас уничтожат! Надо думать, что делать в сложившейся ситуации, а не переизбирать заместителя. Хватит дразнить, давайте вместе все обдумаем. Ты вот, Натороканта, что бы сделала? Какие у тебя предложения?

– Уничтожить Балрон. Вместе с тем человечком. Сделать так, чтобы им некогда было заниматься изобретательством. Загнать их в пещеры. Пусть сидят у костров и жрут полусырую оленину.

– Предлагаешь, чтобы это сделали драконы?

– Нет, конечно, – усмехнулась драконица. – Я не готова подставлять свое брюхо под удары неизвестного оружия. Вон Хевессанора достаточно. Люди должны сами себя уничтожать. Тем более что, если не помните, наш закон гласит: «Мы правим тайно. Драконов для людей нет!» У меня в Островном королевстве давно не хватает места под людей, размножились. Нужно подсократить количество. Они, мои людишки, воинственный народишко, и надо просто показать им дорогу к благословенным балронским берегам. Тут тепло, много еды. Не надо убивать друг друга за клочок земли, места хватает. Я направлю их флот к Балрону. Кроме того, нужно послать в Анкарру разведку – выяснить до мелочей, кто такой этот человек, сумевший убить дракона. Откуда он взялся, какое у него оружие.

Хевессанор, что ты скажешь об этом человеке? Что вы с Даранаясом знали о нем? Прежде чем подставили свой зад, который вы именуєте головой.

– Он советник императрицы Антаны, правящей Балроном. По слухам – ее любовник, фаворит. Откуда взялся – никто не знает. Строит завод, производящий оружие. Говорят, что для войны с Гортусом, которого мы с Даранаясом поддерживали. Гортус оборотень, у него своя стая. Негодяй, конечно, но управляемый негодяй. После окончания сезона дождей должна начаться война. Оружие? Не знаю, что это такое. Две трубки. Оттуда вылетает пламя и какие-то снаряды. Пробил мою чешую. А надо сказать, ее дротик не пробивает. И тяжелое копье едва царапает. Он пробил. Если каждый из людей получит такое оружие... Да! Забыл сказать – он тоже оборотень, как и Гортус. Вот и вся информация.

– А кто отступница? Почему ее имя не фигурирует?

– Шанти ее звать. Она тоже советница императрицы. Молодая драконица, по всем параметрам ей не более ста – ста пятидесяти лет. Дитя. Наглая, как акула. И бесстрашная. Дралась с самим Даранаясом. Он ее сильно побил, а человек этот пришел отступницу спасать.

– Слышали уже, – перебила Натороканта, – не повторяйся! Значит, человек строит завод... интересно. В общем, так. Предлагаю избрать председателя Совета. Второе: требую «добро» от Совета на полномасштабное вмешательство в жизнь людей в виде отправки армии для завоевания Балрона. Третье: направить советника к Гортусу, только умного, чтобы не вышло, как с Даранаясом. Хевессанор ему поможет. Хевессанора сместить с поста заместителя, а вместо погибшего Даранаяса принять еще одного советника. И нужно послать разведку в Балрон на завод, узнать, чем они там занимаются. Какие есть мысли по этому поводу?

– Из всего перечисленного предлагаю ограничиться одним пунктом, – медленно сказал черно-зеленый Аанараннаон. – Выбрать председателя и его заместителя. Остальные пункты нужно как следует обдумать и принять решение на следующем собрании Совета через два месяца. Каждый обдумает, чем может помочь в этой ситуации, и выскажет свое мнение. Кроме того, подберем надежную кандидатуру нового советника Гортуса. Мы же не дети, чтобы принимать решение второпях. Как бы ни было опасно оружие этого человека – в нашей истории бывало всякое. И где те люди? А мы здесь. И будем здесь. Не будем торопиться. Следующий сбор пройдет в Пещере Совета, как положено. Итак, кто согласен, кто нет?

– В принципе ты прав, – буркнула Натороканта. – Такие решения нельзя принимать в один день. Давайте встретимся ровно через шестьдесят дней в Пещере Совета. Без зова, просто собираемся и решаем все эти

вопросы. Даже этот срок маловат... но время поджигает. Давайте через три месяца. Как раз к концу сезона дождей. Каждый готовит свое решение. Там и выберем председателя, заместителя, примем нового члена Совета. Сейчас разлетаемся. Сегодня был очень бурный вечер, всем нужно обдумать происшедшее.

Драконы закивали головами и стали по одному расходиться и стартовать. Через двадцать минут на берегу, возле так и не зажженного костра, который готовили для Шанти, остался несчастный, страдающий от боли Хевессанор. Он ударил лапой по земле, взметая кучу галечника, потом обернулся птицей и полетел в сторону Анкарры. Его снедала дикая ярость, злоба, ему хотелось кого-нибудь убить – и он знал кого. Как он это сделает, Хевессанор не представлял. Но в том, что сделает, – был уверен. Несколько недель ему придется подождать, полечиться, ну а потом... Золота у него хватает, отсиживаться есть где, а месяц погоды не сделает. Лететь трудно, но... потерпит. Тем страшнее будет его месть...

Андрей осторожно освободил руку и оставил Шанти лежать на подстилке из иголок. Она посапывала сладко, как младенец. Андрей отполз от ствола дерева, под которым они прятались от дождя, и пошел к реке. Над водой стелился утренний туман, и было прохладно, как осенью, в октябре.

Андрей плеснул в лицо водой, подумал и разделся донага. Осторожно войдя в воду по песчаному пологому спуску, поплыл, фыркая, как тюлень.

Плыть было приятно – вода, прежде холодная и неласковая, через минуту стала желанной и освежающей, волшебным эликсиром, разгоняющим застоявшуюся за ночь кровь. Сквозь прозрачную толщу виднелись колышущиеся зеленые водоросли, а возле берега притулилось семейство лилий, еще не распустившихся поутру. Под лилиями стояли крупные рыбины типа язей, и Андрею захотелось есть – он представил этих рыб жареными на углях и сглотнул слюну.

Вдруг из-под берега с шумом и криканьем вылетела стая уток, и Андрей громко выругался, от неожиданности чуть не нахлебавшись воды. Сзади кто-то громко захихикал, и Андрей, не оборачиваясь, огрызнулся:

– И ничего смешного! И вообще, подкрадываться нехорошо! А если бы я врезал по твоему сопящему носу? Я тебя слышу уже с тех пор, как вошел в воду!

– И ничего не слышишь. С тех пор как ты стал эмпатом, как и я, ты чувствуешь приближение живых существ по их настроению. Кстати, заметила, твоя эмпатическая сила увеличилась. Раньше ведь ты вообще не умел чувствовать. Почему сейчас стал?

– С кем поведешься... А если серьезно – видимо, мутации. Прорвалась способность, и все. А чего сложного? Ничего сложного. Раз кто-то может, значит, и другой может смочь. Эй-эй, слезь с плеча! Потопишь! Ты бы еще натуральный вид приняла – совсем было бы здорово!

– А надо? Могу! – коварно усмехнулась Шанти.

– Лучше акулый. И налови нам рыбы. Зажарим.

– Хвост сломан, – погрустнела Шанти. – Плохо плаваю. Он стал кривым...

– Ничего... не унывай, наладим. Я тебя сделаю красивее прежнего! Хочешь, мы тебе чешуйки позолотим? Будешь вся сиять золотом!

– Ффу-у-у... безвкусица какая! – фыркнула Шанти. – А чешуйкам надо еще отрасти, чтобы их можно было раскрасить. Я вообще-то предпочитаю натуральную чешую, в отличие от человеческих самок. Тем более тех, кто за деньги позволяет с собой совокупляться. Ты меня хочешь уподобить этим самкам?

– Не придирайся к словам, – невозмутимо парировал Андрей. – Чего опять бурчишь? Почему настроение такое? Чувствую же – раздражена, злишься. Не забывай, я тоже эмпат.

– На себя злюсь. Простое задание, а я его испоганила. Не развела как следует, поперлась, как дура. Вот и получила по полной. Тебя сорвала с места, отвлекла от важных дел. Чувствую себя идиоткой. Слушай, давай мы его все-таки убьем? Ты сам подумай – сколько мы жизней спасем! На весах сейчас жизни Гортуса и горстки его людей – и тысячи, десятки тысяч людей, которые останутся живы! Не забывай, это твои и Антаны подданные. Имеем ли мы право все бросить и, спокойно убравшись восвояси, дожидаться, когда войско Гортуса, как саранча, пройдет по стране?

– Хм... вообще-то ты озвучила мои мысли... – удивленно сказал Андрей, ложась на спину и плывя по течению реки. – Только ты туда больше не пойдешь. У тебя на боках чешуя через одну, половины нет. Ты хромаешь, ступить без боли не можешь. И летать не можешь. Так что ты участвовать в этом не будешь.

– А если подлечусь? Кто мешает нам вернуться к купцу, купить медицинские инструменты и заняться лечением? Есть какие-то противопоказания? Вера не позволяет? Боги запрещают?

– Хм... сегодня ты в ударе, девочка моя. Твоя маленькая головка соображает, – с ухмылкой признал Андрей и мощными гребками погнал свое тело к берегу. – Догоняй! Кто последний – тот... в общем, продукт жизнедеятельности хорьков. И его будут тянуть за длинный кривой хвост!

– Кого еще тянуть будут! – фыркнула Шанти, прибавила ходу и через пару секунд вырвалась вперед. – А теперь кто хорьковое дерьмо?

– Это не считается! У тебя хвост как винт работает! И еще – ты обманула, что плаваешь плохо! Вот гадкая рептилия, а!

– Ну обманула. И чего? На тебе-то ехать приятнее.

Хохоча, они выбрались из воды, Андрей надел одежду прямо на мокрое тело, осторожно вытер полую рубахи мокрую Шанти и посадил ее в карман куртки.

– Ну что же, пошли к купцу. Раз начали дело – надо его завершить. Будем тебя лечить, красotka!

Через пять минут они шагали по дороге к тракту.

Проглянуло солнце, редкий гость в это время года, и на душе у друзей стало совсем светло. Андрей мурлыкал под нос песенку, и это был уже не «Варяг», а что-то веселое, залихватское, под стать настроению. Шанти ему подсвистывала, улыбаясь во всю зубастую пасть, и им было хорошо вместе. Впрочем, как и всегда.

Глава 8

– Когда? Мне уже надоело сидеть в этом городе! Я его ненавижу! Я видеть не могу эти рожи! Эту грязь!

– А в пещере сто лет просидеть в грязи – это ничего? А тут неделю в городке, и уже видеть не можешь? Избаловалась ты, девочка моя.

– Ну избаловалась, да! И что? К хорошему привыкаешь, отвыкать трудно. Дебильный город, дебильные люди! Такое впечатление, что сюда собрали всех дебилов со всей страны! Где они столько их взяли-то?

– Давай к делу, а? Мы что с тобой делаем – обсуждаем проникновение в поместье Гортуса. А ты мне тут истеришь. Успокойся. Я понимаю, тебе скучно, ты еще не до конца восстановилась, но не надо раздражение выплескивать на меня!

– А на кого надо? У кого хватит терпения меня слушать? Гиом дрыхнет, на улицу идти – точно кто-нибудь докопается. Кстати, что за тряпки ты мне купил? В таких тут шлюхи ходят! Что за красное платье?! Через него задница просвечивает! Приличная девушка в таком не то что на улицу, в кухню-то не выйдет!

– Я откуда знаю? – огрызнулся Андрей. – Ты мне сказала купить что-то к твоим глазам, красивое, можно красное, вот я и купил. Не надо было дома сидеть. Поленилась – вот и ходи теперь в этом. Кстати, очень привлекательно в нем выглядишь. Это я тебе как мужчина говорю.

– Точно? Не врешь? Ладно, прощаю тебя, – фыркнула Шанти и успокоилась. – Правда, меня все раздражает. А еще – собственная беспомощность. Ведь ты туда, в дом, сам полезешь, а мне что делать?

– А как ты туда полезешь? Ты пощупай бока-то – чуешь чешую? Нет? Почему нет? Потому что нет ее, чешуи. Ты нежная и пухлая, как младенец. В тебя любая стрела воткнется по самое оперение. А ждать, когда ты обростешь, мы не можем. Так что выбора нет – лезть в дом мне. Между прочим, тебе отводится самое важное место в плане. Крылья теперь у тебя работают, так что летать ты можешь. Нечего возмущаться. И давай еще раз повторим, кто что делает. Я хочу, чтобы ты четко усвоила то, что я тебе говорил. Ну!

– Зверь ты. Жестокий и бесчувственный тип. Ладно, слушай! Ночью мы с тобой выходим на загаженную мостовую и, поскользнувшись на солдатском дерьме...

– Без красочных подробностей, пожалуйста.

– Без красочных? Тогда все тупо и скучно. Я, хватая тебя за телеса, тащу на дом, бросаю на крышу. Ты быстренько отрываешь головы всем, кто сторожит крышу, уворачиваясь от стрел, мечей и копий, а потом идешь вниз, отрывая головы всем, кто попадется по дороге. Находишь Гортуса, отрываешь голову ему, возвращаешься на крышу, я снова тебя хватаю и уношу к жене, бросив в конце пути прямо на ее гладкое нежное тело твою измученную воздержанием тушку.

– Я же просил – без красочных подробностей, – невозмутимо заметил Андрей. – Все верно. Чем проще, тем лучше. Нам плевать на шум, плевать на то, что кто-то узнает о существовании драконов. Пусть старейшины боятся, что о них узнают. Нам уже все равно. Что же касается тебя – нельзя тебе соваться в дом. Даже в обличье кошки. Ты беззащитна, и я не прощу себе, если ты погибнешь. Ты хочешь, чтобы я всю оставшуюся жизнь страдал, вспоминая, как послал тебя на смерть?

– Не хочу, – хмыкнула Шанти. – Да поняла я. Буду выполнять твои указания. Когда полетим?

– Сегодня. Как стемнеет хорошенько – и полетим. По слухам, к нему доставили женщину, так что он сегодня ночью очень занят.

– И ты так спокойно говоришь об этом?! – возмутилась Шанти. – Ты забыл, что они хотели сделать со мной?

– Я не спокойно. Я просто не позволяю себе думать о том, что там происходит. Если мы успеем – освободим эту несчастную. Если нет – отомстим за нее. Все. Отдыхаем. Через час вылетаем.

Андрей снял сапоги и улегся на кровать, вытянув ноги. Шанти подумала немного и тоже улеглась – рядом с ним, глядя в потолок.

Минут пять они молчали. Неожиданно Шанти спросила:

– Скажи, а ты думал, что будет, когда ты покончишь с Гортусом, вооружишь армию? Ты же пойдешь на Славию, да?

– Ну да... – сонно ответил Андрей. – Пойду. Мы же для того и шли к власти в Балроне. Надо же нам исчадий бить.

– А людей тоже бить?

– Каких людей? – Андрей открыл глаза.

– Тех, что живут в Славии. Тех, кого ты собрался защищать от исчадий. Исчадий – один на несколько тысяч. Но когда ты будешь за ними охотиться, убьешь множество тех, кто к исчадиям не имеет никакого отношения. Солдат. Селян. Горожан. Ведь исчадия соберут свою армию из этих людей. И ты их убьешь. Тысячи этих людей. Ради чего? Чтобы освободить их от исчадий, которые их убивают? Тебе не кажется это странным? Нет, я не осуждаю, я пойду за тобой везде, сделаю все, что ты

скажешь. Но ты уверен в том, что ты делаешь?

– Нет. Не уверен, – хмуро ответил Андрей. Сон как рукой сняло, и где-то в сердце защемило так, как будто кольнули иглой.

– Тогда почему ты делаешь это? Вернее, собираешься делать?

– А ты видишь другую возможность очистить Слaviю от исчадий? Вот скажи, как мне поступить? Убить тысячи, а может, и десятки тысяч людей для того, чтобы счастливо жили остальные, или же оставить все как есть, и те же тысячи будут десятилетиями, сотнями лет умирать на жертвенных алтарях, превращаться в людей без чести и совести, руководствуясь лишь одним законом – правом сильного? Что мне делать? Ты полагаешь, я не задавался этим вопросом? Считаешь, я не думаю об этом каждый день? Каждый раз, когда мыслями возвращаюсь к Славии? Если Господь избрал меня своим мечом, чтобы избавить мир от скверны, – что я могу сделать? Это моя боль и моя гордость! Я – меч Божий!

– С чего ты взял? Сам догадался? Или сторож на базаре поведал?

– Ты чего меня мучаешь? – с болью сказал Андрей и отвернулся к стене. – Тычешь когтем прямо в открытую рану!

– Потому и тычу, что я знаю тебя. Ты потом будешь сгорать от мысли, что ты убийца тысяч ни в чем не повинных людей. Одно дело, когда мы защищаем себя от бунтовщиков. Убить негодяя Гортуса – это не просто святое дело, это долг каждого разумного существа. Он не имеет права на существование, он гад. Но те, в Славии? Сможешь ли ты забыть, что уничтожил их? А ты не задумывался, что, может, тебя совсем не Бог подвигает на это, а?

– А кто? – встrepенулcя Андрей. – Нет, нельзя так говорить! Нельзя! – Его лицо побелело как полотно, он тяжело дышал, а глаза светились в темноте, как два фонарика. – Никогда так больше не говори! Я – оружие в руке Божьей! Все. Закончили на этом. И вообще нам пора.

Андрей отодвинул Шанти, встал, прошел в кухню, налил кипяченой воды и долго пил, проливая на грудь. В его голове колоколом звенели слова Шанти: «...Может, тебя совсем не Бог подвигает на это?» Совершив над собой усилие, он отбросил лишние сейчас мысли. Потом подумает над ее словами. А пока нужно идти и сделать то, что у него получается лучше всего, – убить. Убить всех, кого задумал, всех, кто помешает ему осуществить задуманное. И он сделает это.

Проверил пистолеты – работают безупречно. Щелкнул пару раз, открыл, посмотрел на свет стволы. Разложил по карманам патроны, четыре штуки сразу вложил в свои «пушки». По виду эти патроны больше

напоминали «выстрелы» к подствольному гранатомету Калашникова ГП-30. Такие же толстенькие, тупорылые. Вот только не разрывные.

Увы, Андрей никак не мог решить проблему с взрывчаткой. Казалось – это так просто. Нужно всего лишь взять толуол, произвести некие операции и получить тринитротолуол. Тол в просторечии. Этакую похожую на мыло субстанцию, которую можно разогревать на костре, разливая в емкости, можно поджигать – и он будет гореть, как пластмасса, выделяя коптящий дым. А если в него вставить взрыватель и рвануть – поотрывает руки-ноги супостатам.

Вот только проблема – а где взять толуол? Эту прозрачную ядовитую жидкость? Ну да, понятно – из каменного угля или из нефти. Так вот, для того чтобы добыть его из каменного угля, надо вначале сделать печь, в которой этот самый уголь будет запекаться, выделить из него смолу, а потом, нагревая до ста одиннадцати градусов, извлечь этот самый толуол.

Или то же самое сделать с нефтью, разделив ее на фракции путем перегонки. И тут – смешная проблема. Кто-то когда-нибудь задумывался, какое значение в нашей жизни имеет термометр? Ну этот самый – обычный градусник? Чтобы толуол получился чистым, его надо отделять при одной и той же температуре. Как этого добиться, если нет прибора, ее измеряющего? Нужно его сделать. Как сделать? Взять стеклянную трубочку, заполнить часть ее ртутью, запаять. Потом погрузить трубочку в кипящую воду, подождать... и разметить термометр на сто делений. Просто, ага. Только где взять ртуть? Трубочку-то выдуть плевое дело, стеклодувов полно. Но где взять эту чертову ртуть? Из киновари, конечно. Так-то добыть ртуть несложно. Но надо привезти киноварь. А она на юге. А юг в войне. Можно отобрать киноварь у тех, кто делает краску, – у них она точно есть, еще довоенные запасы, но нужно вернуться в Анкару...

И вот так одно за одно цепляется, и столько проблем, что голова кругом. Нужно сделать много серной кислоты, чтобы сделать много азотной. Нужно узнать, где есть выходы нефти – если есть. Где есть коксующийся уголь. Где добывают киноварь и пирит. Где... да много чего – где! Скорее бы грохнуть Гортуса, да домой.

Домой? Где он, дом? Вроде на Земле был дом... Да какой там дом? Кто его ждал на Земле, кроме чистильщиков, желающих укоротить жизнь наемника? Дом – это Антана, это Марк, это Олра с Марго, это Шанти, которая тихо сопит за плечом, боясь его потревожить, это Федор с семьей, это все-все его друзья, его близкие, его люди... Люди? И Шанти тоже? Конечно. Дай бог всем быть таким человеком, как она.

Андрей сунул пистолеты в вещмешок, завязал узел и закинул рюкзак

за плечи. Готов.

– Ну что, моя крылатая радость, пошли позабавимся? – бодро предложил он и под веселое бурчание Шанти вышел из дома.

Пришлось поднять купца, чтобы он закрыл за ними дверь. Тот щурился спросонья и явно не понимал, куда собрались его «постояльцы». Андрей не стал ничего ему говорить, меньше знаешь – крепче спишь.

Захлопнулась калитка, и они с Шанти остались наедине с облачным небом и ночным ветром. Холодный ветерок пытался пробраться под куртку, и Андрей, запахнув ее поплотнее, зашагал туда, откуда должен был начаться их полет.

– Ну что, птичка моя, полетели?

– Полетели, мой мышонок! – хихикнула Шанти и, разогнавшись, подпрыгнула над землей, раскрывая крылья и на ходу цепляя Андрея за специально сделанную шлею. Его рвануло так, что перехватило дыхание, и он невольно ругнулся:

– Эй, там, наверху! Ты не оленя тащишь, а своего несчастного брата, имевшего неосторожность попасть в твои лапы! Не дергай!

– Не нравится – могу отпустить! – пошутила Шанти, и Андрей в тон ей тоненько закричал:

– Ой-ой, владычица неба, пощади!

Они летели и перешучивались, подавляя в себе страх; Шанти боялась за Андрея, а он за нее: не дай бог случайная стрела вонзится ей в бок или дротик – запросто может погибнуть. Впрочем, как и он. Там слишком много охраны, слишком много.

И это не новобранцы. В основном гвардейцы из дезертиров, дети землевладельцев с юга. А еще – стая Гортуса.

Сколько он уже успел инициировать – неизвестно. Может, пять человек. Может, десять. А может... любое количество. Любое. Насколько у него хватит совести. Ведь из тех, кого заражала кровь оборотня, выживали немногие. Совсем малый процент. Андрею и Антане повезло. А вот приближенным Гортуса могло и не повезти. Большое количество претендентов он мог инициировать только из рекрутов. Сдохнут – новых приведут. Сколько успел заразить? Это вопрос.

Биться со всеми Андрей не сможет. Патронов не хватит. Их осталось штук сорок, патронов этих. На сорок человек. И надо экономить. Одна пуля – один труп. Чеканная заповедь снайпера. Придется обходиться тем, что есть. Нет, не когтями – двумя широкими короткими клинками по типу абордажных сабель. Найти их было несложно – чего-чего, а оружия в городе хватает. Продавалось все – от не годных ни на что железок, не по

праву именуемых саблями, до клинков из первоклассной булатной стали. Таких, как те, что висят сейчас у него на поясе. Жаль, конечно, что мало патронов и их нужно беречь. Для кого? Для стаи, разумеется. Со всеми сразу он не справится без мощного оружия. И с оружием-то будут проблемы... много врагов, очень много.

Шанти сделала широкий круг и зашла со стороны порта, с тыла усадьбы.

Крыша поместья, плоская, как и у большинства домов-крепостей аристократов, была освещена факелами, и на ней стояли два лучника, скучающие, как и все солдаты на посту. Время за полночь, тихо, муторно, и ничего не хочется, кроме как залезть в теплую постель, да еще и бабу под бок получить. Внимание рассеяно, тетивы сняты, и приходится держать их за пазухой, чтобы не отсырели. Тогда, скажите на милость, зачем тут торчать лучникам?

Этот вопрос Хистан задавал своему сержанту не раз и не два и каждый раз получал один и тот же ответ:

– В ухо захотел, свиной выпердыш? Сказали стоять, значит, стой! Самый умный, что ли? Школу закончил, грамотный, считаешь, что можешь теперь своей тупой башкой думать?! А не соображаешь, что ты нужен как наблюдатель, чтобы поднять тревогу, ударив в колокол, а еще, когда враг будет красться снизу, – натянуть тетиву и отстрелить ему яйца! Понял, прошлогодний ослиный понос?!

Хистан не понял. Потому что было неясно – что можно рассмотреть со второго этажа на земле ночью, в крошечной тьме, при том что огонь факела освещает максимум на пять шагов вокруг. И толку тогда от наблюдателя? Ну ладно днем. Тут да, дело святое – гляди по сторонам, предупреждай, что враг крадется, и никаких проблем. Служба есть служба. А это ночное стояние есть не служба, а тупость!

За такие констатации факта Хистан и правда пару раз получал в ухо.

Андрей, если бы знал об этой ситуации, обязательно прокомментировал бы это так: «От многия знания – многие скорби». Вот не был бы Хистан грамотным, ученым парнем, и не лезли бы ему в голову мысли – почему, да как, да зачем. Стоял бы и стоял, как приказали командиры. Так нет же – думать взялся.

Этот самый Хистан едва не загубил всю операцию. Парень, в очередной раз раздражившись на глупый приказ, спрятался от пронизывающего сырого ветра за дымовую трубу, и Андрей, который как кошка приземлился на крышу, его не заметил.

Увы, не помогло ни ночное зрение оборотня, ни многолетний опыт

войны. На войне всегда присутствует элемент удачи: оказался человек не в то время не в том месте – и вот уже посреди его лба распустился кровавый цветок, и плачут родные, опуская останки сына и брата в могилу. Что поделаешь – такая его судьба. И наоборот: люди чудом спасаются от шквального огня или выживают в невероятных по катастрофичности авариях. Как та дама, которая из взорвавшегося пассажирского самолета спланировала к земле на куске обшивки и только отбила себе зад. Высота была в несколько километров. Кто отвечает за удачу? Никто не знает. Ангелы-хранители? Демоны? Говорят, за удачу в лотерее отвечает сам Сатана. А в бою? Кто?

Шанти проскочила низко над крышей, бесшумно, как огромная летучая мышь. Она выпустила Андрея, когда тот был на высоте метра от поверхности. Он приземлился, пробежал по крыше до ее края, где скучал напарник Хистана, и, на ходу достав из прикрепленных к бедру жестких ножен клинки, снес полусонному солдату голову, покотившуюся по крыше влево, за дымовую трубу.

Голова, с глухим стуком остановившаяся у ног Хистана, вызвала у него такой ужас, что парень не смог издать ни звука. Это его и спасло. Андрей медленно и осторожно направился к выходу с крыши, прощупывая пространство эмпатическим чувством, но так и не заметил солдата: тот застыл в ступоре, не испытывая ни страха, ни опасения, – он был похож на камень. И оборотень его не почуял. Тем более что ветер был довольно сильным и дул в сторону Хистана.

Потом солдат вспоминал эту ночь и каждый раз благодарил судьбу, которая уберегла его от смерти. После этой ночи он ушел в свой городишко и устроился в храм послушником, спустя годы дослужившись до настоятеля. Но каждый день он вспоминал, как к нему подкатилась мертвая голова напарника и моргнула глазами – как живая. Он воспринял этот факт как указание Господа: хватит войны, иди заботиться о душе!

Андрей нырнул в дверной проем. Тот выводил на широкую лестницу, ведущую на второй этаж, в хозяйственные помещения – как обычно, ничего нового.

Необычно было только то, что возле лестницы стояли двое солдат с мечами наголо. Увидев Андрея, они без разговоров напали на него и умерли через несколько секунд, захлебнувшись кровью из перерубленных шей. Андрей поздравил себя с удачей: ловко он обстряпал это дело – без шума и пыли! И тут, будто в наказание за самонадеянность, на крыше звонко, тягуче забил набат, призывая расправиться с супостатом, проникшим в святая святых – хозяйский дом.

Это Хистан вышел из ступора, подполз к веревке, свисающей с языка сигнального колокола, и начал неистово ее дергать, как будто желая отомстить за свой страх.

Андрей зашипел сквозь зубы и бешено выругался, вспомнив самые черные из армейских ругательств.

Расслабился! Потерял хватку! Но делать было нечего, кроме как идти вперед. Как там кто-то сказал? Если не знаешь, что делать, – делай шаг вперед!

И он сделал. Один шаг. Два. Десять. Прислушиваясь к крикам и шуму на улице. И... напоролся на целую толпу охранников, поднимающихся по лестнице с первого этажа.

Они были одеты в кольчуги, наплечники, поножи, на головах шлемы, а в руках небольшие окованные железом щиты и короткие широкие мечи. Увидев незнакомца в обычной одежде, с двумя саблями в руках, охранники вначале пришли в ярость – беспокоить среди ночи, что может быть противнее?! А потом обрадовались и, предвкушая скорую победу и легкую расправу над самоуверенным наглецом, завопили:

– Стоять! Стой, придурок, брось оружие! Сдавайся, идиот!

А когда «идиот» не выразил желания сдаться и получить по заслугам, выстроились стальной стеной и начали оттеснять его к лестнице, откуда тот, собственно говоря, скорее всего, и появился.

С крыши деться ему некуда, рассуждали бойцы, здание окружено со всех сторон, если даже и спрыгнет, не переломав при этом ноги, то его тут же схватит наружная охрана.

Никто даже не задумался – откуда этот тип взялся на крыше? Да вообще никто ни о чем не задумался – вот есть чужой, он с оружием, его надо захватить или убить. Все! Нечего рассуждать, нечего впускать в голову лишние мысли, как какой-нибудь образованный. Бей, режь, стреляй! Вот что надо делать. Чужой сейчас поднимется наверх, спасаясь от двух десятков здоровенных, закованных в сталь мужиков, они возьмут сети и лассо, поставят лучников, чтобы подстрелить в конечность, и скоро этот супостат окажется в пыточной. Чисто, хорошо, правильно. Как учили!

Увы – для них. Чужак не хотел следовать их стройному плану. Более того, он оказался слишком прыгучим и вообще ненормальным. Разве нормальный человек побежит на строй тяжелых латников как зверь, с диким ревом, всего лишь с двумя сабельками в руках? Да он даже шлем этими зубочистками не разрубит!

Разрубил. Первые два удара рассекли шлемы двух латников, как будто те были сделаны не из лучшей стали, а из тонкого дерева. Мозги, кровь,

кусочки волос и кожи забрызгали тех, кто был рядом с убитыми, и на долю секунды заставили их остановиться. Снова два взмаха, и выбыли еще двое, в том числе сержант Эдгар, тот самый, который заехал в ухо Хистану, – страшный удар отсек ему ногу.

Хистан потом со злорадством думал о божественной справедливости – ведь он, «придурак ученый», «свиной выпердыш», жив и здоров. А этот тупой бугай истек кровью. Есть Бог! Есть!

Это было последней каплей, отправившей Хистана на служение Богу. Нужно же было как-то отработать полученную милость в виде божественной справедливости. Хистан сам всегда хотел расчленить этого Эдгара, но ему не хватало смелости. Вот Бог и услышал его молитвы.

Затем началась бойня, об ожесточенности которой можно было судить по забрызганным стенам и даже потолку, находящемуся в пяти метрах над головой, – куски разрубленной плоти достигали и его.

Андрей вертелся, изгибался, подпрыгивал, падал на пол – и каждым ударом доставал, доставал, доставал! Люди падали так, будто это были не тяжеловооруженные солдаты, а колосья пшеницы под ножом комбайна. Он размылся в серую нить, в смертельный туман, каждым касанием убивающий противника.

Чтобы уничтожить двадцать пять человек, ему понадобилось две минуты. Как ни берегся – а десяток порезов и колотых ран Андрей получил. Благо, что они на нем мгновенно затягивались.

Последнего солдата Андрей добивал уже бегущего, в спину – подрубил клинком ноги в подколенную впадину. Тот проехал по натертому паркету, как запущенный могучей рукой великана мешок картошки, и пополз куда-то в сторону, спасаясь от неминуемой смерти.

Андрей в три прыжка догнал раненого, рывком сорвал с него шлем, порвав ременные завязки, лопнувшие как гнилые нитки, и, уставившись в конопатое лицо с широко раскрытыми от ужаса глазами, жестко спросил:

– Где сейчас Гортус? Отвечай, быстро! Иначе будет больно!

Раненый молчал, широко разевая рот, – видимо, был в шоковом состоянии, и Андрей резко ударил его по губам, наполняя рот горячей кровью.

– Быстро! Где?! Гортус?!

Раненый показал руками куда-то в конец коридора, но Андрей и сам уже слышал команды, топот стражников и звон их железных доспехов.

А еще – голос Гортуса, который он запомнил на всю жизнь: глумливый, надменный голос человека, привыкшего к тому, что все вокруг удовлетворяют его желания.

Толпа, бегущая по коридору, остановилась, увидев картину – человек с окровавленным лицом, с двумя клинками в руках, а вокруг куча трупов. Чужак, склонившийся над лежавшим стражником, выпрямился, с отсутствующим видом, не глядя вонзил острие клинка в шею раненого и медленно пошел на стражников.

Прозвучала команда, и вперед вышли лучники, мгновенно натянувшие луки и пустившие свои смертоносные снаряды в грудь чужака. Бесполезно. Он смахнул стрелы, как кот, сбивающий лапой мотылька, и, оскалив белые зубы, сверкая желтыми глазами, лишь ускорил шаг. Еще три стрелы разлетелись, отбитые молниеносными клинками, и человек побежал на охранников, рыча и выкрикивая какие-то непонятные слова.

Андрей матерился по-русски, вспоминая все слова, какие знал, а потом просто заревел:

– А-а-а-а-а-а! – и врубился в толпу.

Ему нужно было достать Гортуса, прячущегося за чужими спинами и раздающего команды.

Он уже не надеялся уйти живым и впал в боевую ярость берсерка, который не обращает внимания на раны, лишь бы достать противника.

Он забыл, что у него есть семья, дети, друзья, – осталась лишь всепоглощающая ярость, желание убивать и добраться до этой глумливой рожи, что мелькала в конце коридора.

Лица слились в бесформенное пятно, тело послушно следовало инстинктам – не мысли, а инстинктам. Оно знало, что надо увернуться и ударить, пропустить над собой меч и ткнуть в горло, отбить саблю и разрубить ее владельца до грудины.

Время будто остановилось. Люди казались манекенами – стояли, медленно двигались, поднимали и опускали оружие, иногда прилетала стрела, которую Андрей смахивал прямо перед своим телом. А иногда и не успевал – две стрелы торчали в ключице и мешали ему двигаться, царапая кость острыми наконечниками.

Куртка набухла от крови, время от времени его обжигал очередной удар, прилетевший откуда-то сбоку, – в такой толкотне нельзя было заметить все удары, как ни старайся. Он парировал все опасные, и самое главное – уберегая голову. Если повредят мозг – ему конец.

Из глубины коридора прилетели две сети, наподобие рыболовных утяжеленные по краям грузами. Он знал, что такие применяли стражники для захвата буйных преступников, которых хотели взять живыми. Чтобы потом публично казнить, конечно.

Андрей увернулся от одной, поднырнул под вторую, упав под ноги

солдатам. Они дружно навалились на него, рассчитывая подмять массой. Он встал, вместе с шестью здоровенными парнями, впившимися в него со всей отчаянностью и силой, выронил один из клинков и свободной рукой стал отрывать от себя и отшвыривать вцепившихся «пиявок».

Он разбрасывал их, в воздухе протыкая и разрубая клинком, и вдруг остановился, не понимая, что происходит и почему его никто не бьет. Оказалось – некому бить. Нападавшие лежали перед ним и вокруг него, глядя в потолок мертвыми глазами или постанывая в луже крови. Андрей посмотрел вдоль коридора и метрах в тридцати от себя увидел Гортуса. Тот довольно улыбался и, указывая на Андрея группе парней, внимательно разглядывающих залитого кровью, израненного врага, говорил:

– Видите, что может сделать один, всего один опытный боец, ставший оборотнем? Учитесь, бездари! Вы не верили, что мы можем захватить мир? Смотрите – вы такие же! Сильнее всех, быстрее всех, опаснее всех! Со мной вы будете делать то, что хотите, будете выше всех! Bravo, Андрей Монах! Bravo! – Гортус похлопал в ладоши и глумливо развел руками. – Но, извини, тебе придется умереть! Сегодня пришла пора испытать моих мальчиков. Ты как их встретишь – своими сабельками или перекинешься? Интереснее было бы, если бы ты стал Зверем. Им практика, а тебе... тебе же все равно, в каком виде умирать, не правда ли?

Андрей задумчиво кивнул и метнул саблю в пол. Она воткнулась в пластину паркета и осталась стоять, покачиваясь, как под порывами ветра. Стукнули о пол стрелы, выпавшие из тела в момент трансформации, обратная трансформация устранила все порезы, все проколы и рассечения.

Рядом со стрелами валялся засапожный нож, который Андрей второпях и не заметил у себя в боку. Зажили повреждения внутренних органов, полученные им во время боя. Вот только рубаха со штанами пострадали, треснули по швам, не выдержав волн трансформации, когда тело Андрея коржило, изгибалось в разных направлениях. Куртка уцелела. В карманах перекатывались цилиндрики патронов, Андрей огляделся по сторонам и с облегчением заметил неподалеку под одним из трупов свой вещмешок с пистолетами. Когда его пытались повалить – сорвали вещмешок.

Он дернул за веревку, затягивающую горловину, та не поддалась. Тогда рванул ткань, она лопнула, и тяжелая вороненая сталь оказалась в руках Андрея.

Гортус с интересом наблюдал за манипуляциями жертвы, которую он уже считал мертвой, и, увидев, что Андрей зажал в руках какие-то предметы, с насмешкой спросил:

– Ты собираешься бороться с моими ребятами этими дубинками? Глупец! Хоть сабли возьми, что ли! Тебе парами парней посылать или всех скопом?

Андрей не ответил, лишь подумал о том, что хорошо бы сейчас залечь вон там, у лестницы, с пулеметом «Корд». И тогда глумливая улыбка сразу же слетела бы с лица Гортуса. Навечно. Вместе с головой.

«Двадцать человек! – думал он. – Двадцать оборотней. Если они пойдут все сразу... Почему они пойдут? Почему не я?!»

Андрей сорвался с места и со всех ног бросился к Гортусу. Их разделяло около тридцати метров – за сколько можно пробежать это расстояние? За секунду? Две? Неизвестно. Но стартовал Андрей так, что его мышцы просто взвыли от невыносимой нагрузки.

Противник не ожидал такого резкого спурта и подарил ему секунду времени. Только через секунду Гортус крикнул:

– Убейте его!

Почему он помедлил? Кто знает... Не поверил своим глазам, не ожидал такой наглости? Решил подпустить поближе – зачем? Гортус был безумен, и обладание сущностью оборотня отнюдь не добавило ему разума. Нельзя точно сказать, какие мысли в тот момент копошились в его голове. Но факт есть факт – он подарил Андрею драгоценную секунду. И потерял жизнь.

Стая трансформировалась, когда Андрей уже подбежал на расстояние эффективного выстрела. При всей мощи этого оружия нельзя сказать, что оно было снайперским. И Андрей не мог рисковать, стреляя с расстояния в тридцать метров. Когда ты не уверен в оружии, в его точности, ты должен сделать так, чтобы расстояние, с которого стреляешь, было максимально коротким. И тут был еще один фактор – Андрей не ставил перед собой цели убить всю стаю. Ему нужно было уничтожить вожака.

Убив вожака, можно и драпать. А если нападут все оборотни сразу – ему конец. Он убьет четверых, остальные его разорвут. Значит, что? Значит – какой бы безумной ни казалась его атака, она была единственно правильным решением. Андрей всю свою жизнь выживал именно потому, что умел принять единственно правильное решение. Иногда совершенно не думая. Инстинктивно. Как сейчас.

Гортус находился уже в пяти метрах от Андрея и, видя, что тот приближается, успел перекинуться в Зверя. Но поздно.

Пуля встретила врага в прыжке, через разинутую пасть вошла в мозг и вынесла всю черепную коробку, забрызгав кровью и мозгами замешкавшихся на старте оборотней.

Труп отбросило назад, на изготовившихся в прыжке членов стаи, и те замерли, недоуменно глядя на дергающееся тело того, кто был для них больше чем отец и мать, больше чем вся родня – он был вожак! Тот, кто посылает на смерть, тот, кому принадлежала вся их жизнь, тот, с кем они были связаны узами прочнее стальных.

Пока стоя смотрела на труп вожака, Андрей мгновенно сориентировался и, ударив плечом в дверь справа, ввалился в какую-то комнату, из которой, похоже, и вышел ранее Гортус. На двери был здоровенный железный засов, который Андрей сразу задвинул, захлопнув дверь, и только тогда позволил себе осмотреться, чтобы понять, куда он попал и как отсюда выбраться.

То, что он увидел в этой комнате, заставило его вздрогнуть. Пыточная. Похоже, он отвлек Гортуса в самый приятный момент его жизни – на стене висела молодая женщина. Ее руки и ноги были разведены в стороны и притянуты к стене стальными захватами. Еще один стальной обруч держал голову. На обнаженном теле виднелись следы многочисленных пыток. У женщины был вырван глаз – на тонких нитях сосудов он висел у щеки. Следы пыток были так ужасны, что Андрей невольно отвел глаза. Несчастная была мертва. С такими повреждениями жить не может ни одно существо. Да и аура ее соответствовала ауре трупа. Серо-черная, гадкая...

В коридоре раздался дикий вой, леденящий кровь. А затем в дверь ударили с такой силой, что она затряслась и прогнулась, как фанерная, несмотря на то что изнутри была обита металлическими полосами, составляющими что-то вроде решетки. Сквозь дубовые доски пробились длинные острые когти, и толстая доска была вырвана, как будто это не выдержанный столетний дуб, а сахарное печенье, крошащееся при легком нажатии.

Хрипящая оскаленная морда сунулась в дырку и защелкала зубами как безумная. Оборотень завывал, роняя пену, и умолк, лишь когда получил жакан прямо в пасть.

– Минус два, – спокойно сказал Андрей и, переломив пистолет, вставил новые патроны. – Осталось девятнадцать.

– Минус три, – сказал он, подойдя к дыре, и, выцелив еще одного бесноватого, снес ему башку.

Оборотни прыснули в стороны. Минуты три было тихо, потом возле дыры раздался чей-то голос:

– Ты умрешь! Ты все равно умрешь. Тебе некуда деваться. Оттуда нет выхода. Нет окон. Нет дверей. Ничего нет. Стены и потолок. Мы не выпустим тебя живым. Ты ответишь за вожака. Ты умрешь!

– Что ты заладил – умрешь, умрешь! – насмешливо бросил Андрей. – Сунь сюда свою морду, и сам умрешь. Попробуй, возьми!

– Ты не сможешь без воды и еды, – глумливо захохотали за дверью. – Мы подождем, когда ты ослабеешь и потеряешь сознание! Ты запер себя в темницу, там и сдохнешь. А мы подождем, подождем... Теперь я вожак, первый инициированный. И я тебе обещаю: ты умрешь.

Андрей поискал, на что сесть, нашел табурет и уселся так, чтобы видеть дыру в двери и не видеть растерзанного тела женщины. Он был серьезен и хмур – вожак был прав. Если отсюда нет выхода, он попался. Выходить нельзя – эти твари разорвут его. Застрелить он может только четыре штуки за раз – больше перезарядиться не дадут. При всей его скорости. Победить пятнадцать оборотней не сможет, даже если перекинется в Зверя, – порвут. Их много. Бежать? Они бегают с такой же скоростью, как и он. А может, и быстрее – он был ранен, потерял энергию. Хотя он и перекинулся в Зверя и обратно, но все равно часть силы потеряна – на восстановление, например. Да и на ту же самую трансформацию. Накопилась усталость, организм сжигал ресурсы, и через несколько дней Андрей просто умрет от голода. Что делать?

Мысли возвращались к одному – все ли правильно он сделал? А если бы побежал к лестнице, пока стояла раздумывала над телом вожака? Может, у него был бы шанс? Вряд ли. Догнали бы и убили. А если бы успел выскочить наверх, Шанти все равно бы не успела подхватить. Или еще хуже – второпях ошиблась бы и врезалась в крышу. Тогда и ей конец – без чешуи она легкая добыча для Зверей. Так у него хоть есть время обдумать ситуацию. Поискать выход. Неужели и правда все так плохо? Андрей встал и пошел обследовать стены.

Комната была не очень большой, несмотря на высокие потолки, вровень с потолками в коридоре. Напоминала пенал длиной двадцать метров и шириной десять.

Стена, где висела мертвая женщина, граничила с другой комнатой и была обита тонким железом.

Стена напротив двери – глухая. Андрей постучал по ней – монолит. Вероятно, несущая стена. Толщина таких стен доходила в Балроне до полутора, а то и двух метров. Зачем? Во-первых, безопасность. Такую стену попробуй пробей, даже таран не возьмет. Дом-крепость. Во-вторых, комфорт. В жару камни неохотно нагревались, и в комнатах всегда было прохладно, как будто работал кондиционер. Строились эти стены из красного обожженного кирпича. И пробить их каким-то способом – кроме бетонобойных орудий – было невозможно. Впрочем, можно сделать

подкоп, поджечь, забросать камнями величиной с корову... бла-бла-бла... «Все это бред и фантазии, – решил Андрей. – Приземленнее надо думать и не отвлекаться на всякую хрень».

Итак, наружную стену не пробить. Пол. Что с полом? Нашел в «инструментах» молоток с пятнами и присохшими кусочками подозрительного бурого цвета. Брезгливо поморщился, чуть не бросил это орудие пыток. Но собрался с духом и стал долбить паркет, выбивая из него пластины. Снял несколько штук, дошел до перекрытия и только нацелился на то, чтобы продолжить свою разрушительную работу, как вдруг услышал:

– Эй, чудак, ты там не пол ли собрался разобрать? Не трать силы. Мы тебя там ждем с распростертыми объятиями. Лучше сам выйди, сдайся. Умрешь быстро. Возможно. А так будешь умирать долго!

За дверью заржали, потом послышались голоса, и в дыру кто-то заглянул. Андрей метнул молоток, и удачно – раздался протяжный стон и отборная ругань.

– Эй, ловкач, ты ухайдакал начальника охраны хозяина! Теперь охранники тебя тоже не любят! Лови подарочек! – В дыру сунулся арбалет, и болт, с визгом отрикошетив от металлической стены, с чавканьем вонзился в труп женщины.

– Ты живой? Ты там не умирай – мы свежатинки хотим! – Задира благоразумно скрывался за дверью, и Андрея охватило неистовое желание пальнуть прямо сквозь створку. Но он сдержался. Патроны нужны, да и, может, они нарочно провоцируют его на стрельбу. Чтобы истощить боезапас. Зарядов оставалось чуть больше тридцати штук.

Заряды, заряды... а если опробовать прострелить потолок? Стену не взять... боковые перегородки, может, и прострелил бы, но там тут же окажутся оборотни – смысл тогда какой? А какой смысл в пробивании потолка? И там они будут. Вот это влип... что, неужто пришло время умирать? Шанти с ума сойдет от горя... Шанти! «Шанти, Шанти...» – Андрей покатал имя на языке и выругал себя: нельзя втравливать девчонку. Верная погибель. Однако – заманчиво, заманчиво... поговорить с ней? Стоит упомянуть, что он в ловушке, и она тут же попрется его выручать. Или он не знает Шанти! Впрочем, в последнее время она сильно поумнела, остепенилась... ну не сильно, но остепенилась. В любом случае, стоит с ней поговорить и рассказать, что происходит. Иначе она полезет узнавать сама и может влипнуть в неприятности. А может, он подсознательно все-таки хочет, чтобы драконица его выручила? Болвана, попавшегося в ловушку? Даже если это угрожает ее жизни? Хм... наверное. Он же ее тоже выручал... тоже рисковал жизнью...

Андрей снова обругал себя – как только ощутимо запахло сырой землей могилы, куда только девались принципы! Мозг цепляется за любую возможность пожить подольше. Нет, ну а что делать? Хуже-то не будет, если он поговорит с Шанти! Или будет?

Совсем запутавшись в рассуждениях, Андрей мысленно сплюнул, попробовал связаться с драконицей и тут же получил грохочущий, яростный ответ:

– Ты какого демона перекрылся?! Ты чего молчишь, болван ты эдакий?! Я чуть на приступ не пошла, тебя выручать! Ты где? Что с тобой? Как твои дела?

– Я в ловушке. Слушай внимательно... – Андрей подробно описал все, что с ним произошло после того, как он расстался с Шанти.

Она долго молчала, потом решительно заявила:

– Я иду на приступ. Спущусь в коридор и всех этих оленей перекусаю. А еще – спалю.

– Стой! Не делай этого! Там их как грязи – сбоку высунутся, воткнут тебе копье в бок, и поминай как звали! Надо что-то другое придумать. Мне бы стену пробить или потолок...

– Легко.

– Что легко? – не понял Андрей.

– Пробить легко.

– Как?

– Обыкновенно. Прожечь. Я за пять минут такую дырку в камне прожгу – лошадь пройдет. Только вони будет, пламени – ужас!

– А сбегутся? И тогда что?

– Пусть попробуют. Спалю.

– У тебя насколько струя огня добивает?

– А я знаю? Далеко бьет. Понятия не имею, насколько далеко, не пробовала.

– Так-так... интересно-интересно... слушай, а ты можешь пустить через выход на крышу облако парализующего яда?

– Хм... поняла! Да, в коридоре все полягут. Не до стрельбы будет. А если не полягут – слезами обольются, это точно. Кроме оборотней – на них не действует. Я пробовала. Их только пламенем.

– Но они и не будут палить из луков и арбалетов, правда ведь?

– Не будут. Итак, я запускаю облако яда в коридор, потом бегу к тебе, прожигаю дыру, и ты как-то выбираешься наверх, да? Я тебя хватаю, и мы показывает им зад. Они расстроены, вопят, кидаются вслед засохшим прошлогодним дерьмом, плюются...

– Все, хватит фантазий! Так и сделаем.
– Стой! А как я узнаю, где ты находишься? Где мне прожигать-то?
– Лови картинку. Видишь? Где крестик, тут примерно я и нахожусь. По правой стороне, в шестидесяти метрах от выхода на крышу. И вот еще что – прожигай угол. Тут до потолка допрыгнуть можно, но трудно. А еще – края будут раскаленными, и мне не по нраву, если мои драгоценные руки превратятся в головешки. Чем я тогда буду тебя за гребень таскать, когда ты провинишься?

– Тьфу на тебя! – хохотнула Шанти. – Кто бы тебе еще дал таскать меня за гребень... когда он отрастет. Ладно. Все. Готовность... ноль. Пошла искать место, где ты обитаешь.

– Ты прислушивайся эмпатическим чувством, должна меня учуять. Давай, детка, на тебя весь расчет. Папочка попал в ловушку.

– Я бы сказала, куда ты попал... но не буду. Пошла. Я уже на крыше, тихо бегу. Никого вокруг нет. Валяется труп без головы... какой-то придурок затаился у каминной трубы... не тронула, бегу дальше.

– А почему не тронула?

– Воняет он. Обделался, похоже. Полны штаны дерьма, аж мимо пробегать противно. Не хочу я до него дотрагиваться. Бегу, не отвлекай... ага, где-то тут.

– Ты про облако не забудь! Вначале егопусти!

– Точно. Вот дура! Забыла. Бегу к входу. В придурка плюнула. Затих. Завтра отойдет. Или раньше. Ну и воняет он – как дохлая рыба. Мы, драконы, никогда так не воняем.

– Ага... а кого я тогда из мусорного бака вынул? Кто вонял как дохлая рыба?

– Это было давно и неправда. Я такого вообще даже не помню! А если у тебя такая память хорошая – прожигай дырку сам! Видите ли, ему запах мой не по нраву!

– Тихо, не балуйся. К делу.

– Готово! Шикарное облако, поползло! Бегу к тебе!

В коридоре за дверью кто-то закричал, забежал, слышались звуки падающих тел, потом уже знакомый Андрею голос крикнул:

– Ему кто-то помогает! Они травят нас! Быстро, тащим сюда ту штуку, скорее!

Минуты две было тихо, потом в коридоре тяжело затоптали, и на дверь обрушился тяжелый удар, она чуть не слетела с петель. Андрей подбежал к дыре, но ничего не увидел – ее заслонили чем-то вроде щита. А в дверь продолжали бить, с криканьем и гиканьем:

– Давай! Иэххх! Еще немного! Давай-давай!

В комнате запахло горелым, и в углу напротив двери обуглились шелковые обои, распространяя запах паленой ткани и помойки. Шанти немного промахнулась и попала точно между комнатами, в межкомнатную стену.

– Девочка, немного правее, ты попала между комнатами! – напряженно сказал Андрей, наблюдая за сотрясающейся дверью. – Поскорее, милая, мне сейчас оторвут причиндалы. Они притащили таран и вышибают дверь!

– Сейчас! Не мешай! Стараюсь как могу!

Шанти и вправду старалась изо всех сил. Потолок стек белыми светящимися каплями на паркет, отчего в том образовалась чадящая черная дыра. Комната утонула в удушливых клубах дыма, и Андрей закашлялся, но старался не потерять из виду разбиваемую дверь. Занялись обои по всей комнате, раскалился металл, которым была обита стена с мертвой женщиной на ней, запахло горелым мясом и кровью.

Наружная стена комнаты рухнула одновременно с дверью.

Андрей разрядил пистолеты в морды появившихся в проеме оборотней – попал или нет, неизвестно. Вероятно, попал, потому что те заверещали, завyli и на пару секунд подались назад. Он крикнул Шанти:

– Лови меня влет! – И, разогнавшись, выпрыгнул в дыру, надеясь, что драконица его подхватит.

Ну если нет – в любом случае, приземлиться с высоты третьего этажа земной пятиэтажки не так уж и смертельно. А вот получить толпу оборотней на многострадальное тело – это как раз может быть фатально.

Успела.

Шанти подхватила Андрея почти у самой земли, с руганью и криками:

– Ты что?! Предупреждать же надо! Я тебе не птичка! Во мне массы как в табуне лошадей, ты соображаешь?!

В пробитую стенную дыру сунулись, завывая и клацая зубами, оборотни, а снизу в парочку друзей полетели стрелы – одна чуть не воткнулась в зад Андрею, пробороздив глубокую рану на внешней стороне бедра.

– Валим отсюда, скорее! Эти твари чуть не насадили меня как на вертел!

– Меня тоже! – яростно крикнула Шанти. – Сейчас я им!.. Ну держитесь! – Она сделала разворот и, не обращая внимания на ругань Андрея, требующего лететь как можно дальше и быстрее из этого вертепа, направилась к особняку, поливая все, что было перед ней, струей синего

пламени, напоминающего по цвету пламя газовой горелки.

Перегретая плазма мгновенно зажигала одежду на людях, они полыхали как факелы, с дикими криками разбегались в стороны, и через несколько секунд во дворе с этой стороны здания не осталось ничего живого. Лишь полыхали трупы да весело горели подстриженные в виде причудливых фигур кусты. Один из них, как заметил Андрей, изображал дракона, и ему в голову пришла мысль о прихотливости вывертов судьбы.

Но Шанти не ограничилась такой «мелкой» местью. Она подлетела к пробитой в стене дыре, зависла, хлопая крыльями, и дотла выжгла комнату, похоронив несчастную жертву вместе с ее палачами.

В синем пламени мгновенно погибла стая Гортуса – вряд ли кто из них выжил в этой доменной печи, устроенной разгневанной драконицей. Шанти висела в воздухе и поливала струей «напалма» усадьбу Гортуса до тех пор, пока языки пламени не стали вырываться из всех окон.

Наконец-то удовлетворившись местью, Шанти тяжело полетела в сторону порта, где можно было приземлиться, не цепляя крыльями за соседние дома.

Подходящая площадка нашлась возле воды. Шанти вначале выпустила Андрея, благополучно приземлившегося на ноги и не потерявшего равновесия, потом совершила посадку сама, пропахав в прибрежной гальке длинную полосу и врезавшись носом в полуразбитую шляпку, вросшую в берег.

Андрей подбежал к Шанти и обнаружил в крыльях драконицы три стрелы – одна вошла глубоко под правое крыло, возможно задев легкое, две другие торчали в левом крыле, пробив трубчатую кость.

– Только не надо говорить: «Я же говорил!» – простонала Шанти. – Лечи скорее! Больно до ужаса!

Андрей аккуратно, стараясь не обломить наконечник, вырвал стрелу из легкого Шанти и, остановив хлынувшую кровь, начал ее лечить. Рана затянулась минут через десять, Шанти задышала свободно, как и раньше, перестав хрипеть и булькать кровью. Две другие стрелы не представляли никакой опасности и после извлечения были подвергнуты надругательству в виде топтания драконьими лапами и мочеиспускания на их обломки.

– Только не говори, что я невоспитанная! Я терпела до последней возможности, – проворчала Шанти и без сил рухнула, отойдя всего на три шага. – Как я устала, ты бы знал!

Андрей подошел к уродливой здоровенной морде, распростершейся на берегу, встал на колени и, обняв ее руками, поцеловал прямо в чешуйчатый нос.

– Спасибо, сестренка!

– Эй-эй! Что за нежности! – буркнула довольная Шанти. – Мы с тобой брат с сестрой, а не любовники! Оставь свой пыл для Анты! Ну что, братишка, мы с тобой молодцы?

– Молодцы, – подтвердил Андрей и плюхнулся рядом, раскинув руки и глядя в сереющее предутреннее небо. – Честно говоря, уже прощался с жизнью. Сам не верю, что мы выбрались. А народу сколько перебили! Что там говорит твоя совесть насчет невинных, перебитых нами охранников?

– Она говорит – да и хрен с ними! Надо думать, кому служишь. Работа их такая была – защищать подонка. Кто виноват, что они оказались не в том месте не в то время?

– Ага... точно, – сонно подтвердил Андрей. – Ну что, пойдём домой?

– К купцу, что ли? Да ну его, а? Полетели сразу домой, в Анкарру?

– А поесть? А одеться?

– Да плевать. Ты одетый, а меня, если что, сунешь в карман. Полетели? Что нас держит? Вещи почти все тут. Красное платье, что ты мне купил, – пусть его купец надевает и торгует прямо в нем. Весь город сбегится посмотреть. – Шанти хихикнула, помолчала и уже серьезно спросила: – Как думаешь, мы остановили гражданскую войну? Все закончилось?

– Думаю, остановили, – вздохнул Андрей. – Предводителя нет, деньги армии платить некому – они разбегутся. Вот только...

– Что? Что тебя беспокоит?

– Гражданской войны не будет, но войско, что он тут собрал, ни черта просто так домой не вернется. Начнутся грабежи, начнутся междоусобицы. Нам все равно придется сюда прийти и навести порядок. Это же наш Балрон, а не чужая страна. Люди, живущие тут, имеют право на спокойную жизнь. Но это потом. Когда закончится сезон дождей. Правда, полетели домой, что ли? Ты отдохнула?

– Ага... могу лететь. По дороге поохотимся, переведем дух где-нибудь у речки, отмоем тебя... ты бы видел свою физиономию – ужас просто! Демон!

– Ты бы себя видала! – хмыкнул Андрей и тяжело поднялся на ноги. – Летающий демон! Давай поднимайся, пора домой. Наши там небось уже с ума сошли, нас ожидаючи.

Глава 9

– Господи, я ведь тогда чуть не померла от страха за тебя! – Антана прижалась к боку Андрея, забросив на мужа обнаженную ногу и крепко обняв за шею. – Хотела уж бежать за тобой, искать!

– Только этого не хватало, – ответил Андрей, улыбаясь в темноте спальни. – Одну замучился выручать, и другую пришлось бы.

– Кстати! – Антана приподняла голову. – А Шанти мне рассказывала, что она тебя выручала... Что, врет?

– Хм... я ее выручал, и она меня выручала, и мы оба выручали друг друга, – вывернулся Андрей. – Нормально все. Повыручали и прилетели. Делов-то...

– М-да... оба тощие, как будто вас два месяца голодом морили. Даже сейчас еще худой, как узловатый вяз. Шанти мне много чего порассказала... а ты вот молчишь. Почему? Она в курсе всех твоих дел, всегда с тобой, а я... Ты мне не доверяешь? Думаешь, что я дура? Что не смогу тебе помочь? – Антана обиженно надула губы и слегка отодвинулась от Андрея.

– Ты не дура. Дуру бы я не полюбил. Дуры годятся только для постели. Да и то... Ты – моя любимая, мать моего ребенка. А еще – императрица большого государства, в котором живут сотни тысяч людей. И ты не имеешь права подвергать их опасности, оставляя государство без контроля. Случись что со мной – есть ты, которая продолжит мое дело. Ты в курсе всех дел, я не скрываю от тебя никакую информацию. Ты учишься быть императрицей и хорошо справляешься со своим делом. И тебе нет нужды участвовать в операциях, которые могут закончиться твоей гибелью. Даже ради спасения Шанти. Даже ради моего спасения. Я запрещаю тебе это делать и впредь!

– А как ты мне можешь запретить, – хихикнула Антана, – я твоя императрица, самодержица. Ничего ты мне не можешь запретить. А я могу тебе приказывать все что угодно!

– Начинай, – усмехнулся Андрей.

– Целуй меня! Ну-ка, крепче! Ага, вот так... еще... ага... ох как я соскучилась... бродишь вечно непонятно где, а я – жди. Чего остановился-то? Неужто кого-нибудь нашел в своих героических поездках? Другую женщину?! Нет? Докажи... Ну-ка, доказывай как следует... вот та-а-ак... сильнее, сильнее... ну! Вот! Хорошо...

– Докладывай, Энар. Что сделано за эти два месяца?
– Многое, но не все. Вы же в курсе, господин советник? Мне еще раз все пересказать?

– Перескажи. То, что я, как на работу, ездил на завод, ничего не значит. Мне нужно обобщить сделанное. Итак, что сделано?

– Пять пушек. К каждой по сотне снарядов с болванками. Производство взрывчатки пока стоит на месте. Не можем пока добиться производства чистого толуола. Возможно, сегодня-завтра что-нибудь получится.

– Почему сегодня-завтра?

– Сделали хорошие термометры, кроме того, вчера ночью пришел корабль с нефтью. Кстати, забыл вам сказать – один корабль потерян из-за пиратов. Этот прошел чудом. Капитан очень опытный, а еще судно имеет малую осадку и ушло по мелям. Иначе бы...

Андрей скривил губы. Пираты в последнее время были его главной проблемой – время от времени пропадали суда, на которых везли нужные ему грузы. Через Данеро он забирал свой же груз, который пираты привозили на продажу, но каждый раз его просто корежило от того, что он вынужден финансировать разбойников. Киноварь, нефть, серный колчедан, сера – все могло просто пропасть. Зачем пиратам эти объемистые и дешевые грузы, сбыть которые практически невозможно? И пропадали грузы. Их вульгарно выбрасывали в море, и все. Это же не золото... А империи они были совершенно необходимы – рядом с оружейным заводом уже стоял химический завод, на котором производили серную и азотную кислоту, порох, пытались разделить на фракции каменноугольную смолу и нефть. Тут же были построены печи литейщиков, и через стену – прокатные станы, уже выдающие продукцию – листы металла и бесшовные трубы. Немного, но пока достаточно для нужд производства. Паровые машины для обеспечения энергией заводские цеха должны были вступить в строй на этой неделе.

Самую первую паровую машину поставили на деревянный корабль, ранее принадлежавший береговой страже. По размеру он соответствовал земной трехмачтовой шхуне, которой в общем-то и являлся. Только на палубе у него стояли две баллисты, а борта были высоко подняты и обшиты дубовыми досками – для защиты от лучников. Корабль назывался «Акула». Андрею понравилось это название, и он распорядился поставить судно на переделку. Сейчас корабль был практически готов, ожидал ходовых испытаний, а еще – установки на его палубу орудий. Мачты убирать не

стали – на всякий случай, вдруг машина не будет работать как следует. Подготовили помещения для абордажной группы, погреба для снарядов, отсек для угля – в общем, все, что нужно кораблю для счастливого плавания. И войны. Самое главное – корабль обшили броней. Броневыми листами. Весь. Его не могла пробить ни стрела, ни дротик, который метнут из катапульты. Он не сгорит, если на него забросят горшки с «демонским огнем» – смесью нефти и фосфора. Если, конечно, они не попадут в пороховой погреб... то бишь оружейный. Тогда конец. Но кто бы позволил врагу приблизиться на расстояние выстрела из катапульты?

– Сделана очередная партия штуцеров и снайперских винтовок. Кстати, сегодня доставили первые прицелы со стеклянными линзами, как вы и показали. Это сказка! – Энар прищелкнул языком. – Приближает – как будто рядом стоишь! И почему никто до сих пор до этого не додумался? Непонятно. Это же очевидно – несколько линз, и все далекое стало близким! Есть пять приборов для винтовок и два прибора для капитанов, как вы их называли – бинокли. Получилось отлично. Сделали три винтовки по особому вашему распоряжению – крупнокалиберные, и патроны для них – с усиленным зарядом пороха и стальным сердечником. С ними, правда, пришлось повозиться. Пушки уже установили на «Акулу». Сегодня утром. На турели, как вы и сказали. Вращаются вокруг оси. Две штуки – на нос и на корму. Отстреляли по два снаряда – все работает хорошо. Ну что еще... все идет так, как вы хотели, господин Андрей! Работаем в три смены, без выходных.

– Как себя чувствуют рабочие в таких условиях?

– Дома им дали, деньги платят, трактиры в городе работают – чего им еще надо? Жрут, пьют. Безобразничают. Как вы и сказали – мы завели свою заводскую стражу. И тюрьма своя есть. Если что-то серьезное – будем отправлять к вам на суд. А дебоширов порем, сажаем в камеры. Так-то пока ничего серьезного не было. В Оружейном городе тихо, чисто, благостно. Церковь открыли – люди ходят туда, молятся, довольны. Школа еще не готова, строится. Забавно – теперь желающие работать на нашем заводе стоят в очереди, пороги обивают, чтобы их взяли. Нравится жалование, условия – и дом хотят. Как вы и сказали – дом тем, кто будет работать на заводе. Уходят – дом освобождают. Все это знают. Но пока никто не ушел. А может, холостым рабочим не будем давать дом? Зачем им?

– Затем, что они приведут жену, нарожают детей, которые будут работать на заводе. Я же тебе уже говорил.

– Деньги. На все это нужны деньги. Размах велик, средств не хватает. Все ухнуло, как в сортирную дыру. Я сам не ожидал, что так много уйдет.

Нужно еще по крайней мере двадцать миллионов на ближайший месяц. Я вам представляю отчет за каждый медяк – мы с братом ничего себе не взяли, кроме жалованья. Да и то почти не тратим – хватает питания, которое дает завод.

– Как Акур? Не спятил еще?

– Нет! – рассмеялся Энар. – Очень даже здоров и весел, я заставляю его бегать вокруг завода, драться на саблях с телохранителями, питаться как следует. Только злится очень. Ему не нравится, что даже в сортир он ходит с четырьмя солдатами, держащими оружие на взводе. Говорит – ничего из себя выдавить не может, когда рядом сопят четыре здоровенных рыла.

– Пусть терпит, – улыбнулся Андрей. – Он слишком нам дорог, чтобы допустить даже случайную его гибель. И болеть ему нельзя.

– Господин советник... – нерешительно начал Энар. – А куда мы так торопимся? Сезон дождей к концу, да, но ведь Гортуса уже нет? Это же вы его убили, так? Мне рассказали беженцы из Орнига. Все говорят, что там появился советник императрицы, на крыльях, огнедышащий, и сжег Гортуса вместе с его приспешниками. Конечно, насчет огнедышащего – это бред, но то, что по рукам ходят наши гильзы к крупнокалиберному пистолету «Орел», с которым справляются только немногие, в том числе и вы, наводит на мысль о том, что не все в словах этих несчастных вранье. Это вы уничтожили Гортуса. Не говорите ничего, я понимаю – государственная тайна. Но все же: зачем нам торопиться? Зачем мы не спим ночами и делаем оружие? Гортуса ведь нет...

Андрей посмотрел в простодушное лицо директора завода и прикинул, что проще – послать его по известному адресу или же что-то ему рассказать? Если рассказать, то что? И зачем? Впрочем, если не доверять своему ближайшему подручному – кому доверять? И еще – его никто не заставляет говорить всю правду...

– Во-первых, нам нужно послать корпус на юг, в Орниг. Тебе беженцы что рассказали о той местности? О городе? Как там люди живут?

– Плохо живут, – пожал плечами Энар. – Разве бы они оттуда бежали, если бы жили хорошо? После того как убили Гортуса, его армия разбежалась – кто-то ушел домой, но многие сбились в отряды, банды, и начались грабежи. Начальник охраны Гортуса с большим отрядом захватил одно из поместий хозяина, объявил себя графом и теперь терроризирует соседей. Война идет. Впрочем, вижу, вы все это и без меня знаете. Так что, готовимся к походу на юг?

– У нас три основные проблемы: мятежный юг, пираты, которые уже

на шею всем сели, и... Славия. Ты не забыл, что за спиной у нас огромное государство, которое только и ждет, чтобы всадить в нас нож? А кроме того – драконы. Четвертая проблема. Да-да, не делай удивленные глаза, драконы. Я же тебе про них рассказывал. Ты думаешь – шутил, что ли? Три оставшиеся пушки ставь на турели, и пусть охрана круглосуточно несет службу! Снаряды с картечью. Болванкой можно промахнуться. В любой момент может быть атака драконов! И давай скорее налаживай с толуолом – нам взрывчатка нужна как воздух! Только учти, толуол штука очень ядовитая, пары его – чистая отравка. Надышишься – умрешь. Все умрут, кто не будет осторожен. Чтобы без вытяжки никто не работал, слышишь? И тем, кто работает с ядами, – двойная оплата.

– Они и так много получают, – попробовал возразить Энар, – и еще двойную оплату?!

– Двойную. И этого еще мало... опасная вещь. Береги и химиков и рабочих. Пусть работают при включенной вытяжке и в перчатках. И наказывай, штрафуй за несоблюдение техники безопасности. И вот еще что – к тебе придет госпожа Шанти, проведи ее по цехам, покажи рабочих. На склады с порохом и горючими материалами пускай только проверенных ею людей. Представляешь, если кто-то бросит факел в склад с порохом? Кстати, склад надо вынести подальше от основных цехов и поставить сильную охрану. Штуцерников. И склад снарядов – тоже. Я пришлю к тебе охрану. Пушек, пушек давай! Больше давай! Что такое пять пушек? Смех один!

– Не все сразу, – хмыкнул Энар, уйдя в свои мысли. – На подходе еще десять. К концу недели доделаем. Медленно идет, но мы же должны выдержать стандарт? Вымеряем все до мелочей, чуть не точно сделали – будет заедать затвор! Ствол скривим – его может и разорвать... как в прошлый раз. Чуть пушкарей не прибило. Эти-то пушки отстреляли нормально, а вот первые...

– Когда оптику для пушек сделаете?

– Не знаю, – покачал головой Энар. – Это посложнее биноклей будет. Но сделаем. Времени не хватает. Мы беремся за все сразу и пытаемся объять необъятное. Мы захлебываемся в заказах – и то надо, и это надо. Вы как будто мчитесь на лихом скакуне – пришпориваете, только брызги летят! Люди не привыкли так работать. Ворчат.

– Нечего ворчать, – тяжело сказал Андрей, подняв глаза на Энара. – Кому не нравится – гони прочь. Они получают хорошее жалованье, им гарантирована спокойная старость – по договору с заводом. Какого демона им ворчать? Вон всех недовольных!

– Нет, так-то они работают, – поспешил заверить Энар, – только удивляются... И еще, господин советник, шкурный вопрос... У моего отца, как и у вас, ведь был пай? Как теперь обстоит дело? Не подумайте чего плохого, просто хочу уяснить, какое место я занимаю в этом мире.

– Место? – усмехнулся Андрей. – Место очень важное. Очень. Не зря я и к тебе приставил четырех телохранителей. Теперь ты навсегда государственный человек. У тебя будет хорошая пенсия, тебе выплачивается жалованье не ниже, чем у бургомистра, не зря ведь? Кстати, могу попросить императрицу, и тебя за особые заслуги пожалуют наследственным титулом дворянина и воинским чином, например – генеральским. Статус директора оружейного завода как раз соответствует генеральскому. Хочешь? Тогда тебе пойдет еще и жалованье за звание. И будет даровано небольшое поместье. Как и твоему двоюродному брату, кстати. Впрочем, его, скорее всего, это мало интересует. Что касается доли... понимаешь, какое дело... мы с твоим отцом подписали договор, что каждый будет получать пропорционально вложенным средствам. Деньгами то есть. И от прибыли. Прибыли у нас нет и непонятно когда будет. Завод фактически уже давно государственная собственность, принадлежит императорской семье. Ты же понимаешь, что есть разница между отцовской мастерской и заводским комплексом, в который вложены десятки миллионов золотых. Тебе будет компенсирована стоимость мастерской отца – по высшей ставке, какая только может быть. Плюс еще такая же сумма премиальных. И как я уже сказал – поместье и титул. Надеюсь, что тебе этого достаточно.

– Да я и не претендовал ни на что! – махнул рукой Энар. – Просто надо понять, кто я, в каком статусе на заводе и в жизни. Спасибо, что позаботились обо мне. Приму все с благодарностью. Забавно, сын механика – дворянин. А какое дворянское звание мне дадите?

– Придумаем что-нибудь, – улыбнулся Андрей. – Ты на верфь со мной поедешь? Завтра утром спускаем «Акулу» на воду. Будут ходовые испытания. И постреляем, кстати. Пройдемся – может, пиратов прихватим.

– Нет. Как ни жаль – дел по горло. Я пошлю на испытания двух механиков, которые занимались постройкой и установкой машины. И двух пушкарей, чтобы учили ваших солдат стрелять. Мы с Акуром будем заниматься другими делами. Жаль, очень жаль.

– Как знаешь, – кивнул Андрей. – Тебе на заводе что-то требуется? Продукты? Материалы? Еще что-то?

– Не заморачивайтесь с этим, господин советник. Все, что требуется, – это деньги. Нужно закупать сырье, платить жалованье. Кстати, цены на

металл выросли. Что-то надо делать с этими рудокопами. Последние караваны пришли по цене в полтора раза выше.

– Почему? В чем проблема?

– Говорят – вот так получилось. Мол, трудно стало работать, и бла-бла-бла. На мой взгляд – как только увеличился спрос, они подняли цену. С этим надо что-то делать.

– Сделаю, – спокойно сказал Андрей, но от его безмятежности у Энара побежали мурашки – лицо советника было жестким и холодным, как лед на горных вершинах. Зря рудознатцы решили поживиться на проблемах государства, ох зря. Теперь головы полетят.

– Господин советник, вы надолго заморозили постройку цельнометаллического судна? Будете вообще его строить?

– Будем. Но позже. Вначале спустим на воду «Акулу» и еще пару хищников, а уж потом...

– Тут такая штука... вы нам показали, как сделать один мотор... так вот, Акур его почти сделал. Осталось довести до ума, и... может, его поставить на новый корабль?

– Не отвлекайтесь от дела! – рассердился Андрей. – У нас нет топлива для дизеля! Нужно строить ректификационную колонну, нужно... в общем, выбросьте из головы. Займитесь пока тем, что есть. Потом когда-нибудь.

– Но мы все равно будем разделять нефть на фракции, так почему не...

– Я тебе сказал. Хотите – в свободное время делайте. Если оно у вас есть. Но чтобы то, что я заказал, было сделано. Не злите меня! Вы хоть прокатные станы наладьте как следует – производительность очень низка.

– Так все вручную, – насупился Энар. – Мы и так в кратчайшие сроки и печи сложили, и валки отковали! Ночи не спали! Зря обижаете, господин советник. Все, что можно, мы из станов выжимаем. – Он уткнулся глазами в пол и засопел.

– Не обижайся, – примирительно сказал Андрей. – Я нервничаю, мне нужны пушки, а все как будто застыло... не терпится получить оружие. Я чувствую, как над нами сгущаются тучи, всей душой чувствую угрозу – и мне хочется поскорее подготовиться...

– А хотите подарок? – просиял Энар. – Пойдемте, я вам покажу, что сделал Акур. И всего за два с небольшим месяца! Ну не гений ли? Глядите! – Энар сорвал покрывало с некоего сооружения в углу, и Андрей опешил – на него смотрела копия пулемета «максим». – Глядите, вот сюда направляются патроны, а вот тут взводится. И пока нажимаешь вот тут – он стреляет! Мы думали, как сделать, чтобы не перегревался ствол, и придумали! Вот сюда наливать воду, и он будет охлаждаться!

Единственное, что беспокоит, – большой расход патронов. Но если стрелять по идущему на нас войску, построенному, как обычно, в каре, – многие из них попадут в цель. Ну как вам? Мы назвали его «акур»! Как брата!

– Его называют «максим», – бесцветно сказал Андрей, глядя в жерло крупнокалиберного монстра. – Вы сделали его под винтовочные патроны?

– Ну да... не организовывать же для него отдельное производство патронов, правильно? Пятнадцатимиллиметровые патроны, как у снайперских винтовок. Мы эти патроны сейчас печем как пирожки. Много народу работает, прессы сделали, станки. Пороха хватает – химики колдуют вовсю. Так что патроны будут.

– Лента на сколько патронов?

– Лента? А! Ну да, верно, лента – на триста патронов. Мы ее как кольчугу сделали, из звеньев. Потом ее снова набить патронами, и все. Лент есть десять штук. Все уже набиты. Как вы сказали? «Максим»? А где его так называют? Разве такие уже есть? Акур очень расстроится. Вы ему показывали эскизы, но там были другие конструкции... Он подумал – а почему бы не вставить патроны вот в такую полоску, чтобы по мере расхода они сами уходили в патронник. Это какая будет скорострельность! Восторг один!

Андрей смотрел на счастливого изобретателя и думал: «Что я творю? В средневековый мир, который всегда в состоянии войны, я принес страшное оружие. И вот что получилось – безумный гений изобрел еще более страшное оружие, обладая которым армия будет непобедима!»

Он вспомнил, как читал о том, что пятьдесят англичан в течение полутора часов сдерживали наступление целой армии туземцев в Африке. У них были винтовки и четыре «максима». Армия отступила. На поле битвы насчитали три тысячи трупов! Три тысячи... за полтора часа. Это ли не производительность? Смерть была счастлива, собрав такой урожай. Теперь Андрей и его армия самая могучая сила в этом мире. Пока оружие, его секреты не расползлись по всему свету...

А они непременно расползутся, и тогда... тогда будет то же, что на Земле, – смерть, страшные войны, сотни тысяч и миллионы трупов. Надо ли это? И тут же ответил себе: ничего в мире не делается без трупов. И хорошо, что оружие в его руках, а не в руках тех же исчадий. Та же палка может служить орудием труда, а можно треснуть ею по голове книгочея – чем палка виновата? Ну давайте запретим палки! Ведь они опасны!

Так и оружие – в правильных руках это средство сдерживания Зла. Ну а в неправильных...

– Энар! – прервал Андрей бурную речь инженера. – Сколько таких пулеметов вы можете сделать... ну к примеру... за месяц?

– Десять, – с готовностью откликнулся Энар. – Понимаете, их производство ручное, и приходится каждую деталь доводить до ума. Потому медленно идет дело.

– Энар, слушай меня внимательно, – жестко сказал Андрей, и Энару показалось, что странные желтые глаза советника засветились. – Первое: мне нужно максимальное количество этих пулеметов как можно быстрее. Второе: если я узнаю, что кто-то передал на сторону секреты производства оружия – любого, даже простого патрона, – он умрет. Обеспечь охрану секретов. К тебе, как я уже сказал, придет госпожа Шанти, возможно, с госпожой Олрой – ты им все расскажешь и покажешь и сделаешь в отношении безопасности то, что они скажут. Если они укажут на кого-то, прикажут в него стрелять – ты берешь пистолет и стреляешь. Понял?

– Понял... – растерянно сказал Энар. – Я как-то не думал об этом...

– Тебе не надо об *этом* думать. Тебе надо думать об изобретениях. А еще – о том, как организовать производство. Кстати, замов себе подобрал?

– Да. Дельные ребята, половина из них еще у отца работала.

– Прежде чем допустить к секретам – пусть их посмотрит Шанти. Если она даст «добро», тогда возьмешь. Будь осторожнее, считай, что мы в состоянии войны. И дай мне пулеметы!

– Дам. Один сегодня же доставят на «Акулу», второй завтра утром, его доделывают...

– Нет! Один на «Акулу», второй на вышку охраны, чтобы прикрывал воздух и территорию завода. Обучи обращаться с ним охранников, которые завтра к тебе придут. И делай, делай еще! Порадовал ты меня, ох как порадовал! Быть тебе бароном! Барон Энар – тебе нравится?

– Нравится! – просиял парень.

Андрей усмехнулся – как мало человеку нужно! Вот ему лично плевать на все эти титулы и звания, а человек от счастья чуть в штаны не написал. Ну какая ему разница, как его называют? Да директор оружейного завода в сто раз круче, чем какой-то заштатный баронишка!

Направившись было к двери, Андрей вдруг остановился.

– Я тебе сказал привезти мне усиленную винтовку и патроны или забыл?

– Сейчас распоряжусь, – кивнул Энар.

– Все в сборе, – удовлетворенно сказал Андрей и осмотрел присутствующих. – У нас прямо-таки женский коллектив. Один я мужчина,

как одинокий дуб на перекрестке дорог. Итак, тема все та же – где нам добыть деньги на дальнейшее строительство завода и на все прочее. Какие будут предложения? Кто первый начнет?

– Пусть Антана начинает, – хмыкнула Шанти. – Она самодержица, так что пусть и отдувается.

– А чего я-то? Вы с Олрой там чего-то решали – я подписала? Подписала. Вот и отвалите от меня! Мне ребенком заниматься надо. И думать, как мужа ублажить. Кстати, когда мы оформим отношения, мой дорогой? Сколько мы еще будем бегать из комнаты в комнату, как любовники? Коими мы на самом деле и являемся. Официально ты муж Олры. Олра, вы когда с ним планируете развестись?

– Когда с патриархом решим вопрос, – нахмурилась Олра. – Этот козел не желает разводить, пакостит. Вражина та еще. Грохнуть бы его...

– Это дурное влияние Шанти, – хмыкнул Андрей. – Ей бы только голову кому-нибудь оторвать. Элегантнее надо работать.

– А чего я, чего я?! – возмущенно завопила Шанти. – А она верно говорит! Грохнуть его, и все! Я бы давно этому козлу башку оторвала, если бы не ты! Чего ты его прикрываешь-то? На кой черт он нужен?

– Нет. Мы не можем так поступить, – жестко сказал Андрей. – Да, он нам мешает. Но я уже сказал вам, как надо сделать. Шанти, Олра, вам было поручено разобраться с патриархом. Что накопили?

– Да уж накопили, – довольно хмыкнула Шанти. – Вполне хватит, чтобы свалить негодяя. Но, может, все-таки башку оторвем?

– Рассказывай, что и как.

– Вот документы, они доказывают, что патриарх шалит с несовершеннолетними девочками в борделе Данеро. – Шанти положила бумаги на стол перед Андреем. – Это показания девочек, заверены понятыми-стряпчими и судьей. Кроме того, есть сведения, что патриарх использует пожертвования паствы в личных целях. Ему через подставных лиц принадлежат магазины во многих городах. Он торгует продуктами, тканью, коврами. Налогов не платит, так как лавки оформлены на церковь, мол, они торгуют церковной утварью. На самом деле они торгуют другими товарами, деньги идут в его карман. Кроме того, есть информация, что он пытается наложить лапу на торговлю металлом, через своих людей перезаключает договоры с поставщиками.

– Так это он?! – Андрей в сердцах стукнул кулаком по столу. – Тварь какая! Цены на металл поднялись в полтора раза. Я собираюсь монополизировать добычу металла. Хватит уже таскать из нашей земли всем кому не лень.

– А земли, принадлежащие частникам? Их ты как заставишь не добывать металл? Они на своей земле имеют право делать все, что хотят, – резонно заметила Антана. – Если их зажать, могут начаться бунты.

– Подумать надо, – кивнул Андрей. – Запретить разработки мы не можем, а вот запретить торговлю слитками металлов – запросто. Всю продажу металлов надо брать в свои руки. Олра, займись. Разработай правила, по которым мы монополизировать торговлю металлами. Кстати, как у тебя дела с казино? Люди ходят?

– Пока осторожничают. Но первые уже пошли. Думаю, дальше больше будет. Я сделала все, как ты сказал. Денег вбухали уйму. Обрадую – хороший доход с виноделия. Монополия государства на вино – великое дело. Деньги в казну идут. Но... пока что не в том объеме, как мы планировали. Укрывают производство. Кроме того, возят из частных поместий с юга. Юг надо прижимать.

– Возят? Значит, надо ставить заслоны на дорогах! Поговорю с Федором, поставим заслоны – перекроем поступление. Местных тоже прижмем – на всех воротах проверки, никуда не денутся. Шанти, как вы добились того, что судья зафиксировал шалости патриарха? Каким образом?

– Запросто. Этот Данеро давно собирает информацию о всех клиентах борделей. Есть у него один особо тайный бордель, в его поместье. Так вот, там стоят зеркала, очень дорогие штучки...

– Дай догадаюсь, – ухмыльнулся Андрей. – За ними комнаты, за этими зеркалами, и сквозь них можно смотреть на то, что делается в комнате?

– Точно. Мы сидели на стульях и смотрели, как патриарх ползает по полу, а девки водят его на цепочке, как собаку. Он им лизал ноги... ну и всяко разно. Девочек аж пять штук. Наш блюститель нравственности, как видно, не привык скупиться на свои развлечения. Даже судья был в шоке. Кстати, о нем тоже поговаривают, что у него руки шаловливые насчет денег. Но судья хотя бы нам лоялен. На него есть хорошее досье, в случае чего прижмем его запросто. Я собираю информацию на всех высокопоставленных чиновников и аристократов. Если бы ты знал, как они себя ведут...

– Да знаю я, – досадливо отмахнулся Андрей, – не первый день на свете живу. Пока они лояльны императрице – пусть хоть лают по-собачьи, хоть дерьмо жрут на обед и ужин. Если узнаешь, что они строят козни государству, – вот тогда мы их и прихватим. Все воруют, все берут взятки – для того они и пришли к власти. Но если начнут зарываться или подкапываться под трон – голову долой. Патриарха нужно убирать. И так

убирать, чтобы другим острастка была. Вот тебе и ответ – почему я его не убрал раньше. Надо так вывозить его в дерьме, чтобы никто не мог сказать, что он пострадал невинно, что он жертва трона. Чтобы ни одна сука за него не поднялась! Анта, потом позовешь Зорана – подготовьте указ о том, что патриарх государственный преступник и растлитель малолетних. Зиртону прикажите его арестовать. Пусть возьмет с собой не менее роты штуцерников – у патриарха сильная охрана, я узнавал. Вот грохнули бы мы его, и что? Мертвый он жертва, святой. С его именем можно поднять народ против императрицы, уничтожающей святых, праведников. Каковым он сразу станет после смерти. А сейчас он кто? Ворюга, государственный преступник, негодяй, растлитель! В газету большую статью, и срочно. Итак, вот нам и деньги – патриарх все-таки попал на кол. Говорил я ему... Слишком он о себе возомнил, поставил себя над государством. Кто завтра со мной на испытания корабля поедет?

– Ты так и не сказал, когда мы с тобой поженимся. – Антана мягко улыбнулась и подмигнула. – Хочу спать с мужем, а не с любовником.

– Как патриарха уберем, поставим нового, так и займемся семейными делами. Разведусь с Олрой. Через неделю женюсь на тебе. Устроим пир на весь мир. Кстати, время от времени надо давать балы. Официально ты уже должна окрепнуть после родов, так что надо налаживать контакт с дворянством.

– Это верно, – заметила поскучевшая Олра, – меня уже не раз спрашивали, не гнушается ли императрица общества аристократов. Намекали, что, возможно, она просто выскочка и не умет себя вести в обществе. А я вам скажу – нельзя пренебрегать этими людьми. Они мстительны, они злопамятны и через какое-то время, объединившись, решат, что пора бы и поменять императрицу на более правильного императора. И герцог Монах, говорят, гнушается их общества, тоже выскочка. После того как вы поженитесь, нужно обязательно принимать аристократов, прикармливать их. Этим вы избежите лишних междоусобиц и гражданской войны. Опора на простой народ – это, конечно, хорошо, но среди аристократов много умных и высокообразованных людей. Вы упускаете возможность привлечь их в свой лагерь. А если они не в вашем лагере, то, возможно, будут в чужом.

– Ну и башку им свернем, – усмехнулась Шанти, – всем свернем! Андрей рассказывал – в его мире всех аристократов уничтожили. И что? Выжили же.

– Одних уничтожили – других создали, – уточнил Андрей. – Ты права, Олра. Абсолютно. Учту. Ну что же, давайте расходиться. Как там Марго,

Олра? Я ее совсем и не вижу. Не болеет? Если что, сразу беги ко мне. Будем лечить. Никаких лекарей. Кстати, что там с постройкой больницы?

– Ну что... строят. Медленно только. Деньги нужны, – пожала плечами женщина. – А еще нужны нормальные лекари. Ищем. Анта разослала всем градоначальникам приказ найти хороших лекарей и доставить в столицу. Отберем приличных, остальных отпустим. Только мне кажется, они все придурки, как те, что мне кровь пускали. Их учить еще надо, как лечить людей. А кто будет учить, если все такие, как они? Ты будешь учить? У тебя нет времени. Кто же тогда?

– Не знаю, – признался Андрей. – Надо подумать. Не знаю. Если что-то надумаете – скажите мне. Обсудим. Ну все, разбежались. – Андрей встал, подал руку Антане, та тоже встала, и они вышли из комнаты.

Олра и Шанти проводили их задумчивыми взглядами.

– А ответ-то и не выслушал, – горько вздохнула Олра.

– Какой ответ? – недоуменно вскинула брови драконица.

– Про Марго. Спросил, а ответа и не дождался. Ушел. Наплевать ему на собственного ребенка. Да ладно... я же ему говорила, что не претендую на его отцовство. А все равно обидно...

– Давай разберемся, – спокойно сказала Шанти. – Во-первых, несмотря на то что ты отвергла его любовь, его предложение, Андрей до сих пор немножко тебя любит. Не возражай, я знаю точно. И не важно откуда. Во-вторых, Андрей нежно любит Марго. Но он мужчина. Он не может сидеть целыми днями у колыбели с младенцем. Он воин, он добытчик. На его плечах огромная ответственность, и мы должны ему помогать, а не осложнять его жизнь. Кроме того, он до сих пор не может свыкнуться с мыслью, что у него есть дети. Ты приучай его к этому – приноси дочь, когда будет возможность, давай подержать на руках. Он не будет против, я знаю. Олра, хочу тебя спросить... я видела, как ты отреагировала на то, что сказала Антана. Ну о разводе. Тебя просто перекорежило. Ты же знала, что так будет! Почему это так тебя расстроило, не объяснишь? Не смотри на меня так – я не чужая, доверенное лицо Андрея, и переживаю за него, за своего брата. Хочешь откровенно? Если узнаю, что ты в отместку строишь какие-то козни в отношении Андрея, – я тебя убью. Не сомневайся в этом ни секунды. Ты умрешь, если я тебя на этом поймаю. Даже если он запретит. Андрей будет ругаться, будет меня материть, но потом простит. Так что давай начистоту: какие у тебя планы и как ты планируешь жить. И еще учти – я чувствую, когда врут. Просто знаю это.

– Догадываюсь. Странно, и откуда он тебя такую взял... сестру. Все

равно ведь не скажешь, да? И он молчит... Нет, я так просто, не хмурься. Твоя тайна – это твоя тайна. Ну что сказать... да, люблю я его. И кроме того... ты знаешь, сколько я уже без мужчины? Во время беременности, после беременности... А я ведь люблю это дело. Очень люблю. Иногда лягу спать, представляю Андрея и... В общем, трудно мне без мужчины. Завести любовника? А как посмотрит на это Андрей? Ему будет неприятно, тем более что я официально его жена. Если бы он хоть иногда... но ведь он и слышать об этом не желает! Он любит Антану и не хочет ее обидеть. Какие планы? До конца жизни оставаться без мужика, похоже на то. Или уходить от Андрея и жить своей жизнью. Найти какого-нибудь приличного человека... или покупать мальчиков, и пусть меня удовлетворяют! Самой себя радовать уже как-то надоело... Что касается интриг – да бог с тобой, какие у меня могут быть интриги против отца моего ребенка?! Драгоценного ребенка, которого я ждала долгие годы, плакала в подушку, что у меня никогда не будет дочки. И вот – есть. Это счастье. И еще – если с Андреем что-то случится, устранят от власти его и Антану, мне не жить. Многие только и ждут, чтобы порвать меня на части. Я же его жена, пусть и бывшая. Так что волей-неволей мне его поддерживать до конца жизни. Или уходить, насовсем.

– И к чему ты склоняешься?

– Не знаю.

Олра прикрыла глаза, вцепилась в подлокотники кресла так, что пальцы побелели. Шанти все это время прощупывала женщину эмпатическим чувством – нет, та не врала. Драконицу обеспокоили слова Олры по поводу того, что она уйдет от Андрея. Олра очень много делала для трона, была очень умна, и отпускать ее было бы неразумно.

Практичной драконице были странны эти страсти по поводу отсутствия постели, она не понимала бурного желания совокупиться с мужчиной, но, пожив с людьми, принимала их такими, какие они есть. Ну что поделать, если такова ситуация? И Шанти решила обсудить это с Антаной. Именно с Антаной, а не с Андреем, потому что и так было известно, что скажет ее «брат». Скорее всего, просто пошлет ее подальше, заявит, что они как-нибудь сами разберутся в своих постельных делах. И что это не ее дело. И вот тут Шанти была с ним категорически не согласна – именно ее дело. Ведь Андрей ей не чужой. И его дела были ей близки так, как если бы это были ее дела.

Шанти усмехнулась. Как-то незаметно именно так и получилось – его дела стали ее делами. Почему – об этом можно рассуждать долго и трудно, но факт есть факт. Она отдавала себе отчет, что заниматься делами

государства ей интересно. Разве не приятно знать, что твои действия, твои усилия приводят в движение процессы в человеческом обществе? Власть все-таки приятна, не зря старейшины так в нее заигрались. Шанти, конечно, не такая... но что-то сродни их чувствам она ощущала. Иначе она не смогла бы так эффективно работать для Андрея. Но все-таки основным фактором была дружба, и скорее, даже братская любовь к этому странному человеку. Ради него она была готова на все. Без всякого сексуального влечения – ну не смешно ли предполагать любовь между летающей рептилией и человеком! Но что-то наподобие этой самой любви было. Как ни странно это звучит.

– Я поняла тебя, Олра, – кивнула Шанти. – Ну что же, займемся делами? Зови сюда Зорана, будем решать, как нам ухайдакать этого демонова патриарха. Вот дурак, это надо же было так зарваться, чтобы навлечь на себя гнев Андрея! Вот и получит как следует.

– Ты спишь? – Антана легко дотронулась пальцем до плеча Андрея, и тот открыл глаза, как будто сейчас только не витал в цветных снах.

Ему почему-то приснилось Красное море и мириады разноцветных рыб, кружащихся у его руки. Когда он жил в отеле, то уходил на риф, взяв с собой пару-тройку яиц, сваренных вкрутую, ложился на воду у края рифа и крошил их рыбам, как будто это были не рыбы, а голуби где-то на площади в Риме. Собирались тучи рыб, от самых мелких до здоровенных, в метр длиной, а он смотрел, смотрел, смотрел...

– Ты чего не спишь? – усмехнулся Андрей. – И мне не даешь спать. Может, все-таки поедешь завтра со мной на испытания корабля?

– Знаешь же, что нельзя, – грустно вздохнула Антана. – Кто-то из нас должен оставаться во дворце. Мало ли что случится... тут наши дети. С Шанти поедешь. Я попросила ее, чтобы она тебя берегла. Когда Шанти с тобой, мне спокойнее. Она не даст тебя в обиду.

– Это когда ты с ней говорила? Когда успела-то?

– Она со мной связалась. И кое-что мне рассказала про Олру. Шанти с ней беседовала, когда мы с тобой ушли.

– И что там с Олрой? – посерьезнел Андрей.

– Вот слушай... – Минут десять Антана рассказывала то, что ей передала Шанти.

– И что ты от меня хочешь? – недоуменно спросил Андрей. – Приставить к ней трахальщика, что ли?! Я что вам, сводник? Ну что я могу поделать? Она взрослый человек и сама знает, как ей жить. Зачем ты мне это рассказала? И зачем Шанти сует нос куда не надо?

– Она так и сказала, что ты это ляпнешь, – со смешком парировала Антана, – потому и не стала с тобой говорить. Она связалась со мной как раз после того, как мы с тобой закончили заниматься любовью. Минуты через три, не больше, как будто знала, что мы делаем.

– Знала, мерзавка, конечно, знала... Она чувствует все, я не могу скрыть от нее чувства. Мы соединены нитью. Все, что я ощущаю, то и она чувствует. Отголоски, конечно, но достаточно, чтобы понять, что и как. Вот я ей задам!

– Не надо. Она заботится о твоих делах. Обо всем, что тебя окружает. Если Олра уйдет – это будет плохо. Не забывай, она и Марго заберет с собой.

– Да что вы от меня хотите?! Что вам надо?! Постой... ты серьезно? Ты что, правда толкаешь меня на измену? – Андрей поднялся на локте и недоуменно взглянул в глаза Антаны. – Что с тобой? Я тебя не узнаю. То ты ревнуешь к каждому столбу, то... с чего ты решила, что я на это пойду? Ради того, чтобы моя служанка не ушла?!

– Она не просто твоя служанка. Она твоя бывшая жена. И один из твоих вернейших сторонников. Думаешь, мне приятно знать, что ты будешь заниматься любовью с этой женщиной, пусть даже она мне приятна и у меня с ней дружеские отношения? Но это будет правильно. Мне так кажется. И так сказала Шанти. А я ей верю. Она зря говорить не будет. В общем, я даю тебе разрешение по поводу Олры, но только... чтобы я не знала, и еще – никаких детей! Дети – только со мной. Кстати, а ты не хотел бы завести еще ребенка? Нет, это я так просто спросила. Так вот, можешь с Олрой, но чтобы я не знала и... в общем, вот. Все делаем вид, что ничего не случилось, что все так, как и было, и идем дальше.

– А меня ты спросила? Почему вы с этой рептилией решаете, с кем мне спать?! – Андрей рассерженно сел на край кровати, откинув прозрачный полог балдахина. – Я сам решу, с кем мне заниматься любовью! Никто за меня этого решать не будет! Поняла, дорогая?!

– Поняла-поняла... иди ко мне. Ну что ты сердись... не сердись. Я просто сказала, что если так случится, что ты с Олрой... то не мучай себя, я дала тебе разрешение. Но только на нее! Узнаю, что еще с кем-то, я тебе уши ночью откушу! Понял? А измена по разрешению – это не измена. А я тебе разрешила.

– Спасибо, ваше императорское величество, – криво усмехнулся Андрей. – А еще что-нибудь можете разрешить?

– Могу. Можешь сейчас как следует подмять меня. Если, конечно, силы есть. Есть? Ну тогда к делу? А то все болтаешь и болтаешь...

– Это я болтаю?! Ах ты... сейчас я тебе покажу, есть ли силы...

Андрей искоса посмотрел на запрыгнувшую в карету Шанти и отвернулся к окну, демонстративно игнорируя ее присутствие. Карета тронулась, а Шанти радостно сообщила:

– Несмотря на то что ты строишь недовольную рожу, братец, я тебя все равно люблю. Вот!

– Но это не означает, что ты можешь совать нос в мои постельные дела. Тебе не кажется?

– Не-а! Не кажется. Твои постельные дела почему-то тесно переплетены с твоими государственными делами, и...

– И мне хочется дать тебе пинка под зад! Чтобы ты полетела, как снаряд, впереди кареты, наглая, бесстыжая рептилия!

– Мне как, встать к тебе задом? Платье при этом снять? – хихикнула Шанти. – Если тебе будет легче – ну пни, пни свою сестренку! Убей ее, жестокосердный мужлан! Ударь, ударь меня своей саблей!

– Что толку-то? Ты уже чешую отрастила, – хмыкнул Андрей, – не пробьешь. Не лезь в мои постельные дела, а? У меня и так все запутано, и ты тут еще... Интересно, а как Антана отреагировала, когда ты ей предложила, чтобы я время от времени ублажал Олру? Ну просто любопытно, расскажи!

– Не расскажу, – церемонно ответила Шанти. – У женщин свои секреты. И нечего всяким мужланам совать в них нос! Да ладно, ладно, скажу. Ничего я ей не предлагала. Она сама предложила. Так что можешь успокоить свою совесть, когда залезешь на Олру.

– Тьфу! Вот ты противная! С чего ты решила, что я залезу?!

– Залезешь, я знаю... я все знаю-ю-ю... я мудрая! Я видела, как ты смотришь на бедра Олры, на ее обтянутый платьем зад, и чувствую твое вожделение. Все равно не удержишься, хочешь – поспорим?

– Иди к демонам! Не буду спорить. И залазить не буду. Все. Больше не говори об этом.

– И чего злишься? Потому, что я права? Ладно-ладно, не зыркай так! Все. Говорим только о... о чем? Скажи, а на корабле, где мы сегодня будем, там есть комнаты?

– Каюты называются. Есть.

– А кровати там есть?

– Само собой. Команда же не боевые кони, чтобы спать стоя!

– А Олру чего с собой не взял? Вот тебе и возможность на нее залезть, в корабельной кровати...

– Гадина! – Андрей кинул в Шанти шляпой, та ловко, с хихиканьем ее поймала и пристроила на голове.

– Мне так идет?

– Тьфу на тебя! Не идет! Уродка! По крайней мере, моральная уродка – точно! Еще слово про Олру, и я с тобой разговаривать не буду!

– Будешь... куда ты денешься. Или мы с тобой записками, что ли, будем обмениваться, как два дурака?

– Шанти, ну правда, не надо поднимать эту тему, а? – взмолился Андрей. – Мне неприятно, я переживаю, ну будь хоть немного...

– Не буду! – перебила драконица. – А чего ты мне врал, что тебя Олра не интересует? Ведь врал?

– Врал. Довольна? Я с таким трудом загнал глубоко в себя мысли о ней, а ты взяла и все вытащила наружу! Вот нет у тебя никакого понятия о порядочности! Одно слово – рептилия!

– Какие такие понятия, чушь это все. Врать сестре не надо, – безжалостно закончила Шанти. – Ладно, оставлю твои потрепанные чувства в покое. Хочешь удержать Олру – ляжешь с ней в постель. Не хочешь – пусть катится на все четыре стороны. Проживем и без нее. Хотя она нам очень нужна.

– Приехали, – тускло сказал Андрей. – Пошли.

Карета дернулась, остановившись. Андрей толкнул дверь и оказался перед строем солдат в камуфляжной форме. Они взяли «на караул» и салютовали советнику.

– Господин советник! Взвод абордажной команды готов к выходу в море! Докладывает сержант Загран!

– Здравствуйте, солдаты! – отсалютовал Андрей и, обращаясь к Заграну, спросил: – Где командир береговой стражи Хестар?

– Здесь я, господин советник! – отсалютовал крижистый человек с обветренным лицом. – Все готово. Корабль ждет спуска. Пойдемте?

Андрей кивнул и пошел за стражником, глядя в его широкую спину. Это был новый командир береговой стражи – прежнего он с позором выгнал со службы за бешеную коррупцию. Теперь судьбой бывшего стражника занимались судьи. А этого он взял по совету Зиртона, командира его личной гвардии. Загран с нынешним начальником береговой стражи вместе вырос и был его дальним родственником. Но важнее всего – тот был опытным, боевым капитаном и не брал взяток. А это самое главное. Систему береговой стражи нужно было полностью менять – ее съели коррупция, лень и пьянство. Толку от стражи не было никакого.

В доке стояла «Акула». Ее сдерживал лишь туго натянутый канат –

обруби его, и корабль уйдет в спокойную воду. Под кормой блестел бронзовый винт, а над длинной трубой курился дымок. Паруса убраны, и матросы в ожидании стояли на палубе.

– Приветствую вас, господин советник! Все готово к спуску, – поклонился мастер Воронт. – Когда приступим?

– Хм... да сейчас и приступайте, – махнул рукой Андрей, – чего тянуть? Вы машину запускали?

– Конечно. Вчера гоняли, и на холостых оборотах, и винт запускали – все работает отлично. Мы готовы. Уголь погружен, продукты, вода – все есть.

Мастер отошел к кораблю, подал команду, на нос вышел человек со здоровенным топором и начал рубить канат. Андрей усмехнулся – положено бутылку шампанского разбить о борт, надо ввести такую традицию. Шампанского нет – так бутылку вина. Моряки всегда были суеверны, эта традиция быстро приживется.

Наконец канат поддался героическим усилиям моряка, шхуна вначале медленно, потом быстрее заскользила по смазанным жиром полозьям и с шумом ушла в воду. Андрей с легким волнением смотрел за потяжелевшим кораблем – не утонет ли к чертовой матери после того, как на него нацепили кучу железа?! Однако – нет. Корабль спокойно закачался на волнах, отраженных от стен дока. По нему не было видно, чтобы он слишком уж погрузился в воду, судно как судно.

– Сейчас его отведут к причалу, и мы на него взойдем, – пояснил мастер. – Здесь неудобно на него влезать, высоко.

К корме корабля подошла пузатая барка с рядами весел по бокам, на нее сбросили канат, весла заработали, и корабль, выкрашенный в черный цвет, стал медленно выходить из дока.

Все пошли на причал, где уже кучковалась абордажная группа, и стали ожидать, когда судно подтянут правым боком. Буксир маневрировал, к нему присоединился еще один, и общими усилиями они все-таки приткнули «Акулу» к причалу. Загромыхал деревянный трап, и по команде сержанта толпа солдат, топая как табун лошадей, перешла на борт судна. Следом пошли и Андрей с сопровождающими.

– Капитан Орсон! – представился мужчина лет сорока, в щеголеватом морском мундире. – Приветствую вас на борту «Акулы», господин советник! Счастлив вас видеть у нас! Приветствую вас, госпожа. – Капитан поклонился спрыгнувшей с трапа Шанти. – Господа! В капитанской каюте вас ожидает праздничный обед! Сегодня счастливый день – наша «Акула» обрела новую жизнь. Сейчас пройдем за стол?

– Давайте все-таки мы прокатимся в море, – усмехнулся Андрей. – Мы же не обедать сюда пришли.

– А одно другому не мешает, – тоже усмехнулся капитан. – Ну что же, тогда отправляемся.

Посыпались морские команды, снова заработали весла буксира, выводя шхуну в открытое море. Андрей же в это время рассматривал корабль. На корме и на носу стояли зачехленные пушки, силуэты которых просматривались сквозь брезент. Вся палуба, борта были обшиты листовым железом, так что казалось, будто корабль целиком сделан из него. Пулемет поставили между мачтами, тоже укрепив его на турели так, чтобы можно было стрелять и вправо и влево. Достаточно развернуть корабль к противнику любым боком, и можно поливать врага смертоносными очередями. И мало не покажется – пятнадцать миллиметров – это не шутка.

Наконец канат вытащили, буксир отошел, и корабль лег в дрейф на выходе из бухты.

– Ну что, господин советник, командуйте! – улыбнулся капитан. – Первый наш выход.

– Поехали! – усмехнулся Андрей, и капитан, вторя ему, скомандовал:

– Полный ход! Курс – на запад! – И дернул рычаг, переводящий стрелку на полный ход.

Такая же стрелка в машинном отделении тоже указала на «полный ход». Корабль вздрогнул и мало-помалу стал набирать ход, разрезая волны стальным носом. Море рассыпалось солеными брызгами, сорванными свежим ветром, пахло йодом и рыбой, и на душе у Андрея пели трубы – получилось! Все-таки получилось! Это первый. А за ним последуют другие!

– Хорошо, правда, Шанти? – обернулся он к драконице, стоявшей немного позади.

– Хорошо, – подтвердила она и осведомилась: – Может, все-таки пообедаем? Я сегодня не успела позавтракать.

– Сейчас, – кивнул Андрей, – только посмотрим, как машина работает в разных режимах. Капитан, скорость замеряете?

– Да. Уже тридцать верст в час! И скорость еще растет! Великолепно! Главное, чтобы подшипники выдержали. Но вроде все в порядке, не греются.

Капитан отошел к рулевому, Андрей же продолжал всматриваться в морскую даль – где-то там находился пиратский остров... Скоро он его посетит. Обязательно посетит.

Глава 10

– Все, хватит, – озабоченно сказал капитан. – Машина перегружена, механики волнуются. Нормальный ход двадцать пять верст в час. Сейчас мы перейдем на парусный ход, пусть машина отдохнет, а механики осмотрят валы. Вроде как есть небольшая течь, надо сальник поменять. Хочу посмотреть, как работают пушки. У нас есть старая шлюпка, мы специально ее с собой взяли. Спустим на воду, попробуем по ней попасть. Только вот волнение слишком уж большое, ветер разыгрался...

– Тогда, может, попозже? – Андрей посмотрел на небо, затянутое тучами, с редкими прогалами лазури. – Может, стихнет?

– Нет. Не стихнет, – мотнул головой капитан. – Этакая пакость теперь суток на трое, я уж знаю. Ветер-то с моря. Кстати, при этом ветре обычно приходят пираты – для них он попутный.

– Сколько верст до пиратского острова? – спросил Андрей.

– Хотите посетить пиратское гнездо? – понимающе улыбнулся капитан. – А не опрометчиво ли? Какой бы ни был этот корабль, против флотилии сотни пиратских судов он не выдержит. Давайте лучше поищем пирата где-нибудь на подходе к материку? Там есть одно место между рифами – вдоль берега мели, скалы, они там обходят или по мелям, или же проскакивают с ходу по фарватеру. Корабли у них шустрые, так что береговая стража обычно не успевает их взять.

– А может, она не успевает потому, что пираты им денег за это дают? – вмешалась Шанти, все это время внимательно наблюдавшая за морем. Драконица была непривычно задумчива и молчалива, и ее вмешательство в разговор удивило собеседников.

– Что скрывать, – вздохнул капитан, – видимо, дают. Чистить надо структуру. Вот новый начальник береговой стражи пришел – и почистит. Отличный человек, настоящий моряк. Вообще, я вам скажу, у нас в стране значение флота почему-то понижено. Вы заметили – кроме торговых судов, флота практически и нет? А ведь если посадить на корабли армию вторжения да отправить ее морем... А если установить на корабли пушки и блокировать города? Это хорошо, что пушки у нас, а если бы у Славии? Да они бы смяли нас вмиг! А кроме того, у нас не развивается исследование морей! Что там, за морем? Может, там другие материки, похожие на наш, и там есть государства, которые могут быть враждебны нам! А если они пожелают нас завоевать? Что мы можем им противопоставить, кроме одной

«Акулы» да пары десятков старых военных судов, которые не могут отогнать даже пиратов? У нас нет никакой информации, ни-ка-кой. Нужно посылать экспедиции, нужно плыть в открытый океан.

– А почему это не развивается? – заинтересовался Андрей. – Почему так случилось? Казалось бы: плыви, исследуй – почему купцы этим не занимаются? Им же прямая выгода, если они найдут новый источник дохода.

– Вы у меня спрашиваете? – усмехнулся капитан. – Я не купец. Но по моему разумению – они просто боятся. Вы знаете, что мы до сих пор, как в древние времена, плаваем лишь вдоль побережья? У нас нет приборов, по которым мы могли бы ориентироваться в открытом море. Плыть куда-то, неизвестно куда, рисковать жизнью и имуществом – зачем, коль скоро даже не сможешь повторить обратный путь, если что-то найдешь. Акулы, морские чудовища – все там, в открытом океане. Мне говорили, что некоторые смельчаки пытались узнать, что же там, за тысячи верст от материка, но... все исчезли. Все. Ни один не вернулся. И с тех пор повелось: путешествие в неизвестность – это глупость. Вот так.

– Шанти, как думаешь, не твоя ли родня постаралась? – передал по мыслесвязи Андрей.

– Почему бы и нет? Зачем им давать людям развиваться? Там есть материки, мать говорила. И люди там живут. Правда, я не интересовалась, что за люди, как они там живут, – мне это всегда было безразлично. Но то, что там есть цивилизация, это точно. И не одна. На юге материк с черными людьми. На западе какие-то рыжие, что ли. Если бы мама была рядом, можно было бы расспросить ее.

– Кстати, а ты давно с ней связывалась? Пригласила бы ее в гости, мы бы с ней пообщались...

– Хм... давно не связывалась. Как с тобой закрутилась в делах, так и некогда стало. Да что такое для дракона год-другой? Она меня чувствует, я ее тоже. Она здорова, довольна. По-моему, даже нашла себе самца, и, ты знаешь, как бы в скором времени я не обзавелась сестрой или братом. Скорее всего, братом – у нас после рождения самки обычно рождается самец. Есть такие предпосылки, я чувствовала кое-что. Кстати, а вы с Антаной не собираетесь осчастливить меня еще и племянницей? В прошлую ночь ты очень активно старался, активнее, чем обычно.

– Шанти, ну сколько раз тебе говорить – это неприлично, подслушивать и подсматривать! – рассердился Андрей. – Нет, не собираемся, не до того сейчас.

– У меня это происходит самопроизвольно, подслушивать то есть, ну

что я могу поделаться? Вообще-то вы, люди, слишком много внимания уделяете сокрытию своих естественных потребностей, я уже тебе об этом говорила. Ну что плохого, что вы занимаетесь совокуплением? Все это делают. Почему надо соблюдать завесу тайны, делать из этого секрет? Никогда этого не пойму.

– Вот когда станешь человеком, тогда поймешь, – парировал Андрей. – Я не люблю разговоров о моих интимных делах, ты же знаешь! Зачем опять начала? Просто чтобы позлить меня, да? Ладно, пошли обедать, демон тебя задери. Уговорила! Вся изнылась!

– Я виновата, что ли, что не позавтракала? А вы болтаете и болтаете, несете всякую ерунду, когда там обед стынет. Имей совесть, а? Сестра изнемогает от голода и скуки, а ты торчишь рядом с капитаном...

– Господин капитан! – Андрей прервал поток красноречия Орсона, с жаром рассказывающего о перспективах дальнего плавания. – У меня предложение. Давайте мы все-таки пообедаем, а потом продолжим ходовые испытания. И еще – когда мы подойдем к этому самому проливу? Ну там, где бродят пираты?

– Часа через два. Он как раз между островом Шинунал и материком. Самое удобное место, чтобы подойти к материку. Там проход между рифами около версты. И от этого места до острова пятьдесят верст. Обычно корабли с юга на север и с севера на юг проходят вдоль барьерного рифа. Тут их и ловят. Поэтому многие купеческие суда имеют очень низкую осадку – чтобы сразу уйти на мели и пробираться между скалами. Очень неудобно. Давно пора заткнуть эту чертову дыру! Тут нужно дежурить несколькими кораблями охраны, чтобы постоянно держать пиратов в страхе. Но...

– Что «но»? – пожал плечами Андрей. – Поставить пяток кораблей, и они будут стеречь дырку.

– Знаете что, – улыбнулся капитан, – давайте-ка поговорим об этом за столом. Кстати, я восхищен вами и вашей дамой – качка на вас совершенно не действует. Я все ждал, когда вы начнете выбрасывать за борт свой завтрак, решил, что вы отказались от праздничного обеда именно потому, что подвержены морской болезни, а нет – свежи, как цветы поутру. Настоящие моряки! Поглядите на абордажную группу – все борта загадили. Хорошо хоть не на палубу... сухопутные ослы.

– Привыкнут, – усмехнулся Андрей и следом за капитаном спустился с мостика. Шанти не отставала, и по ее настроению было ясно, что она сейчас может съесть быка.

Стол в большой капитанской каюте был уставлен холодными

закусками. Капитан с улыбкой предложил гостям кресла с широкими ножками, закрепленными специальными захватами в полу каюты, и, дождавшись, когда Андрей и Шанти присядут, занял место во главе стола.

– Вы будете горячее? – спросил он. – Если да – я прикажу повару, он может пожарить мяса.

– Да-да, мяса! – оживилась Шанти. – И с кровью. Пусть не сильно прожаривает, чуть подрумянит, и все. А советнику хорошо прожаренного мяса.

– Слышал, Юсан? – обратился к стюарду капитан. – Господин Хестар, а вам? Тоже мяса? Хорошо. А где у нас Загран?

– Он со своими абордажниками нянчится, – с улыбкой ответил стюард. – Они пластом лежат, помирают. Сухопутники, что с них возьмешь. Так что он позже подойдет.

– Хорошо. Исполняй заказ. Итак, господа, вернемся к разговору о пиратах. Почему мы не можем заткнуть Демонову дыру.

– Какую дыру? – не понял Андрей.

– Демонову. Так ее называют. Этот самый проход. – Капитан смущенно улыбнулся. – Вообще-то смысл названия немного неприличный... для дам. Поэтому расшифровывать не буду.

– Ага! Я так и знала! – передала Шанти. – Мы идем напрямиком в задницу! Вот с тобой всегда так – в такую задницу с тобой влезаешь, что потом еле-еле вылазишь.

– Так вот, как только наши корабли перекрывают проход, пираты уходят на мель. У них суда с низкой осадкой, наши же не приспособлены для плавания на малых глубинах. Между проходом и берегом расстояние около версты – где-то чуть меньше, где-то больше. Наши баллисты не добивают до пиратских кораблей, тем более что попасть в движущуюся цель с движущегося корабля практически невозможно. Были предложения построить на берегу укрепления и попробовать перекрыть проход дальнобойными баллистами, но... все заглохло. Мы отправляли прошение в военное министерство, однако нам ответили, что нет средств. Да и вряд ли баллисты и катапульты могли бы изменить ситуацию к лучшему – юркие пиратские суда уходят по мелководью, меняя направление движения, попасть в них и с берега практически невозможно. Предвосхищая вопрос о постройке таких же судов с малой осадкой, скажу так: ну да, можно было бы – если бы кто-то этим озаботился. Никому ничего не надо. Все запущено. Господину Хестару разгребать эту помойку еще очень долго.

– Надеюсь, недолго, – улыбнулся начальник береговой стражи. – Как я слышал, господин советник крепко взялся за перевооружение армии. Так

что и до нас руки дойдут. Надеюсь.

– Дойдут, – подтвердил Андрей. – И все равно не пойму – ну поставьте вдоль всего прохода суда, пусть купцы идут рядом с вами и не лезут на мелководье! Кстати, а почему они не обходят морем? За рифом?

– Бывает, и обходят. Но только там опасно – если шторм, даже не спрятаться за риф. Прохода нет. Унесет в океан – там сгинут. Оттуда никто не возвращался, я уже вам рассказывал. И те же пираты наготове. В общем, этот вот проход между островом Шинунал и материком – самое опасное место для кораблей. Впрочем, разбойники попадаютсся и дальше вдоль береговой линии – пиратские корабли стерегут везде.

– Сколько у них кораблей? Откуда вообще взялись эти пираты? Почему они до сих пор живы? Они ведь грабят и корабли Славии, не только Балрона?

– А вот тут вопрос интересный. По нашим данным, только корабли Балрона. Корабли Славии свободно проходят через Демонову дыру и вообще везде.

– Это как? С какой стати? Вы намекаете, что это скопище бандитов есть дело рук Славии?

– Не знаю. – Капитан Орсон многозначительно поднял брови. – Но корабли Славии проходят, и их не грабят. А наши время от времени захватывают. Или у них соглашение с пиратами, или... они есть подразделение Славийского флота. Мы не знаем. Дошло до того, что наши купцы стали вывешивать флаги Славии, чтобы их не трогали. Но пираты все равно как-то узнают, что это балронцы. Останавливают и проверяют.

– Шанти, наше упущение! – передал Андрей. – Это что же получается – у нас под носом база неприятеля, а мы и в ус не дуем? И ничего не знали про то, что сказал капитан. Как так вышло?

– А я откуда знаю? – недовольно передала драконица. – Я с пиратами не общалась, а Данеро ничего про это не говорил. Мне и в голову не пришло спросить. Как-то само собой предполагалось – раз пираты, значит, грабят всех.

– В моем мире было такое – пиратов нанимали на службу, и они грабили суда вражеского государства. За проценты от прибыли. Имели специальные патенты на это дело. Своих не трогали. Я сам так хотел здесь сделать. Видимо, Славия успела раньше нас. Вот тебе и проблема пиратства... Представляешь, что было бы, начни мы боевые действия со Славией? Они могут полностью заблокировать поставки по морю.

– Да, неприятно. Но теперь не заблокируют. О! Наконец-то несут мясо. Я уж готова была съесть этого болтливого капитана вместе с его поваром.

Полчаса все наслаждались едой, обмениваясь лишь короткими фразами. Когда перешли к десерту, капитан предложил вина, но, к его удивлению, гости отказались, предпочтя фруктовый сок. Откуда Орсону было знать, что алкоголь на советника и его соблазнительную спутницу не действует. Наконец и с десертом в виде сдобных булочек с медом было покончено.

– Ну что же, господа... подходим к Демоновой дыре, – сообщил капитан. – Поднимемся на мостик? Оттуда вам все будет хорошо видно. Пойдемте.

Они вышли из каюты и, слегка покачиваясь, когда судно очередной раз мотало на крутой волне, поднялись в будку рулевого.

– Что тут у нас, Шассон? – спросил Орсон у вахтенного офицера.

– Господин капитан! За время моей вахты происшествий не было. Прошло два купеческих судна, две шхуны. На горизонте вроде бы виднелся какой-то парус, но резко ушел на мель. Похоже, пираты. Они заметили флаг Балрона и улизнули. Вон болтаются в полутора верстах отсюда. Скоро подойдем ближе, увидим получше.

– Сейчас увидим, – улыбнулся Андрей и снял с плеча сумочку, в которой лежал бинокль.

Капитан время от времени с интересом посматривал на нее, но спросить не решался – не его ума дело, что вельможа носит с собой. Теперь его любопытство было удовлетворено.

Бинокль сиял полированной медью и был украшен рисунками на морскую тематику. Эксклюзивная вещь. Андрею приятно было просто даже держать его в руках.

Сняты крышечки окуляров... и вот перед глазами появилось неизвестное судно. На нем реял красный флаг, в этом мире означавший принадлежность к сообществу джентльменов удачи. Наоборот, флаг Балрона был черным, с серебряным императорским гербом.

Пиратский корабль представлял собой длинную двухмачтовую шхуну с плоской палубой, на корме и носу которой стояли баллисты, метаящие камни и горшки с зажигательной смесью. Камни – размером примерно с человеческую голову, похожие на ядра для гладкоствольных пушек, – обычно лежали перед каждым из орудий, в специальных ящиках. Таким оружием было оснащено большинство судов этого мира.

На палубе шхуны находилось не менее полутора сотен людей – они пили, ели, спали, в общем, занимались тем, чем и занимаются солдаты в свободное от службы время. Отсюда не было видно их лиц, но очертания фигур, оружие, которое было при них, – все отлично просматривалось, как

если бы они находились через дорогу от наблюдателя.

Капитан Орсон с интересом наблюдал за манипуляциями Андрея, а когда тот предложил ему посмотреть в бинокль, немедленно согласился и жадно принялся к окулярам.

– Вот это да! – воскликнул он восхищенно. – Великолепно! Где можно купить такой прибор?! За него никаких денег не жалко!

– Это новое изобретение, называется «бинокль», – пояснил Андрей. – Покупать ничего не надо, мы будем обеспечивать такими всех наших капитанов. В первую очередь вас. Скажите, что, у их судна осадка меньше, чем у нас?

– Конечно. Они бросили якорь и стоят как вкопанные. Пережидают. Когда мы уйдем и появится какой-нибудь балронский корабль, они тут же снимутся и пойдут его грабить. Видели, сколько там народу? Им главное зацепиться за купца, а влезть на его палубу не составит труда. Кстати, вы не задумывались, почему они на нас не напали? – озабоченно спросил Орсон.

– Ну как почему... хм... Вы имеете в виду, что наш корабль идет под флагом Балрона, он не известен пиратам – очертания «Акулы» ведь изменились, – но они уже знают, что это именно она?

– Точно. Уже доложили им. Шпионят, твари. Ну и вещь у вас! Великолепен этот ваш бинокль!

– Ладно, дарю, – усмехнулся Андрей. – Все равно позже бы получили, берите, вам нужнее.

– Благодарю, господин советник! – расплылся в улыбке счастливый капитан. – Я отработаю подарок сполна! Погоняем пиратов!

– Кстати, насчет погоняем – а не заняться ли нам пристрелкой пушек?

– На версту? – недоверчиво переспросил капитан. – В том месте, где мы будем максимально близко находиться к пиратской шхуне, до них будет верста. Достанем?

– Достать-то достанем... только вот хотелось бы еще и захватить это судно. Подумайте, как мы сможем это сделать?

– Нереально, – отрезал капитан. – Будут слишком большие потери. Чтобы сейчас до них добраться, надо спустить шлюпки, посадить туда десантников из абордажной группы и под обстрелом лучников подойти к шхуне, на которой более полутора сотен разбойников, и... Надо ли продолжать? На мой взгляд, их легче утопить, чем захватывать. Одним пиратом меньше – миру легче. Если бы мы столкнулись с ними на глубокой воде, тогда да – борт в борт, и все. А там...

– А волнение допускает спуск шлюпок? В такую погоду можно это

сделать? – спросил Андрей, обдумывая план действий.

– Можно, почему нет. Шлюпки у нас большие, а там, где мы встанем, риф прикрывает от волны, вполне можно подойти к пиратам. Но повторяю – смысла нет. Они, скорее всего, пустые... хотя... вы знаете, что-то они глубоковато сидят в воде. Может, пограбили кого-нибудь и отстаиваются, чтобы переждать и уйти на Шинунал? Все может быть.

– Ясно. Где пушки с завода?

– Вон там, с Заграном возятся возле пушек и той штуки, что ночью поставили. Как ее называли? Пулемет? Забавная штукенция. Она тоже может стрелять? Я видел, как испытывали пушки. Впечатляет. Но это что-то маленькое...

– Может стрелять, – усмехнулся Андрей. – Скомандуйте, чтобы пушки подошли. И Загран.

Капитан негромко отдал приказ вестовому, и тот со всех ног побежал к Заграну. Через несколько минут командир десантников и три механика-пушкаря стояли перед Андреем. Загран был весел, бодр, как и один из пушкарей. Двое других зеленели лицами, как свежий салат, и едва держались на ногах.

– Слушаю, господин советник! – отсалютовал сержант.

– Чем занимаетесь с пушкарями?

– Обучают нас. Правда, с трудом. Видите, как их выворачивает? – Загран указал на одного из механиков, бросившегося к борту и пытавшегося излить досаду и желчь. Рвать ему было уже нечем.

– Слушай меня внимательно, Загран... – В течение десяти минут Андрей подробно изложил сержанту план действий.

Загран ничуть не удивился, не испугался, вообще не выразил никаких эмоций – надо, значит, надо. Он побежал к абордажной группе, оставив возле Андрея механиков и солдат, обучаемых пушкарями.

Скоро все закрутилось, завертелось, забегало и зашумело – десантники грузились в шлюпки, кроме тех, кто лежал пластом и еле шевелился. Таких было процентов сорок. Так что в шлюпки уселись около тридцати человек. Им предстояло встретиться с более чем в пять раз превосходящим их противником.

Расчеты пушек побежали к орудиям, двое встали к пулемету. Андрей взял у капитана бинокль и посмотрел на пиратское судно – там тоже все пришло в движение, команда расчехлила баллисты и стала разворачивать их для метания по шлюпкам. Шлюпок было две – каждая брала пятнадцать человек.

Андрей посмотрел на шлюпки, отошедшие уже метров на двести –

триста, и вдруг в одной из них обнаружил Шанти, счастливо улыбающуюся, будто ехала на прогулку, а не на смертельный бой.

Он обернулся и, найдя глазами дежурного офицера, взревел, перекрывая шум ветра и плеск волн:

– Кто позволил ей сесть в шлюпку?! Как это вышло?!

– Она приказала, господин советник... сказала – вы не против. Как мы могли ей отказать? Взяла саблю и спрыгнула в шлюпку. Мы думали, вы в курсе, так удивились, что женщина идет в составе абордажной группы. Извините, не знали.

Шанти, видимо, почувствовала его гнев и весело помахала Андрею, сидя на корме шлюпки, а он скрипнул зубами: вот поганка! Подвергает себя опасности, как глупый ребенок. Потом немного успокоился – чешуя у нее почти вся отросла, а палить по десантникам он пиратам не позволит.

Шлюпки легли в дрейф на расстоянии четырехсот метров от пиратов и закачались на волнах.

– Заряжай! – крикнул Андрей. – Огонь по моей команде! Пли!

Оба орудия рывкнули, оглушив всех присутствующих, будто рядом ударил гром. Некоторые матросы даже присели от неожиданности и со смехом закрутили головами, потирая уши. Зашелестели снаряды, Андрей посмотрел в бинокль на фонтаны возле бортов – недолет.

– Поднять стволы на три градуса! Огонь!

Снова гроыхнули пушки, и в бинокль стало видно, как один из снарядов ударил в корму, взметая куски обшивки. Второй ударил в борт, под толстые дубовые доски, прикрывающие стрелков от вражеских выстрелов. Болванка снесла кусок барьера и, промчавшись через палубу, убила трех пиратов, буквально разорвав их на части.

– Так держать! Беглый огонь без команды! Пулемет – огонь!

Крупнокалиберный «акур» застрочил, поливая палубу пирата смертоносным дождем. Тяжелые пули ложились довольно кучно, пробивали дерево обшивки, как картон.

Люди метались, сбиваемые свинцовым градом, и лишь немногие попытались организовать хоть какое-то сопротивление – судно стало срочно сниматься с якоря, а баллисты выпустили по снаряду, бессильно упавшие не долетая до шлюпок. В шлюпках тоже не бездельничали – оттуда начали палить по пиратам из нарезных штуцеров, для которых расстояние в четыреста метров было совсем ерундовым.

На пирате творился кромешный ад – люди падали как скошенные косой, болванки, выпущенные из пушек, разбивали все, во что они ударяли. В бортах зияли дыры, одна мачта уже обрушилась, сбита удачным

выстрелом из пушки.

Пулемет выпустил полную ленту в триста патронов, второй номер пулеметного расчета притащил новую ленту и заправил ее в затвор. «Акур» снова заработал, снося все с палубы пиратского корабля.

По прикидкам Андрея, за время обстрела было уничтожено более ста пиратов. Оставшиеся залегли за обломками бортов и не подавали признаков жизни. Их корабль качался на волнах, весь в рваных пробоинах, с разбитой кормой, но стоял прочно – похоже, что течей в корпусе не было. Андрей старался стрелять только по палубе, чтобы судно не затонуло.

– Прекратить огонь! – последовала команда, и пушки смолкли с открытыми затворами.

«Акур» тоже замолк. От кожуха пулемета шел пар – начал накрапывать дождик, оставляя шипящие капли на раскаленных стволах орудий.

Андрей прикинул – они выпустили не менее чем по тридцать снарядов в максимальном темпе стрельбы. Все снаряды ушли в цель, ни одну пушку не раздуло, они не начали «плевать». Теперь дело было за десантниками.

Шлюпки двинулись вперед, а десантники, чутко следя за тем, что происходит на подбитом судне, палили во все, что шевелится.

Андрей заметил, что одна из баллист нацеливается на десантников, возле нее копошились люди. Огонь штуцерников снес половину из них, но камень все-таки улетел в цель. Андрей с замиранием сердца смотрел, как бульжник приближается к шлюпкам, и увидел фонтан, взметнувшийся возле лодки, в которой сидела Шанти. Он закусил губу и, облегченно помотав головой, пробормотал:

– Убью мерзавку! Ну негодная! – Крикнул: – Винтовку мне! Дайте винтовку!

Телохранители Андрея куда-то убежали и вернулись с чудовищем рода винтовок, напоминающим противотанковое ружье времен Второй мировой – здоровенным сооружением на сошках под пятнадцатимиллиметровый патрон.

Андрей как игрушечную подхватил эту убойную штуку и попробовал пристроиться к борту шхуны, заглядывая в оптический прицел. Тот был очень мощным, восьмикратным.

Дослав патрон в патронник, Андрей, широко расставив ноги, встал у борта, положил винтовку на деревянный брус и, затаив дыхание, привычно заглянул в прицел.

Видно было, как возле баллисты, не обращая внимания на ружейный огонь, шевелились люди. Возле борта появились несколько лучников с мощными, изогнутыми, как у сарматов, луками, а также несколько

арбалетчиков. Командовал ими человек в широкополой шляпе – высокий, в черном костюме, с саблей в руках. Так как укрытия для стрелков на палубе не осталось, пираты приволокли какие-то бочки и, поставив их друг на друга, спрятались за ними, готовясь к стрельбе.

Штуцерники стреляли часто, но пули по большей части уходили в белый свет – шлюпки бросало на волнах и прицелиться было очень трудно. Даже тяжеленную тысячетонную «Акулу» колыхало на крупной зыби – что там говорить об этих мелких скорлупках.

Андрей прикинул направление и силу ветра, упреждение, которое нужно взять, дождался момента, когда «Акула» более-менее успокоится, и нажал на спуск.

Отдачей его едва не посадило на пятую точку. Звук был сродни выстрелу из пушки. Из дульного тормоза на конце ствола вырвалось овальное облако огня длиной метра полтора, с отростками, вылетевшими из прорезей в боках. Андрей сам не ожидал такого эффекта и подумал о том, что надо плотнее прижимать приклад, – плечо ощутимо ныло, будто его лягнула лошадь.

Посмотрел в прицел – капитан по-прежнему стоял возле мачты, с удивлением рассматривая дыру в ней левее и выше. Андрей перезарядил винтовку и снова стал выцеливать объект.

Выстрел! В этот раз удачно. Тяжелая пуля, которая могла бы пробить и обшивку бронетранспортера, ударила человека в грудь. Он стоял вполоборота, и ему раздробило всю грудную клетку, отбросив его самого на десять метров. Он проехал по палубе и, перевалившись, упал за борт на поживу акулам.

Андрей пускал пулю за пулей, они прошивали бочки, из которых брызгала какая-то жидкость, видимо вода. Доставал пулями стрелков, которые, впрочем, после гибели капитана не горели желанием стрелять. Прекратил огонь только тогда, когда десантники уже полезли на корабль, забросив на него «кошки». Всегда оставалась вероятность, что корабль качнет неожиданно пришедшая волна и пуля уйдет в сторону, попав в кого-то из своих.

Андрей положил винтовку на палубу и, бросившись к капитану, наблюдавшему за происходящим на пиратском корабле, практически вырвал у него бинокль, прикинув к окулярам и пытаясь рассмотреть Шанти. Он успел как раз к тому моменту, когда ее стройная фигурка в кожаном мужском костюме по канату взлетела на палубу судна. Потом он увидел ее яростно сражающейся с двумя пиратами... и потерял из виду – Шанти переместилась за мачту.

Андрей яростно выругался, передал бинокль капитану, чуть не подпрыгивающему от возбуждения, а сам уселся на ступеньку лестницы, ведущей к капитанской рубке. Дело было сделано. Еще бы эта поганка не попала в беду... впрочем, у него было чувство, что этого не случится.

Так и вышло. Через пятнадцать минут сигнальщик передал с пиратского корабля, а капитан прочитал вслух:

– Судно захвачено, потерь нет. Поднимаем якорь, подходим к вам.

Андрей вздохнул и украдкой потер лоб. Все-таки он сильно переживал за исход операции. Но она удалась.

– Ты зачем это сделала?

– Тоскливо мне. Какая-то суета, болтовня... так хоть развлеклась.

– Что это за развлечение – рубить пиратов саблей?

– А что, не хуже какого-нибудь другого развлечения. Почему бы и нет? Я все-таки хищница, не забывай.

– Ни секунды не забывал. Ты мне не даешь забыть. Только и ты не забывай – ты ведь ходишь в облике нежной красотки, которой не положено скакать с абордажной саблей по пиратским кораблям! Согласись, это выглядит странно. Люди на тебя таращатся, как на морского змея.

– Пусть таращатся. Они восхищены, в отличие от тебя! Вторым помощником целовал мне руки и сделал предложение, я обещала подумать. Боцман нес за мной саблю, спрашивал, не надо ли госпоже ее отполировать, и норовил все время коснуться руки госпожи. Капитан тарашил глаза, краснел, бледнел и то на мои сиськи глядел, то на саблю.

– А где ты костюм-то взяла? Ты же в платье приехала.

– У второго помощника. Он худенький, как раз впору пришлось. Только в бедрах немного жало да зад обтягивало. Платье сбросила у него в каюте, пока вы смотрели на пиратов, вот и бегала так – свободная, как птичка.

– Кстати, а чего ты вообще надеваешь человеческое платье? Ну создала бы иллюзию, и все...

– Во-первых, лень. Во-вторых, мне нравится носить наряды и менять их. А иллюзия... слишком приземленно. Ты не поймешь.

– Кстати, насчет женитьбы... скажи, а ты могла бы создать такую иллюзию, чтобы человек, который находится рядом с тобой, чувствовал именно то, что ты изображаешь? Ну... как бы это сказать...

– Так и скажи: если я лягу в постель со вторым помощником, будет ли он ощущать то же, что с женщиной? Может ли он со мной совокупиться? Так?

– Хм... ну... в общем так. Не извиняюсь, что спрашиваю такие интимные вещи, – ты мне вообще-то должна за все выкрутасы и подсматривания.

– Да от тебя разве дождешься извинений? – Шанти откинулась на подушку и лукаво посмотрела на Андрея, закинув ноги на спинку кровати и проказливо шевеля розовыми ступнями. – Хорошо. Давай разберемся. Открою тебе тайну драконов: иллюзия – на самом деле не иллюзия, как ее понимают люди. Я не знаю, как этот механизм работает, и никто не знает. Вот ты знаешь, как происходят процессы в твоём организме? Впрочем, ты-то, может, и знаешь... В общем, расскажу тебе, как мне объясняла мама. Есть некий дракон. Он хочет принять вид некоего существа. Ему необходимо представить, как он будет выглядеть. Мозг подает команду, и тело начинает трансформироваться, приобретая тот вид и те свойства, что присущи существу, которое дракон изображает. Ты будешь трогать мою руку и ощутишь лишь человеческое тело. Но! Я желаю оставить при себе те свойства, которые присущи мне изначально: это свойство моей чешуи отражать удары, это сила, которая присуща моему настоящему телу, это скорость, которая гораздо выше, чем у человека. Но, как я уже сказала, ты ощутишь лишь то, что с тобой настоящий человек. Ты никогда не догадаешься, что я не настоящая женщина. Пока я этого не захочу.

– Надо понимать, что это ответ на мой вопрос? То есть ты можешь лечь в постель с этим помощником капитана, и он ощутит все, как с настоящей женщиной?! Ничего себе... ты никогда об этом не говорила.

– Это слишком интимно, – фыркнула Шанти, – потому у нас и не принято превращаться в других существ. Это считается неприличным, я тебе уже говорила. Более того – волей-неволей организм начинает подстраиваться под тот образ, под то тело, которое ему досталось, и...

– Только не говори, что ты сможешь родить, как человек! – потрясенно выдохнул Андрей. – Почему ты до сих пор молчала, негодная?!

– Я что, должна тебе докладывать обо всей своей физиологии? Может, ты мне расскажешь, что ты делаешь с Антаной, когда тебя заливают волна вожделения, такая, что у меня дух захватывает? Почему ты не любишь об этом говорить, а я должна кричать на каждом перекрестке? Да, у меня такая физиология. Да, такие способности дал нам Господь – мы, драконы, самые совершенные существа в мире. Мы можем быть и драконами, и кем захотим. Вообще есть версия, что мы, драконы, прародители всего сущего. Вначале Бог создал драконов, а потом уже из драконов, выбравших себе другой облик, образовались все существа, что есть в мире. Да, есть такое старое верование в драконьем роду. Но я в это не верю. Кстати, потомки

драконов уже не будут жить десятки тысяч лет. С каждым последующим поколением способности драконов утрачиваются. Говорят, что целый род драконов создал из себя людей и стал жить как люди. От них, драконов-отступников, и пошли люди. Но я в это не верю – мало ли какие есть легенды.

– Нет, стой! Вот у тебя, например, не выросла утраченная чешуя – ну сделай иллюзию, что она у тебя есть! Если ты можешь придать любые свойства – сделай! Почему не делаешь?

– Пойми, я могу придать свойства телу только в пределах того, что у меня имеется! Проекция моего настоящего тела в виде человеческого – вот что такое я! Если у меня нет на боку чешуи в настоящем теле – откуда она у меня возьмется в проекции?

– Аватара...

– Что? Что такое аватара?

– Ты в человеческом теле – аватара! В моем мире у одного из самых древних народов есть некое верование, так вот, там бог является на Землю в виде своих воплощений, аватар – совершенно разного облика. Интересно... может, это отголоски того, что наши миры когда-то были едины? Что драконы существовали и на Земле? У нас множество легенд и сказаний, связанных с драконами, и они описываются так, как будто реально существовали!

– Не может быть! – преувеличенно удивленно вытаращила глаза Шанти. – Драконов же не бывает!

Они рассмеялись, а потом Андрей осторожно спросил:

– А ты что будешь ощущать, если с тобой займется тот же помощник капитана?

– Хм... любопытный, – хихикнула Шанти. – Во-первых, чего ты привязался к этому помощнику капитана? Да больно он мне нужен, рыжий демон! Во-вторых, я еще очень молода для совокупления, хотя, признаюсь, послушав ваши с Антой страсти, чувствую, как у меня начал просыпаться инстинкт размножения... Мое человеческое тело соответствует семнадцати-восемнадцати годам, но мое основное тело, не аватара, по человеческим меркам еще очень молодо, двенадцать-тринадцать лет, может, чуть больше. Я не могу настроить себя на получение удовольствия от совокупления, потому что я его просто не хочу! Не хочу, и все тут! Мне полетать хочется, покушать, повеселиться. Какое, к демонам, совокупление? Хм... заставил меня задуматься – может, мне тебя в мужья взять... лет через сто? А что? Почему бы и нет... мы с тобой названные брат и сестра, а на самом деле... не пугайся, не пугайся! Я еще слишком молода.

Да и не смогу причинить вам с Антой боли. Вы мне слишком дороги, особенно ты. Живите себе, размножайтесь. Найду себе какого-нибудь самца, когда время придет.

– Я ошеломлен. Я просто не знаю, что сказать. Больше не лягу с тобой в постель – раньше я лежал просто с моей любимой летающей сестренкой-ящеркой, а теперь... Красотка, спи одна, а? – Андрей конфузливо усмехнулся и потер лоб.

То, что сообщила Шанти, ставило с ног на голову все, что он знал о драконах. Так-то она рассказывала ранее – и про то, что основное тело пребывает где-то... непонятно где. В подпространстве. И про свойства. Но он слушал... и не слышал. А ведь стоило подумать над фактами. Они ведь были очевидны. Если он может трансформироваться из человека в подобие помеси медведя, волка и бабуина, почему этого не могут драконы? Фактически та же самая трансформация, только драконы могут перекидывать свою массу куда-то... в Ничто. А раз они трансформируются, то могут ведь приобрести и те свойства, что присущи объекту, в который превратились! Мимикрия, доведенная до совершенства. Не только вид, но и свойства! Совершенные существа.

Андрей задумчиво посмотрел на Шанти, та хитро усмехнулась и спросила:

– Что, думаешь небось – какие совершенные существа? Хе-хе... точно, думал. Да ладно, плюнь. Мы такие же дураки и сластолюбцы, как и вы. Думаешь, зря старейшины так борются за свою власть? Они очеловечились. Не удивлюсь, если у них окажутся человеческие дети. Полудраконы-полулюди. И более того – таких должно быть много. Этот мир когда-то был миром драконов. Откуда взялись люди? И почему старейшины так упорно не дают людям подняться? Ну да, опасаются за свою власть, хотят сохранить свои привилегии, но, может, они охраняют тайну происхождения рода человеческого? Впрочем, в мире так все перемешалось, что сказать наверняка ничего нельзя. Кроме одного – я люблю тебя, братик. Ближе тебя у меня никого нет. К худу ли, к добру, но это так. И ничего не изменилось – я так и осталась твоей сестричкой, хулиганкой Шанти, а ты мой старший брат, мудрый и справедливый. Забудь все, что я тебе наговорила.

«Забудешь тут», – подумал Андрей и посмотрел в смеющиеся зеленые глаза драконицы. Ему было немного не по себе...

– Начинаем. – Ментальный голос Хевессанора был холоден как лед. – По праву заместителя председателя Совета – я начинаю. Итак, сегодня мы

должны выбрать председателя и принять в Совет нового старейшину. Начинаем со старейшины. Самая старая в Совете – Натороканта. Ей и начинать. Предлагаю не выходить на Камень Слова, а говорить с мест – так будет быстрее.

– А куда нам торопиться? – усмехнулась старая драконица. – Это люди пусть торопятся. Ты слишком очеловечился, Хевессанор. Ты уже не можешь мыслить как настоящий дракон. Итак, самый старший в драконьем роду помимо членов Совета – это Шанандор. Вы его знаете. Предлагаю принять его в состав старейшин.

Драконы по одному поднимали гребни – голосование было формальностью, места старейшины ждали тысячами лет, так что было ясно, кто станет следующим. Для порядка, конечно, следовало спросить, согласен ли он. Но на самом деле никто и никогда не отказывался. Шанандор был принят единогласно.

– Теперь – председатель и его заместитель. На мой взгляд, Хевессанор не соответствует должности заместителя, и уж тем более – председателя. Предлагаю его переизбрать. Какие будут предложения? Кого предлагаете? Каждый, как обычно, пишет на табличке имена тех, кого он предлагает на эти должности. Тот, кто наберет больше всего голосов, тот и займет соответствующие места. Итак, начали!

Каждый дракон взял табличку и стал когтем выводить имя претендента. На языке людей. Если бы кто-то упрекнул их в использовании письменности тех, кого они презирали, услышал бы в ответ: «Это мы дали им письменность, мы, драконы! И мы можем использовать ее так, как хотим!» И ни один бы не вспомнил, что на самом деле не они, а драконы-отступники дали людям письменность. И еще многое, многое... прежде чем умерли от старости, растворились в своих потомках, полностью утративших драконьи способности.

Хевессанор тяжело обошел драконов и собрал дощечки. Потом снова взобрался на председательский камень, несколько минут рассматривал доски, раскладывая их кучками, и наконец объявил:

– Новым председателем объявляется Сертанайон, а заместителем Остраназа. Да будет так.

– Да будет так! – торжественно сказали драконы, а Хевессанор сполз с председательского камня и устроился подальше, в темном углу. Ему было горько и обидно, и его снедала дикая ненависть к тем, кто прервал жизнь Даранаяса и нарушил их безмятежное существование...

Красный дракон и зеленая драконица заняли свои места, и Сертанайон объявил:

– После того как мы завершили наши внутренние дела, переходим к тому, ради чего мы, собственно, и собрались. Проблема Балрона. Хотелось бы услышать Хевессанора – что он выяснил? Насколько опасен этот человек и его помощница?

– Это смерть, – холодно ответил дракон. – Всем нам! И если вы думаете, что отсидитесь за морем, ошибаетесь! Скоро он доберется и до вас. Через год, два, десять лет – но все равно доберется. И тогда не останется места, где вы можете спрятаться. Род драконов исчезнет. Мы приложили невероятные усилия, чтобы люди не размножались как насекомые и не вытеснили нас из этого мира, чтобы эта помесь отступников и потомков обезьян не уничтожила род драконов! И что же? Все прахом! Я предлагал вам уничтожить этих тварей, но вы были равнодушны и неразумны. Теперь пожинайте плоды.

– Опять пугает, – проворчала Натороканта. – Старейшины, он болван! Я уже говорила, когда его принимали в Совет, это дружок Даранаяса, тот был не очень умен, а этот совсем болван! Ни один человек не может угрожать роду драконов! У них нет на это ни сил, ни разума!

– Дура! – отчетливо слышалось из угла Хевессанора.

– Что?! Ах ты... – Драконица шустро, несмотря на свой возраст и гигантские размеры, поползла в сторону Хевессанора, оскалив метровые клыки, но председатель грозно окрикнул:

– Устройте драку – оба вылетите из Совета! Трусами! Прецеденты были! Натороканта, Хевессанор – прекратите оскорблять друг друга! Мы собрались, чтобы выяснить истину, а не для того, чтобы слушать грязную брань! Натороканта, ты вечная заноза в заднице – у тебя есть конкретные предложения? Что ты можешь сделать, кроме как обливать старейшин грязью? Пока что, кроме болтовни и ругани, от тебя ничего не услышали!

– Началось! Только залез на председательский камень и уже нажимает на старейшин, – буркнула драконица, и ее слова утонули в шквале неудовольствия старейшин. Она слегка опешила и примиряюще добавила: – Я тоже за дело переживаю! Нечего меня выставять скандалисткой без конкретных дел! Пока вы там думали, я уже все придумала! Готов флот вторжения. Воины Островного королевства высадутся в Балроне и вырежут все его население, вместе с мятежной драконицей и ее человечком. Отплытие после окончания сезона дождей, то есть через месяц-другой. В составе десанта жрецы, так что ни одна душа не пропадет. Мы получим запас энергии еще минимум на сто тысяч лет. Я бы предложила уничтожить и Славию. Мои островитяне размножились, и пора им осваивать новые территории. После Балрона наступит очередь и этой

страны.

– Это хорошо! – удовлетворенно кивнул председатель и посмотрел на нового члена Совета, недоумевающе поглядывающего на остальных старейшин. – Шанандор, все, что ты здесь узнал, услышал и еще узнаешь, – есть Тайна. Если хоть слово выйдет из твоей пасти и станет достоянием остальных драконов нашего рода, не старейшин, – ты умрешь. Ты останешься после сбора, и я сообщу тебе такую информацию, которая не известна никому, кроме членов Совета. Теперь ты старейшина и уйти из Совета можешь только трупом. Учти это. Мы вершим судьбами этого мира, и от нас зависит продолжительность жизни драконов, и вообще – вся их жизнь. Без нас драконы жили бы несколько тысяч лет, не более, а живут десятки, сотни тысяч лет! Мы, хранители, заботимся о драконьем роде. И теперь ты один из нас. Итак, Натороканта собирается отправить флот на завоевание Балрона и Славии. Даем ли мы ей на это разрешение? Шанандор, ты пока можешь не голосовать. Я потом расскажу тебе все, что знаем мы. Ты будешь вместе с Хевессанором курировать материк, на котором находятся Балрон и Славия. Итак, голосуем! Единогласно. Принято. Хевессанор, у тебя есть дополнения?

– Есть. Я не уверен, что флот вторжения сможет победить. Этот человек его уничтожит. Он – демон! Мое предложение – вмешаться старейшинам. Разрушить город, уничтожить оружейный завод и этого человека.

– Неприемлемо, – тут же отреагировал председатель. – Мы раскроем свое существование перед людьми, а остальные драконы узнают Тайну, и начнется смута. Нет. Исключено. Натороканта, мы ждем результатов вторжения. Сбор окончен. Шанандор, останься, я введу тебя в курс дела.

– Нарекаю вас мужем и женой! – Патриарх лучезарно улыбнулся, довольный жизнью, а Андрей усмехнулся про себя и передал:

– Глянь, какой довольный! Как будто не мы с Антой женимся, а он присутствует на своей свадьбе!

– Еще бы ему не быть довольным – ты же его вытащил из провинциальной дыры и поставил на должность патриарха. Сейчас будет хапать обеими руками.

– А ты на что? Олра на что? Следите. Само собой, хапуга. Но это наш хапуга. Лояльный. Немного разгуляться ему можно позволить. Тем более надо, чтобы было за что и этого повесить. Что-то на него уже есть?

– Будет, – уверенно ответила Шанти. – Дай только ему в силу войти. Не отвлекайся от женитьбы. Анта вон поглядывает на тебя.

– Болтаешь? – шепнула Антана. – Хоть бы меня в разговор брали, что ли! Не стыдно одним-то болтать?

– Прости, не хотел тебя отвлекать. Как мне не хочется на этот демонов бал, кто бы знал...

– Я знаю. От тебя такое раздражение исходит, как будто ты должен окунуться в яму с дерьмом. Муж мой, не так это и страшно! Потанцуешь со мной... со знатными дамами – так положено. Попируем. А потом – в постельку, баиньки.

– Так сразу и баиньки?

– Нет уж, и не надейся! – хихикнула императрица. – Все, пошли! Не споткнись о ступеньку, плохая примета!

– Сама не споткнись! – тоскливо парировал Андрей и обреченно побрел в бальный зал, держа жену за руку.

Прозвучали фанфары, и двери в огромный зал распахнулись. Зал был полон – собрался весь высший свет Балрона. На помосте стояли два резных деревянных трона, украшенных позолотой. Они сияли, как будто и вправду были золотыми, а на сиденьях лежали красные бархатные подушечки, разрушающие пафос здоровенных неуклюжих кресел. Почему-то эта деталь насмешила Андрея, и он слегка улыбнулся. Антана не поняла и негромко заметила:

– Видишь, все не так и плохо. Уже развеселился. Хоть развлечешься немного, а то пропадаешь то на заводе, то в порту, то куда-то исчезаешь с Шанти. Я не вижу тебя целыми днями! Ребенок без тебя растет!

– Императрица Антана и принц-консорт Андрей! Да славятся их имена! – прокричал глашатай, и в зале вразнобой завопили:

– Славься! Победители! Славься!

– Объявляется бал по поводу бракосочетания императрицы и герцога Андрея Монаха! В честь этого события приглашены лучшие музыканты столицы, циркачи, актеры. В соседнем зале желающие могут подкрепиться легкими закусками, основной пир будет позже, после окончания танцев! Бал открыт!

Зазвучала мажорная музыка, перешедшая в некое подобие вальса. Императрица сошла с трона, протянула руку, по локоть затянутую в белую кружевную перчатку, и Андрей повел жену к центру зала. Встал в позицию и закружил супругу в прихотливых поклонах и оборотах.

Они разучивали эту танцевальную хрень на протяжении недели, доходило до скандала – Андрей категорически протестовал против того, чтобы его отрывали от дел ради столь бессмысленного времяпрепровождения. Но сдался – после нескольких залпов из

«слезомета», а также поддавшись увещаниям Шанти и Олры, порицающих его за обиды, нанесенные жене.

– Ничего, хорошо получается! – слышались ехидные слова Шанти.

Андрей обернулся и посмотрел на чертовку, стоявшую возле трона, – она была прекрасна в алом шелковом платье, облегающем ее формы так, будто ткань сейчас не выдержит и лопнет. Аристократы, пришедшие со своими разъявшимися женами, шеи посворачивали, глядя на нее.

Рядом стояла Олра, лучезарно улыбающаяся под шепотки дворян: «Бывшая! И не удавил?! Не отравил?! И в монастырь не отправил! Да что же это делается, вот времена настали... и от трона не отдалил... чудеса!»

Олра улыбалась довольно, как наевшаяся кошка, и Андрей невольно отвел глаза, как будто Антана могла увидеть в них измену. Он все-таки не удержался, и они с Олрой... в общем, у них случилось. И не один раз.

Рядом с Шанти стоял Зоран. Он был хмур, а его глаз яростно блестел, все время упираясь в упругий зад Шанти.

Та только похихикивала, когда Андрей упрекал ее, что она возбуждает в парне необоснованные надежды. На что драконица со смехом отвечала: «Ну почему необоснованные? Вот подрасту... пусть пока возбуждается, мечтает... все равно выплеснет все в какую-нибудь кухарку или служанку. Он всех служанок во дворце перепортил! Мне уже жаловались!»

Наконец все свободное пространство заняли танцующие. Андрей отвел Антану к трону, и они уселись рядом, глядя, как кружатся пары.

Императрица была счастлива – это отметили все, кто имел честь быть приглашенным на бал.

Глава 11

– Угощайтесь. Небось в вашей холодной стране таких качественных мидий нет! И осьминогов. Мой повар умеет их готовить с пряностями – получается забавная штука... Ну так что передал ваш император?

– Сумма на вашем счете увеличена на пятьдесят тысяч золотых. Но у него к вам претензии. Два случая нападения на наши корабли. Как вы это объясните? – Посланец императора отправил в рот содержимое раковины, приправленное чесноком, и с удовольствием прожевал.

Отсюда, с широкой террасы, была хорошо видна бухта, в которой покачивались на легкой зыби десятки кораблей. Все они были под красным флагом, флагом удачи и грабежа, флагом вольной жизни.

– Легко объясняется, – поморщился хозяин. – Балронцы стали прятаться под флагом Славии. Как только приходят в Балрон – тут же снова становятся балронцами. А ваши суда не захотели остановиться для проверки, вот их и остановили. Я знаю об этих случаях и приношу свои извинения. Всякое бывает. Никто не застрахован от случайностей. Даже вы.

– Случайностей не бывает, – холодно заметил посол. – Они бывают только у тех людей, которые не хотят предусмотреть все возможные варианты развития событий. Или не умеют это сделать. Но я понял вас. Не забывайте – вы на службе у Славии, ваши деньги находятся тоже там, и земли, и поместья. Да-да, мы все знаем. Про владения в Славии, приобретенные через подставных лиц. И про ваши поместья в Балроне. Вы не любите случайностей, не правда ли? Предусмотрели все возможные выкрутасы жизни. Ну что же, это весьма похвально. Но к делу. Мой император готовится к войне с Балроном...

– Это и осьминогу понятно, – фыркнул собеседник.

– Не перебивайте. Ему нужны средства доставки солдат. А кроме того – обеспечение поддержки вашими баллистами. У вас тут сотня кораблей, значит, минимум две сотни баллист. Это сила. Кроме того, нужны ваши люди – они пойдут впереди нашей армии.

– Ох вы и умники! – не выдержал собеседник посла. – Чтобы мы приняли удар на себя? Чтобы от пиратов остались одни воспоминания? С какой стати мы пойдем первыми? Ладно – обеспечить доставку, ладно – поддержать баллистами, но с какой стати мы будем подставлять свою шею под удар? Мы что, идиоты?

– Не знаю. Я не лекарь, – сухо ответил посланник Славии. – Вы

пойдете вместе с нашими передовыми частями. Все, что вы захватите, награбите, – будет вашей платой.

– А потом? Что будет с моими людьми, когда вы захватите Балрон?

– А вам не все равно? Неужто вам не наплевать на это быдло? На эти отбросы общества? У вас будут деньги, у вас будут земли. Вы получите баронское звание – что еще вам надо? Живите, радуйтесь жизни! Вы же понимаете, что в конце концов это пиратское гнездо придавят – не Балрон, так мы! Вы послужили Славии, получите награду... кстати, вот вексель на те пятьдесят тысяч, о которых я говорил. У вас на счете уже скопилась кругленькая сумма – миллионов десять, по-моему? И это не считая поместий. Вот – указ императора о пожаловании вам баронского звания. А вот – дарственная на поместье в столице. Получите... и вот тут распишитесь в получении. Ага. Вот так! – Посланник подул на листок бумаги с завитушкой, поставленной хозяином дома, и аккуратно уложил лист бумаги в водонепроницаемый цилиндрический чехол. – Ну так что насчет ваших людей? Будут?

– Ну-у... если вы так ставите вопрос – будут люди, – усмехнулся хозяин дома, могущественный владелец острова Шинунал, без разрешения которого ни один пиратский корабль не мог пристать к причалам порта.

Когда-то он начинал как простой разбойник, но за короткое время выделился не только силой, ловкостью и жестокостью, что для пиратов не редкость, но и острым умом, что для разбойников совсем нетипично. Ему пришлось пройти тяжелый, грязный путь, устланный трупами и залитый кровью, прежде чем влез на самый верх пиратской «социальной лестницы». Он прекрасно понимал, что пиратской вольнице когда-то придет конец – не Балрон, так Славия уничтожат неподконтрольную им бандитскую организацию, и тогда... тогда он потеряет все. И останется на шестом десятке лет нищим. Вот потому пиратский «король» и вел закулисные игры с главами двух государств, и вполне успешно, надо сказать. Впрочем, со смертью последнего императора Балрона его контакты с властями этого государства оборвались.

Конечно, его так просто не взять – бухта, где находился город, прикрыта мощными камнеметами, мечущими булыжники весом в сотни килограмм и кувшины с «демонским огнем», пиратские корабли вооружены баллистами, и на их борту сотни вооруженных до зубов разбойников, но... разве он может состязаться с целыми государствами, превосходящими его и в людских ресурсах, и в финансовых возможностях, и в воинской мощи? Нет, конечно. И он это понимал. Только глупец мог думать, что вольница продлится вечно. Капитан глупым не был.

– Скажите... – начал посланник императора Славии и вдруг замолчал, впившись глазами в морскую даль. – Что это?

– Где? – не понял капитан, оглядевшись по сторонам.

– Да вон, на входе в бухту! – Посланник привстал с кресла, показывая на море. – Видите корабль? Нет? Да смотрите же – вон тот, черный, что входит в бухту! Станный... что за труба у него? Неужели повар так растопил печь? А как он идет без парусов? Как он может двигаться без парусов?

– Вот демон! Это «Акула»! – Капитан вскочил и, схватив со стола серебряный колокольчик, начал яростно его трясти, заливая терассу и окрестности мелодичным звоном.

На сигнал прибежали слуги и охрана во главе с кряжистым мужчиной в черном костюме, украшенном скромной золотой вышивкой.

– Быстро дай команду – утопить эту чертову «Акулу»! Всем сняться с якорей и уничтожить наглеца! Навалиться всей мощью, скорее! СКОРЕЕ! Сам пришел, нельзя не воспользоваться такой возможностью...

Над бухтой, притихшей в штиле, над шумным пиратским городом поплыл густой звон тревожного колокола. Все, кто был на берегу, на кораблях, оставили свои дела, с тревогой и недоумением прислушиваясь к медному звону – последний раз колокол звенел, когда между двумя группировками пиратов вспыхнула бойня при дележке награбленного. В схватке тогда участвовало по пять кораблей с каждой стороны, и конфликт едва не перерос в войну, грозившую расколоть все пиратское сообщество.

Хозяин бухты погасил конфликт в зародыше, утопив из камнететов два корабля и повесив капитанов двух других. После этого за справедливым судом обращались только к нему. Что ощутимо увеличило его доходы. С тех пор уже десять лет на острове была тишь и благодать.

Следом загорелись сигнальные костры, выбросив вверх черный дым, замелькали флажки сигнальщиков, отдающих приказ фортам по бокам бухты и капитанам судов.

– Неужто она все-таки попалась? – довольно потер руки хозяин острова, разглядывая корабль, проходящий в центр бухты, на свободное место, – все корабли стояли или у стенок причала, или на рейде вдоль берега, ожидая своей очереди на причаливание или просто отдыхая перед очередной вылазкой.

– Да кто это? – недоумевающе повторил посланец, глядя на покрасневшего от волнения капитана.

– Это судно береговой охраны Балрона, – резко выдохнул пиратский вожак, наблюдая за маневрами черного корабля. – Это наша главная беда!

За месяц десять кораблей захвачено и утоплено, и есть подозрение, что еще столько же не вернутся! Скорее бы вы уж напали на этот демонов Балрон!

– Один корабль не дает покоя сотне ваших кораблей?! Да вы смеетесь, капитан?! – недоверчиво хмыкнул посланец. – Этого просто не может быть!

– Вы отстали от жизни, как вижу... – рассеянно сказал капитан и облегченно вздохнул. – Ну сейчас...

Черное облако из трубы корабля медленно поднималось над бухтой, обрамляя пейзаж будто траурной рамкой. «Акула» сделала поворот и резко остановилась, как будто кто-то потянул ее назад. Парусные корабли были не способны на такой маневр, и разбирающийся в этом посланник удивленно вытаращил глаза. Рядом с кораблем вдруг взметнулись высокие столбы воды – глыбы, выпущенные из камнеметов, промахнулись, и лишь один булыжник, заведомо шедший с недолетом, ударил в корпус судна, и звук от удара донесся до резиденции главы острова. Увы, этот камень ничего не смог сделать, развалился на куски, осыпавшиеся в море. Корабль закачался с борта на борт и тут же ответил громом – с носа и кормы выплеснулись огромные языки пламени, по ушам ударил грохот, а серебряные ложечки и вилки на столе жалобно звякнули, сотрясаемые мелкой дрожью страха.

Там, где стояли катапульты, взметнулось пламя, и два форта прекратили свое существование. Послышался звук, будто кто-то часто-часто забивал гвозди в деревянное бревно, и корабли, которые стали поднимать якоря и готовить абордажные команды, остановились – работать на лебедке стало некому. Убиты.

Пушки отстрелялись по фортам, затем перенесли огонь на корабли. Новейшие разрывные снаряды прямой наводкой били в деревянные корпуса судов на уровне ватерлинии, и каждый взрыв наверняка уничтожал корабль, не имеющий никакой защиты против артиллерийского огня. Корабли тонули, горели, люди падали в воду и спрыгивали сами.

Восемь крупнокалиберных пулеметов системы «акур» очищали палубы будто метлой – расчеты едва успевали менять ленты. Ни один корабль не сумел даже стронуться с места – они погибли на рейде, и теперь из воды торчали лишь мачты, которые облепили уцелевшие моряки. Море вокруг кишело плывущими пиратами, будто головастиками в банке. Оно все шевелилось от человеческих тел, и каждая пуля находила себе жертву. Пулеметы секли тех, кто старался спастись, словно отыгрываясь за десятки лет страха, в котором пираты держали все побережье материка. Море покрылось красной пеной, ко дну шли десятки, сотни людей. Ужаса добавили акулы – для них настал день пира. Похоже, что тут собрались

акулы со всей округи. Море кипело от продолговатых стремительных тел, разрезающих волны высокими плавниками. Пули попадали и в них, разрывая, разрубая на части, которые тут же пожирались родичами хищников. А пушки били, били, били...

Бухту заволокло дымом горящих кораблей, пламя вздымалось выше береговых утесов, и, когда ветер понес его на берег, жители пиратского города отчетливо ощутили запах горелого мяса...

За час стрельбы корабль уничтожил весь пиратский флот. Весь, до последнего корабля. Потом пушки замолчали, и минут пять было тихо. И вдруг они заговорили снова – указующие персты огня были направлены в сторону вилл, построенных на склоне горы, пологим амфитеатром спускающейся к порту. Похоже, что неизвестный капитан решил поквитаться со всеми, кто нажился на крови и грабежах.

Первым погиб пиратский вожак – снаряд разорвался точно на террасе, где тот только что отдыхал со своим славским «другом». Их изуродованные трупы отбросило на десяток метров, будто кучи тряпья. Остальные виллы продержались на полчаса дольше – столько времени «Акула» обрабатывала город, нажившийся на чужой крови.

Когда корабль выходил из бухты, вслед ему неслись проклятия. И немудрено – фактически он уничтожил несколько тысяч человек за какие-то несколько часов. Задача выполнена – здесь никогда больше не будет пиратской базы. Пирсы разбиты, а город горел чадящим пламенем, раздуваемым некстати налетевшим ветерком. Теперь, даже если вернуться те корабли, которых не было в бухте, – делать им тут совершенно нечего. Придется искать другой приют.

– Как стволы?

– Пушки в порядке, господин советник. Шипят только, раскалились. Пулеметы закипели. Пришлось доливать воды в кожухи. Но тоже в порядке.

– Раненые как?

– Да в норме все. Ушибы, пара переломов, ничего опасного. Неужели мы все-таки покончили с пиратским гнездом?! Не верится...

– Надеюсь – да. Скоро мы тут свою базу сделаем. Такое удобное место для контроля перевозок, нельзя его упустить.

Андрей посмотрел на охваченный дымом и огнем пиратский город и слегка удивился масштабу разрушений. Впрочем, немудрено, что город полыхнул, как сухая трава. В основном пираты предпочитали недолговечные деревянные постройки, вот огонь по ним и разгулялся.

Интересно, подумалось ему, что жители города будут делать теперь, когда флот пиратов перестал существовать? Чем будут жить, чем заниматься? Вся их жизнь была построена вокруг грабежа, на обслуживании разбойников. Придется искать новое поле деятельности. До тех пор пока тут не появится военная база... и тогда снова откроются трактиры, публичные дома. Но – не в таком масштабе. Вояки, считающие каждый медяк, не склонны разбрасываться деньгами, это вам не «джентльмены удачи», спускающие за ночь все, что «заработали» за неделю. Впрочем, Андрея меньше всего интересовала судьба трактирщиков и проституток, обслуживавших пиратов. Каждый выбирает свою судьбу, и на чужом горе строить свое благосостояние просто подло.

Жалко было пиратский флот. Строить новые корабли, когда можно было просто отнять их у пиратов? Но все вместе – Андрей, Шанти, Олра, Антана – решили: надо покончить с пиратским промыслом раз и навсегда. Тем более имелась информация, что пираты явно спелись со Славией. Закончиться этой альянс может только одним – вторжением, в котором будут использованы корабли и бойцы пиратского флота. Балрону это надо? Нет. Значит, остается одно – прихлопнуть пиратов, как вредных насекомых. Что он и сделал. Заодно испытал новые снаряды – заводские химики все-таки сумели построить ректификационные колонны и выделить толуол в чистом виде. Теперь, обладая разрывными снарядами, Балрон мог не опасаться ни Славии, ни мятежников. Можно было немного перевести дух и заняться мирным строительством.

После уничтожения пиратов, слух о котором разойдется по всему материку, никто не осмелится напасть на Балрон. И можно подумать о начале вторжения в Славию... через годик. Когда как следует, до конца реорганизует армию и перестроит государство так, что в казну пойдет стабильный доход. Пока что денег не хватало. Разросшийся завод поглощал все ресурсы. И поделаться ничего нельзя, хочешь мира – готовься к войне. А уж если готовишься к войне... не жалеешь денег!

– Иди сюда... ну! Ты любишь меня?

– Люблю...

– Почему так тихо? Говори громче! Громче!

– Люблю... ЛЮБЛЮ!

– То-то же... твоя королева должна почаще слышать эти слова, тебе не кажется? Сюда смотри, в лицо! Ну! – Женщина, как тряпку, отбросила в сторону своего «собеседника» и разочарованно вздохнула. – Животные! На что вы годитесь, животные? Вы даже не можете как следует ублажить свою

королеву. Сегодня ночью ты был вял и неловок, Дроган! Что с тобой? Ты нашел себе другую женщину? Узнаю, что ты развлекаешься на стороне, – умрешь! Я тебя подняла до моего уровня, я тебя и опущу... на кол! – Женщина внезапно захохотала, ей ужасно понравился каламбур «опущу на кол». Хорошо сказано! – Как ты будешь себя чувствовать, когда заостренный кол, смазанный жиром, раздвинет твои кишки и высунется из горла, а? Что скажешь, Дроган?

– Моя королева, чем я вызвал ваше неудовольствие? – Рыжий гигант, который возвышался как осадная башня над хрупкой с виду, русоволосой женщиной, побелел от страха и рухнул на колени, коснувшись лбом грубого деревянного пола.

– Всем. Медленно готовишь армию вторжения. Медленно готовишь корабли. Даже в постели ты такой медлительный, что толку от тебя... как вот от этого уголька! – Она раздраженно пнула сизый уголек, выпавший из жаровни. – Возьму вместо тебя молодого, юнца какого-нибудь, и пусть греет мою постель. А тебя... тебя в жертву. Да ладно, ладно, не бледней, – довольно усмехнулась женщина. – Пока ты мне нужен. Позови ко мне главного жреца и займись делом. Стой! Когда все будет готово к отплытию?

– Через неделю, госпожа. Как только подвезут последнюю партию продовольствия. Как вы сказали, плыть долго, поэтому нужно, чтобы воины не ослабели перед высадкой. Караваны уже на подходе. Корабли наготове, все в порядке.

– Можешь идти. Вечером вымойся как следует, и ко мне.

Драконица возлегла на ложе, застланное драгоценным покрывалом из полярной лисы, и усмехнулась. Тупые люди! Эти твари ничего не могут сделать хорошо. Впрочем, как и драконы. И в этот раз старейшины отказались выбрать ее председателем. Глупые твари! Она еще докажет им, что лучше, чем Натороканта, никто не может сделать нужное дело. Правильно его сделать. Эти два придурка – Даранаяс и Хевессанор ничего не смогли сделать как надо, а она сделает! Итак – высадиться на побережье левее барьерного рифа, за два дня дойти до столицы и захватить ее.

– Госпожа! Вы меня звали? – Человек в меховой куртке, накинутой на темную мантию, склонил голову перед хозяйкой.

– Звала. На каждый корабль посадишь по жрецу. Они должны находиться там, где будут убивать. Не забывай, наша задача не просто убить, а собрать эманацию душ и отправить ее Великому Господину.

– Вы уже говорили это, госпожа. Я все запомнил. – Голос жреца был почтителен, но драконица чувствовала, что внутри собеседника бьется огонек раздражения и даже насмешки.

Она встала с ложа, подошла к главному жрецу и, взяв за волосы, подняла его голову к своему лицу.

– Тварь, ты что себе позволяешь? Ты как разговариваешь со своей госпожой? – Она коротко, без замаха ударила открытой ладонью мужчину по лицу, и тот упал, отлетел к стене, почти лишившись чувств.

Из уголка рта жреца выкатилась струйка крови, тут же загустевшая, застывшая, как на морозе. Он с ужасом смотрел на приближающуюся к нему королеву, попытался прикрыться от нового удара... но его не последовало.

Натороканта подняла мужчину с пола, ласково отряхнула и подтолкнула к двери.

– Иди работай. Исполни то, что я сказала!

Мужчина исчез за дверью, а драконица криво усмехнулась. Она была довольна. С некоторых пор Натороканта выработала особый стиль поведения со своими подданными – они никогда не знали, как их госпожа отреагирует на то или иное деяние. То ли похвалит, то ли посадит на кол. Это приводило их в смятение, они боялись и выше ценили свою госпожу.

Вообще-то королева была искусницей в придумывании различных казней. Некоторые оказывались настолько жестокими и экзотичными, что о них рассказывали по всем селениям, вселяя ужас в людей Островного королевства. Что может быть страшнее непредсказуемой королевы? Любой мог оказаться на жертвенном камне. Тысячи лет она правила этой страной – сама, лично. Ей так нравилось. Другие старейшины неодобрительно относились к ее желанию быть королевой, они всегда действовали из тени, тайно. Идиоты! Нет ничего слаще прямой власти! Что забавного в марионетках-королях, управляемых кукловодами? Они обосновывали это тем, что так удобнее быть над схваткой, не принимая сторону ни одной человеческой группы. Глупо и еще раз глупо. Она старше их всех и лучше понимает, как надо управлять человеческим стадом. Вот если бы во главе Балрона стоял дракон – никаких проблем бы не было! Он, как обычно, по договоренности с адептом Славии время от времени натравливал бы людей друг на друга, собирал души, и все бы шло как надо. Но разве докажешь этим глупцам? Иногда Натороканте хотелось, чтобы не было никакого Совета, чтобы драконами управлял свой король... или лучше – королева. И тогда... уж тогда она бы сделала все как надо.

И кстати сказать – почему бы не использовать изобретения того человека для своих нужд? Если он может убивать драконов, то можно заставить его убить тех драконов, которые ей, Натороканте, ненавистны – а это те, кто не хочет подчиниться ее воле! Убить всех несогласных, убить

лишних людей, создать империю, в которой будут жить люди и драконы, и над ними она, королева сущего! Как долго она шла к этой цели, как долго ждала, когда появится такая возможность, и вот – началось. Теперь нужно правильно все сделать, правильно поступить... Собственно говоря, зачем ей драконы? Оставить какое-то количество этих погрязших в дикости существ, и все. Сколько их сейчас? Триста? Пятьсот? Тупых летающих тварей, зажившихся на этом свете. Их смерть тоже принесет энергию в Артефакт и продлит жизнь Натороканты навечно! Навечно!

Драконица освободилась от своих мечтаний и улыбнулась, вспомнив, как она притормозила расправу на Андреем, приостановила разрушение оружейного завода, – ей было нужно, чтобы он создал свое оружие, чтобы оно на самом деле могло убивать драконов. И тогда... жалкое орудие в чужих руках, этот человечек будет жить, думая, что он борется со Злом. Дурак! Он борется за интересы Натороканты. Не более того. И удачи ему...

Она встала, набросила на плечи меховую накидку и медленно пошла к выходу из покоев. Ее апартаменты находились на втором этаже дворца, врезанного в скалы.

Здесь вообще практически были одни скалы – море, холодное, неласковое, и скалы. Когда-то старейшины поделили сферы влияния, и ей достался этот неприветливый материк. Для виду она повозмущалась, но в глубине души была довольна – не любила жару. Впрочем, плодородная земля здесь была – подальше на юг. Но за нее приходилось бороться с тайгой, выжигать лес, осушать болота. Люди этого края были сильными, жестокими, воинственными. Она всеми средствами поддерживала их воинственность и способность расстаться с жизнью ни за что – в дуэли по поводу неосторожно брошенного слова, в пьяной драке или просто самоубийством, из-за некоего понятия о чести или же по приказу командира. Ею было создано нечто вроде клановой системы. Вожди кланов подчинялись королю, и он решал, как им жить. Фактически же – она правила этим народом, и король был у нее под пятой. Но формально – вся власть была в его руках. Это удобно.

Чтобы народ не начал недоумевать по поводу того, что их королева слишком долго живет, Натороканта время от времени «умирала». Король искал себе другую жену и... счастливо находил. Драконица заранее планировала такое событие, придумывала легенду. Еще она слегка «редактировала» лицо – подрисовывала морщинки. Впрочем, старуху изображать не приходилось – «умирала» до старческого возраста.

С каждым новым королем приходилось работать заново – претендента на трон выбирал Совет жрецов. И выбирали его из вождей кланов.

Тринадцать кланов – тринадцать претендентов. После того как король умирал, выбирали нового, в этот же день, эту же ночь. Никакого наследования. Никаких принцев и принцесс. Король был выборной должностью, и сколько бы у него ни было детей – наследовать трон они не могли. Король обладал огромной властью, но передать ее не мог никому.

Совет жрецов объявлял, кто станет новым королем. Конечно – по указке Натороканты. Семь высших жрецов, семь ее ставленников, обладавших особыми способностями, данными им Артефактом.

Драконица нахмурилась – в последние пятьсот с небольшим лет этот драгоценный объект работал не так, как всегда. Сотни тысяч лет, с тех пор как драконы обнаружили его свойства, они лечились возле Артефакта, восстанавливались после болезни, излечивали раны. И только немногие из них знали, что этот странный камень дает им возможность жить так долго. Как так получилось? Кто первый узнал это? И кто раскрыл его страшный секрет? Неизвестно.

С незапамятных времен старейшины хранили эту Тайну – Артефакт питался душами живых существ, впитывая их, как сухой песок воду. И лучше всего подходили для «питания» камня люди и... драконы.

И вот пятьсот лет назад произошел какой-то сбой. Ранее, для того чтобы жрецы получили доступ к Силе, нужно было доставить их к Артефакту, и лишь потом они становились Слугами Артефакта. Но с некоторых пор свойства Слуг стали проявляться в новорожденных – не у всех, конечно. В Славии их стали тут же забирать, обучать, а в Балроне инквизиция уничтожала этих несчастных, как только становились очевидными их паранормальные способности. Более того, начались мутации. Оборотни – тоже одно из проявлений действия Артефакта.

С одной стороны, вроде и неплохо: чем больше уловителей, передатчиков душ, тем лучше – Артефакт наполняется, и драконы живут, но... Натороканта ощущала неправильность. Что-то испортилось в этом «механизме». Он как будто подчинил себе все и вся, начал распространять свое влияние, завоевывать мир. И еще – у нее было ощущение, что изначально Артефакт не был простым камнем. Откуда первые старейшины узнали, что *Он* требует жертвоприношений в обмен на здоровье и долгую жизнь? Не *Он* ли сказал? Не *Он* ли внедрил в их мозг понимание того, как все надо устроить? И вообще – что *Он* такое? Зло? Кому как...

Разве в мире есть очевидное понятие добра и зла? Люди кричат, что жертвоприношения, убийства, это зло. Кому зло? Драконам? Драконам добро. Людям? Наверное, зло. И что? Люди едят домашних животных, которые им доверяли, которые росли вместе с ними, ели с их руки, – это

как? Добро? С точки зрения людей – да. А с точки зрения коровы, которую хозяйка выпаивала молоком, которая ласково тыкалась ей в бок, – для нее как? А для косули, бродящей в лесу на свободе и не подозревающей, что она, оказывается, создана для того, чтобы ее убили и нарубили в гуляш, – для нее как?

Поэтому драконица совершенно спокойно относилась и к людям, мало чем отличающимся от животных, и к драконам, которые настолько недалёковидны, что вряд ли поймут выгоду паразитирования на людях. Да-да – паразитирования. Натороканта была умна и прекрасно понимала, что такая жизнь есть вид паразитирования. И так же прекрасно понимала, что не все драконы правильно воспримут этот факт, – драконы суть паразиты. Звучит гадко, но... разве это не так?

Тысячи лет старейшины удерживают баланс, делая так, чтобы люди не очень развивались, чтобы не заполнили весь мир, вытеснив драконов, но одновременно поддерживая их, когда популяция слишком уменьшалась. Были случаи, когда приходилось даже останавливать войны, затеянные людьми без участия драконов. И все ради блага людей. Все ради того, чтобы они исправно передавали свои души в Артефакт.

Остров в океане, отвесные скалы, на которые можно попасть только с воздуха, а на них – площадка. Небольшое плато, километра три в диаметре. И посреди него, в углублении, заполненном прозрачной дождевой водой, прекраснейший, великолепный цветок – Артефакт. Он пульсирует, переливается всеми цветами радуги, а когда находишься возле этого чуда, тебя охватывает восторг, наслаждение, тепло... Так бы и стояла возле него вечно...

Но нет, через какое-то время ты испытываешь желание бежать, лететь от него – куда угодно и подальше. Это значит – ты получила все, что мог дать тебе Артефакт. Ты излечилась, ты продлила свою жизнь еще на несколько тысяч лет... и хватит. Лети, живи как понимаешь, как можешь и как хочешь. А хочешь ты – жить вечно, и чтобы Артефакт всегда был в этом мире.

– Ну что, Федя, удачи тебе! – Андрей похлопал друга по плечу и неловко обнял. – За женой я присмотрю, в обиду не дадим. Возвращайся быстрее. Как думаешь, сколько времени займет операция?

– Да кто ее знает, – хмыкнул Федор. – Если поубивать всех к демонам, то быстро. Перевешать, да и все. Но ты же добряк, ты хочешь, чтобы и замирить, и никого не прибить. Так что, боюсь, затянется месяца на два. Идти туда опять же недели три. Вот и считай – на полгода ты меня загнал в

дальние края. Да ладно, не хмурься, шучу! Понимаю, что надо юг почистить. Только и ты потом не ругайся, если придется вздернуть на виселице десяток аристократов, – я это сделаю.

– Не переусердствуй, Федь. Нам с ними жить. Юг – это зерно, это рудники, это золото и серебро, это сера и пирит, это киноварь и медь. Договаривайся, угрожай, привлекай к сотрудничеству. Вздернуть легко. Ты сумей договориться! Ладно, до скорого. Постарайся завершить побыстрее. Не забывай – уводишь самые боеспособные части.

– У тебя еще остается личная гвардия плюс рекруты – они достаточно обучены. Воевать пока не с кем – пиратов разгромили, Славия притихла, так что все будет нормально. Все, поехал.

Федор вскочил на коня и рысью поскакал за последним обозом, выезжавшим из ворот города. Уже перед самыми воротами он оглянулся, помахал Андрею рукой и исчез под аркой.

Андрей проводил его взглядом и, тоже вскочив на коня, поехал во дворец, погрузившись в раздумья, которым не мешали десяток телохранителей, скачущих по бокам. Он уже настолько к ним привык, что и не замечал.

Проезжая мимо восточных ворот, он вдруг передумал:

– На завод!

Пришпорил коня, взявшего с места в аллюр, и помчался, обходя ближе к обочине фургоны, вереницей тянущиеся из города. В этих фургонах везли все – от муки и круп до нефти и слитков металла. Тяжелые телеги продолбили глубокие колеи, и Андрей задумался – не начать ли строить булыжную дорогу? Кстати, пора бы и всю территорию завода замостить камнем, не только основную...

Ворота были открыты, стоял дикий шум – возчики сцеплялись колесами, норовя проникнуть на территорию и разгрузиться пораньше, охранники ругались, им вторили грузчики, возчики витиевато отвечали, и в воздухе висел такой густой мат, что у неподготовленного человека уши норовили свернуться в трубочку. Андрей видал всякое, особенно в армии, поэтому относился к этой неразберихе спокойно и с улыбкой, чего нельзя было сказать о его телохранителях, плеткой разгоняющих воинственных возчиков.

Энар и Акур были в кабинете и очень обрадовались, увидев Андрея.

– Скорее пойдете! Мы покажем вам!

– Чего вы собрались мне показать? – усмехнулся Андрей.

– Увидите! – загадочно подмигнул старший брат и колобком выкатился из дверей кабинета. Следом за ним Акур, Андрей едва успевал за

шустрыми изобретателями.

Привели они его на полигон – пришлось километра два почти бежать за неугомонными братьями. Здесь испытывали все оружие, что делали на заводе. Сейчас механики возились возле установки, которая очень напоминала «катюшу». Только не на машине, а на турели с тремя направляющими. Длинные снаряды с оперением, уложенные на продольные направляющие, нацелены в бугор, находящийся в пятистах метрах, за рекой.

– Вот! – с гордостью сказал Энар. – Смотрите! Не надо стволов, не надо прокатных станов – снаряд сам летит, ударяется о землю и взрывается!

– А если не ударяется? Если он пойдет боком, вскользь?

– У него есть свой взрыватель, медленно тлеющий. Он все равно подорвет заряд! – радостно сообщил Акур. – Вы подали идею, я и сделал! Нитропорох, тол – все как надо!

– Чем запускаете?

– Вот машинка – покрутить, а здесь медный провод, а там щелкает искра – и бах! Полетели! Можно и факелом, но это как-то несовременно. Машинкой лучше. Вес снаряда – пятьдесят килограммов. Втроем загружают.

– А смысл делать такие тяжелые?

– А чего мелочиться? – хихикнул Акур. – Трубы большого диаметра пока не можем, а эти штуки можно любого размера! Хоть с дом! А если попадет в корабль или в ворота... впрочем, я пока сам не знаю, что будет, если попадет в ворота. Но должно быть недурно. Попробуем? Все готово. Только надо спуститься в траншею... на всякий случай.

Вся компания спрыгнула в окоп, и Андрей с интересом взял в руки «адскую машинку» – примитивный генератор электричества. Стоило лишь в общих фразах рассказать принцип действия, и вот...

Идеи витают в воздухе. Если талантливому человеку показать направление, в котором нужно двигаться его разуму, для него нет преград.

Андрей вспомнил фантастический рассказ, прочитанный в юности, – группе изобретателей показали кино, в котором был заснят момент старта антигравитационной машины. Эта машина якобы на старте взорвалась, уничтожив изобретателя. И предложили этой группе повторить изобретение. Через некоторое время антигравитацию действительно изобрели – люди знали, что это возможно, знали, что кто-то это сделал, и они преодолели барьер: «Это невозможно!»

Так и тут – стоило рассказать Акуру, что прибор можно сделать, что он

должен делать то-то и то-то, и вот прибор готов. Голова, умелые руки, много денег и большое количество рук рабочих – и можно сделать все что угодно, рано или поздно.

– Начинаем? Крутите ручку, ваше высочество! – Акур радостно заблестел глазами, и Андрей крутанул ручку три раза. – Нажимайте на рычажок... есть!

Наверху жажнуло, поднялась пыль, и что-то завывало – и-и-и-и-и! Все высунулись из окопа, успев увидеть разрыв здоровенных снарядов. На холме в пятистах метрах от них выросли столбы земли, а по ушам ударил гром. Все благоговейно замерли, и с минуту царило молчание. Потом Акур вскочил на ноги и заплясал:

– Есть! Есть! Получилось! Все получилось, как вы и говорили! Вы гений, ваше высочество!

– Нет, не гений. Вот ты и правда гений, – улыбнулся Андрей. – Сколько снарядов для «катюши» уже готово?

– Катюши? – удивился Энар. – Катюша... а что, хорошее название. Пятьдесят уже есть. Пока больше не делали, надо отстрелять эти, а уж потом...

– Делайте больше. И вот что – мне нужны снаряды, которые будут разрываться без удара о землю. То есть с замедлением в несколько секунд. Чтобы могли разрываться в воздухе. И чтобы это замедление можно было бы регулировать. Вот смотрите – если заполнить эти снаряды по краям свинцовыми или стальными шариками... а в центр взрывчатку...

– Понял! Понял! Ничего сложного! Сделаем! – радостно завопил Акур, будто ему предложили сделать не шрапнельный снаряд, а что-то такое, что останется в истории как самое человеколюбивое из изобретений.

Андрей грустно посмотрел на счастливого изобретателя и невольно вспомнил: «От многия знания многия печали». Для Акура это возможность изобрести новую игрушку, а то, что она убьет множество людей, – так это как в компьютерной игре. Он же их, этих людей, не видит...

– А это не все! – продолжал радоваться Акур. – Пойдемте, еще что покажу!

Изобретатель выскочил из окопа и бросился к накрытым брезентом предметам, торжествующе сорвал ткань... миномет. Андрей узнал его сразу. Да чего там узнавать – наклоненная труба на круглом основании, в ящике – хвостатые круглые мины.

– Калибр?

– Восемьдесят два миллиметра! На это оружие не надо бесшовных труб! Оно дешевое, и мы можем делать их быстро!

– А мины?

– Ну-у... с минами посложнее, конечно. Но делаем же мы снаряды – а мины чем сложнее? Да ничем. Принцип понятен: вышибной пороховой заряд, тол, взрыватель. Главное, не надо сложных затворов, не надо бесшовных труб. Мы каждый орудийный ствол делаем с таким трудом... а тут – дешевый металл, и бах! Полетела! Показать? Мы испытывали – работает отлично.

Андрей помотал головой.

– Верю. Давайте побольше «катюш». И минометов. Всего побольше. И с взрывчаткой осторожнее. И вообще осторожнее. Ты бы сам не испытывал, Акур... не дай бог что с тобой случится...

– Он не может не испытывать, – усмехнулся Энар, – и я не могу. Ну как мы не опробуем свое детище? Это же главное, ради чего мы работаем! Заработало, отладили – хочется попробовать еще чего-то нового. Может, все-таки постреляете из миномета? Он так забавно хлопает... а знаете, далеко ведь бьет! На три версты мину кидает! И не спрятаться от него – она сверху падает. Даже в яме не спрятаться. Забавно так...

– Ага, забавно, – неопределенно буркнул Андрей. – Давайте-ка без меня. У меня дел еще полно. Вы машины для тех двух кораблей опробовали?

– Да, все нормально. Их уже ставят.

Андрей кивнул и зашагал к заводской проходной. Ему катастрофически не хватало времени – он хотел успеть и на завод, и на верфь, и посетить магистратуру, и строительство больницы, и... да много чего «и».

«Куда я спешу, куда? – иногда приходило ему в голову, и он отвечал себе: – Нужно доделать дело! Нужно! Для чего я здесь? Отдыхать? Прохлаждаться? Некогда. Я должен... а что должен? Ну как что? Убрать Зло из этого мира. – И тут же в голове стучало: – Принеся другое Зло?» Вот сейчас он был на испытании смертоноснейших устройств, каких еще не знал этот мир. *Это* добро? Скольких убивают исчадия, и скольких убил и убьет он? И эта мысль, как и всегда, обдала его холодком, прошедшим вдоль спины...

– Посмотри, он ползает! Он уже ползает! – Антана залилась счастливым смехом и подняла смеющегося Марка вверх. – Какой красавчик! Весь в тебя! И никогда не болеет! Умничка! Знаешь, какой он умный? Знаешь? Он сегодня игрушку у Марго отнял и уполз с ней! Вот!

– Ваш ребенок с младенчества начинает проявлять свое пристрастие к

грабежу. Весь в папу, – меланхолично заметила Шанти, покачивая большим пальцем ноги изящную белую туфельку. – Но справедливости ради надо сказать – Марго от него не отстаёт. К чести женского пола, она догнала супостата, отняла добычу и треснула его этой игрушкой по голове.

– Моя дочка! – радостно отметила Олра. – Они и правда очень быстро развиваются, Андрей! У всех просто глаза на лоб лезут – дети в таком возрасте, и уже ползают! И не болеют! Все дивуются!

– Ещё бы им болеть, – передала Шанти, – при папе-то оборотне. Как считаешь, Марго тоже передалась свойства папы?

– Наверное, – передал Андрей, – кровь-то у нее моя! Запросто может быть. Кстати, как бы проблем не было. Что-то опасаться я стал. Если у них рано проявятся свойства оборотня...

– Ну ты же знаешь, что этого не будет, пока не подрастут. Впрочем... все бывает. Вон как быстро они развиваются. Откусит титьку кормилице... шуму будет! Весело!

– Андрей, иди поддержи детей, – предложила Антана. – Надо приучать их к твоим рукам! Держи, держи, ничего с ними не случится!

– Со мной бы ничего не случилось, – сказал Андрей, подозрительно осматривая младенцев, сидящих у него на руках и крепко схвативших отца за нос.

– Ты имеешь в виду, они тебя обдуют? – хихикнула Шанти. – А что, могут. Это не дети, а какие-то ползучие ведра! Такие лужи, какие они делают, только конь может оставить.

– Шанти! Вот посмотрю, какие у тебя будут дети! – возмутилась Олра. – Может, они еще больше лужи будут делать!

– Уверена – больше. – Шанти подмигнула Андрею. – Как ты думаешь, братец, больше?

– Вряд ли. – Андрей со вздохом передал детей матерям и удрученно оглядел мокрые штаны. – Придется идти переодеваться.

Он дернул шнурок звонка и, когда вошел слуга – юноша лет восемнадцати, с приятным лицом, – приказал:

– Приготовь мне свежий костюм. У меня тут кое-какие неприятности. В спальне положи. Да! Приготовь ванну.

Юноша поклонился и исчез за дверью. Андрей шутливо отсалютовал:

– Всем пока! Ухожу опоганенный своими детьми при пособничестве их матерей! Заговор!

– Опоганенный?! – возмутилась Антана. – Да их «водичку» пить можно и к больным местам прикладывать – такая она чистая и лечебная! Такое впечатление, будто тебя и правда кони обдули! Уж не брызни на него,

размокнет, как сахарок!

– Да, размок прямо-таки! – поддакнула Олра и, потянувшись к радостно расползающимся «таракашкам», проворковала: – Идите к маме Олре, детишки! Сейчас вам штанишки поменяем, сейчас... папка злой, папка не любит, когда мы на него пишем! За это мы как-нибудь на него еще и накажем!

– Ага, все усядьтесь и сделайте это на папку, – саркастически заметил Андрей, выходя из комнаты. – Шанти, а ты повыше залезь при этом. Ты же любишь экзотику, высоту, тебе не привыкать!

– О чем это он? – заинтересовалась Антана.

– Не слушай его! – смутилась Шанти. – Болтает всякую чушь! Слушать противно!

– Нет-нет, что все-таки? – Глаза Антаны заблестели. – Чего она опять вытворила? Ну-ка, признавайтесь!

– Да ничего! Чушь он несет! – покраснелась Шанти. – Ну залезла ночью на крышу, походила по краю, по перилам. И что такого? Приятно погулять на высоте, под светом звезд. Небо такое красивое, такое глубокое...

– Ты же могла упасть! – осуждающе покачала головой Антана, и Олра, как ее тень, повторила движение императрицы. – Ночью, по скользкому паркету! Шанти, не надо так делать, мы же переживаем за тебя!

– Ты не все знаешь, – ухмыльнулся Андрей. – Она гуляла по крыше голая!

– Чего-чего? – заинтересовалась Олра. – Голая? Вот это да! А как же охранники?

– Врет! – возмущенно крикнула Шанти и вскочила со своего места. – Не голая я была, а в ночной рубашке!

– Только добавь, что ночнушка едва доставала тебе до задницы и была такой прозрачной, что сквозь нее легко было рассмотреть звезды!

– Какая сволочь сдала?! – Шанти поджала губы и возмущенно помотала головой. – Врут, все врут!

– Ага, врут – теперь весь город говорит, что на крыше дворца появилась Белая Королева и обходит дозором свои владения.

– Что за белая королева? – в один голос спросили Антана и Олра.

– А вы у нее поинтересуйтесь, – поднял брови Андрей. – Уверен, она знает. Работала ведь под нее. Только вот зачем свой зад охранникам показывала... хорошо хоть в темноте лицо не рассмотрели.

– Легенда такая есть, про Белую Королеву, – буркнула Шанти, а потом не выдержала и захихикала. – Видели бы вы их рожи! Особенно когда я зад

показала – факел все осветил, и один из стражников алебарду выронил! А та соседу по башке врезала – ух как он матерился! Впрочем, не очень качественно. Ничего нового я не узнала.

– А чего про королеву-то, чего про королеву? – напомнила Олра, удерживая за пятку упорно уползающее чадо.

– Ну... якобы перед какими-то важными событиями в императорской семье появляется Белая Королева и обходит дозором дворец. И вроде ее видели перед смертью императора. Чушь, конечно, и бред. Но теперь они уверены, что видели на крыше тот самый призрак. Ну чего вы на меня вытаращились? Ну похулиганила немножко, никому же не навредила! Знали бы вы, как приятно стоять на краю крыши, над землей... практически обнаженной, залитой звездным светом... чувствуешь себя такой цельной, такой всемогущей, такой свободной!

– Да-а-а... – протянула Олра. – А я бы тоже забралась на крышу! Я всегда была отчаянной, меня отец за это ругал. Мне сейчас тоже захотелось побродить под звездами... голой, как в момент рождения, свободной...

– И мне... – неожиданно поддержала ее Антана, мечтательно улыбаясь. – Под звездами, в темноте... в вышине...

– Да-да – все ползайте! – фыркнул Андрей. – И детишек захватите! И толпой гуляйте там голышом! Да что мне всё извращения какие-то попадают!

– Не понимает он нежной женской души, – нарочито вздохнула Антана. – Иди переодевайся, опоганенный... Шанти, расскажи нам историю этой Белой Королевы, кто она была, за что ее убили... ее же убили, да?

– Да, да! – закричал Андрей. – За то, что голая по дворцу бегала! Вот ее, извращенку, и прибили!

– Врет, – отрезала Шанти. – Ты иди, братец, мы тут поболтаем. Ни к чему тебе женские бредни слушать!

Андрей выскользнул в дверь, улыбаясь во всю ширь лица. Ему не хотелось уходить, несмотря даже на мокрые штаны. После общения со своей веселой семейкой он всегда получал заряд хорошего настроения, выводящего его из депрессии, в которой он теперь частенько пребывал. Почему в депрессии? Он сам не мог этого определить. Вроде все идет как надо... и вдруг ощущение, что он что-то делает неверно.

Андрей привычно достал из-за пазухи серебряный крестик и, задумчиво погладив, приложил его к губам.

– Господи, дай разумения! Помоги мне справиться, сделать все, что задумано, дай сил, дай мудрости!

И как всегда не услышав ответа, он вздохнул и побрел к себе в спальню.

Брызги били в лицо! Ветер рвал волосы и раздувал парус!

Дроган жадно впитывал морской воздух всем своим могучим организмом и как будто бы набирался силы, все больше удаляясь от материка.

Никогда он еще не заплывал так далеко. Его королева дала ему волшебный прибор, по которому они сейчас и прокладывали курс. А еще – по звездам.

Сто кораблей, каждый из которых нес сто пятьдесят воинов – сильных, могучих, умелых. Их ждали новые земли – с жирными, мягкотелыми людьми, недостойными той территории, которая им досталась не по праву. Будет много крови, будет много пиров, будут женщины – законная добыча каждого воина, будут рабы, будут несметные сокровища – королева никогда не ошибается.

Надо сказать, что Дроган боялся королеву до обморока. В ее хрупком на вид, гибком, сладострастном теле таилась невероятная сила. Она могла запросто переломить пополам любого из самых сильных воинов, разметать целую армию.

Дроган и боялся ее, и благоговел перед ней. Он готов был лизать ей ноги, лишь бы она была довольна. Впрочем, иногда она позволяла ему это делать...

Никто не знал о ее власти, никто не знал о ее могуществе. Для всех она осталась сейчас дома беречь домашний очаг, но на самом деле – Дроган знал – когда его воины ступят на землю теплого материка, Королева будет уже там. Чей вид она примет – неизвестно. А может быть, она уже здесь, приняла облик одного из воинов или облик жреца? Ему это неизвестно. Табу. Все, что касается королевы, все, что касается жрецов, – табу. За попытку проникнуть в тайну можно поплатиться головой.

И такие случаи в истории были. Дважды короли были низвергнуты жрецами и закончили свои дни в муках, и муки эти были страшны. Зачем Дрогану эти неприятности? Он король всего народа, он может творить со своими людьми все, что захочет! Прикажет – и все воины в этой ладье перережут себе глотки! Прикажет – и они прыгнут в море, на корм морским тварям, потому что приказал он, король, а его слово – закон. Иначе... иначе они закончат жизнь на жертвенном камне или умрут, покрывшись страшными нарывами от проклятия жрецов. А еще умрут все их близкие – жены, дети, братья, сестры, родители...

Дроган усмехнулся и тут же вздрогнул, вспомнив зеленые глаза королевы... да, он благоговел перед ней, любил ее, но как же хорошо оказаться подальше от нее и насладиться иллюзией собственной свободы и значимости! Здесь, в море, – он свободен.

Еще неделю их ладьи будут пробиваться через океан, а потом... потом оружие напьется крови. Пятнадцать тысяч могучих воинов, лучших из лучших, не боящихся смерти, – кто сможет им противостоять? Если только демоны, да и то... это еще надо посмотреть, кто кого.

Глава 12

– Рассказывай.

– Основная часть армии ушла из города на усмирение юга. Командует армией друг консорта, генерал Федор. В городе осталась стража и охрана. Консорт и его советница Шанти постоянно на заводе, с оружейниками. Уезжают часа через три после рассвета и возвращаются за полдень. Во дворце остаются императрица с наследником и бывшая жена консорта с его дочерью.

– Какова охрана дворца?

– Очень сильная. Особая гвардия – спецназ, ну и обычные охранники. Спецназ вооружен пистолетами и штуцерами. Против них никто не устоит. Обычные охранники тоже непросты – у них пистолеты. А также сабли, алебарды, копья и все такое прочее. Насколько я знаю, круглосуточно несут службу триста человек плюс шестьсот человек в казарме возле дворца. После уличных беспорядков охрана усилена и обучена быстро блокировать улицы вокруг дворца.

– Что такое пистолеты, штуцеры? Можешь описать действие?

– Штуцеры – это такие металлические трубки на деревянном ложе, прикладываются к плечу. Имеют два заряда, два раза выстрелил – перезаряжай. Перезарядка происходит в течение двух-трех секунд, их специально тренируют делать это быстро. Штуцер стреляет пулей – это такая продолговатая металлическая болванка, которая пробивает любые латы на расстоянии в несколько сотен метров. Эти солдаты непобедимы.

– А что такое пистолеты?

– То же самое, что и штуцеры, только очень короткие, для ближнего боя. Вся армия Балрона перевооружается, у всех будут штуцеры, винтовки и пистолеты.

– Что такое винтовки?

– То же самое, что и штуцеры, только длиннее и дальнобойнее. И диаметр стволов поменьше. Трубок этих самых.

– Как защищен порт?

– Никак. У нас с давних времен не было морских сражений, даже флота военного почти нет – не считая кораблей стражи. Ни катапульт, ничего. Единственная серьезная опасность – «Акула». Она одна может разнести целый флот.

– Что за «Акула»?

– Корабль береговой охраны. Его переоборудовали несколько месяцев назад. Он может двигаться без парусов, покрыт металлической броней, на нем стоят две пушки и восемь пулеметов. А еще на нем находится абордажная команда – пятьдесят человек отборных головорезов спецназа.

– Уничтожить целый флот? Ты не врешь? Сказки...

– «Акула» в одиночку уничтожила несколько десятков кораблей в бухте острова Шинунал. И весь город Шинунал. На месте города теперь только обугленные остовы домов, причалов больше нет, а корабли пиратов лежат на дне бухты. Информация точная.

– Чем же она так? Как такое возможно?

– Пушки. Пушки бьют на несколько верст, выбрасывая снаряды – металлические болванки, которые взрываются при попадании в цель, уничтожая все, во что попали. Один-два выстрела – и корабля нет. И пулеметы – представьте себе штуцер, который выбрасывает пули непрерывно, как будто поливает струей воды. Это смерть, плавающая смерть – вот что такое «Акула». Но она сейчас в экспедиции, патрулирует между Шинуналом и границей Славии. Отлавливает последних оставшихся пиратов. Они же не все были в порту – кораблей двадцать осталось на плаву и усиленно грабят, зная, что скоро их прижмут совсем. Грабят всех – и славийцев, и балронцев. Вот «Акулу» и отправили показать им, кто в доме хозяин. Ушла три дня назад, и насколько знаю – дней на десять точно. А может, и больше.

– Хорошая новость... очень хорошая. Расскажи о заводе – что это за завод? Что на нем делают? Какова охрана? Все, как о дворце императрицы.

– Завод. Это фактически город в нескольких верстах от столицы, и сам он тянется на несколько верст. Окружен стеной, как город. Находится на берегу реки. Это город-мастерская с населением в несколько тысяч человек. Точное количество жителей неизвестно. На его территории имеется химическое производство, изготовление изделий из металла и... да чего там только нет! Описать это трудно и займет много времени. Главное – там делают все оружие, что изобрел консорт и его инженеры. Там же склады с готовым оружием и снарядами к нему. Вокруг завода живут рабочие – каждому построен дом. Город, настоящий город. На территорию завода вход только по специальным разрешениям, отпечатанным на бумаге, – их называют пропусками. Работают круглосуточно, по очереди – это называется посменно.

– Да плевать, как они работают! Охрана! Сколько охраны?!

– Точное количество неизвестно. И не в количестве дело. Завод окружен стеной десятиметровой высоты и четырехметровой толщины,

которую не пробьют и стенобитные машины. На стене стоят пушки, пулеметы и еще какие-то штуки, которые только что появились – что-то вроде пушек, что ли. Говорят, страшные по силе приспособления. На заводе запасы продовольствия на случай осады, воды у них хватает – из реки. В случае опасности они могут держать осаду месяцами, а то и годами. Оружия у них – горы. Кроме того, можно вооружить рабочих. На территорию завода попасть без разрешения невозможно. Подойти – тоже.

– По реке?

– Решетки до самого дна, стена выходит и за реку. Стена длинная, но охраны хватает, чтобы успеть везде, где им нужно быть. Подойти незаметно нельзя – деревья вокруг срублены на пятьсот метров, бугры скрыты. Ровная площадка, на которой можно уничтожить любое войско – вспомните «Акулу», что она сделала с Шинуналом, – так это еще страшнее.

– А дома вокруг? Они охраняются? Ну те, где живут работники.

– Стража. Патрулируют. Обычная стража, с обычным оружием. Ловят дебоширов, воров – как обычная стража. Такой, как на территории завода, стражи нет.

– А что, у охраны императорского дворца нет пушек и пулеметов?

– Мне об этом неизвестно. Туда не подпускают чужих, останавливают на подходе, за два квартала. Может, и есть. Скажите, вы готовите вторжение Славии в Балрон? По морю вы не пройдете – придется идти мимо «Акулы», а она потопит флот. По суше... я бы уже знал, если бы войско, способное взять столицу, подходило к ее стенам. Кто вы, госпожа? Мне сказали, что вы из Славии...

– Тебе какая разница? С какой целью спрашиваешь? Я тебе плачу, ты даешь информацию. Заткнись. Говори только тогда, когда я спрошу. Иначе ты умрешь и не воспользуешься своим золотом.

– Да я ничего, – нахмурился Данеро. – Надеюсь, я не пострадаю за то, что дал вам эту информацию...

– Надейся, – улыбнулась Натороканта и, ухватив Данеро за голову, переломила ему шею, как сухую ветку. – Все мы на что-то надеемся, не правда ли?

Она встала, отбросив труп бандита, положила назад в сумку мешочки с золотом, которое принесла для оплаты за информацию, и вышла из кабинета, накинув на голову капюшон. Она узнала то, что хотела. Можно было бы, конечно, не убивать подонка, но... зачем рисковать? Зачем ей слухи о том, что скоро начнется вторжение. Вместе с Данеро умерла и информация. Человеком больше, человеком меньше – какая разница? Больше ей от него ничего не было нужно.

Драконица проскользнула мимо охранников, равнодушно посмотревших ее вслед, прошла через зал трактира и оказалась на темной ночной улице. Пройдя примерно с квартал, Натороканта запрыгнула в ожидающую ее карету, и та тут же тронулась, увозя седоков подальше от страшного района. Человек, сидевший в карете, облегченно вздохнул и спросил:

– Узнали то, что нужно? – И, не дождавшись ответа от надменной собеседницы, добавил: – Данеро знает все об этом городе и его жителях. Скажите, я могу рассчитывать на то, что, когда захватят город, мои владения останутся целы? Что меня не тронут?

– Можешь, – фыркнула драконица и приказала: – Вели кучеру остановить здесь. Вот твое золото, оно не понадобилось. Здесь я сойду. Если понадобится – я тебя найду.

Она вначале хотела убить и этого человека, но передумала. Может, пригодится... Уже когда рассталась с ним – пожалела, надо было и его убить. Зачем он теперь нужен?

Владелец кареты мелко закивал головой на слова собеседницы – он считал Натороканту представительницей славийского правительства. Драконица проникла в его дом и пригрозила смертью, если он не поможет ей узнать нужную информацию. Он и вывел ее на Данеро. Кстати сказать – барон был третьим, к кому она обратилась за помощью. Драконица просто выбирала дома побогаче, проникала в них под личиной птицы или кошки, а потом искала того, кто может ей помочь в поиске нужных сведений. Два предыдущих аристократа были ей совершенно бесполезны, потому она уничтожила их без всякого сожаления. Можно было, конечно, просто полететь в тот же дворец или на завод и самой попытаться узнать все, что ей нужно, но кто знает – вдруг они умеют распознавать ауру дракона? Зачем рисковать? А кроме того, ей был нужен человек, который даст полную информацию не только о заводе – обо всем, что делается в городе. И она такого нашла. Пусть даже и пришлось попутно убить несколько человек.

Теперь на картину происходящего легли последние мазки. Все складывалось на удивление удачно для армии вторжения, и Натороканта торжествовала – завтра утром корабли Островного королевства воткнутся своими носами в землю Балрона. Первоначальный план следовало изменить, ни к чему скрываться и высаживать армию где-то вдалеке – не лучше ли сразу высадиться в незащищенный порт? И не надо преодолевать городскую стену – идиоты не удосужились защититься со стороны моря!

В глубине души драконицы копошились сомнения: неужели люди

могли допустить такую оплошность? Но она быстро отбросила эти мысли – люди вообще такие идиоты! Они и не такую дурость вытворяют. А в то, что их оружие такое страшное, такое могучее, она не верила. Один корабль уничтожил целый флот? Чушь! Но тогда, возможно, Данеро врал и про другое?

Запутавшись в своих мыслях, сердитая драконица приняла облик большой морской птицы и взлетела в небо, взяв курс на корабли армады. Лететь пришлось несколько часов. Выбрав судно, над которым развевался королевский штандарт, Натороканта скользнула вниз и через минуту уже стучала в дверь, за которой спал Дроган.

– Дрыхнешь? – бросила она, стремительно врываясь в каюту. – Слушай внимательно. Планы высадки меняются. Срочно передай на корабли: изменить направление движения на пять градусов влево. Будем высаживаться прямо в столице, в порту. Он не защищен. Кстати, нам везет – армия Балрона недавно ушла на юг, умиротворять мятежный район. Балрон сам падает нам в руки. Передавай приказ, и я кое-что еще расскажу, очень важное...

Дроган кивнул и вышел из каюты. Через несколько минут с флагманского корабля понеслись серии вспышек – сигнальщик передавал на остальные корабли приказ короля. Дроган проследил за исполнением и снова вернулся в каюту, где его ждала драконица, нетерпеливо постукивающая пальцами по столу.

– Теперь слушай! – И Натороканта изложила все, что узнала о защите порта, дворца и завода.

Дроган слушал не перебивая, потом спросил:

– Их оружие на самом деле такое сильное? Или это рассказы?

– Возможно, что и не рассказы, – неохотно призналась драконица. – В любом случае, пока не попробуем, не узнаем. В общем, так: высаживаемся, часть сил отправляешь к дворцу, часть пусть режет горожан. И часть – на завод. Только не бегите, как бараны, к заводу – вначале небольшой отряд, на разведку. Потом только основная группировка. Когда войдете во дворец – мне императрица и ее сын нужны живыми. И ее муж – тоже. Он будет работать для нас, а чтобы заставить его – возьмем жену и сына. Остальных можете вырезать. Впрочем, нет. Бывшую жену оставите в живых и ее дочь. Это тоже его ребенок, так что пригодится. Отдыхаем. Завтра будет тяжелый день...

Драконица подошла к кровати и упала на нее, раскинув руки и закрыв глаза. Ей предстояло многое обдумать, и не только завтрашний бой. Что бой? Проиграют они завтра или победят – она все равно в выигрыше. Но

как хочется заполучить этого Андрея! С ним бы она точно завоевала весь мир...

Наблюдатель на смотровой башне порта протер сонные глаза, потом взял глиняную бутылку с водой, вылил немного на ладонь и плеснул в лицо. Прохладная жидкость освежила, а то хоть палочки под веки вставляй, чтобы не закрывались. Ночное дежурство всегда очень тяжелое. Лучше два дневных, чем одно ночное. Однако были и свои преимущества – все утром на службу, а он в постель, немного поспит, потом затащит в постель Дагру и... потом снова поспит. Чем не жизнь? Так-то служба на смотровой башне необременительна – стой и смотри в море. Только вот что там увидишь – редкие купеческие суда, которые не отстоялись ночь на якоре по причине своей торопливости, да пираты, которые, впрочем, давненько тут не появлялись. Они лежат на дне морском – чего им появляться-то? Так что спи и спи. Как же, дадут тут поспать! Чертов проверяющий может притащиться в любой момент, а тогда прощай недельное жалованье, и плюс шкуру спустят плеткой. В прошлом месяце Граст заснул на посту, да еще и нажрался вина – так его прогнали сквозь строй и всю спину исполосовали! Новый начальник портовой стражи сам не спит и другим не дает! Ну вот сказать по правде – какого демона туда смотреть? Ну что там в темноте на этом демоновом море можно увидеть? Кто там может... что? Что это?

Стражник заворуженно смотрел на стаю здоровенных кораблей, похожих на громадных морских птиц. Они, как в дурном сне, медленно, но верно приближались к берегу. Даже в предутренней серой тьме было видно, как поднимаются и опускаются весла, толкая суда вперед, и большие белые паруса раздуваются под утренним ветерком. Отсюда, с расстояния в несколько верст они казались маленькими, будто игрушечными, но солдат видел, насколько они велики.

«Славия? Вторжение!» – первое, что подумал стражник и ударил себя кулаком в лоб: проспал, болван! Их надо было заметить еще на горизонте! А он... Впрочем, как их заметить в темноте? (Он не знал, что Натороканта специально подгадала так, чтобы корабли подошли под утро, задержала эскадру за пределами видимости с берега.)

Стражник рванулся к бронзовому колоколу, висящему посреди башенной площадки, и, ухватив за толстую веревку, стал раскачивать тяжелый язык. Ему всегда хотелось попробовать, как звучит этот колокол. Говорят, что в него били редко – последний раз, когда в порту был большой пожар и сгорело судно, груженное хлопком. Но тогда он еще не служил. Ему всего-то от роду двадцать лет. Только женился. Жена на сносях, и вот –

вторжение. Везет как пловцу, сожранному акулами...

Густой металлический гул полетел над предутренним портом, над городом, над заснувшими причалами. Начальник береговой стражи вскочил с постели – звук колокола был таким могучим, что разносился на всю округу, тем более что жил главный стражник недалеко от порта, чтобы в случае чего прибежать на службу за считанные минуты.

Выглянул в окно – на башнях горели сигнальные огни, подкрашенные специальным порошком в красный цвет. Вторжение! Опасность! Сбор всем!

Хестар лихорадочно натянул штаны, нацепил портупею с мощным двустольным пистолетом, надел саблю, потом вспомнил – надо кольчугу. Хотел вернуться, но махнул рукой – некогда!

До порта было около полутора верст бегом, и пробежал он их в рекордное время, как будто бежал от смерти.

В порту уже все кипело – бегали дежурные наряды, солдаты с заряженными штуцерами выстраивались цепью, на башнях расчехляли плотно укрытые брезентом пулеметы и пушку.

Всего было четыре «акура» и одна семидесятишестимиллиметровая пушка, стрелявшая разрывными снарядами. Начальник портовой стражи просил поставить ему больше орудий, но, увы, часть пушек ушла с Федором, часть стояла на стенах завода, две на «Акуле»... порту досталась только одна. И четыре пулемета. Боевых действий после того, как разгромили пиратов, не предвиделось, так что смысла в особом усилении порта никто не видел. И теперь Хестар сжимал кулаки так, что ногти до боли врезались в ладони, – если бы пушек побольше! Если бы...

– Гонцов во дворец! Быстро! В казармы! Поднять всех! Стрельба по команде! Приготовились!

Начальник стражи вглядывался в подходившие галеры. Они были уже довольно близко и неслись, как будто на них установили паровые двигатели, – им помогал утренний ветер с моря, раздувавший огромные паруса. На каждой галере виднелось не менее полутора сотен человек. Чужаки уже поняли, что их обнаружили, не скрывались и распевали что-то ритмичное, грозное, отголоски доносились и до башни, на которой стоял начальник стражи. Хестар прикинул расстояние и скоординировал:

– Пушку наводить! Бей по ближайшим, без команды! Как только начал тонуть – бей другого! Удачи, ребята! Пулеметчики – огонь, как только корабли окажутся в пристрелянной зоне. То же самое штуцерники. Упавших в воду не бейте – пусть акулы работают. Ребята, покажите все, чему вас учили все это время! Огонь!

Щелкнул затвор, через несколько секунд пушка рывкнула, выбросив ослепительный в предутреннем сером тумане столб пламени, и началось...

Пушка била каждые несколько секунд. Снаряды ложились довольно точно – каждый второй выстрел накрывал галеру. Увы, точнее не получалось. Галеры не стояли на месте, приходилось все время менять прицел, притом они были направлены носом к берегу и представляли собой гораздо меньшую по размерам мишень, чем если бы повернулись бортом. В любом случае – десяток галер уже были разбиты, три тонули, а еще три качались на зыби и усиленно тушили возникший на них пожар.

Пулеметы поливали чужие корабли смертоносным дождем, сметая с их палуб все живое. Пули с чавканьем впивались в дубовую обшивку, пробивали ее, и многие весла уже бессильно повисли у бортов кораблей, вырвавшись из рук мертвых гребцов и мешая судам продвигаться к берегу.

За полчаса из ста кораблей, недавно бодро рассекавших волны, остались относительно целыми всего шестьдесят. Пулеметы и пушка выкосили около пяти тысяч воинов Островного королевства.

Увы, как ни старались защитники порта остановить неприятеля на подступах к берегу – армада упорно продвигалась вперед. Эти люди не знали страха. Вся их жизнь была подготовкой к смерти, и что им смерть, когда в загробном мире их ждали лучшие наложницы, вкусная еда и дуэли с утра до вечера! Вот жизнь, достойная воина, и нужно лишь умереть, чтобы оказаться в божественных чертогах. Главное – не струсить, и будешь на небесах. А если трусишь – демоны заберут тебя в ад и будут пытаться вечно, вечно, вечно!

Когда корабли приблизились на расстояние пятисот метров, к обстрелу подключились штуцерники – они били залпами, по команде капралов, а потом кто как хотел, выбирая себе отдельную цель. Уже были видны лица русоволосых и рыжих бородачей, потрясающих мечами и топорами. Они что-то кричали, но никто не мог понять что. Этот язык не был известен в Балроне.

Когда галеры были метрах в трехстах от берега, подоспело подкрепление из дворца, во главе с Андреем и Шанти. Они привели полк спецназа, и те тут же включились в обстрел. За те минуты, что галеры шли эти триста метров, они потеряли еще три тысячи экипажа, расстрелянные в упор прямо на кораблях и при высадке на берег.

Галеры воткнулись в берег, в причалы, и с них выплеснулась ревущая орда здоровяков, залитых кровью товарищей, разъяренных и бесстрашных. Каждый штуцерник успел выпустить еще по два заряда, пока их не смяли – чужаки рубили балронцев так, будто в них вселились демоны, не обращая

внимания на раны и хлещущую из них кровь, били, пока не падали, изрубленные чуть ли не на куски. Их было много, слишком много, и они подавляли массой и яростью.

Балронцы дрогнули и стали отступать к башням с пулеметами. Пулеметы молчали – их нельзя было использовать, пока защитники порта находились в такой близости к врагу.

Андрей и Шанти отступали последними, будучи на острие сопротивления. Они стояли рядом и рубили всех врагов, что имели неосторожность приблизиться к ним на расстояние удара сабли. Каждый удар, нанесенный кем-то из этой пары, убивал или калечил. Они встали перед входом в башню и, пока внутрь не вбежали оставшиеся в живых бойцы, не оставили свою позицию. Все башни были соединены переходами, так что, попав в одну, можно было перейти во все остальные.

Неожиданно напор врага ослаб, и, подчиняясь команде, чужаки побежали из порта в город, устилая землю трупами – вслед им начали бить все пулеметы, уже раскаленные от перегрева.

Андрей прислонился в стене, стер запястьем кровь со лба и тихо сказал:

– Это будет славная охота, Маугли...

– Ты с кем разговариваешь? – мрачно осведомилась Шанти, бросая на землю здоровенную абордажную саблю. – Они к дворцу побежали и к заводу! Надо что-то делать!

– Я знаю. Нужно подумать. Самое плохое, что они подобрали оружие с наших бойцов. Вот теперь начнутся настоящие проблемы.

– Ушли в город! – задыхаясь, доложил подбежавший Хестар, чудом уцелевший в битве.

– Сейчас они режут горожан, – кивнул Андрей. – Завод прикрыт, дворец прикрыт, там они ничего не достигнут. Нужно ударить им в спину. Что это за люди, не знаете?

– Никогда не видел таких. Говорят непонятно. Некоторые слова вроде знакомы, но... Мы их как косой скосили, а им хоть бы что! Да что же за твари такие?!

– Сколько осталось бойцов?

– Сотни две. Погибли две тысячи, – угрюмо пояснил начальник береговой стражи, глядя на территорию порта, устеленную трупами и тяжелоранеными, стонущими, кричащими, как дети, бьющимися в последних судорогах. – Эти гады бросили свои галеры – и в город! Они ненормальные. Не могут люди быть такими! Их даже пуля не останавливала! Я видел! Насквозь прострелили, а он бежит! И зарубил

стрелка!

– Хватит нагнетать, – перебил его Андрей. – Берите бойцов, собирайте раненых, оружие и снесите в башни. Мы с госпожой Шанти – к дворцу. Сотню бойцов со мной. Все ясно?

– Ясно. Выполняю! – Хестар отсалютовал и побежал к башне.

Через несколько минут перед Андреем выстроилась шеренга солдат, которых отрядили им с Шанти в сопровождение, плюс трое оставшихся в живых личных телохранителя Андрея.

Андрей обвел взглядом море, усыпанное обломками судов, поле боя, в два слоя переложенное трупами, и скрипнул зубами – как бы сейчас пригодилась бригада, что ушла с Федором! Лучшие бойцы! Умелые, тренированные! Вернуть назад? Как? Если только Шанти?..

– Девочка, на тебя надежда. Лети за Федором. Пусть бросает все – обозы, пушки – и галопом на помощь. Дворец они не возьмут, завод тоже, но Анкарру снесут и жителей перережут – это точно. Лети, сестренка!

– Поняла, – передала Шанти. – Лечу!

Драконница быстрым шагом отошла за выступ башни, где ее не могли видеть солдаты, Андрей же переключился на новую задачу:

– За мной! Стрелять по команде, не отставать! Бегом!

Во главе отряда он побежал к дворцу, лихорадочно соображая – а как вообще-то он сможет туда войти? Если дворец осадили? Был путь, но... А куда деваться? Опять в канализацию... И он повернул к тому месту, где труба выходила к берегу моря.

Когда Андрей выскочил за дверь и в коридоре зашумели, затопали солдаты, Антана вскочила и стала быстро одеваться, не прибегая к услугам служанки. Она вообще терпеть не могла этот обычай – почему это императоров должны одевать слуги, как будто у них самих не хватало на это сил? Ну да, все эти платья с корсетами требовали помощи, самой управиться с множеством крючков и шнуровкой было мудрено, но императрица и не носила неудобных платьев. За ней следом и придворные дамы избавлялись от дурацких кринолинов и корсетов.

Андрей очень поощрял такие простые, элегантные наряды и даже подсказал несколько фасонов платьев, которые сидели на императрице умопомрачительно.

В этот раз Антана надела мужской костюм. Война есть война. Мужское дело.

Огляделась по сторонам и пожалела, что Андрей не оставил ей пистолета. Он объяснял это тем, что не дай боже ребенок ухватится за

спусковой крючок – и будет беда. В крайнем случае, если приспичит, она и голыми руками уложит кого угодно. Конечно, она слабее Андрея, но толпу мужиков разбросает за секунды. Все-таки оборотень, Зверица.

– Анта, что случилось? Что? – В комнату ворвалась Олра, на руках она держала Марго, уже одетую в ползунки и ботиночки. За ней следом в комнату вплыла кормилица, напоминающая «Акулу» своими могучими обводами, – она держала на руках Марка, за ней Никат, который был телохранителем Олры. Семья Никата жила во дворце, чтобы ему было удобнее круглосуточно быть рядом с хозяйкой. Следом вошла воспитанница Олры Дирта, которую некогда Андрей спас от насилия в трущобах славийского города. Появился и Зоран, зорко поглядывающий по сторонам единственным глазом. Они все вопросительно посмотрели на Антану, и та, помедлив пару секунд, сказала:

– Нападение на столицу с моря. Андрей и Шанти с полком гвардейцев побежали в порт отражать нападение – слышите, пушки бьют? Нам приказано сидеть во дворце и... не бояться. Все будет хорошо!

– Ваше величество! – За спинами приближенных появился Зиртон, начальник личной охраны императрицы. – Господин Андрей приказал поставить охрану вокруг ваших покоев. Прошу вас, пройдите в обеденный зал, там приготовлен завтрак и все необходимое для детей.

– Спасибо, Зиртон. – Императрица взяла из рук кормилицы Марка, прижала к себе, как свое главное сокровище, и быстро пошла по коридору. За ней последовали остальные.

Возле входа в обеденный зал стояли десятка три солдат в полном боевом вооружении, они отсалютовали императрице и распределились по коридору, наблюдая за окнами и дверями.

К завтраку никто не притронулся. Люди хмурились, на лицах тревога, и лишь младенцы радостно гугукали и вопили, требуя, чтобы их спустили на пол. Кормилица скептически смотрела на то, как Антана обращается с ребенком, на Олру, пытающуюся справиться со своим сокровищем, потом предложила:

– Ваше величество, да пустите его поползать! Госпожа Олра, вы тоже! Какая разница, сидят они у вас на руках или же ползут? Если что, мы их сразу подхватим! Да и что может случиться – тут солдат больше, чем блох на дворовой собаке!

– И правда, чего это мы? – облегченно вздохнула Антана. – Спасибо, Ганга, немного успокоила. Действительно, чего это мы? Дворец это суцья крепость, Андрей наставил охранников, пулеметы на крыше – чего нам бояться? Даже драконы не пробьются!

– Хе-хе-хе, драконы! – заухала кормилица. – Скажете тоже, ваше величество. Драконы! Пока что я тут одного дракона вижу, и тот одноглазый! – Огромная женщина легонько толкнула Зорана в плечо, и он чуть не свалился от дружеского тычка.

Антана с усмешкой подумала, что кормилица, если бы захотела, могла бы, наверное, самого Никата в узел завязать, и это притом, что он когда-то был кулачным бойцом и выступал на арене.

– Пулеметы! – озабоченно сказала Олра. – Пулеметы начали стрелять! Слышите? Похоже, что приступ. И в ворота бьют. Антана, во дворце есть запасной выход? Так, на всякий случай...

– Есть. Через канализацию. Подземный ход из кухни, правый крайний чулан. Там люк под замком. Ключ лежит наверху, за балкой. Мало ли что случится – спасайте детей. Слышала, Ганга?

– Слышала, ваше величество... Но чего вы удумали? Да не взять нас никому. Там стены толщиной в человеческий рост! И ворота железные!

– Это точно, железные, – проворчал Никат. – Слышите, бьют чем-то? Как в колокол. Пойду узнаю, что там и как.

– Да-да, сходи, Никат! – обрадовалась Антана. – И поскорее возвращайся. Девочки, давайте-ка позавтракаем. Что значит не хотите? Давайте-давайте, легче будет. Дирта, Олра, садитесь за стол...

Полчаса прошло в тревожном ожидании, наконец вернулся Никат. Он был хмур как туча.

– Ну что, что? Что там? – наперебой стали спрашивать женщины.

– Обложили. Тысяч семь, не меньше. Но это еще ерунда. Хуже вот что: они где-то взяли штуцеры, – видать, наших в порту положили – и теперь сядят из них по охране. Стреляют плохо, неумело, но голову поднять невозможно – того и гляди снесут. Двух пулеметчиков уже убили. Ну и из луков тоже недурно бьют. Ворота держатся. Их надо сутки долбить, и крепко, чтобы петли хотя бы расшатались. Ночи будут ждать, а потом пойдут на штурм. Сейчас просто обложили и стерегут, чтобы никто не ушел. Ребята слышали, вроде как штурмовые лестницы сколачивают. А в городе беда – режут всех, под корень. Убивают, насилуют. С крыши слышно, как люди кричат.

– Тише, Никат! – Антана, бледная как полотно, поспешно закрыла уши Дирты руками. – Детей напугаешь. Главное – Андрей жив? Что в порту?

– Говорят, видно, что на башнях люди ходят. Значит, кто-то да жив. Про его высочество ничего не знают, сведений нет – мы отрезаны. Набили гадов кучу – вся дворцовая площадь усыпана трупами. Но и нашим досталось, убитых и раненых сотни три. Они на стены полезли, пока их

сбили, пока что... а потом они палить начали. Ворота все во вмятинах. Хорошо господин Андрей штуцеры делает, железо в палец толщиной – пули едва не пробивают. Подмога нам нужна. Наших сил не хватит, чтобы выбраться и напасть на чужаков. И говорят – они дурные какие-то! Лезут, их режут, бьют, простреливают, а они как безумные – лезут, и все! Умирают с улыбкой! И откуда этих тварей принесло...

– Что у вас?

– Дворец осажден. Готовим штурмовые лестницы. Держим гарнизон дворца в напряжении, простреливаем по окнам и дверям.

– Сколько их оружия захвачено?

– Около тысячи. Раздали самым умелым и сообразительным. Впрочем, там и соображать особо нечего – пленные все показали, когда с них начали снимать кожу. Вот этот рычажок отодвинуть, потом раз! – переломили. Сюда вставили вот эти штуки. Закрыли до щелчка, направили туда, куда надо попасть, нажали вот сюда, на рычажки. Все. Конечно, попасть из этого трудно, это не лук, но эта штука пробивает навылет двух человек, если попадет. Случайно нажали, когда рассматривали, – двое наших полегло. Очень сильная штука. Со стрелками можно бороться, только если до них добежал. В рукопашной эти парни полное дерьмо. Но с этими штуками – они сильны. Штуцер, так называется оружие. А это – патроны. Как ты, Дроган, приказал – собрали все, что нашли. Большую часть отдали тем, кто пошел к заводу. Но и тут много осталось. Ты великий король! С таким оружием мы захватим весь мир!

– Захватим-захватим, – усмехнулся Дроган. – Только дожить надо до захвата. Мы только в город вошли, а уже потеряли почти половину воинов. Нужно взять завод. Там этих штуцеров – как деревьев в лесу. У меня есть информация, что там и посильнее есть оружие. Завод нам важнее всего. Возьмем завод – все наше будет. Ты предупредил, что все пространство перед заводом простреливается? Что там стоят такие же штуки, как в порту?

– Предупредил. Мы собрали жителей, согнали в кучу и сейчас их гонят к заводу. И здесь тоже скоро появятся. Прикроемся горожанами. Они не будут стрелять по своим из тех скорострельных штуцеров. И из громов тоже не будут. Так что подойдем вплотную. Решили сделать так: связать пленных веревками и пустить рядами – ряд горожан, ряд воинов. Наши пойдут в полуприсяде, так что их будет почти не видеть. А горожане еще потащат штурмовые лестницы. Чего им просто так прогуливаться? Пусть работают.

– Молодец, – ухмыльнулся Дроган. – А если все-таки с завода начнут палить по своим?

– Не начнут, – криво усмехнулся глава самого большого клана и одновременно один из главнокомандующих королевского войска. – Мы бы стали стрелять. Они – нет. Эти южные люди слишком мягкотелы. Так что ты все правильно рассчитал. Чтобы убить нас, им придется убить горожан.

– Проблем с горожанами не было? Нападения?

– Были, конечно. Но когда на глазах соседей разрубаешь на куски всю семью, которая пыталась сопротивляться нашим воинам, – пыл сразу убавляется. Я же говорю, это мягкотелые южане. Потери есть, но мало. Местные запуганы, ошеломлены и не знают, что делать. Все будет так, как задумано. А потери... какая война без потерь? Теперь эти воины пируют в чертогах богов. Славная смерть.

– Славная.

Дверь распахнулась, и в зал вошел незнакомый солдат. Он молча, не глядя на присутствующих, прикрыл массивную дверь, затем деловито запер ее на два стальных засова, которые располагались сверху и снизу двери, уходя в косяки.

Все двери во дворце были массивными и снабжены подобными запорами, поговорку «мой дом – моя крепость» здесь бы восприняли вполне нормально – а как еще-то? Каждая комната во дворце была бы в случае нападения рубежом обороны, и эти двери с запорами позволили бы хозяевам уйти в более безопасное место, дав время на отступление.

– Солдат, ты кто? – насторожилась Антана. – Зачем ты запер дверь? Кто тебе разрешил? Никат, проверь, что это за человек...

Антана не договорила – ей в нос вдруг бросился чуждый запах, пахло как-то странно, так пахло от Шанти, а еще – от солдата исходила волна такой злобы, такой ненависти, что она просто била в мозг как молотком.

– Назад, Никат! Не подходи к нему! Это дракон! – крикнула Антана, вскакивая с места. – Зоран, Олра, уносите детей! Скорее! Ганга, помоги им! Уходите, я его задержу!

– Узнала, сука! – ухмыльнулся незнакомец и сбросил с себя шлем, куртку, оставшись в рубаше и штанах. – Долго я ждал этого момента! Долго! Чтобы ты знала, кто тебя убил и за что, – я Хевессанор. Да-да, тот самый. Твой муженек рассказывал обо мне, да? Я вижу, рассказывал. Он убил моего друга. Он нанес мне раны – и телесные, и душевные. Он оскорбил меня. Он умрет. Но прежде умрешь ты. Вы все умрете. И все ваши мерзкие детеныши. Много болтаю, да? А куда вы денетесь. Ваша охрана спит сладким сном, бежать вам некуда, и я буду вас рвать на части,

как косулю на охоте.

– Берите детей и бегите, Зоран, Олра!.. – почти прохрипела Антана. – Негоже вам видеть, что сейчас будет!

– Стоять... Еще движение, и я вас разорву. А так вы еще немного поживете. – Человек вдруг замерцал, и на его месте оказался здоровенный дракон, с рогами, с гребнем на голове, с крупной чешуей, переливающейся черно-золотым цветом. «Он был бы красив, если бы не был так страшен», – подумала Антана. А еще подумала: «Почему он такой маленький? Ведь Андрей говорил, что эти два дракона были такими громадными, что ломали толстые деревья, как спички! – И тут же сама себе ответила: – Да он просто не умещается в комнате! Он выбрал себе такой размер, который позволяет передвигаться по комнате без особых усилий!»

Дракон вдруг фыркнул и выпустил желтоватое облако. Запахло чем-то сладким, как будто в зале находилось много подвявших цветов, источающих терпкий аромат. Люди вдохнули отравленный воздух и замерли как статуи.

Кормилица, державшая обоих младенцев, застыла, будто выточенная из камня.

Никат словно окаменел, и правая рука его сжимала саблю, которую он вытащил откуда-то из-под стола.

Зоран замахнулся табуреткой, которой явно хотел забить дракона до смерти.

Дирна застыла возле Олры, вцепившись в ее платье, а Олра... Олра стояла как ни в чем не бывало, недоуменно поводя головой из стороны в сторону.

Кстати сказать, младенцы тоже не собирались спать, весело гугукая и пытаясь вырваться на свободу, размахивая руками и отталкиваясь от монументальной груди кормилицы.

– Анта, ты не пугайся... я не совсем человек, – сказала Олра. – Я оборотень.

– Давно? – сквозь зубы процедила Антана, глядя на дракона, оскалившего зубы в подобии улыбки.

– После родов. Случайно заметила – разволновалась и перешла в Зверя.

– Кровь Андрея не пила?

– А почему я должна была пить его кровь, и при чем тут он? – удивилась Олра, делая небольшой шагок поближе к детям.

– Так он же оборотень. Я его крови хлебнула, вот и заразилась.

– Ты-ы-ы?! Ты тоже?!

– Это ты – тоже, а я давно оборотень, – парировала Антана, тоже делая шагжок по направлению к своему сыну.

– Эй вы, твари, разболтались! – рявкнул дракон. – Куда направились? Вы за идиота меня считаете? Есть предложение – вы отдаете мне Андрея, а я оставляю в живых вас и ваших детей.

– Врет! Врет! – в один голос сказали женщины.

– Он все врет, – продолжила Антана, с ненавистью глядя на дракона. – Он убьет всех и хочет поглумиться. Ну что, подруга, отучим его глумиться? Навсегда!

Будто вихрь ворвался в обеденную залу, треснула одежда, разлетевшись в стороны, и вместо двух красивых, ухоженных женщин стояли две Зверицы с горящими от ярости желтыми глазами, с белыми клыками, похожими на кинжалы. Когти их оставляли глубокие царапины в паркете, и, когда Зверицы бросились на дракона, пластины паркета были безжалостно вырваны из пола могучими лапами.

Антана мгновенно увернулась от клацинувших рядом с ней клыков дракона и с ходу разорвала ему губу, повисшую жалкими клочьями. Олра нацелилась на лапу, и, несмотря на то что ее клыки так и не смогли пробить толстенную чешую монстра, сила ее челюстей, сомкнувшихся на лапе, была такова, что кости затрещали. Дракон завопил и ударом другой лапы отбил Олру к стене, сломав ей ребра с левой стороны тела. Олра ударилась о преграду и сползла на пол.

Антана прекрасно понимала, насколько малы их шансы убить дракона – он был невероятно, просто катастрофически силен, – но Хевессанор не мог увеличиться до своих настоящих размеров и задавить их весом. Даже сейчас он едва ворочался в помещении, будучи размером «всего лишь» со слона. Быстрые, сильные оборотни, работая в паре, все-таки могли нанести ему большой ущерб.

Пока дракон занимался Олрой, Антана снова вцепилась в морду дракона, добираясь до его желез, вырабатывающих яд, который при выдыхании мог образовать огненную струю. Шанти рассказала ей, где находятся эти железы – по бокам ноздрей и выходят в них специальными протоками. Пробиться к ним было трудно, но возможно. Если их не повредить, дракон может изменить планы и просто спалить всех, кто был в зале, предпочтя просто убить их, без всякого зверства и глумления.

Антана рвала морду дракона так, что летела чешуя, кусочки плоти, брызги крови, – она начала от губы и вспарывала Хевессанора как консервную банку, обнажая кости черепа. Дракон бил ее о пол, рвал лапами, катаясь по паркету, но никак не мог оторвать от себя, хотя

располосовал ей бока так, будто Антану рубили топором.

После того как она вырвала ему глаз, Хевессанор вдруг попытался принять свой настоящий облик и, как следствие, застрял между потолком и полом, проломив перекрытие до самого фундамента. Дракона расклинило между каменными кладками – вероятно, он думал, что сломает стены, обрушит дворец, сам при этом не пострадав, но старинная кладка, сделанная из здоровенных обожженных кирпичей на растворе, замешанном с куриными яйцами, выдержала. Ее толщина составляла несколько метров, потому даже дракон не мог повредить эти стены.

Наконец Хевессанор опять уменьшился в размерах, оторвал Антану, превратившуюся к тому времени в рваный кусок мяса, и шмякнул ее о стену, переломив позвоночник. Потом тяжело встал, оглядывая все вокруг сохранившимся глазом, и было видно, что дракон едва соображает, что ему делать. У него была практически уничтожена вся морда с левой стороны – ликвидирована одна из ядовитых желез, вырван глаз, белел череп, с которого Антана содрала шкуру и мясо, свисавшие теперь кровавыми лентами. Но Хевессанор был жив. Пока жив.

Олра, очнувшись после страшного удара о стену, прыгнула на изорванную Антаной морду дракона и вцепилась в пустую глазницу, перемалывая могучими челюстями кости монстра. Он в свою очередь ухватил ее поперек тела и, сжав челюсти, буквально перекусил Зверицу пополам. Но поздно. За секунду до того как умереть, Олра отчаянным усилием раздробила череп Хевессанора, вонзив в его мозг свои длинные клыки и вырвав огромный кусок.

Дракон секунду стоял, покачиваясь как пьяный, затем рухнул на пол, подминая своих убийц, судорожно цепляясь за жизнь и не зная, что он уже мертв. В зале воцарилась тишина, прерываемая лишь хрипом умирающего дракона и радостным гугуканьем младенцев, для которых все произошедшее было лишь веселым представлением.

– Вот тут. – Андрей постучал в крышку люка, но она была прочной, как броня танка. – Закрывается изнутри, придется стучать, пока кто-то не откроет.

– А откроют? – с сомнением спросил сержант, стоявший рядом с Андреем в подземном ходе. – Откуда они знают, что это мы, а не враг?

– Спросят, надеюсь, – хмыкнул Андрей. – Давайте стучать.

– Чем? Приклады портить?

– Зачем приклады... дай-ка!

Бабах! Бах! – выстрелы в замкнутом пространстве ударили как

молотом. Пули с визгом отрикошетили от металлического массивного люка и ушли в земляной пол.

– Никого не задело? Все целы?

– Все. Только чего-то там, наверху, не торопятся открывать...

– Подождем.

Минута, две, пять... Наконец голоса, едва пробивающиеся через толстую крышку:

– Кто? Кто вы?

– Зиртон, это Андрей! Открывай!

– Ваше высочество?

– Да я, я, скорее открывай!

Загрохотали массивные металлические запорные брусы, крышка медленно поднялась и тяжело упала на пол. Зиртон осторожно взгляделся в темноту, узнал Андрея и облегченно вздохнул, опуская пистолеты.

– Слава богу, вы... Мне повара сказали, что в чулане кто-то стреляет из-под пола, я не поверил, думал, спятили. Потом все же решил посмотреть. Ребята, это свои! Его высочество принц Андрей! Все по местам!

– Как вы тут? Как императрица, как дети?

Зиртон замялся, и у Андрея захолонуло сердце – беда!

– Ваше высочество, приношу свои соболезнования. Императрица погибла. – Зиртон опустился на одно колено и, сняв берет, склонил голову.

– Ты что несешь, Зиртон?! – У Андрея не слушались губы, прыгали, лицо перекошилось в страшной гримасе. – Как погибла?! О чем ты?!

– Пойдемте за мной! – Зиртон встал и, повернувшись, быстро пошел прочь из кухни, мимо испуганных поваров, мимо угрюмых охранников, держащих наготове пистолеты и ружья.

Почти пробежав анфиладу комнат, Андрей следом за Зиртоном оказался в обеденном зале. Первое, что бросилось в глаза, – фигуры кормилицы, Зорана, Никата, Дирты. Приближенные лежали на полу и как будто бы спали. Андрею пришлось через них перешагнуть, чтобы пройти дальше.

А дальше – дальше все пространство занимало невероятно огромное тело дракона – его так стиснуло между потолком и стенами, что он заполнил буквально всю комнату, как вода заполняет бутылку.

– Императрица, сын, дочь, Олра – где? – хрипло спросил Андрей, глядя на необъятную тушу, возле которой возились люди, заляпанные кровью. Они топорами отрубали куски дракона и оттаскивали через входную дверь в коридор.

– Они были там... под ним. Под этим монстром. Я не знаю, как это объяснить, откуда он взялся, но императрица была под ним, изувеченная. У нее сломан позвоночник, разбита голова. Госпожа Олра перекушена пополам, кроме того, у нее тоже разбита голова. Они каким-то образом оказались под ним, и пока мы добрались... Один из солдат заметил торчавшую из-под чудовища руку, и мы стали вырубать из монстра куски. Никак не могли пробиться, чешуя очень прочная, потом начали в него стрелять, сделали дыру, вырубили куски. Обнаружили половину тела вашей бывшей супруги... потом нашли императрицу. Она не дышала. Похоже, что задохнулась под ним. Или он ее раздавил...

– Дети где? – повторил Андрей.

– Дети целы, невредимы, в соседней комнате, с женой Никата.

– Что с Зораном и остальными?

– Не знаем. Как будто спят. Парализованы. Мы не знаем, что это такое.

– Где Антана? Веди к ней!

– Пойдемте. – Зиртон вывел Андрея в коридор, провел мимо застывших как статуи, парализованных охранников в комнату, где Антана с женщинами обычно играла в настольные игры и читала. Там на столе лежало что-то продолговатое, накрытое шелковой непрозрачной тканью, сквозь которую просочились пятна крови.

– Выйдите все! – тихо и веско сказал Андрей.

– Ваше высочество... – начал было Зиртон.

– Вон! Все вон! – страшно захрипел Андрей, дергая щекой, и все, кто был рядом с ним, выбежали из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Медленно стянув покрывало, Андрей посмотрел на тех, кого любил, кто был для него дороже всех сокровищ этого мира...

Лица женщин были спокойными и умиротворенными, они как будто спали, лежа на своем смертном одре. Андрей осторожно повернул голову Антаны – ее затылок был сплюснен, волосы прилипли к мешанине из костей и мозга. У Олры раздроблен висок и не хватало половины тела, прямо под грудью оно было как будто отрезано огромным мясным ножом.

Тело Антаны почти не имело повреждений, если не считать разбитого затылка. Андрей смотрел на мертвых женщин и как будто со стороны наблюдал за собой, размышляя – как это могло случиться.

Мозг, привыкший к распутыванию сложных жизненных комбинаций, пришел к выводу: Хевессанор каким-то образом затесался в ряды защитников дворца. Видимо, давно вынашивал планы мести Андрею, выслеживал, вынюхивал. Потом проник в комнату, где находились Олра и Антана с детьми. О чем они говорили – неизвестно. Только он парализовал

всех, кто там был, кроме Антаны... и Олры. Почему Олра не уснула? Она оборотень! Вот! Он с ней спал много, много раз. Она заразилась от него, когда получала семя Андрея. И, скорее всего, скрывала то, что стала оборотнем. Она же не знала, что и Андрей, и Антана были такими же. А когда ее ребенку стала угрожать опасность, наплевала на все запреты и превратилась в Зверицу... как и все матери, которые защищают своих детей. Они с Антаной напали на дракона, не успевая убежать и боясь за тех, кто, будучи парализован неведомым веществом, оставался в комнате. И убили Хевессанора. Как – неизвестно. Предположение: ограниченное пространство не позволило Хевессанору развернуться в полную силу, и поэтому он проиграл. Однако дракон был слишком силен, двум Зверицам справиться с этим бронтозавром было практически нереально. Но они все-таки сделали это.

После смерти дракон потерял способность перемещать тело в подпространство, и оно оказалось в комнате, заполнив ее под огромным давлением и практически раздавив женщин, оказавшихся под ним. Впрочем, Олру он успел перекусить пополам. Антана еще какое-то время жила, и мозг перекинул ее в человеческий облик. Хотя, видимо, и Олра умерла не сразу, верхняя часть ее тела человеческая. А вот нижняя половина осталась где-то на поле боя...

Андрей в который раз проверил ауры женщин – они были мертвыми, серыми, как у всех трупов. Он обошел стол, протянул руку и ласково погладил женщин по щекам, стирая брызги крови. По его лицу текли слезы, делая мир туманным, будто Андрей смотрел сквозь мутное стекло.

Потом он завыл, как зверь, дико, яростно, вкладывая в этот вопль все – обиду, горечь, всю любовь, которую у него отняли.

Люди в коридоре побледнели и осенили себя широкими размашистыми крестами, отгоняя нечистую силу. «Так, вероятно, режут демоны, вырываясь из ада», – подумали многие, запомнив этот крик на всю жизнь. Зиртон стоял неподвижно, устремив взгляд на дверь, на его щеках вздулись каменные желваки.

Когда раскрылась дверь и вышел Андрей, Зиртон на негнущихся ногах подошел и, едва выталкивая слова, хрипло сказал:

– Ваше высочество! Я виноват в смерти императрицы и ее советницы! Я готов отвечать всей своей жизнью. Простите и прощайте! – Он поднял пистолет, направил его себе в висок и спустил курок.

Если бы не быстрая реакция оборотня, Андрей бы не успел – он ударил по стволу, когда командир телохранителей нажал на спусковой крючок, и тяжелая пуля лишь сорвала клоч волос с головы гиганта, уйдя в

потолок. Андрей выбил пистолет и ударил Зиртона по лицу так, что тот в полубессознательном состоянии упал на пол. Андрей встал над ним и жестко сказал:

– Запрещаю. Твоя жизнь принадлежит мне. Ты мне нужен. У нас толпа врагов вырезает горожан, а ты позволяешь себе мальчишеские глупые фокусы?! Встать! За мной!

Андрей вернулся в комнату с покойными и тихо сказал Зиртону, утирающему кровь с лица:

– Найди половину тела Олры – она была оборотнем, так что половина тела будет звериная. Никого сюда не пускай. К детям приставь охрану, доступ ограничить до минимума.

– Слушаюсь. Ваше высочество, что это было? Что это за монстр?

– Это дракон. Мой враг. Враг всех людей. Он пришел за мной и нашел моих женщин. Те его убили, защищая детей. Что еще ты хочешь узнать? Парализованные очнутся примерно через сутки, когда закончится действие драконьего яда. Последствий не будет. Проводи меня к детям, потом доложишь о состоянии дел во дворце и вокруг него. Похоронами займемся, когда все закончится...

Глава 13

Быстрее, быстрее, быстрее! Шанти неслась как утка, испуганная с озерка неосторожным охотником. Разумом она понимала – час-другой погоды не сделают, вряд ли Федор с солдатами сумеет так быстро вернуться в город, но крылья толкали ее вперед с максимальной скоростью, на которую она была способна. Скоро она настигнет ушедшую армию, скоро... Федор не мог уйти далеко – какие-то несколько дней, километров шестьдесят – семьдесят при всем желании. Главное, чтобы назад он вернулся быстрее. Как можно быстрее.

Через час усиленной работы крыльями Шанти заметила над дорогой облако пыли. Есть! Они.

Спикировав в кусты у дороги, приняла вид девушки в каком-то тряпье и выскочила навстречу колонне.

Федор ехал впереди, о чем-то разговаривая со своими командирами. Завидев стоящую на дороге девушку, нахмурился, потом приподнял удивленно брови и, пришпорив коня, поскакал к ней. Соскочил с седла и встревоженно спросил:

– Что? Неприятности?

– Беда. Срочно назад. Андрей приказал бросить пушки, обозы и с максимальной скоростью идти в город. С моря пришли какие-то люди, убивают, грабят. Взяли штурмом порт, осадили дворец и завод. Количество – около десяти тысяч человек. Очень сильные, совершенно безумные – бросаются на всех и умирают с улыбкой на лице. Мы не справляемся. Он послал меня за тобой. Все. Я назад.

Шанти снова исчезла в кустах, и скоро оттуда вылетела большая черная птица, понесшаяся над колонной в сторону Анкарры. Еще через несколько минут колонна повернула назад, оставив обозы под охраной сотни солдат тащиться следом по дороге. Остальные быстрым шагом, почти бегом, помчались к столице.

Через час Шанти уже была над дворцом. Покружив, выбрала место для посадки и, с разгону влетев на крышу, спряталась за дымовой трубой, где и превратилась в ту Шанти, которую все знали. Единственное, «накинула» на себя что-то вроде штанов и рубахи – не появляться же перед охранниками голой. Они и так обалдели, когда из ниоткуда перед ними предстала советница императрицы.

Шанти сбежала по лестнице с крыши, промчалась по длинному

коридору и, завидев Андрея и Зиртона, радостно улыбаясь, крикнула:

– Есть! Федор повернул назад, через сутки будет здесь! – Остановившись рядом, спросила: – Вы чего такие хмурые? Зададим мы этим уродам жару, не переживайте!

Ее улыбка увяла – она никогда не видела Андрея таким бледным. Шанти прощупала его эмпатическим чувством и чуть не упала – ее затопило невыносимое чувство горя, отчаяния и ярости.

– Что?! – выдохнула она, широко раскрыв глаза и ожидая самого худшего. – Что случилось?

– Анту убили. И Олру. Хевессанор.

Шанти замерла, не в силах сказать ни слова, потом бросилась Андрею на шею, зарыдала, как человек, и долго не могла успокоиться. Он гладил ее по спине, по волосам, потом слегка отодвинул и сказал дрогнувшим голосом:

– Дети живы. И мы живы. Ради них надо жить. И убить всю эту шваль.

– Да. Убить всю эту шваль, – мертвым голосом повторила Шанти. – Вот что, старейшины перешли все границы. Они начали напрямую вмешиваться в жизнь людей. Убивать их сами, своими лапами. Это нарушение договора, и я считаю себя свободной от его соблюдения. Покажи мне, где лежат девчонки, я с ними попрощаюсь.

– Не надо. Потом. Не тревожь их. Освободим город, похороним, тогда и попрощаемся. Нам как-то нужно попасть на завод. Я не знаю, что там делается. Дворец им не взять – если только снова не вмешается кто-то из старейшин. Впрочем, все равно не взять. Мы хорошо укрепили дворец.

– Ненавижу старейшин. Я маму вызвала. Мама сюда летит. Она поможет.

– Уверена? Она же очень правильная...

– Я ей все расскажу. Все. И не такая уж и правильная. Она за меня всех их убьет. Они еще мою маму не знают... Полезли на крышу, летим на завод.

– А увидят, что ты...

– Плевать! Все! Не мы начали, теперь все равно все открылось! Война! Со всеми, кто против нас! Полетели!

Шанти побежала по коридору, Андрей за ней, оставив Зиртона стоять с широко раскрытым от удивления ртом – он слышал всю беседу, и пусть не понял всего, что было сказано, но и того, что понял, хватило, чтобы у него отвисла челюсть.

Зиртон догнал Андрея и Шанти уже на крыше. На его глазах красивая девушка превратилась в полуторатонное чудовище, сияющее радужными

красками в свете полуденного солнца.

– Зиртон, держи оборону, – приказал Андрей, – и береги детей. Если ты допустишь их гибель – я сам тебя убью. Своими руками.

– И я! Своими руками! – проревела драконица, выпустив струя огня, чуть не спалившую волосы на голове ошеломленного Зиртона. – Андрей, залезай на шею и держись!

Андрей запрыгнул на Шанти, ухватившись за гребень на спине – драконица стала уже довольно высокой, подросла, – уселся, и она, захлопав крыльями, сорвалась с крыши дворца, вошла в ритм и начала тяжело набирать высоту, против обыкновения не ворча, что Андрей разожрался и стал неподъемным.

Смерть подруг потрясла ее столь глубоко, что она сама этого не ожидала. До сих пор Шанти еще никого не теряла – мать казалась вечной, как скала, как этот мир, Андрей сто раз доказал, что убить его невозможно, что он все равно выкрутится и победит смерть, но Анта и Олра... Шанти не могла предположить, что так будет. И была готова мстить страшно, любыми средствами. Кому? Всем! Драконам, этим странным людям с кораблей, всем тварям, что убили ее близких, членов ее семьи. А в том, что Антана и Олра были членами ее семьи, она не сомневалась ни секунды.

– Идут! Они идут! Приготовились! – Начальник охраны завода приложил к глазам бинокль и вздрогнул. Опустил бинокль, не поверив глазам, снова посмотрел в него и закричал: – Отставить огонь! Остановитесь! Это горожане! Они толкают перед собой горожан!

Мужчина в ярости кусал губы – он понял замысел врага. Что делать?! Что же все-таки делать?! Скомандовал:

– Стрелки – на стены! Бить по врагу, спрятавшемуся за горожан! Целиться только наверняка! Ребята, это же наши люди... пожалуйста, осторожнее. С винтовками – на вас вся надежда. Как подойдут на расстояние выстрела – начинайте без команды. Пулеметы, минометы, пушки – не стрелять! И будь что будет...

– Они что-то несут, господин начальник! – крикнул наблюдатель.

– Это штурмовые лестницы, – упавшим голосом сказал начальник охраны и добавил громче: – Сейчас подойдут ближе, поставят лестницы и полезут на стены! Сбивайте их выстрелами, не жалейте патронов! Чего-чего, а патронов у нас хватает. Пистолетчики – будьте наготове. Стреляйте только тогда, когда полезут на стены. Пока стреляют только штуцерники и виновочники. Держитесь, ребята! Помощь придет!

– О боже! Как их много... – прошептал кто-то из солдат, глядя на

темную волну людей, захлестывающую площадь перед заводом. – Мы не осилим...

– Осилим! Держитесь! – потряс кулаком начальник охраны. – Это наша жизнь, мы не позволим ее сломать! Держитесь!

Затрещали выстрелы – густо, звонко, – запахло порохом. Защитники завода старались попасть в спрятавшихся за спинами горожан бойцов, но часто это было бесполезно – стрелки боялись подстрелить своих.

Начальник охраны в отчаянии смотрел, как неумолимо приближается враг. Он ничего, совсем ничего не мог сделать... Хуже того – из рядов наступающих неожиданно послышались ружейные выстрелы. Пули щелкали по стене – противник явно не умел стрелять, но... высовываться все равно было опасно.

Начальника осенило:

– Огонь по ногам горожан! Бейте по ногам! Как упадут – стреляйте в противника!

Увы, большого эффекта это не возымело: чтобы достать первый ряд врага, надо было выбить первый ряд горожан, и только потом становилось видно следующий ряд – тех, кому нужно прострелить ноги. А противник уже близко! Горожане почти бежали, подгоняемые тычками в спину кинжалов и ножей. При этом несчастные еще и тащили длинные лестницы. Через несколько минут толпа уже кипела и бурлила возле стены и ворот завода.

На этом расстоянии стрелки легко находили цель и точно били сверху по врагу, но и враг не дремал – из толпы летели стрелы, дротики, стреляли ружья и пистолеты. Защитники завода начали нести потери.

Взметнулись штурмовые лестницы, и по ним начали карабкаться сотни людей. Еще минута, и враг окажется на стене – и тогда конец.

Положение спасли пулеметчики. Они открыли огонь с флангов, буквально сметая струями свинца тех, кто лез по лестницам, и даже сами лестницы не удержались, срезанные, как прутья, кинжальными очередями.

Внезапно пулемет справа захлебнулся – пулеметчики слетели со стены, будто выброшенные неведомой страшной силой. Замолчал и другой пулемет – солдаты упали под ноги врага и тут же были зарублены на месте.

Начальник охраны закричал, указывая на странную женщину, которая пробежала по стене, уничтожая расчеты оружия, пулеметов, сбрасывая их со стены. Он поднял пистолет, пытаясь выстрелить в незнакомку, но через долю секунды уже летел вниз, на копыта врага, и умер удивленный, так и не узнав, кто его убил.

Пришельцы торжествующе заревели – на стене в этом месте почти не осталось защитников, они все были сброшены вниз. Те, кто оставался на других участках стены, были далеко и не могли сразу закрыть брешь. И кроме того – они не понимали, что случилось, и не знали, кто их враг.

Прибежавших на помощь встречала Натороканта и сбрасывала их вниз. Никто не мог состязаться с ней ни в силе, ни в ловкости. Принять свой реальный облик она все-таки не решилась, но почему бы не воспользоваться драконьей силой и ловкостью? Тем более что приз слишком велик, чтобы сейчас проиграть. А она чувствовала, что наступление захлебывается – погибла половина ее воинов, а что они захватили, кроме поганого города? Не он нужен был драконице, не он. Завод – вот ее цель. Он давал ей возможность владеть всем миром! И теперь она готова была поставить на карту все, что у нее было, даже жизнь. Она слишком долго ждала, чтобы проиграть в этой игре.

Натороканта не задумывалась, зачем ей это нужно. Просто нужно, и все. Ее снедало дикое желание владеть, владеть всем, что есть в этом мире. Было ли это ее желанием или же желанием Артефакта, избравшего ее своим орудием, – она не знала. И над этим тоже не задумывалась. Знала лишь, что должна сделать то, что должна.

– Смотри! Они лезут на стены! Где солдаты? Куда все делись?

– Шанти, сделай круг, посмотрим... Вон он! Это дракон! Видишь женщину на стене?

– Да! Это драконица! Что будем делать?

– Подлети так, чтобы я смог стрелять! Только не подставься под выстрелы – не забывай, у них теперь тоже ружья!

– Со стороны завода зайду! – Шанти сложила крылья и с разворотом начала снижаться к стене.

Подлетев метров на сто, зависла, захлопав крыльями, Андрей же начал выцеливать фигуру драконицы, стоявшей на стене спиной к ним. Внезапно та, будто почувствовав взгляд, обернулась и прыгнула вверх, превратившись в птицу. Андрей выстрелил из двух стволов четыре раза подряд, но драконица увернулась, сделав немыслимую петлю, и понеслась в высоту.

Шанти еще снизилась, и Андрей спрыгнул на стену. К нему от штурмовых лестниц с ревом неслись чужаки, подняв окровавленные топоры. Андрей прыгнул к пулемету, развернул турель и буквально в упор разнес группу из десяти человек. Пули прошивали их навывлет, рвали в клочья и через пару секунд смели со стены, как ветер сметает осенние

листья. Перевел прицел правее и длинной очередью скосил новую группу, карабкающуюся по лестницам. Посмотрел вверх – и выругался.

– Ты какого демона делаешь?! Я чуть в тебя не попал!

– Не стреляй! Сейчас я их! – Шанти понеслась вдоль стены, из ее ноздрей вылетело желтое облако, окутавшее толпу внизу плотным тяжелым одеялом, сковывающим движения.

– Молодец, девочка! – хмыкнул Андрей и перевел дух.

Послышались крики, шум – по стене бежали оставшиеся в живых стражники, а с территории завода неслась толпа рабочих во главе с Энаром и Акуром. Андрей строго-настрого приказал им не вмешиваться, но сейчас почему-то был рад тому, что инженеры не остались в стороне.

Рабочие с ходу расстреляли спрыгнувших на территорию завода чужаков и с воплями полезли на стену.

Андрей вышел из-за турели и, показывая на Шанти, громко крикнул:

– Кто выстрелит в ее сторону, убью своей рукой! Поняли?!

– Поняли! – нестройно ответила толпа.

– Раз поняли – выцеливаем среди горожан чужаков и простреливаем им башку! Начали! Акур, Энар – назад! Сели на стену и не высовываемся!

– А мы вот...

– Сидеть, сказал! Сидеть!

Братья уселись на стену, положив рядом ружья. Их лица были хмурыми и несчастными. Андрей посмотрел на их недовольные физиономии и жестко сказал:

– Вы слишком нужны мне. Нужны людям. Я не могу позволить, чтобы с вами что-то случилось. Извините, ребята, но повоевать у вас не выйдет. Идите организуйте доставку боеприпасов, питания, воды защитникам завода. Уходите, прошу вас.

Братья посмотрели в глаза Андрею и заторопились со стены. Было в глазах этого человека что-то такое, что заставляло исполнять его просьбу так, будто это был приказ, который он выкрикнул во весь голос.

– Ваше высочество, а в эту штуку можно стрелять? – спросил один из рабочих.

Андрей недоуменно поднял глаза вверх и увидел гигантскую черную тень, промелькнувшую над головой. Огромный дракон, такой огромный, что совершенно неясно было, как он держится в воздухе.

Дракон скользил по воздуху как бумажный самолет – легко и непринужденно. Андрей вначале не понял, кто это, почему-то он решил, что это мать Шанти – ведь он давно ее не видел, и, лишь когда дракон со всего размаху врезался в драконицу, подминая ее и терзая за гребень,

понял: это враг! Эта та драконица, которая уничтожила несколько сотен человек на стене завода!

– Не стрелять! Попадете в нашу! – крикнул Андрей и, выхватив у одного из стрелков винтовку, стал лихорадочно выцеливать чужую драконицу.

Увы, Шанти и драконица мельтешили в воздухе, менялись местами, рвали друг друга, и Андрей все время боялся попасть в «сестру».

Черная драконица была исполином. Если Хевессанор и Даранаяс были настоящими великанами, бронтозаврами, то эта была просто горой. По сравнению с ней полуторатонная Шанти выглядела маленькой и жалкой, такой маленькой, что у Андрея сжалось сердце. Чужая трепала Шанти, как кошка треплет мышь, и Андрей не знал, чем помочь своей подруге.

– Шанти, лети на стену, – передал он мыслесвязью. – Я не могу в нее стрелять, боюсь попасть в тебя!

– Эта тварь не подпускает! Она слишком сильная, гадина! Мама! Мамочка!

Андрей было подумал, что Шанти в отчаянии позвала свою далекую мать, когда вдруг солнце закрыла тень – драконица, поменьше, чем черная, но громадная, сильная и красивая, с ходу врезалась в супостатку, терзающую ее дочь.

Вот тут чужачке пришлось туго! Кто может сравниться в ярости с матерью, защищающей своего ребенка?! Натороканта сразу поняла это, когда Гараскарания расплосовала ей бок так, что брызнула кровь, а потом ударила когтями в гребень и порвала его, чем причинила ей страшную, мучительную боль.

Натороканта бросилась наутек, спасая свою жизнь. Гараскарания гналась за ней, игнорируя крики Андрея, призывавшего оставить супостатку в покое, чтобы он мог расстрелять ту в воздухе, и следом за Наторокантой исчезла за горизонтом, преследуя ее над морем.

Шанти сделала круг и снова приступила к «опылению». Впрочем, она уже успела усыпить практически всех людей, что находились на площади. В этом ей помог ветерок, распространивший парализующее вещество на большой территории. Шанти специально начала распылять яд с подветренной стороны, чтобы ветер сносил его на захватчиков. Теперь они стояли и лежали как глиняные статуи, вперемешку со связанными веревками горожанами. Те немногие, кто не попал под воздействие ядовитых паров, бежали, оставив свои намерения захватить завод.

Шанти скользнула на стену и, обратившись в девушку, встала рядом с Андреем, быстренько наведя на себя иллюзию какой-то одежды.

– Мамочка прилетела! – облегченно сказала она, переводя дух. – Теперь этой твари мало не покажется!

– Слушай мою команду! – зычно крикнул Андрей. – Прекратить огонь! Спускайтесь и вяжите чужаков, стаскивайте их в тюрьму и пустые помещения, потом будем с ними заниматься! Мертвых и раненых бросить здесь! С ними позже разберемся. Горожан освободить, а снятыми с них веревками вязать пришельцев! Начали!

Рабочие и стражники бросились к воротам, и началось освобождение заложников. Чужаков грузили на тележки и отвозили к тюрьме, а когда она заполнилась, везли еще куда-то – Андрея это уже не интересовало. Он сел на стену рядом с турелью пулемета, привалился к ней спиной и устало закрыл глаза – невероятно вымотался за этот день.

– Что мы будем делать без девчонок? – тихо спросила Шанти, усаживаясь рядом и прижавшись к плечу Андрея теплой щекой. – Как жить? Не представляю себе.

– Так и будем жить, – тускло сказал Андрей. – Детей надо растить, воспитывать – куда деваться? Надо жить. Хотя, честно сказать, жить не хочется.

– Жить не хочется? А как же я? Случись что-то с тобой – а я что буду делать? Я тоже тогда умру. Эх, братец...

– Я смотрю, у вас тут прямо-таки полное взаимопонимание, – громыхнул мыслеголос, и порыв ветра взлохматил волосы Андрей. – Ты, дочка, совсем очеловечилась, как я погляжу!

Громадная драконица с разгону приземлилась на стену, нависнув над ней так, как будто это воробей сидел на тонкой жердочке.

– Мамочка! Спасибо, что отбила у этой твари! Ты ее убила?

– Ушла. Старая гадина. Это Натороканта, мерзкая тварь. Старейшина. Я ее знаю – подлая и хитрая старая дрянь. Теперь жди неприятностей.

– А что она может сделать? Что теперь будет?

– Эта тварь способна натравить на нас всех старейшин, а то и всех драконов, – хмуро пояснила Гараскарания. – Она представит это так, что застала Шанти за вмешательством в жизнь людей, а еще – скажет, что вы вместе пытались убить старейшину. И они, старейшины, могут поднять всех драконов, чтобы убить нарушителей. Шанти в первую очередь. Меня. А если вы вступитесь за нас – и всех вас тоже.

– Я же тебе кричал – отойди в сторону, я бы ее расстрелял из пулемета! Ну что же ты?

– Честно сказать, я даже не слышала. Мне так хотелось ее убить! Тварь напала на мою дочку, а я никому не дам ее в обиду! Шанти, а что тут

вообще происходит? Расскажи-ка мне по порядку...

– Вот это вы наворотили... – Драконица-мама тяжело вздохнула и распустила крылья, повисшие, как два огромных паруса в безветренную погоду. – В голове не укладывается. Неужели все так сложно? Старейшины... как они могли? Впрочем, я ничему уже не удивляюсь. Всякое видала. Нужно думать, как нам отбиваться. Так просто все это не закончится. Девочка моя, ты сильно ранена?

– Не очень, но есть такое дело, – призналась Шанти. – Но меня Андрей лечит. Он меня полностью вылечил, ты видела? Я летаю!

– Видела, – хмыкнула Гараскарания. – Полностью вылечил, только вот умудрился забрать твою настоящую сущность. Ты что, влюблена в него?

– Ма-а-ам! Ну зачем при Андрее? – фыркнула Шанти.

– А что я такого сказала? Он сам, что ли, не знает? Ты же знаешь, Андрей, что моя дочка желает срочно оплодотворять с тобой яйцо? Вернее... как это у людей называется? Сделать ребенка? Так вот, она спит и видит, как сделать с тобой ребенка. В буквальном смысле слова спит и видит – я улавливаю ее сны. Не всегда, но улавливаю. Я умею это делать. В снах она...

– Мам, перестань! – яростно крикнула Шанти. – У Андрея горе, погибли его жена и его бывшая жена, а ты...

– Прости, я не знала... вы не рассказали, – слегка растерялась Гараскарания. – Я искренне сочувствую. Прости меня за бесчувственность. Потом поговорим о моей дочери. Но кое-что все-таки тебе объясню: она настолько вжилась в роль человеческой самки, что теперь...

– Знает он, мама! – опять взвилась Шанти. – Знает! Я ему сказала! Все, закрыли тему! Давай подумаем, как ему помочь!

– Хм... это твой любимый, ты и думай, как ему помочь, – хмыкнула драконица, – а я-то что? Ты позвала, я прилетела, надрала гребень старой дуре. Теперь что?

– Теперь нам нужно выгнать из города иноземцев. Чтобы духу их тут не было!

– С какой стати? Это дело людей. Забыла про договор? Впрочем, какой, к демонам, договор, когда такое творится. Нет, никак не могу определиться... Смотрите – договор есть. За его соблюдением формально следят старейшины. Но они же нарушили договор, вернее, никогда его и не соблюдали! Может ли этот договор действовать? Договор есть. Драконы есть. Нарушители договора есть. И это те, кто следит за его соблюдением. Знаете, а ведь все равно – договор существует, и драконы обязаны ему

следовать! Даже если старейшины его нарушили. Ведь договор не со старейшинами, а между драконами. И драконы всегда соблюдают договоренности.

– Мам, мы давно нарушили этот демонов договор! Я живу с людьми, стала человеком, ты мне помогла, значит – ты уже нарушила договор, даже тем, что отправила меня с Андреем! Ведь ты же сознательно нарушила договор, помогая мне! Это как? Чего теперь ты строишь из себя праведную драконицу?!

– Мала еще мамочку учить! – рявкнула Гараскарания. – Только ядовитые железы отросли, а уже туда же – указывать мамочке на ее поступки! Ты чего ее распустил?! Какого демона твоя самка позволяет себе указывать маме, как жить?! Ты самец или не самец?!

– Не трогай его! Я сама по себе и знаю, что делаю! – взвизгнула Шанти, забыв даже про мыслеречь. – Вообще не трогай его, а то я сейчас так тебе врежу!

– Она врежет мамочке... – горько вздохнула Гараскарания. – Куда мы летим, в какую пропасть? Дети, так обращающиеся со своей мамочкой, идут по плохому пути и в конце концов обломают себе крылья.

– Извините, – без улыбки сказал Андрей, – мне сейчас не до ваших разборок. У меня полный город заморских убийц, которые режут моих подданных, у меня во дворце два моих ребенка, которым угрожает опасность, и две мертвые женщины, которых я любил и за смерть которых должен отомстить. Мне некогда разбирать ваш договор. Только пару слов напоследок: чушь и бред ваш договор. Прикрытие для того, чтобы ваши старейшины творили свое черное дело. И если ты поддерживаешь этот договор, значит, поддерживаешь безобразие, которое они творят, значит – находишься с ними в одной лодке.

– Никогда не была в лодке, – задумчиво заметила драконица, – но я поняла твои слова. Тут можно рассматривать с разных сторон. Для этого нужны мозговые усилия многих драконов и годы, а то и десятилетия обсуждений. Интересная задача для ума! Впрочем, ты прав. И ты права, неблагодарная и злая дочь... Маму она ударит! Дождалась! Вместо благодарности! Маму ударит она!

– Ну прости... я вгорячах сказала, – покаянно ответила Шанти. – А зачем ты на моего... на Андрея нападала? Упрекала его? Вот я и не выдержала...

– Хм... и вправду втюрилась в человека, – хмыкнула драконица. – Слышала я про такие дела, в старину. Правда, все это дурно кончалось. Старейшины такое не любят. Старейшины, старейшины... сейчас эта дрянь

полетит лечиться – я неплохо ее порвала. Потом соберет старейшин, и они будут решать, как нам оторвать хвосты. Или еще чего-нибудь оторвать... – Гара покосилась на Андрея и Шанти, сидевших у пулемета. – Старейшины, скорее всего, решат собрать всеобщий сбор. И тогда... тогда, дети, готовьтесь убивать. И быть убитыми. Несколько сотен драконов – это не одна черная толстая старуха-драконица. Это место просто сровняют с землей. Как, возможно, и город. Андрей, ты уверен, что сможешь что-то противопоставить атаке драконов? Ты кричал, чтобы я оставила Натороканту, дала тебе выстрелить по ней. Ты реально веришь, что можешь ее убить? У нее такая чешуя, что мои когти с трудом ее пробили. Ее даже баллистой не пробить! Ты видел, какую тушу она себе наела? Этой твари, наверное, тысяч пятьсот лет. А может, и больше. Но, кстати, ума она так и не нажила. Всегда была склочной тварью. Я однажды сцепилась с ней из-за самца. Это было еще тогда, когда она могла рожать. Теперь она пустая, все-таки возраст, но силы у твари на пять драконов. Если бы не моя ярость да она бы не струсилась... кстати – а чего она струсилась? Уж не мою дочку напугалась, это точно... не тебя ли? Вообще-то очень интересно – драконица величиной с гору испугалась маленького человека! Вот это смех! А значит – ты и вправду представляешь опасность, не умозрительную, а реальную. Как вам мои умозаключения? Логично, правда?

– Гара, – задумчиво начал Андрей, – мне не дает покоя одна мысль, что-то вот шевелится в голове, не могу ухватить... Скажи, как драконы лечатся? У вас есть лекари? Ну вот болеете вы, например, и куда обращаетесь? Вернее, к кому?

– А что, дочка тебе не рассказывала? – удивилась Гараскарания. – Странно. Ну хорошо... у нас есть Артефакт. Если мы болеем – летим, обращаемся к нему, и болезнь исчезает. А еще – он заряжает нас здоровьем, хорошим самочувствием. Потому мы и живем так долго. Раньше мы жили всего по тысяче лет, плюс-минус сто – двести лет, а как только мы обрели Артефакт, стали жить очень долго.

– А как вы его обрели? – Андрей приподнялся и встал, так крепко уцепившись за турель пулемета, что от напряжения побелели пальцы. – Откуда он взялся? И что он делает? К примеру – а почему ты не отнесла к нему Шанти, чтобы он ее вылечил? В чем дело?

– Ну что сказать... – задумчиво начала Гараскарания. – Откуда взялся Артефакт, никто не знает. Как и не знают, кто первый его обнаружил. Вероятно, кто-то приземлился на этот остров, чтобы отдохнуть, нашел красивый кристалл, и... ему стало хорошо. Это необъяснимо. Это надо почувствовать. Такое впечатление, как будто ты обновляешься, молодеешь,

становишься бодрой и свежей, как если бы отдыхала много дней... Все болячки, все недуги, болезни – все пропадает. Почти все. Дело в том, что у Шанти было другое – ей нужно было вмешательство человека с ножом, который исправит то, что сломал человек. Артефакт не может выправить кривые крылья. Или выправить неправильно сросшиеся лапы. Он подстегивает силы организма и еще... дает долгую жизнь. Возможно – бесконечно долгую. Это наша Тайна, это то, чем дорожат драконы. Прошу тебя никому и никогда не рассказывать об этом.

– Ясно. Странное ощущение у меня от твоего рассказа, – медленно произнес Андрей. – Хотел бы я побывать на этом острове, посмотреть на Артефакт. Очень бы хотел...

– Почему и нет? – хмыкнула драконица. – Он не так и далеко от этого города. Всего два часа лета в море, точно на запад. С воды туда не попасть, только с воздуха – скала уходит отвесно в океан. Это вершина вулкана, насколько я поняла. Но потухшего вулкана. Возможно, что Артефакт есть образование этого самого вулкана, родившееся из огня, лавы и раскаленных газов. Мы пользуемся им, не зная, что он такое. А Шанти я к нему возила. Без толку. Если бы не ты... Но давайте-ка вернемся к нашей ситуации. Вот что я решила – плевать с двух желез на этот договор. Старейшины не имеют права требовать от нас, чтобы мы его соблюдали, если сами не соблюдают. Все. Я с вами. Я вас в обиду не дам, дети мои. Командуй, Андрей, что я должна делать?

– Драконы! Мы собрались здесь, чтобы сообщить вам неприятное известие. Две отступницы открыли людям сведения о нашем существовании, более того, они стали советниками людей и участниками их политических игр. Они убивали людей, участвуя в войне на одной из сторон. Но это не самое страшное их преступление! Преступницы вместе с человеком убили двух старейшин, пытавшихся помешать им в их деяниях. Погибли Даранаяс и Хевессанор, старейшины, которые десятки тысяч лет следили за порядком в этом мире. Они напали на меня вместе с людьми, которые по их наущению создали страшное оружие, угрожающее существованию всего живого в этом мире! Это – Гараскарания и ее дочь Шанти, едва вылупившаяся из яйца, но уже ставшая преступницей. Согласно договору мы не имеем права вмешиваться в дела людей, и сотни тысяч лет так и было. И вот настал момент, когда договор нагло разорван, истоптан преступными лапами! Нарушение договора требует возмездия. И я прошу вас, племя драконов, поддержать решение Совета старейшин – преступницы и их пособники должны умереть!

– А выслушать их? – громыхнул один из драконов, переливающийся зеленым и красным цветом. – Пока что мы слышим только тебя, Натороканта, но нужно услышать и другую сторону! Мало ли что ты нам расскажешь – ты известна своим дурным нравом. Кстати, по поводу твоей жизни давно ходят странные слухи...

– Ты пользуешься слухами, Ессарадон? Или эти слухи напела тебе Гараскарания, когда вы с ней оплодотворяли яйцо над морем? Как видишь, я тоже кое-что знаю. Ты бы лучше заткнул свою пасть, может, ты тоже поддерживаешь людей и преступниц? Может, ты тоже в заговоре?

– Ты, старая карга, придержала бы свой язык! – рыкнул радужный дракон. – А то я тут вывалю все, что о тебе говорят драконы! А если покопаться в твоей жизни, вероятно, можно многое найти!

– Хватит! – выкрикнул председатель Совета старейшин. – Мы собрались не для того, чтобы обсудить нрав Натороканты, каким бы он ни был, мы собрались, чтобы обсудить поведение двух отступниц, которые взаправду помогают людям, вмешиваются в их дела. И вот что я вам скажу: драконов убили не драконицы. Тут Натороканта была немного неточна. Драконов-старейшин убил человек. Убил изобретенным им страшным оружием, которое теперь угрожает всем драконам! Более того – по непроверенным сведениям, этот человек является любовником младшей из дракониц, Шанти! Теперь вы видите степень замешанности этих дракониц и опасность, угрожающую нашему племени?! И это подтвердит каждый старейшина! Есть сведения, что Шанти, Гараскарания и человек по имени Андрей хотят завоевать весь мир, воспользовавшись страшным оружием, и уничтожить всех драконов! Люди всегда ненавидели драконов, и вот – они получили оружие, способное нас убить.

– Фу-у-у... извращение... она бы еще с ослом совокуплялась или с крокодилом! – зашумели драконы. – С человеком! Как ей не стыдно! Извращенка! Отступница!

– Не стыкуется у вас, старейшины! – не успокаивался Ессарадон. – Если люди хотят уничтожить драконов, ненавидят их, то с чего это вдруг Шанти стала совокупляться с человеком? Ведь люди ненавидят драконов, как ты сказал? Если ненавидят – почему человек стал любовником драконицы? Может, тут что-то, что мы не знаем? Что скрывают от нас старейшины?

– Ты пустозвон! – презрительно сказала Натороканта. – Есть факт: старейшины убиты человеком. Имеется мощное оружие, которое может убивать драконов, и оно производится в Балроне. У старейшин имеются сведения, что оружие будет направлено на драконов. Что вам еще надо? Я

предлагаю – силами всех драконов напасть на то место, где делают оружие, и уничтожить его! А если драконицы попытаются оказать сопротивление, будут помогать людям – уничтожить их на месте.

– Нет! Нужно поговорить с драконицами, пригласив их на совет! – перекрывая всех, выкрикнул Ессарадон. – Мы не дикари! Мы разумные существа! Мы не должны уподобляться стае акул! Кстати, недурно было бы выслушать и человека! Я вижу, что ты, Натороканта, чего-то скрываешь. Забыла, с кем имеешь дело? Мы драконы! Мы умеем отличать правду от лжи! Ты вроде бы и правду сказала, но на самом деле врешь, уверен. Мы тебя давно знаем – ты лживая, наглая тварь, преследующая только свои цели! Я не пойду с тобой убивать дракониц и людей, не буду разрушать город! Старейшины врут, драконы, не верьте им! Я покидаю этот сбор, и все разумные драконы должны сделать то же самое!

Сотни драконов на площадке возле Пещеры Совета зашевелились, загалдели, захлопали крыльями, и, когда Ессарадон сорвался со скалы и полетел над морем, его примеру последовали более половины драконов.

– Ну что же, нас покинули самые трусливые, остались лучшие из драконов! – сообщила Натороканта, оглядывая полторы сотни гигантов, оставшихся на месте. – Теперь мы решим, когда нам вылетать к преступницам. И что с ними делать.

– А что делать? Смерть им! Смерть! И человеку с его оружием смерть!

– По поводу оружия. Соплеменники, это оружие представляет большую опасность. Нужно уничтожить то место, где оно производится. Но только очень осторожно. Там этого оружия большое количество. Нужно сделать так, чтобы не подставиться под выстрелы. Сейчас я вам расскажу, как мы будем действовать... – Выдержав паузу, Натороканта начала излагать свой план.

– Все? Нигде больше не попрятались? Все кварталы обошли?

– Да. – Федор был мрачен, он уже знал о гибели Антаны и Олры. – Все дома прочесали, всех чужаков вытащили, погрузили в телеги и отвезли в тюрьму. Часть заперли в портовых складах. Пока спят, парализованные. Вчерашние уже проснулись, так что будут спать сутки, около того.

– Сколько всего захвачено?

– По моим предварительным прикидкам – тысяч пять. Не всех взяли живыми. Ребята не смогли сдержаться, и там, где видели следы насилия, убийства, где застали чужаков на месте преступления, – кончали сразу же. Прости, я не мог удержаться.

– Плевать. Что еще?

– Захватили жрецов. Говорят, страшные люди. Убивали словом. Скажет что-то, покажет пальцем – и человек умирает. Тебе ничего это не напоминает?

– Исчадия! Опять исчадия! Что за гадость?! Откуда? Кстати, их много?

– В живых осталось человек десять. Многих убили на месте. Оставшихся упаковали – завязали рты, руки, чтобы, когда проснутся, не могли колдовать.

– Язык определили, на котором они говорят?

– Никто не знает. Впрочем, часть слов похожи на наши, но произношение какое-то странное, как будто бы и наш язык, да не наш. Знаешь, на что похоже? На язык в старинных книгах. Церковных, я имею в виду. Старый язык. На нем могут только священники читать, и то только те, кто частенько почитывает старинные книги, богословы со стажем.

– Нашли таких?

– Хочешь допросить чужаков?

– Нет, Федя. Я хочу поспорить с ними на богословские темы.

– Ну не сердись... в тюрьме они, богословы.

– Зачем в тюрьме? С какой стати?

– Пытаемся допросить чужаков, с какой еще-то стати? Не за веру страдают, точно. Андрей, успокойся, ты устал за эти дни, переживаешь... может, тебе пока поспать? Отдохнуть немного? На тебя глядеть страшно – исхудал, глаза запали! Ты когда ел последний раз?

– Не помню. Утром... или вчера... не помню.

– Я помню! – вмешалась Шанти. – Он ничего не ел со вчерашнего вечера! Пойдем, там приготовили ужин. Потом все остальное.

– Ты где была?

– Когда? Утром? Или после обеда?

– Утром и после обеда.

– Утром и до обеда я с мамой облетала город и травила чужаков. После обеда... после обеда ходила к Антане и Олре.

– Что там сделано? – Голос Андрея был глухим и сдавленным, он говорил будто через силу.

– Им сделали гробы, забальзамировали тела. Украсили и поставили в бальной зале для прощания. Все готово к похоронам. Где будем хоронить? Все ждут твоего распоряжения.

– В усыпальнице дворца. Потом... потом решу. Может, построю им мавзолей. Они заслужили это.

– Заслужили... – согласно кивнула Шанти. – Смелые девчонки. Настоящие матери. Настоящие бойцы.

– Не надо. Не надо, сестричка... а то я сейчас завою. Я еще не могу привыкнуть к мысли...

– Думаешь, я могу? Мне самой выть хочется...

– Пойдем ужинать. Я и правда что-то забыл про еду, так и сдохнуть недолго. Вот и положите меня с моими... – Андрей запнулся, закашлялся, справился с собой и замолчал.

– Рано еще, – серьезно заметила Шанти, – вначале детей вырастить. И кроме того – на тебе страна. Ты отвечаешь за своих подданных. Кстати, ты не задумывался о вопросе престолонаследия? Как следует поступить в том случае, когда умирает императрица и оставляет наследника? Нужно узнать у тех, кто в курсе. Кто ведает такими делами?

– Я узнаю, – вызвался Зоран. – Всех, кто в этом деле разбирается, найду. Ваше высочество, я глубоко, глубоко соболезную. Если бы мог, я бы отдал жизнь за императрицу, верите? Лишь бы она жила...

– Верю, Зоран. Но ничего уже не изменишь. Пойдемте ужинать, ребята. Федя, ты с нами?

– Нет. У меня дел по горло. Надо разгрести эту помойку. Кстати, вопрос к тебе. Поймали пятерых солдат на мародерстве. Грабили дома тех, кого спасали. Что будем делать?

– Ты о чем спрашиваешь?! Ты зачем это спрашиваешь?! – Лицо Андрея задергалось в яростной гримасе. – Повесить! Сейчас же! На видном месте! И табличку на шею – «Мародер, грабил горожан!». И вот еще что: поймаешь гражданских грабителей – туда же, рядом.

– Мародеров будет много, – предупредил Федор, – народ всегда пользуется случаем, чтобы поживиться. И всех вешать?

– Всех! Я отучу их грабить трупы!

– Понял. Исполняю. – Федор отсалютовал и направился к группе командиров, стоящих неподалеку и ожидающих, когда он закончит разговор.

Андрей, Шанти и Зоран пошли во дворец. При приближении Андрея гвардейцы взяли «на караул», он кивнул им и быстро пошел по галереям и переходам дворца.

– Сюда! – Шанти поймала «брата» за рукав и направила в зал рядом с кухней, похожий на тот, в котором Антана и Олра приняли свой последний бой.

Стол был уставлен разнообразными блюдами, и Андрей почувствовал страшный голод. Его организм оборотня не мог долго обходиться без пищи.

Несколько минут они молча насыщались, притом Шанти не отставала от своего друга, поглощая еду, как грузчик после тяжелого дня. Зоран

искоса поглядывал на нее, не зная, как вести себя с ней после того, как узнал тайну девушки. Наконец он осторожно спросил:

– А драконы едят так же, как люди? Такую же еду?

– Не совсем. Иногда – болтунов, которые мешают им насыщаться после трудного дня. Извини, Зоран, мне не до тебя. И настроение не то, и устала я очень – с рассвета опыляла город.

– А мать где? – проглотив очередной кусок, спросил Андрей.

– Полетела на охоту. Она не любит человеческую еду, считает ее пресной и невкусной.

– А ты? – вклинился Зоран. – Любишь?

– Мм... опять? Люблю! Отстань! Андрей, что собираешься делать в ближайшее время? Я же вижу, ты усиленно что-то обдумываешь. Зачем тебе допрос чужаков? Что задумал?

– Допрос? Ну допрос сам по себе нужен – это же просто. Зоран, зачем нам допрос?

– Чтобы узнать, откуда они прибыли и нет ли опасности повторного нашествия, само собой! – с нотками самодовольства пояснил парень. – Сейчас их допрашивают, потом и мы подключимся.

– Верно, – кивнул Андрей, – подключимся. Вы знаете, ребята, какая штука получается... Вот смотрите – предводительствует нашествием дракониха. Чужаки явно знают эту тварь, я видел, как они ее приветствовали. В войске присутствуют исчадия-жрецы, отправляющие души умерших Сагану. То есть они подчиняются драконихе, так получается? Это что же, выходит, исчадия в подчинении у драконов? Каким образом? Как так получилось? Вот это нам и нужно выяснить. Вначале найти среди чужаков тех, кто знает о системе их власти, знает что-то об исчадиях, а потом я поговорю с самими исчадиями.

– Не бойтесь, что они вас проклянут? – осторожно осведомился Зоран. – Или убьют словом? Говорили, они много народу положили, пока наши не поняли, что всех в красных халатах надо убивать издалека и лучше из-за угла!

– Не боюсь, – бросил Андрей, невольно прикоснувшись к своему крестик, спрятанному под рубахой.

– А почему вы считаете, что они расскажут вам о сотрудничестве с драконами?

– Ему – расскажут, – хмыкнула Шанти и посмотрела на Андрея со смесью любви и страха. – Я сама бы ему все выложила, что знаю и что не знаю. Только глянь он на меня таким взглядом...

– Кхе-кхе, – закашлялся Зоран, и слуга тут же подлил ему в высокий

хрустальный стакан желтый напиток с запахом цветов. – Благодарю. Я сыт, господа. Подожду вас на улице. Вы же недолго? Я с вами пойду на допрос.

– А надо? К исчадиям я тебя не возьму – ты же не хочешь покрыться чумными нарывами? А допрос бойцов удовольствия тебе не доставит. Чего хорошего в этом? Зачем тебе такое зрелище?

– Все равно пойду. Может, я что-то подскажу...

– Да что ты подскажешь, – хмыкнула Шанти. – Подсказчик... иди на улицу, жди, мы поедем и придем.

Андрей кивнул и углубился в еду, не замечая вкуса того, что ел. Шанти тоже молчала, слуга, убрав грязные тарелки со стола, удалился. Тишину в зале не нарушало ничего, кроме скрипа ножа по тарелке да бульканья наливаемой из хрустального кувшина жидкости.

Неожиданно Шанти сказала:

– Я тебя никогда не оставлю, слышишь?

Андрей помолчал, посмотрел в глаза своей названной сестре и с вымученной улыбкой ответил:

– Надеюсь. Очень на это надеюсь.

Шанти порывисто вскочила, подбежала к Андрею и, неловко ткнувшись ему в губы, крепко поцеловала, оставив на его коже неуловимый запах цветов и каких-то притираний. Потом повернулась и, вытерев глаза, выбежала из зала в коридор. Ее шаги простучали по паркетному полу и стихли где-то вдали.

Андрей вздохнул, отложил приборы и, откинувшись на спинку кресла, долго сидел, прикрыв глаза. Затем сделал над собой усилие, встал и вышел в коридор.

– Успехи есть?

– Кое-что узнали. Говорят, шли под предводительством короля Дрогана. Он сказал, что здешние жители жирные и мягкотелые, совсем не воины. Что взять их будет легко.

– Про ту, что бегала по стене, спросил?

– Обижаешь! Само собой, спросил. Королева это. Ты верно догадался – они ее прекрасно знают.

– А то, что она дракониха, знают?

– Нет. Сами удивлены. Просто потрясены. Не врут, точно. Андрей, что будем с ними делать?

– С кем? С захватчиками? А что ты предлагаешь? Убить всех?

– А что еще остается? Но муторно как-то...

– А то, что они тут творили, не муторно?

Андрей внимательно посмотрел на привязанных к столбам чужаков. Их длинные русые волосы были заплетены в тонкие косички, лица обветренные и жесткие, как камень. Люди крупные, ширококостные, мускулистые. На лицах ни тени страха, лишь угрюмая готовность принять свою судьбу.

– Спроси их: жить хотят? – негромко сказал Андрей, обращаясь к человеку в черной рясе, сидевшему на табурете возле очага.

Священник произнес певучую фразу, на которую четверо пленников ответили смехом и улыбками. Потом один из них что-то сказал, и переводчик пояснил:

– Говорят, вы смешной. Кто же не хочет жить. Вот только как жить.

– Спроси, согласны ли они пойти служить мне воинами, на моих условиях, или предпочтут умереть?

У священника вытянулось лицо, но он послушно перевел. Пленники посерьезнели, потом один из них, видимо старший, ответил, переводчик перевел:

– Говорит, как вы можете нам верить, после того что мы тут творили?

– Спроси: первое – почему они тут это творили. Второе – как сделать так, чтобы я мог им верить.

Священник перевел, и старший довольно долго что-то говорил. Потом умолк и вопросительно посмотрел на Андрея.

– Он говорит, что им приказали всех нас убить. Король. И жрецы. Что им нужно было освободить землю для настоящих воинов, сильных и непобедимых. Для них. Говорит, что каждый воин оказывается в чертогах богов, погибая на поле битвы, с оружием в руках. Если он умирает без оружия – он не попадет к богам. Язычники проклятые! Надо их всех убить!

– Переводи нормально, не надо отсебятины, – жестко сказал Андрей. – Дальше!

– Если они умрут без оружия в руках, не на поле битвы, то окажутся в ледяном мире, где их вморозят в вечный лед и демоны будут на них мочиться. Тьфу! Проклятые дикари! Будут мочиться огненной мочой, и эти дикари будут вечно мучиться от боли и холода. Они могут дать клятву, которую не преступят. Иначе тоже попадут в лед. Но – они дали клятву своему королю. И пока он жив – преступить эту клятву не могут. Иначе опять окажутся в своем ледяном сортире, даже если умрут на поле боя с оружием в руках.

– Жестко! – восхитился Федор.

– Чушь, – скептически проронил Андрей. – Чем больше высокопарных слов, чем больше разных клятв, тем охотнее человек их нарушает. Не верю,

что у них не бывает клятвопреступников. Замерзшая моча – это потом. А сейчас – жизнь. Слышал про короля? Надо найти его, живого или мертвого. Спроси его, священник: если мы предложим ему указать на короля, он сделает это? Предупреди, что никто не узнает, что это он указал. И что нам просто нужно знать, жив тот или нет, для того чтобы подумать – стоит ли принимать клятву от его воинов. И спроси, как вообще называется их народ. Федор, а ты узнал, откуда они вообще-то приплыли?

– Само собой. С запада. Плыли месяц, что ли, как я понял... называются они аркуды, медведи по-ихнему. Что касается клятвопреступников – ты прав. Чем страшнее клятвы, тем легче их нарушают.

– Он говорит, что покажет на короля, живого или мертвого. Но вы обещаете, что не убьете его, если он жив.

– Скажи ему: я клянусь, что не убью их короля, кроме как на честном поединке, когда тот будет с оружием в руках. Спроси, этого достаточно? И еще – могу ли я ему верить, не попытается ли он сбежать?

– Он говорит, что ваше решение честное, воинское. И что он никуда не убежит хотя бы по одной простой причине – ему некуда бежать. Если король умрет, или освободит его от клятвы верности, или уже умер – он будет вам служить.

– Согласен. Скажи только ему – у меня есть способ узнать, не лгут ли они, давая клятву. И тот, кто будет давать клятву с тем, чтобы ее нарушить, умрет на месте.

– Он говорит – вы великий колдун, как их жрецы. И он согласен – те, кто дает клятву с тем, чтобы ее преступить, должны умереть.

– Хорошо. Пусть поклянется, что не попытается бежать и выполнит все, что сейчас обещал, укажет на короля.

– Он сказал: «Клянусь богом войны Аросом, и Матерью всего сущего Исирой, что выполню то, что обещал этому человеку, и укажу короля, живого или мертвого».

– Освободите его.

– А этих куда?

– Этих в темницы. Кстати, камеры сильно набиты?

– Переполнены, – развел руками Федор. – Сам понимаешь – куда девать этих тварей? Ты хочешь этих ублюдков взять на службу? Этих кровавых маньяков?

– Почему нет? А куда их? Рубить в капусту? Ты займешься? – прищурился Андрей. – А не лучше ли связать их клятвой и заставить работать на нас? Это повыгоднее будет.

– Выгоднее... ты как купец стал. А про то, что они вырезали полгорода, не забыл? Ты представляешь, как к ним будут относиться горожане? Да они при первом удобном случае их прибьют!

– Прибьют – значит, плохой боец был. Туда ему и дорога. А то, что горожане их будут ненавидеть, это неплохо. Значит, не объединятся с ними в заговоре. А эти... аркуды будут жаться ко мне, боясь мести горожан.

– Ты им и ружья дашь? А если?..

– Пока не дам. А потом дам. И сделаю из них три полка головорезов, которым ничего не страшно и которые пойдут куда угодно по моему велению.

– Вижу, ты все решил. Как хочешь. Забирай его. – Федор показал на потирающего рубцы на руках чужака. – Тебе ведь и переводчик нужен? Отец Силан, идите с его высочеством.

– Нет. Это ты пойдешь с аркудом и найдешь короля. Я пойду к жрецам.

– Андрей, может, не надо? – встревожился Федор. – Ты же помнишь, что это за твари! Пристрелить их нахрен, и все! Боюсь я за тебя, друг...

– Не бойся. В Славии они не смогли меня взять и тут не возьмут. Прикажи, чтобы показали мне место, где вы их держите.

– Да, конечно! Гарс, Эдур, покажите его высочеству камеру, где держат жрецов. Андрей, осторожнее, пожалуйста.

– Классно как вы их! – восхищенно выдохнул в спину Андрею Зоран, а Шанти сказала:

– Насколько я поняла, это мне придется сидеть и смотреть на этих придурков, когда они будут давать тебе клятву. А сам?

– И сам, и ты. Пять тысяч – не так и много. Придумаем, чтобы это все как-то ускорить, не беспокойся. Ты со мной пойдешь к жрецам?

– Почему госпоже Шанти можно, а мне нет?! – обиженно воскликнул Зоран.

– Ты – сдохнешь. А я нет, – коротко пояснила Шанти. – На драконов проклятия исчадий не действуют, только на людей.

– Может, и тебе не ходить, мало ли что... – засомневался Андрей. – Не дай бог...

– Перестань. Ничего не будет. Это давно известно – про драконов и их иммунитет к проклятиям. Ну что, идем?

– Идем, – вздохнул Андрей.

Глава 14

В темнице пахло потом, нечистотами, воздух был влажным и густым, как грязь канализации. Масляные фонари, освещавшие коридор, источали запах горелого масла и еще чего-то неуловимого, горького, неприятного.

Тюремщик погрохотал засовом, снимая здоровенный, смазанный маслом замок, распахнул дверь и отступил в сторону, с явным нежеланием посещать эту юдоль скорби. И в самом деле – зачем ему заходить туда, где как бревна лежат десятков колдунов? Напустят еще порчу... а ему надо семью кормить. Благородные – они другие, у них голубая кровь, белая кость, а ему за такое жалованье ни к чему подставлять свой зад.

Андрей переступил порог, отказавшись от предложенного тюремщиком фонаря. Он и без него прекрасно видел в темноте. Стражник пожал плечами и аккуратно затворил дверь за странной парочкой – девицей в платье, стоящем как годовая зарплата солдата, и принцем в простой, до неприличия невзрачной одежде. «Уж принц-то мог одеться получше, – со вздохом подумал стражник, уходя в свою будку. – Уж я бы с такими деньжищами, как у него, оделся как следует...»

Исчадия лежали рядком, на расстоянии сантиметров двадцати друг от друга. Глаза, уши, рты их были крепко завязаны, торчали лишь носы, сосредоточенно втягивающие испорченный воздух подземелий, заполненных тысячами людей.

«Тяжело, вероятно, сутки лежать вот так и вдыхать запах нечистот», – подумал Андрей и усмехнулся – ему было совершенно не жаль этих гадов в красных мантиях. Он бы вообще в дерьме утопил этих тварей. Притом с большим удовольствием.

– Кого первого? – передала Шанти.

– Сейчас посмотрим... а вот этого. Видишь, у него тога побогаче, из хорошей дорогой ткани. А эти – победнее. Видимо, подчиненные. С него начнем.

Андрей наклонился, легко, как соломенную куклу, поднял опутанного веревками человека и усадил к стене. Потом достал из ножен короткий острый кинжал и срезал с головы жреца намотанные на него тряпки. Ухватил мокрый от слюны кляп за кончик и выдернул изо рта исчадия.

Жрец с ненавистью уставился на темные фигуры людей, освещенных тусклым светом коридорного фонаря, падающим через решетчатое окошко над дверью, и хрипло сказал:

– Твари! Умереть хотите? Не побоялись прийти к жрецу? Вы отсюда не уйдете! Ты, – он кивнул на Андрея, – сейчас освобождаешь мне руки и ноги, иначе твоя баба умрет в страшных муках, покрывшись нарывами, а затем и ты тоже сгниешь заживо! Выполняй!

– Что он говорит? Шанти, ты понимаешь? – Андрей пожал плечами. – Я ни одного слова не понял!

– И я не поняла, – удрученно ответила драконица. – И как мы будем его допрашивать? Надо отца Силана звать. Как бы он со страху не обделался, а? Эй, придурок, ты хоть немного наш язык понимаешь?

– Я понимать! Животное баба! Мужик – снять веревка, иначе я убить твой баба мукой чума! А потом убить тебя!

– Опа! Заговорил как надо! Ну слава богу, – вздохнула Шанти. – Так не хотелось идти за отцом Силаном, тащить его сюда... а теперь мы и сами справимся. Правда, осел ты рогатый, свинья протухшая? – Шанти вдруг врезала ногой по лицу жреца так, что рассекла ему губу. Глаза жреца закатились, и он почти что потерял сознание.

– Эй! Ты чего делаешь?! – досадливо крикнул Андрей. – Прибьешь – и кого мы допрашивать будем?! Не прикасайся больше к нему, я буду вести допрос!

– А чего он меня животной бабой назвал?! Хамло уличное!

– Тихо, успокойся. Эй, придурок, очнулся? Язык свой придержи, не болтай, когда не надо. Тебе нужно просто отвечать на мои вопросы, и все. Обидишь мою подругу – сильно пострадаешь, учти.

– Умри! Умри, животный! Умри, баба! – с ненавистью крикнул жрец, вытаращивая глаза на Андрея и Шанти.

Андрей поморщился – спрятанный под рубахой серебряный крестик раскалился, и он невольно приложил руку к груди. Жрец радостно захохотал, но быстро смолк, когда Андрей и Шанти молча посмотрели на него желтыми, светящимися в темноте глазами.

– Вы кто?! Как? – ошеломленно спросил он на своем языке и, спохватившись, что его не понимают, повторил: – Ви есть кто?!

– Сейчас ты будешь отвечать на наши вопросы, – скучно сказал Андрей, – каждый раз, когда ты скажешь неправду, я буду причинять тебе боль. Сильную. Я не люблю мучить людей, но мне нужна информация. Очень нужна. Ты меня хорошо понимаешь? Мне нужны сведения о вашей связи с драконами и об Артефакте.

– Я понимать, – дрогнувшим голосом сказал жрец, – но я ничего не знать!

Андрей быстрым движением воткнул нож в плечо мужчины

сантиметра на два и провернул лезвие.

– Я предупредил. Врать нельзя!

– А-а-а! – завыл жрец. – Я сказать! Сказать! Я говорить!

– Хорошо. Тогда все будет проще. Итак, расскажи мне все о твоей связи с Наторокантой, какое отношение она имеет к вторжению, и вообще – зачем это вторжение и какая роль отведена жрецам. Все, что ты знаешь. Начинай!

– Я не могу поверить... – упавшим голосом сказала Шанти. – Как это может быть? Может, он все-таки врет? Драконы – паразиты?! Паразитируют на людях?! О боже мой! Мама будет очень расстроена. Она такая порядочная, такая чувствительная... Интересно, а другие драконы знают все это?

– Старейшины знают, конечно, – кивнул Андрей, – а вот остальные... ладно, надо все обдумать. Эй, жрец, ты вообще откуда знаешь наш язык?

– Госпожа Натороканта заставить учить. Говорить – отправить в южный страна быть главный жрец. Надо знать язык. Я учить.

– Понятно. Она давно готовила нападение на Балрон. Хорошо же она этим вторжением подпитала Артефакт... и мы ей тоже помогли. Сколько народу полегло...

– Что думаешь делать с жрецами? Убьешь их?

– Да. Убью. Этих обязательно надо уничтожать.

– Андрей, я тебя давно хотела спросить: почему ты не пользуешься своими способностями? Ты же рассказывал, как убивал словом! Почему ни разу за все время ты это не сделал?

Андрей долго молчал, как будто не услышав вопроса, наконец тихо ответил:

– Понимаешь... есть в этом что-то нехорошее, неправильное. Будто я становлюсь одним из них, этих тварей. Будто я тоже исчадие. А я не хочу быть одним из них. Сколько раз у меня уже было готово вырваться проклятие, которое уничтожит моего противника... и я отказывался от него. Почему-то мне кажется, что, если я воспользуюсь способностью исчадий, Господь откажется от меня. Может, это и смешно, но у меня есть такое вот ощущение.

– Но ты же не исчадие! А в борьбе с исчадиями все средства хороши. А ты упускаешь такое мощное оружие.

– Я не исчадие? А ты уверена? – горько спросил Андрей. – Ну-ка, подумай... там, где я, – всегда смерть. Я приношу миру разрушение, рядом со мной всегда гибнут люди, в том числе мои близкие. Я уже однажды

проявил свойства исчадия. Так кто я?

– Да что ты такое говоришь?! – почти прокричала ошеломленная Шанти. – Как ты можешь быть исчадием? Ты же хороший, ты же добрый, ты же... Нет! Этого не может быть! Ты наговариваешь на себя!

– Нет, девочка моя, нет... Все так и есть, – грустно вздохнул Андрей. – Смотри!

Он наставил палец на жреца и сказал:

– Будь ты проклят!

Жрец вздрогнул, задрожал, и внезапно на его шее, лице вздулись шишки, почернели, лопнули, из них потек гной. Глаза жреца закатились, и он потерял сознание в последних предсмертных судорогах.

– Видела? – хрипло спросил Андрей, сжав руку в кулак. – Так кто же я?!

– Артефакт! – внезапно сказала Шанти. – Надо уничтожить Артефакт! Все идет от него! Вся зараза! А ты... ты не такой, как они. И если тебе достались такие способности – ты их не просил. И ты делаешь то, что должен, – убиваешь Зло. Перестань накручивать себя, никакой беды ты не приносишь. Хватит ерунду нести. Пошли отсюда, надо рассказать маме о том, что мы узнали. Куда собираешься сейчас пойти?

– К Федору давай зайдем. Узнаем, как обстоит дело с поисками короля.

– Ты что думаешь, он уже нашел? – усомнилась Шанти. – Слишком мало времени прошло.

– А все-таки узнаем. Пойдем-пойдем, не ленись!

– Не ленюсь. Но тут так воняет, и дышать нечем. На воздух хочу... Слушай, а если мы с тобой полетим и разобьем этот самый Артефакт, ведь ты выполнишь все, что задумал? Так? То есть ты уничтожишь исчадий, и борьба со Злом будет закончена? Ведь это то, что ты хотел! И мы сможем жить спокойно?

– Спокойно? Вряд ли. Нам еще предстоит усмирить разбойничий юг, провести преобразования в стране. А кроме того, исчадия в Славии исчезнут, но ведь все, что они создали, останется! А драконы? Как они воспримут то, что я уничтожил Артефакт? Это же их жизнь! Драконы возненавидят меня! И попытаются убить... Так что спокойной жизни не предвидится. Когда-то, возможно, наступит золотой век благоденствия, мира и покоя... Доживем ли мы до него?

– Доживем. Если выберемся из этой помойной ямы. Пошли-ка отсюда, а то я сейчас задохнусь! Как еще пленные в таких условиях живы?

– Это меня мало интересует. Я их не звал сюда, и они заслужили то, что сейчас получают. Будем считать это наказанием за их преступления.

Пойдем, у меня тоже уже голова чуть ли не кружится от вони. Кислорода мало.

– Чего мало?

– Кислорода. Газ такой. Когда-нибудь расскажу тебе о мире и о том, как все в нем устроено.

– А я и так знаю, как все устроено, – фыркнула Шанти, – и большего знать не надо. Земля – это диск, стоит на трех драконах, а те на черепахах. Вот и все. Да ладно... шар Земля, я знаю. Пошли, пожалуйста, никакой мочи нет терпеть это зловоние...

Они вышли из камеры, где на полу остались лежать десять тел – девять спеленатых жрецов и один полуразложившийся труп, покрытый черными нарывами.

Тюремщик выскочил из будки, завидев парочку, и закричал:

– Господин Федор просил зайти в пыточную, они поймали короля чужаков!

– Видала?! А ты говоришь... Федор молодец, – хмыкнул Андрей, – если он вцепится во что-то, будет долбать, пока не завершит дело. Уже нашел короля! Отлично. Так быстро все... Ты знаешь, мне кажется, что в последнее время события несутся вскачь, как обезумевший табун лошадей. И ничего нельзя поделать с этим, только бежать впереди, чтобы не затоптали...

– Тебе ли говорить об этом? – хмыкнула Шанти. – Ты же и погоняешь этот табун – бежишь сзади и хлещешь, хлещешь... подстегиваешь этот мир.

– О! Вот и вы! – увидев их, обрадовался Федор. – Задание выполнено, ваше высочество. Вот, посмотри – перед тобой король Дроган, целенький и только слегка помятый.

Андрей подошел к гиганту, привязанному к допросному столбу, и посмотрел ему в глаза. Тот был спокоен, надменен, его рыжая борода вызывающе торчала вперед. Он и правда был невредим, только на лбу здоровенный синячина да ссадина возле уха.

– Где его взяли?

– Говорят, на заводе. Он руководил его захватом, – пожал плечами Федор. – Был в задних рядах, потому, видать, и выжил. Когда Шанти опылила эту толпу, он уснул, проснулся уже в камере. В общем-то все. Скрыться не пытался, как только его выкрикнули – вышел вперед.

– На своего человека, который сработал для нас, не ругался?

– Нет. Ни слова не сказал. Он вообще молчит, как будто языка нет.

Андрей кивнул священнику:

– Переведи ему! Если ты дашь клятву служить мне, ты останешься жить и останутся жить все те, кто тебе служит, те, кто давал тебе клятву. Я возьму их на службу.

– Он отвечает, что он дал клятву верности своей госпоже и только она может освободить его от клятвы. Или смерть.

– Хорошо. Тогда спроси, согласен ли он освободить от клятвы верности всех, кто ему присягал, чтобы они могли принести клятву верности мне.

– Он говорит: нет, не сделаю этого. Они дали клятву, пусть держат ее или умирают. И нечего, мол, вилять задом, как кривая лодка.

– Означает ли это, что мы должны убить его, чтобы остальные воины жили?

– Он отвечает – ты обещал не убивать его без поединка. Но он не даст согласия на поединок, если ты не дашь согласия на его условия.

– Какие?

– Говорит, если он победит – воины аркудов садятся в свои ладьи и уплывают куда хотят. Все без исключения. Если победишь ты – воины присягнут тебе.

– Только вот возникает пара вопросов... – проворчал Федор. – Во-первых, я не давал слова его не убивать. Формально – ты давал, а я нет. Отрублю ему башку, и все – переговоры закончились. И второе: как мы известим всех его бойцов о том, что вы заключили сделку? И еще – как они узнают, что ты не обманул, честно победил в бою? То есть они должны присутствовать на поединке. На мой взгляд – грохнуть его, и вся недолга. И ты его не убивал, и проблемы нет. Вишь, решил он, что имеет шанс против тебя. Мол, мужик-то я здоровенный, авось и прокатит дело.

– Я все это понял. Но и я не буду вилять задом, как лодка. Обещал не убивать без боя – значит, обещал. А цепляться к словам не по-мужски.

– Не по-государственному мыслишь! – усмехнулся Федор. – Снести бы ему башку... И вообще всем бы им башку снести. Нет человека – нет и проблемы.

– Я уже слышал раньше эту поговорку, – тускло ответил Андрей, – плохое это выражение. Лучше скажи, где можно собрать пять тысяч человек, чтобы они все видели и чтобы потом можно было привести их к присяге?

– Андрей, ты чего? Видимо, ты очень устал, – тихо сказала Шанти. – Ты где на турнире выступал?

– Точно! – хлопнул себя по колену сидящий на табуретке Федор. – Арена, где проходил турнир! Загнать их туда, поставить охрану, а еще –

твоя подружка будет. Если что, она их сразу парализует! Кстати, и темницы освободятся. А то они там скоро подыхать начнут. Дышать уже нечем. И воды не хватает. Кормить-то мы их совсем не кормим... Словом, решать надо как можно быстрее. Или бошки им поотрубать, или чего-то еще делать – больше чем пару суток они в темнице не продержатся. А нам потом кучи трупов из подземелий выволакивать.

– Да, тяжкий труд – выволакивать кучи трупов, – без улыбки констатировал Андрей. – Отец Силан, переведи ему: я, принц Балрона, главнокомандующий армией империи, вызываю на бой короля Дрогана. Бой или до смерти, или до признания поражения одним из противников. Если проигрывает Дроган – все его воины присягают на верность мне и Балрону. До самой смерти. Если проигрываю я – воины аркуды садятся в свои ладьи и уплывают куда хотят. Без оружия. Никто им не будет препятствовать. Если король Дроган признает себя проигравшим – он остается жить, но будет до конца жизни служить мне и Балрону. Устраивают ли его мои условия?

– Он спрашивает: а если вы останетесь жить и признаете свое поражение? И еще – какое оружие будет выбрано для поединка?

– Скажи, я не признаю поражения. Буду биться до смерти. Оружие – мне все равно. То оружие, к которому он привык. Скажи, их выведут на арену – поясни ему, что это такое, – заранее пусть объявит воинам об этом решении, и будем драться. Ему дадут воду, еду – если надо, и отдых – два часа. Затем будем биться. Что он говорит?

– Говорит – согласен. И обещает не пытаться сбежать, примет свою судьбу, как полагается воину. Спрашивает – куда дели жрецов и что с ними будет? Подпадают ли они под договор?

– Нет, не подпадают. Они сейчас в темнице. И вряд ли оттуда выйдут живыми. Сделка касается только воинов.

– Он понял, – перевел священник слова Дрогана. – Говорит, согласен на сделку.

– Федь, займись. Мы с Шанти должны еще кое-что сделать. Организуй доставку всех пленных на арену. За два часа уложите?

– Постараюсь, хотя и трудновато. – Федор с сомнением покачал головой. – Хотя бы три часа... Ты где будешь? Давай так сделаем: я извещу тебя, как все будет готово. А ты занимайся своими делами.

– Во дворец? Поспишь? – предложила Шанти.

– Да. Надо часок поспать, – кивнул Андрей и ожесточенно потер глубоко запавшие глаза. – Только бы еще с твоей мамой увидеться. Она может перекинуться в человека и прийти ко мне? Мне нужно с ней

поговорить. По поводу того, что мы сегодня узнали.

– Может... но не хочет. Я поговорю с ней. Все слишком серьезно, чтобы она продолжала цепляться за свои предрассудки...

– Отвратительно! Дочь извращенка, и меня тянет в болото! – Гараскарания была раздражена и неловко ощупывала свое тело, стараясь делать это незаметно. Что, впрочем, выходило у нее довольно смешно. – Как вы можете жить в таких телах? – не успокаивалась драконица. – Это же неудобно! Ведь четыре лапы гораздо устойчивее, а плюс еще и крылья!

– Мам, мы позвали тебя не для того, чтобы обсуждать недостатки человеческих тел, – хмуро парировала Шанти. – Мы открыли такую тайну, что она потрясет всех. Слушай...

Шанти минут двадцать рассказывала все, что стало известно ей и Андрею в отношении Артефакта, исчадий, старейшин и этого нашествия. Гараскарания не перебивала, и Андрей чувствовал, как настроение драконицы-мамы портится. Наконец она сумрачно сказала:

– Что вы хотите от меня услышать? Что я не знала о том, что от Артефакта зависит наша долгая жизнь? Знала. И все это знают. Вот только о связи Артефакта и исчадий – это да, открытие. Страшная информация. И... опасная. Вы надеетесь, что все драконы, узнав о Тайне, сейчас же восстанут против старейшин? Разобьют Артефакт, потеряв десятки и сотни тысяч лет жизни? Тогда вы плохо знаете драконов, ребята. Драконы очень практичные существа и в этом мало чем отличаются от людей. По крайней мере, восемь из десяти драконов подумают так: «Ну да, неприятно осознавать, что мы суть паразиты и зависим от людей. Но ведь мы также зависим и от тех же косуль или тюленей, необходимых нам для питания! А чем люди отличаются от тюленей? И те и другие нужны нам для жизни. Долгой жизни. И пусть они умирают ради нас!»

– Гараскарания, ты поможешь нам уничтожить Артефакт? Ты поддержишь нас в этом деле?

– Я? Ты хочешь, чтобы я отказалась от долгой жизни ради того, чтобы меньше убивали людей? Отречься от племени драконов ради двуногих существ, до которых мне нет дела?

– Я понял, – вздохнул Андрей. – Ты же все-таки дракон... На что я надеялся?

– Я дракон. Но я мать своей дочери. Она у меня одна за десятки тысяч лет. И, возможно, другой не будет. И хотя она маленькая пакостница и извращенка – я ее люблю. И ради нее сделаю все что угодно. Даже пойду против племени. Видишь, не только люди умеют жертвовать своей жизнью

ради близких. – Драконица тяжело вздохнула и добавила: – Мне очень жаль твоих женщин. Надеюсь, ты не держишь в душе зла против народа драконов. Пойми, драконы не такие мудрые, какими желают казаться. Как ни странно, возраст не добавляет ума, как и накопленные знания. Считаю, что мы совершенно напрасно удалились от людей. Мы одичали, в своем высокомерии стали подобны животным. Вон до чего дошло – ложь пронизала все наше общество. Мы живем во лжи! А ведь всегда гордились, что драконы честны и держат свое слово. В какой момент мы изменились? Когда утратили качества, которыми гордились? Почему мы отделились от всего мира? Группка старейшин творит за нашими спинами черные дела, а мы прикидываемся, что ничего не знаем, что это нас не касается... мы все не менее виноваты, чем эти старейшины. Но начинать надо как раз с них. И с Артефакта. Кстати, а ты уверен, что уничтожишь его? Это глыба ростом с тебя и шириной в два твоих роста. Тебе понадобятся очень серьезные инструменты, чтобы отколоть от него хоть кусочек. И еще – скорее всего, там будет охрана. Старейшины не идиоты, и они умеют просчитывать ситуацию. Да, я тебе помогу. Само собой, и Шанти поможет – она за тебя всех порвет. Если силенок хватит, конечно, ведь она еще ребенок... Есть у меня на примете еще кое-кто, на чью помощь можно рассчитывать. Но... сколько там будет драконов? Сумеет ли мы справиться?

– Какой вес ты можешь поднять? Сколько килограммов?

– Ну... не знаю, – растерялась драконица. – Корову поднимаю легко. Даже две. А что?

– Мне нужно будет взять с собой груз. Сможешь взять его себе на спину? И меня с ним вместе?

– Почему и нет? Смогу. А где забрать груз? И когда ты хочешь лететь на Остров Артефакта?

– Скажи, как ты думаешь, чем сейчас занимается Натороканта?

– Думаю, собирает драконов, чтобы рассказать, какие мы гады. И рассказывает им, как нас надо душить. И не думаю, а знаю. Мне передал мой самец, Ессарадон. Он и еще половина драконов улетели с Большого сбора, который созвала Натороканта. Кстати, многие удивлены, что она потребовала собрать Большой сбор, – никто уже и не помнит, когда такой собирался. Но вообще старейшины имеют право собрать всех драконов, которые есть на свете, – взрослых, конечно, тех, что умеют летать. Впрочем, младенцев у нас давно нет. Драконы перестали приносить потомство. Не хотят... Но речь не о том. Так вот, она потребовала срочного сбора, да так срочно, что все в шоке – у нас не принимаются решения так быстро. Мы не те существа, чтобы принимать решения второпях. Они

вынашиваются годами, десятилетиями, обсасываются, обговариваются, и уж потом... А тут – раз-два! И понеслось! Так вот, мы выставлены перед драконами полными негодяйками, Шанти так вообще извращенка – оказывается, она совокупляется с человеком. Не надо, ничего не говорите! Совокупляетесь – так тому и быть, это ваше дело, никому не мешает и класть на всех хвост! Кому не нравится – пусть пойдут и утопятся. Это не их дело. Главное – чтобы вам было хорошо. Опять же, не в том дело. Мы все изображены в речах старейшин как огромная опасность народу драконов. И поэтому нас надо убить. Уничтожить твой завод. Уничтожить этот город – после того как будет уничтожен завод. Вот. И с ними согласились не менее сотни драконов. Теперь вы представляете, что нам грозит? Ессарадону донесли – атака драконов будет примерно через неделю после сбора. А сбор был сегодня. Так что у нас есть неделя, чтобы как следует подготовиться к этой войне.

– Я думал, они нападут на нас сразу же после сбора, – признался Андрей, – а тут целая неделя! Почему они немедленно не полетели нас убивать?

– Чудак, – хмыкнула Гараскарания. – Это невероятная, потрясающая скорость! Считай, что они уже вылетели тебя убивать! В прежние времена эта проблема заняла бы лет десять! А тут неделя! Я не узнаю наше племя! Вот как при желании можно накрутить даже драконов. Так повторяю вопрос: когда ты хочешь вылететь к Артефакту?

– Завтра утром. Сейчас мне нужно немного отдохнуть, я не спал двое суток. Потом я убью короля островитян. Потом приведу к присяге его подчиненных. Затем поеду на завод, подготовлю груз, который нам нужно унести на остров. Утром ты прилетишь ко мне, мы погрузим все тебе на спину и полетим. Ты не против? – Речь у Андрея была замедленной, он будто проталкивал слова, прилагая значительные усилия, а голова клонилась на грудь.

Драконницы переглянулись, и Гараскарания заботливо сказала:

– Девочка, твой самец что-то подустал. Ему и правда нужно отдохнуть.

Шанти подошла к Андрею и, закинув его руку себе на шею, взяла его под колени и под спину, легко подняла и отнесла на кушетку возле книжных полок. Сняла с кресла плед и накрыла его до подбородка. Погладила спящего по голове и вернулась к матери, с любопытством наблюдавшей за манипуляциями дочери. Села на высокий стул и сказала:

– Спасибо, мам.

– За что? Глупости какие. Если не я тебя поддержу, то кто? Если только он... Скажи, ты и вправду хочешь остаться человеком? Ты знаешь, что чем

дольше ты задерживаешься в том теле, которое приняла, тем больше свойств этого тела приобретаешь? Еще немного, и ты никогда не сможешь рожать драконов! Ты понимаешь это? И ты готова отказаться от своего драконьего рода, тела, драконьих детей ради него? Что в нем такого, что ты бросаешь все, остаешься человеком? Тебя что, привлекает власть? Теперь он свободен, ты хочешь занять место его жены? Править людьми?

– Мама, как ты можешь так говорить? Разве я когда-нибудь была такой эгоистичной злобной тварью? Ну не надо смеяться... не надо... ну да, была! Так я была больная, несчастная уродка, обреченная вечно сидеть в пещере! Я изменилась. Я сама не знала, что так его люблю, пока не погибли Антана и Олра. Я тогда с ужасом поняла, что могу его потерять! Вот как их! И поняла, как его люблю. И что без него жить не могу. А что мне власть? Тьфу на нее!

Шанти помолчала, молчала и ее мать. Потом Шанти добавила:

– Я хочу жить с ним рядом долгие годы. Делить с ним радости и горести. Вырастить его детей. И может... если он захочет... когда-нибудь... ну, может, через очень, очень много лет – родить ему девочку. Таковую, как я. Но это когда-нибудь! Просто хочется...

– М-да... слыхала я о таких делах, но не верила, что такое может быть. – Гараскарания недоверчиво помотала головой. – Были на моей памяти такие истории. Доходили слухи о связи некоторых драконов с людьми. Но чтобы так, чтобы такая любовь... Ну да ладно. Так – значит, так. Живи и радуйся. Я всегда за тебя! – Гараскарания усмехнулась и с любовью посмотрела на непутевую дочь, которой втайне очень гордилась.

А почему не гордиться? Умница, красавица!

Мысли плавали где-то высоко-высоко в хрустальной вышине. И сам Андрей летел, залитый солнечным светом, воздушный, легкий словно перышко!

– Привет! Полетаешь с нами? – Голос Антаны был веселым, радостным. Она ласково коснулась щеки Андрея и вдруг, взмахнув руками, стала удаляться – прекрасная, с развевающимися по ветру волосами.

– Догоняй! – услышал он смеющийся голос и увидел Олру, молодую, красивую. Сквозь ее волосы просвечивало солнце, и казалось, что голову окружил нимб, как у святых.

– Ты так молода! Так прекрасна! – прошептал Андрей, проводя пальцами по ее обнаженному бедру, ощущая гладкую, шелковистую кожу.

– А разве я была старой?! Обижаешь, любимый... догоняй! – Олра шутливо хлопнула Андрея по спине и помчалась за своей подругой,

превратившейся в точку на синем небосводе.

«Как же я догоню?» – подумал Андрей, и тут его тело вдруг рванулось вперед, да так, что кожу ощутимо стал пощипывать прохладный ветер высоты. Девушки сразу же приблизились настолько, что стало видно, как они строят Андрею рожицы и машут руками. Он еще прибавил скорости и через мгновение схватил обеих в охапку, крепко прижав к своей груди.

– Как хорошо! – восторженно прошептал он. – Как хорошо, что вы живы! Мне так вас не хватало, так не хватало! Ну почему вы хотели меня оставить? Ну как я жил бы один?

Картинка вдруг сменилась: Олра и Антана сидели напротив него – на травке, возле ручейка, который звенел прозрачными струями, унося горести и печали далеко-далеко, в море, к акулам, которые сожрут беды и неприятности, как ненужный мусор.

– Мы не живы, – с печальной и светлой улыбкой сказала Антана. – Прости, милый, мы умерли. Мы спасали детей. И наших друзей. Ты прости нас, что мы оставили тебя... мы не могли по-другому.

– Прости, – тихо вторила Олра. – Мы любили тебя...

– Но ты ведь не один, – с упреком сказала Антана, – с тобой остались друзья, ты забыл? А Шанти? Она ведь тебя любит! Она всегда тебя любила, я знала это. Но молчала.

– И я знала, – улыбнулась Олра, – только не знала, что она драконица. Я даже иногда подозревала, что вы с ней любовники, но потом поняла – нет. Шанти так глубоко скрывала свои чувства, что ты и не знал. Впрочем, вы, мужчины, такие бесчувственные болваны...

– Но как я могу ее любить? Она же драконица! Как она может мне заменить вас? Я не могу жить без вас! Зачем, ну зачем вы меня оставили?! – Андрея затопила волна такого неизбежного, черного горя, что он зарыдал, завыл, будто пытаясь в этом вое выплеснуть черноту, нахлынувшую на него.

– Все когда-то уходят, – грустно сказала Антана. – А что касается Шанти, разве тебе не все равно, что на самом деле она собой представляет? Она женщина, и кем бы она изначально ни родилась – она женщина и любит тебя. Любит так, что готова ради тебя идти против всего мира! Разве тебе этого мало? Или тебя беспокоит ее физическое строение? Заверяю тебя – там у нее все так же, как у всех женщин. Я всегда смеялась над тем, как дотошно она выясняла подробности строения нашего тела. Я тебе больше скажу – она тайно ходила к врачам, препарирующим трупы. Догадываешься зачем?

– Я не знал... – ошеломленно сказал Андрей.

– Ты много чего не знал. Она готовила себя для тебя, а ты: сестренка, сестренка...

– Все равно я не могу. Я до сих пор не верю, что вас нет. Мне кажется, сейчас войду в комнату, а там вы – веселые, смеющиеся, с детьми на руках! Как я могу полюбить другую женщину? Как?!

– Как обычно любят, – усмехнулась Олра. – Всяко, и лежа, и стоя... – Она мелодично рассмеялась и лукаво подмигнула, соблазнительно изогнув стройный стан, и ее смех подхватила Антана, легонько хлопнув по плечу и пожурив: «Охальница!» – Ты уже ее любишь, только боишься себе в этом признаться. И тебе кажется, что любовь к Шанти преступна, что она предает память о нас. Что это неправильно. Так вот что мы тебе скажем: глупости все эти твои мысли. Любовь не может предать. Жизнь идет дальше, и ты должен полюбить, иначе превратишься в бесчувственного монстра. Любовь окрыляет, любовь делает лучше, светлее, человечнее. Шанти, полюбив тебя, стала человеком. И дай бог всем быть такими людьми, как она. Не потеряй ее. Тебе Бог даровал счастье – любить и быть любимым. Благодарю Его за это. Мы отпускаем тебя. Люби и будь счастлив.

– Мы отпускаем тебя, – эхом повторила Антана и ласково погладила Андрея по щеке. – Прощай, любимый!

– Прощай... – вторила ей Олра, и их фигуры стали таять, таять, таять...

– Нет! Стойте! Не уходите! Я не хочу! Оставайтесь! Я хочу остаться с вами! – отчаянно закричал Андрей. – Стойте! Нет! А-а-а!

Он рванулся всем телом, закричал... и проснулся.

– Ты кричал во сне! – встревоженно сказала Шанти, поглаживая Андрея по голове. – Тебе что-то приснилось? Ты плакал...

– Девчонки... – Андрей взял руку Шанти и прижал к мокрой щеке. – Они были такие живые, такие реальные... Я разговаривал с ними.

– Я так и поняла, – грустно сказала Шанти. – Можно, я прилягу с тобой рядом? Нет, не бойся, ничего такого...

Он кивнул, Шанти отодвинула плед и забралась ему под бок, подложив руку Андрея себе под голову. Потом осторожно обняла его рукой и тихо засопела в подмышку. Теплый воздух, выходящий из ее ноздрей, грел кожу Андрея, ее рука тихонько поглаживала его грудь, и ему стало уютно и хорошо. Он снова уснул – теперь без снов, провалившись в бархатную, спасительную тьму, союзницу времени, затягивающего все душевные раны. Пусть даже и не до конца...

– Андрей, вставай! Проснись!

Голос Шанти выплывал откуда-то издалека, и только через пару секунд Андрей понял: это не сон.

– Проснись, Федор прислал гонца! Пора идти!

Андрей открыл глаза – перед ним стояла Шанти, в мужской одежде, с кинжалом на поясе и пистолетами в кобурах на обоих бедрах. На поясе у нее был затянут широкий патронташ, украшенный золотыми и серебряными узорами.

– Ты куда собралась? – расслабленно спросил он, с хрустом потягиваясь. – Воевать, что ли?

– Ты забыл? Тебе же надо на арену, надрать задницу этому придурку-королю! А так оделась потому, что не хочу, чтобы появилась старая карга и снова меня избила. Теперь, когда я с пистолетами, ей мало не покажется! Вставай-вставай... братец. Хватит валяться!

– Встаю. – Андрей потер глаза и заставил себя сесть на кушетке. – Я бы еще суток пять поспал бы. А ты отдохнула хоть немножко? Поспала?

– Ага. С тобой вместе – забыл? Только ты храпишь ужас как! Все, вставай...

– А у нас с тобой... ничего не было? Ну... это...

– Не совершали ли мы с тобой акт совокупления? Нет! – безжалостно, без улыбки констатировала Шанти. – Не заслужил пока. Вот победишь короля, побьешь старейшин... а там посмотрим. Братец, вставай, а? Ну не доставай глупыми вопросами! Все тебя ждут! Может, переоденешься во что-нибудь парадное? Ты выглядишь как солдат после тяжелой попойки.

– Плевать. Пусть принимают таким, какой я есть, – заартачился Андрей, и Шанти согласно кивнула:

– Как знаешь. И действительно, какая разница, заляпан твой костюм соусом или нет! Главное – что ты одет! А все эти грязные пятна и дырка на задку, в сущности, пустяки.

Андрей подозрительно покосился на невозмутимую подругу и осторожно спросил:

– Что, и вправду дырка на заднице? Врешь ведь?

– Ну это я так, вообще сказала...

– Ладно уж, переоденусь... Зови слуг.

– А я уже приготовила. Вот, надевай! – Шанти показала на стопку одежды на кресле. – Давай я тебе помогу.

– Сам. Не хватало, чтобы меня, как старика, раздевали и одевали, – отмахнулся Андрей. – Стой-стой, этого еще не хватало! Я сам, не стаскивай! Вот демонская девка! Ну зачем ты порвала?! И вообще это неприлично! А если кто войдет?! Ну что ты творишь?! Тьфу! Бесстыжая!

Через пять минут они шагали по коридору в сопровождении десятка телохранителей. От дворца до арены было совсем недалеко, так что весь путь они проделали пешком, тем более что надо было размять кости перед боем.

Андрей не сомневался в его исходе, он убьет Дрогана, само собой, но надо было сделать это так, чтобы никто из воинов-островитян не подумал потом, что их обманули. Ведь на самом деле-то Андрей не совсем человек... Если узнают, что он оборотень, – как они отреагируют на такое известие? Вдруг сочтут, что бой был нечестным? Андрею не хотелось убивать этих берсерков, всякий правитель желает заполучить таких воинов, умелых, сильных и не боящихся смерти. Этаким корпус янычар... они всегда пригодятся.

Арена была заполнена до отказа. Нижние ряды занимали чужаки – в массе своей русоволосые, рыжие. На самой арене и верхних трибунах стояли стрелки с ружьями на изготовку и настороженно следили за пленными. В воздухе плыл гул – все переговаривались, бурно обсуждая то, что сейчас должно произойти.

Через минуту после появления Андрея все затихли, так что пролети муха, и станет слышен ее полет.

Подошел Федор, щегольски отсалютовал и доложил:

– Все готово. Дроган уже объявил о сделке, все ждут.

– Где оружие?

– Под трибунами. Его охраняют. Дроган выбрал длинный прямой меч – из тех, с которыми они к нам пришли. Ты что будешь брать?

– Саблю и кинжал.

– Андрей, не играй с ним, – озабоченно сказал Федор, косясь на толпу пленных, – быстро убей его и покончи с этим делом.

– Ты узнал, как у них принимают присягу? Что говорят?

– Ничего не говорят. Становятся на колени или на одно колено и целуют твой меч. Все. Считается – принесена клятва на оружии. Иди выбирай оружие.

Федор отвел Андрея в полутемное помещение под трибунами, прикрытое множеством стрелков с ружьями и пистолетами. На всякий случай. Вдруг пленным придет в голову броситься на конвоиров, чтобы умереть с оружием в руках?

Из кучи клинков Андрей выбрал один с узорчатым лезвием и маленькой буквой «Н» у рукояти. Погладив саблю, Андрей с грустью подумал о старом мастере, сделавшем этот клинок. Увы, прошлого не

вернуть... мастер сейчас бы радовался успехам своего сына и племянника.

Кинжал выбрал такой же, от мастера Надила. Сабля была легче меча Дрогана, возможно, тот рассчитывал, что тяжелым мечом переломит оружие Андрея. Но если так – король островитян ошибался. Сабли Надила, сделанные из булатной стали, невозможно сломать ударом меча. Они звенели, вибрировали, но держались, даже если по ним били кузнечным молотом. А сами легко рубили кованые гвозди и стальную броню.

Бой начался без фанфар, объявлений и каких-то особых приготовлений. Бойцы вышли в центр площадки, образованной на арене рядами вооруженных бойцов, направивших ружья на пленников, опустили оружие и практически одновременно легонько поклонились друг другу, как бы воздавая уважение противнику. Едва выпрямившись, Дроган без предупреждения, без крика и воплей, молча напал на Андрея.

И тут Андрей понял, почему Дроган рассчитывал справиться с ним. Он был невероятно, просто фантастически быстр. Андрей, который привык, что равных ему в бою нет, едва сдерживал его напор, находясь на обычном уровне скорости. Он вначале даже решил, что Дроган оборотень. Но если бы тот был оборотнем, не уснул бы после отравления драконьим ядом. Тем не менее островитянин был слишком быстр для нормального человека. Удары сыпались один за другим, звенела, стонала сталь, принимая на себя тяжелые удары.

Внезапно Дроган отбросил щит, перехватил меч обеими руками и совершил невозможное – еще больше ускорился! Из его рта показалась пена, глаза покраснели, лицо побледнело, но удары сделались еще более быстрыми. Он пренебрегал опасностью и пер на противника, как танк на пулеметное гнездо.

Это его и сгубило. Андрей парировал страшные удары, слегка подправив их косыми движениями сабли. Затем коротким замахом подрубил под коленом ногу Дрогана, и тот свалился на землю.

Островитяне зашумели, загалдели. Андрей опустил саблю и поискал глазами священника-переводчика. Взмахом руки подозвал его, но тот сделал вид, что не заметил, и только когда Федор неласково подтолкнул его в спину, с недовольным лицом подошел к Андрею:

– Слушаю, ваше высочество.

Андрей кивнул на Дрогана и приказал:

– Предложи ему сдаться. Скажи – он хорошо бился и заслужил жизнь. Сдастся, принесет мне клятву верности – и пусть живет. Иначе я его сейчас убью.

Дроган выслушал предложение Андрея, усмехнулся. Затем что-то

громко сказал – воины островитян взревели, стуча кулаками в грудь, – перехватил меч, упер его рукоятью в землю и бросился на острие, которое вышло у него из спины, обагренное кровью.

– Что он сказал? – равнодушно спросил Андрей.

– Что предпочитает самоубийство клятвопреступлению. А еще что освобождает всех присутствующих от клятвы верности, принесенной ему, и они вольны распоряжаться своей жизнью как хотят. Дикари, право слово. – У священника дрогнул голос, и он добавил: – Самоубийство противно нашей вере.

– Так они другой веры, – заметил Андрей и приказал: – Переведи им, только погромче кричи, чтобы все слышали: те, кто присягнет мне, будут служить на тех же условиях, что и наши солдаты. Я буду владеть их жизнью. Те, кто не хочет принимать присягу, отходят вон туда, к противоположной трибуне. Я предоставлю им возможность закончить так, как их король.

Андрей подошел к Дрогану, перевернул его на спину, вытянул из мертвого тела меч и стал наблюдать за пленниками. Тех, кто отошел к указанной трибуне, набралось сотни две. Андрей вздохнул – он ожидал чего-то подобного. Но что поделаешь? Всегда, во все времена были люди, способные умереть за свои убеждения.

Он приблизился к трибуне и без слов бросил перед этими людьми оружие Дрогана. Один из воинов нагнулся, поднял меч, громко крикнул что-то хриплым голосом и бросился на острие. За ним еще один, и еще, и еще...

В мрачной тишине, прерываемой лишь хрипом умирающих да громкими возгласами бросающихся на меч, прошло минут десять – пятнадцать, и скоро в образовавшейся на песке огромной луже лежали двести трупов.

– Андрей! – толкнулся в голову громкий мыслеголос Шанти. – Беда! Мама передает – сюда летит армия драконов!

– Откуда она знает? – насторожился Андрей. – А как же неделя сроку?! Они же якобы через неделю хотели напасть?

– Говорит, ей передал Ессарадон, он перехватил сигнал сбора! Они через несколько часов уже будут у нас! Сейчас толкнутся у Пещеры Совета, решают, как нам хвосты отрывать. Потом вылетают. Почему быстро? Старейшин что-то очень обеспокоило. Как будто они узнали, что ты собираешься уничтожить Артефакт!

– А что, если существует связь между исчадием и Артефактом? Может, жрец передал, что мы из него выжали информацию? На завод. Давай на

завод. Стоп! Вначале надо принять присягу у островитян. Только сейчас это сделаем как-то по-хитрому, примем у всех сразу. И гонцов отправим на завод. Несколько часов у нас еще есть.

Андрей отвернулся от трупов тех, кто предпочел смерть служению чужакам, и подошел к Федору, стоявшему рядом с переводчиком. Друг широко раскрытыми глазами смотрел на Андрея и, когда тот приблизился, угрюмо сказал:

– Ты что, решил меня до смерти напугать?! Ты зачем с ним играл? Не мог сразу убить?

– Не мог. Он был очень быстр. Он одержим, или точнее – болен. У нас таких воинов называли берсерками. Он сам себя вводит в припадок и становится невероятно сильным, быстрым, а еще – нечувствительным к боли. Впрочем, ты прав. Мог убить сразу, но мне надо было слегка затянуть бой, чтобы это выглядело красиво, эпически. Чтобы этим воинам было о чем вспомнить. И получилось красиво, правда?

– Особенно вот это. – Федор указал на две сотни трупов у противоположной стены.

– А что? И это – красиво. Их смерть воспоют в песнях. Их будут вспоминать поименно. Тоже хорошо. Вот что, Федя, у нас неприятности. Через несколько часов здесь будет сотня или больше драконов. С желанием вырвать нам ноги. Или поджарить зад – выбери, что ближе к сердцу. Срочно гонцов на завод, солдат туда, всем объясни ситуацию. Пусть готовятся к отражению воздушной атаки. Впрочем, наземной тоже, мало ли какой облик они примут. По чужим стрелять без предупреждения, если они подходят ближе ста метров. Кошек, собак, оленей и тюленей, если они вдруг появятся вблизи стены завода, к людям не подпускать, расстреливать. Поставь полк на защиту дворца – указания те же. Предупреди Никата, Зорана и Гангу, что головой отвечают за малышей. Давай, Федя, давай! Скорее!

– А с этими что? Куда их?

– Сейчас я приму у них присягу. Обеспечь им кормежку, питье. Потом рассортируем. Палатки выдай – пока пусть тут ждут, как закончим с драконами, рассортируем по казармам. Выделишь им помещения. Все, не стой столбом!

Федор отсалютовал и начал отдавать приказания. Забегали адъютанты, вестовые – маховик был запущен.

– Отец Силан, объявите всем: пусть выходят на арену, вы под мою диктовку зачитываете слова клятвы, а они, когда вы закончите, опускаются на одно колено в знак того, что дали эту клятву, преклоняясь перед моим

оружием. Те, кто останется стоять, могут присоединиться вон к тем. – Андрей указал на трупы «отказников». – После того как они дадут клятву, их обеспечат пищей и водой. Чуть позже мы займемся их устройством в казармы. Запомнили? Хорошо. Приступим!

Глава 15

– Летят! Смотрите, смотрите, вон они! О господи! Они такие огромные!

– Не подпускать их ближе ста пятидесяти шагов! Приготовились! По команде! Огонь!

Андрей махнул рукой, и вся артиллерия, все пулеметы, все пушки ударили одновременно навстречу налетающей туче драконов. Их было много – сотни полторы, не меньше, – огромных, величавых, прекрасных существ, прилетевших убивать этих жалких насекомых – людей, осмелившихся противиться их воле.

Первую волну, около пятидесяти драконов защитники завода буквально смели, изрешетив картечью, крупнокалиберными пулями из «акуров», осколками разорвавшихся снарядов «катюш».

Пушки били непрерывно, выбрасывая картечь, против которой не спасала никакая чешуя. Снаряды «катюш» страшными птицами летели навстречу эскадрильям великанов, взрываясь на подходе, осколки противно визжали и летели куда угодно, ранив и несколько человек. Пулеметы захлебывались в судорогах, преподнося смертоносные дары древним существам, которые были старше любого из созданий, населявших эту планету.

Огромные туши, искалеченные, изорванные, исторгающие фонтаны крови, падали с неба, поднимая тучи пыли. Некоторые драконы с ходу, уже умирая, врезались в стену завода, распластавшись по ней, как огромные меха с кровью, и люди с ног до головы были забрызганы темно-красной липкой жидкостью.

Оставшиеся в живых драконы резко развернулись и ушли в сторону, усиленно работая крыльями и стараясь избежать смертоносного дождя. Пока они были в пределах досягаемости, из стаи выбыли еще не менее двадцати драконов, которые теперь копошились, умирая, на утоптанной пыльной земле привратной площади.

Андрей дал отмашку, и канонада стихло. Он повернулся к Шанти – та стояла как статуя, ее лицо было спокойным и холодным, глаза смотрели вдаль, а когда он спросил ее, как она себя чувствует, драконица ответила:

– Я чувствую себя убийцей. И полным дерьмом. Это был мой народ.

– Они хотели тебя убить. Убить твою мать. Так что не надо...

– Я все понимаю. Но на душе погано. Они сейчас вернутся.

– Уверена?

– Абсолютно. Теперь они хотят не наказывать. Они хотят мстить. И пока ты не перебежишь всех – не успокоятся.

– Как думаешь, что они сейчас предпримут?

– Яд. Зайдут с подветренной стороны и пустят ядовитое облако.

– Да. Я тоже так подумал, – кивнул Андрей и громко выкрикнул команду: – Всем повязать на лицо мокрые тряпки, закрыв ими нос и рот! Сейчас драконы пустят яд, и те, кто вдохнет его, заснут! И скорее всего, мертвым сном! Пусть боятся, – добавил он мысленно, – у нас народ такой, все на авось. Узнали, что могут умереть, так, может, хоть поплотнее тряпку замотают.

– Думаешь, это спасет? – с сомнением спросила Шанти.

– Надеюсь. Если не спасет – тогда останемся мы с тобой вдвоем. Помнишь, как стрелять из пулемета?

– Ну я же не идиотка – ты мне полтора часа вдавливал в голову!

– Пошли, покажешь, как будешь это делать.

– Не пойду! Ты и вправду считаешь меня душой!

– Не считаю. Но если в самый неподходящий момент у тебя перекосит ленту и ты замечешься, не зная, что делать...

– Не буду я метаться! Не буду, сказала! Ты за полтора часа мне всю печень съел с этим пулеметом! Гляди, гляди – началось! Вон видишь? Из-за бугорка? Спрятались и пускают яд! Ну вон там! Ничего себе... смотри, какое облако! Они сильно рассердились...

– «Катюши», огонь по цели за бугром! Минометы! Огонь! Пушки! Огонь! Не жалеть снарядов! Пулеметы – навесом, навесом бить, смотрите! – Андрей перехватил ручки «акура» и выпустил длинную очередь, целясь так, чтобы дуга едва не касалась холма и одновременно постаралась зацепить тех, кто за ним прятался.

После залпа «катюш» на холме и за ним взметнулись высоченные столбы земли, перемешанные с кусками мяса. Минометы хлопали, засыпая выживших хвостатыми минами, а пулеметы били не переставая, умолкая лишь для замены лент.

Увы, несмотря на очевидный успех атаки, желтое облако тумана достигло стены завода. Оно было выше нее метра на три, и свежий ветерок быстро гнал его, накрывая территорию смертоносным одеялом. Андрей предвидел такое развитие событий – на заводе заглушили все, что могло взорваться или сломаться, если люди, обслуживающее производство, потеряют сознание. Остановили все цеха – до работы ли сейчас, когда на кону стоит сама жизнь!

По распоряжению Андрея люди залепили лица приготовленными мокрыми тряпками и попрятались по домам и погребам, где пережидали атаку драконов. Инженеров и директора завода с его заместителями, несмотря на их протесты и ругань, спрятали в подземных хранилищах, укрыв матрасами в надежде, что, даже если драконы все-таки доберутся до завода и взорвут его своим всежигающим пламенем, главное – головы инженеров – останется целым. А тогда можно все построить заново.

– Ну что, подруга моя боевая, вот и наш черед пришел! – сказал Андрей, глядя, как падают его солдаты, вдохнув отравленный воздух. Как ни береглись, все-таки яд проник сквозь тряпки. Ну что же, и это Андрей ожидал. – Я у этого пулемета, ты за тот! Ну что, родная, дадим им жару?! – яростно крикнул Андрей, заправил новую ленту и стал дожидаться, когда покажется противник.

И драконы не заставили себя ждать – израненные, покалеченные, они полетели и поползли из-за холма. Их осталось штук двадцать после минометной атаки, но и одного из них хватило бы, чтобы спалить завод дотла. Танки этого мира, против которых раньше не было никакого оружия.

Способных лететь драконов оставалось штук десять, и они шли на полном ходу – видимо, набрали скорость заранее, разгоняясь низко над землей. Они выпустили огромные, потрясающие воображение столбы пламени и напоминали собой стратегические бомбардировщики, к которым какой-то безумный инженер приделал огнемёт.

– Шанти, бей летящих! – крикнул Андрей и вцепился в ручки пулемета.

Двух он срезал в трехстах метрах от стены, разнеся их головы, как тыквы. Брызнули куски костей, мозги, кровь, и драконы закувыркались на земле, присоединившись к убитым при первой атаке сородичам. «Калибр пятнадцать миллиметров – это не шутка», – подумал Андрей.

Трех сбила Шанти, изрешетив с расстояния в двести метров, – драконы разделились и зашли сразу с двух сторон. Струи пламени едва не обожгли ее голову, и драконица шумно перевела дух, избежав адского огня. Оставшиеся пятеро сделали круг и снова пошли на завод, но уже с тыла.

Андрей указал Шанти на заходящие «бомбардировщики» и развернул турель, встречая врага кинжальными очередями.

Внезапно пулемет щелкнул, патроны в ленте закончились, и Андрей кинулся к другому пулемету, в десяти шагах от себя. Шанти сделала то же самое, но пулемет, выплюнув несколько пуль, захлебнулся. Андрей нажал на спуск – щелчок! Он кинулся лихорадочно заправлять новую ленту.

Однако драконы были уже близко, плавно заходя на пороховой склад и

склад химикатов. Струи их огня оставляли выжженную полосу, полыхающую ярким липким пламенем.

Андрей видел все как в замедленной съемке – его восприятие переключилось на самую высокую скорость, однако ни одно из боевых умений не могло ему помочь, кроме простого умения заправить чертову ленту в чертов пулемет. И он делал это, понимая, что не успевает. И сейчас его гордость, его завод, взлетит на воздух вместе с ним и с Шанти.

И тут с земли ударил залп – ружья и пистолеты били так часто, что это походило на пулеметные очереди. Инженеры и рабочие вышли из подвалов и, вооружившись, включились в сражение.

Три прорвавшихся дракона в считанные мгновения были изрешечены пулями и рухнули на землю. Андрей разжал кулаки, побелевшие от напряжения, и облегченно вздохнул, помахав радостно орущим людям.

– Андрей! – крикнула Шанти и, указав вниз, стала перезаряжать пулемет, вытащив ленту из деревянного ящика.

Посмотрев на внешнюю сторону стены, Андрей увидел, что пешие драконы, добравшиеся до завода, изрыгают потоки пламени, под которыми толстенные ворота и кирпичная стена оплывают, как воск свечи. Еще немного, и образуется дыра, способная пропустить дракона.

Бросившись к Шанти, Андрей выхватил ленту, быстро заправил в замок и, толкнув турель вперед, выдвинул ее за край стены. Такая турель была специально сделана для того, чтобы простреливать пространство под стеной и вдоль стены. Лента содержала триста патронов калибра пятнадцать миллиметров.

Они вылетели за минуту, и, после того как пулемет щелкнул, застыв без питания этими остроносими плодами, возле ворот остались лишь груды мяса, подергивающиеся в последних судорогах. Бой закончился. В воздухе пахло порохом, разогретым металлом, кровью и нечистотами – обычный и страшный запах войны, запах смерти.

– Там раненые драконы! – К Андрею подбежал один из инженеров. – Штук десять, не меньше! Что с ними делать? Добить?

– Нет. Подождите! – Андрей сбежал по ступеням каменной лестницы на территорию завода и, перепрыгнув через пышущие жаром остатки заводских ворот, вышел на привратную площадь.

Через пару минут он уже стоял перед красным драконом, выделявшимся среди остальных собратьев своими размерами. У него были перебиты лапы и отсутствовало одно крыло, видимо срезанное осколком. Из многочисленных ран сочилась густая кровь, собравшаяся в большую

лужу под брюхом дракона. Андрей дал знак другим – не подходить! Мало ли что на уме у этого чудовища – вдруг сейчас выпустит облако «напалма» и спалит своих убийц.

– Андрей, не подходи! – предупредила Шанти. – Ты даже отскочить не успеешь! Пусть его убьют!

– Я хочу поговорить с ним. – Андрей остановился в ста пятидесяти метрах от рогатой головы монстра и передал мыслесвязью: – Дракон! Я хочу с тобой поговорить!

Когда Андрей уже решил, что ответа не будет, громыхнул мыслеголос:

– Пришел глумиться? Ты уничтожил половину нашего племени, и ты хочешь о чем-то со мной говорить?! Ты проклятие драконов. Я умираю – и проклинаяю тебя! Я желаю, чтобы ты, так же как и я, увидел гибель твоих близких, тех, кто дороже тебе всего на свете!

– Я уже увидел гибель своих близких, – холодно ответил Андрей, – так что вы пожалели то, что посеяли. И вижу, тебе это не понравилось. Ты сам виноват в своей смерти. И те, кто вас прислал, – старейшины. Не мы прилетели к вам убивать, вы к нам. И ты в чем-то меня упрекаешь? Вероятно, ты дурак, раз не понимаешь этого. Впрочем, как знаешь. Не хочешь говорить – не надо.

– О чем ты хотел поговорить? – хмуро спросил дракон и положил на перебитые лапы огромную голову, глядя Андрею в глаза.

– Я хотел предложить вам жизнь в обмен на клятву, что вы никогда больше не будете вмешиваться в дела людей и нападать на них. Вот и все. Жизнь всем раненым и покалеченным здесь.

– Зачем мне жизнь без крыльев? – горько усмехнулся дракон. – Я, старейшина Сертанайон, должен пользоваться твоей милостью, чтобы потом влачить жалкое существование в качестве вьючного животного?! Не бывать этому. Я умру, но не приму твоей милости.

– Хорошо. Это твой выбор. Но это не выбор твоих соплеменников. Ты заслуживаешь своей участи, но они ведь ни при чем, вы обманули их. Поэтому ты отвечаешь за их судьбу. Я хочу, чтобы ты предложил им жизнь. И рассказал, как все обстоит на самом деле. За это я дарю тебе быструю смерть. Или же ты останешься умирать, и это будет долго и трудно. Сам я предложить им не могу – моя мыслесвязь не так сильна, как у драконов.

– Хорошо. Я согласен, – прогремел дракон. – Жди.

Шли минуты, Андрей ждал. Ему было жаль этих существ, но еще больше жаль тех, кого они прилетели убивать. Поэтому согласятся они, чтобы их вылечили, или нет – особого значения не имело. Как, впрочем, и то, расскажет ли дракон правду соплеменникам. Андрей не верил

старейшинам. Они научились лгать, они очеловечились.

– Они согласны на помощь, – наконец прогремел дракон, – а что касается того, что я должен был рассказать им правду, – не знаю, о чем ты. Правда в том, что мы действовали на благо драконов, вот и все. О том я им и сказал. Большого не жди. Теперь подойди и добей меня.

Андрей медленно направился к дракону, тот спокойно смотрел на приближающегося врага, а потом вдруг выпустил струю пламени, едва не спалившую Андрея в мгновение ока. Андрей успел спринтерским броском убежать из-под удара, дракон захохотал, захлебнувшись кровью, и, отплевавшись, сказал:

– Хорошо бегаешь, насекомое! Жаль, не получилось. Но попытка была хорошей, не правда ли?

– Вероломная тварь! В этом все вы, старейшины! – с ненавистью сказала Шанти. – Андрей! Пусть подыхает здесь! Медленно и мучительно!

– А-а-а... отступница. Извращенка! – хмыкнул дракон. – А я не давал обещания не пытаться его убить. Жаль, что не удалось. Что касается смерти – мне уже все равно. Я уже не чувствую боли. Будьте вы прокляты, мерзкие насекомые! Больше не услышите от меня ни слова!

Андрей вернулся к стене, взял у одного из мужчин винтовку и стал выцеливать голову дракона. Первый выстрел выбил кусок кости у глазницы монстра, второй – вошел точно в глаз, уничтожив председателя Совета драконов.

– Зря! – ожесточенно сказала Шанти. – Пусть бы подыхал! Пусть бы помучился! Он чуть тебя не убил!

– Не убил же, – пожал плечами Андрей. – Мне ни к чему за спиной злой, неадекватный дракон, готовый спалить всех, кто проходит мимо. Тут вариантов нет – или они дают слово и я их вылечиваю и отпускаю на свободу, или же умирают, как красный дракон. Прошу тебя, обойди раненых драконов и поговори с ними. А я начну лечение. Будь осторожнее, пожалуйста. Близко не подходи, разговаривай издалека. Бери слово, что он на нас не будет нападать, и следи за ними эмпатически.

– А ты куда?

– Я пойду готовиться к полету на Остров Артефакта. И вот еще что – ты видела Натороканту среди живых или мертвых? Нет? То-то и оно. Сдается мне, она ждет нас на острове...

Андрей сглотнул комок и заставил себя дотронуться до холодных рук женщин. Они лежали безмятежные, как будто спали, будто сейчас встанут, улыбнутся и скажут: «Ну ты чего плачешь?! Разве мы бы могли тебя

оставить? Ты же без нас пропадешь!»

Он не хотел касаться их холодных рук. Антаны и Олры не было в этих мертвых вместилищах душ. Они отправились в лучшие миры, туда, где нет печали и горестей, туда, куда и он отправится когда-нибудь, завершив дела на этой стороне света.

Глаза щипало, в горле стоял комок, и Андрей задыхался, ему хотелось закрыть глаза и чтобы, когда он их откроет, все стало по-прежнему, как было до того момента, когда туша Хевессанора оказалась в комнате дворца. Но нет. Ничего уже не будет по-прежнему. И руки любимых не станут теплыми, как раньше.

– Закрывайте! – хрипло сказал он, и тяжелая каменная крышка саркофага стала наползать на каменное ложе.

Несколько крепких гвардейцев, напрягаясь изо всех сил, надвинули плиту на последний приют двух женщин, которые любили Андрея и подарили ему двух детей.

Он решил похоронить Антану и Олру вместе – как погибли, так пусть и лежат вместе. Никто не сказал ему ни слова поперек, хотя усыпальница была построена для императорской семьи, к которой Олра не имела отношения. Но кто мог противиться самому могущественному человеку в этой стране и, возможно, в мире?

Саркофаг всего за сутки выточили из глыб песчаника. От пышных похорон отказались – зафиксировали смерть императрицы и ее советницы, и все. Народу будет объявлено потом, когда закончится война с драконами.

Вопрос престолонаследия тоже оставили на потом. Этим занимался Зоран, собравший всех крючкотворов-стряпчих страны с тем, чтобы они нашли законную возможность для Андрея занять императорский престол.

Впрочем, ему было все равно. Наплевать на власть и на жизнь. Он чувствовал себя опустошенным. Он буквально заставлял себя есть, пить, разговаривать. Больше всего ему хотелось забиться в угол и никого не видеть. Ну кроме, может быть, Шанти – все это время она находилась рядом, поддерживала, как могла. Он удивлялся ее энергии. Просыпается – она сидит рядом, засыпает – она рядом. Всегда наготове, всегда о чем-то для него хлопочет. Ему и правда становилось легче – значит, все-таки не один, значит, кому-нибудь нужен? Детишки еще глупые, им кормилицу подавай, зачем он им? Когда еще они поймут, кто есть кто...

После боя с драконами у завода прошли сутки. Похороны Антаны и Олры состоялись ночью.

Патриарх прочел заупокойную, присутствующие попрощались с усопшими. Зоран плакал, Шанти держалась, хотя и очень переживала –

Андрей чувствовал ее настроение. Рыдали жены Никата и Федора, да и сам старый солдат не скрывал своих слез. Никат был серым от горя. Плакала воспитанница Олры Дирта, ее крик «Мамочка Олра, не уходи, не надо! Не уходи!» долго стоял в ушах присутствующих. Было горько и больно. Всем.

Дверь склепа захлопнулась с тяжелым медным грохотом, как будто зазвенел колокол по душам усопших.

Эту ночь Андрей провел без сна, забывшись только под утро, прижав к себе Шанти, как плюшевого медвежонка, которого родители кладут в постель ребенку, не желающему заснуть.

Как следствие – подъем после бессонной ночи был тяжелым, отвратительным. Но подниматься нужно – скоро на завод прилетит Гараскарания, чтобы отнести его на Остров Артефакта, где он навсегда покончит с дьявольским камнем.

Они с Шанти быстро позавтракали олениным мясом и сладкими пирогами, запили все соком, и через двадцать минут их карета, окруженная отрядом гвардейцев, уже выезжала из ворот дворца.

Гараскарания ждала их у стены завода, огромная, красивая и величественная. Драконица наблюдала, как люди убирают территорию, распиливая трупы драконов и вывозя их на подводах. Воняло ужасно, как на бойне, и Андрей невольно поморщился.

– Наконец-то! – недовольно прогремела драконица-мама. – Вы чего там, спите до полудня, что ли? Я тут с рассвета сижу. Мне не доставляет удовольствия смотреть на то, как расчлениают тех, кого я знала, с кем когда-то общалась. Кстати, вы в курсе, что Натороканта жива? Эта старая карга как знала, что здесь произойдет! Тварь, послала этих идиотов на убой, а сама осталась в стороне! Ессарадон передал – она на Острове Артефакта. Одна или нет, не знаю. Ждет нас, похоже. Охраняет сокровище. Вам так и так придется с ней встретиться. Вооружайтесь как следует. Будет бой, или я ничего не понимаю в драконах. Слышала, что ты вылечил десяток раненых драконов. Это хорошо. Но... ты все равно убийца драконов. Бич Божий. Так ты и останешься в памяти нашего племени, изрядно подсократившегося твоими усилиями.

– Мам, мы ночью хоронили жен Андрея. Он почти не спал.

– Хм... м-да. Главное, чтобы хоронить сегодня не пришлось его, – проворчала Гараскарания. – Натороканта так просто не сдастся. Все, давайте грузиться! Шанти, ты у меня на спине полетишь или сама? Впрочем, чего я спрашиваю, ты всегда отличалась сообразительностью. Зачем своими крыльями махать, правда?

– Правда, – невозмутимо кивнула Шанти. – Мы с Андреем вместе

полетим. Груз уже готов, сейчас доставят мешки. Мы привяжем к твоему гребню на спине, хорошо? А то еще свалятся на повороте...

Под крыльями Гараскарании тянулось безбрежное море. Оно походило на заснеженную равнину – свежий ветер срывал верхушки волн и разбрасывал белую пену, как ребенок, играющий в купели.

Андрей сидел на спине драконицы, между зубьями ее здорового гребня. Позади него Шанти, оставшаяся в человеческом обличье. Она опять надела мужскую одежду, прицепив к бедрам здоровенные пистолеты по типу тех, из которых Андрей убил Даранаяса. Такие же были и у Андрея, удобно пристроенные в кожаных кобурах, пристегнутых тонкими ремешками. Патроны загнаны в патронники, все готово к стрельбе. Вот только Андрей не был уверен, что ему дадут пострелять. Да и если выстрелит – попасть в движущийся объект трудно, а если и попадет – ни одна пуля не убивает сразу, даже если попала в сердце. Тем более что, находясь рядом с Артефактом, драконы практически неуязвимы – эта штука залечивает их повреждения. Должна быть выбрана некая тактика, чтобы не подставить себя под удар драконов и уничтожить Артефакт. Андрей это прекрасно понимал и с учетом этого сформировал груз, который несла сейчас Гараскарания.

– Смотрите! Смотрите, они над островом! – От возбуждения Шанти едва не подпрыгивала на спине матери. – Андрей, что будем делать?

– Все как договорились. Ты берешь пулемет и отстреливаешься, пока я творю свои делишки. Силы держать пулемет у тебя хватит. Только знаешь что... я не хочу больше убивать драконов. Попробуем переговорить с ними, а уж потом... Гара, что говорят драконы? Что-нибудь новое есть?

– Есть, – мрачно громыхнула Гараскарания. – Мы предатели рода драконов, наши имена будут прокляты в веках, мы умрем, если попробуем нанести вред Артефакту. И еще Натороканта предлагает провести переговоры – ты и она. Чтобы ты высадился на остров один, без оружия. Она обещает безопасность. А мы с Шанти не должны присутствовать на вашей беседе. Пойдешь?

– Мам, а ей можно верить? Как ты считаешь? – забеспокоилась Шанти и крепче перехватила пулеметный ствол с заправленной лентой. – Может, лучше снести ей башку, и все? Нет старейшины – нет проблемы.

– Если бы это было раньше, до известных событий, я бы сказала, что дракон никогда не нарушит своего слова. Но теперь... теперь я не знаю. Пусть Андрей решает сам.

– Я пойду, – спокойно сказал Андрей. – Если есть возможность как-то завершить дело без крови, не стоит ее упускать. Приземлись на краю плато, я дойду до Артефакта сам. И будьте наготове, возможно, мне придется быстро удирать. Ничего хорошего от нашей древней подруги я не жду.

– И я тоже не жду, – угрюмо буркнула Гараскарания. – Может, и правда, как предложила моя кровожадная дочка, перебить охранников Артефакта вместе с выжившей из ума старухой и не рисковать?

– Гара, тебе не жалко погибших драконов? И этих вот, которые сейчас погибнут? – с легким удивлением спросил Андрей, глядя на приближающийся остров, над которым кружили мошки – отсюда драконы казались маленькими-маленькими и безобидными, как насекомые, порхающие над цветком.

– Жаль. Разумом понимаю, что я должна переживать по поводу того, что погибло столько моих соплеменников. Но ведь они прилетели убивать и погибли оттого, что неправильно оценили опасность, они хотели убить и были убиты сами. Ну не глупо ли? Они не вызывают у меня ничего, кроме досады. Идиоты. Драконье племя только выиграло, избавившись от дураков. Сейчас ты спросишь – не жалко ли мне Артефакт? Очень жалко. Кому не хочется жить сотни тысяч лет? Но знаешь – со временем интерес к жизни притупляется, все надоедает. Не зря некоторые наши драконы просто забираются в глубокую пещеру и спят, спят тысячи лет. Иногда вообще никогда не просыпаясь... Ты думаешь, те, кто прилетал к тебе, и те, кто отказались это сделать, – весь наш народ? Хе-хе... даже Шанти этого не знала. Я никогда ей не рассказывала. Много драконов ушли под землю, в пещеры, замуровались там и спят тысячелетним сном. Сколько их? Да кто знает... может, сотни, а может, тысячи. Может быть, многих уже и нет в живых. Часть драконов растворились в людском племени, как это желает сделать моя дочь. Часть болтается по миру. Артефакт... я всегда подозревала, что с ним не все чисто. Но не до такой же степени! Гадко чувствовать себя паразитом. Хотя я всегда не очень-то любила людей, но, по крайней мере, не считала их животными. Все, готовься. Мы будем тебя ждать здесь.

– Возьми. – Андрей протянул Шанти свои пистолеты и легко сбежал по крылу драконицы, опущенному на скалу как трап. Оглянувшись, поймал взгляд подруги, кусавшей губы от волнения, и, улыбнувшись, подмигнул ей:

– Не переживай! Будем жить! Ничто в мире не может вышибить нас из седла!

Шанти улыбнулась в ответ и грустным взглядом проводила сухощавую

фигуру Андрея. Вернется ли он? У нее щемило сердце, и ей, как обычной девчонке, хотелось плакать...

Андрей посмотрел в сторону моря – поверхность воды виднелась где-то далеко внизу. Высота этого небоскреба, выросшего из пучины, составляла не менее полукилометра. Этакая труба, обдуваемая всеми ветрами. Насколько он знал, Артефакт находится в центре острова, в углублении. Андрей не мешкая отправился в путь.

Идти было легко – гладкий, без трещин и выбоин камень наводил на мысль о том, что все это циклопическое сооружение было делом рук, или, скорее, лап, разумных существ. Уж слишком хорошо отшлифованной была поверхность камня, слишком ровными и геометрически правильными были очертания окружности острова. Впрочем, в природе много странного...

В вышине медленно и торжественно кружили в странном хороводе драконы. Отсюда, с острова, они казались небольшими птицами с несуразно длинными хвостами. На такой высоте нельзя было рассмотреть ни цветов, ни деталей их строения. Драконы кружили и кружили, напоминая ворон, ждущих поживы.

Андрей грустно хмыкнул, пожав плечами, – будь что будет. После смерти Антаны и Олры он стал совершеннейшим фаталистом, принимающим судьбу так, как она к нему повернется. Шанти ругала его за это, обвиняя в том, что он ищет смерти, наплевательски относясь к тем, кому дорог. Иногда он признавался себе, что, вероятно, так и есть. Вот и сейчас, когда шел на встречу с коварной, непредсказуемой Наторокантой, Андрей философски думал о том, что, возможно, он заслужил смерть. По его воле погибло столько людей, что это сравнимо с деяниями самых злодейских из злодеев Земли.

Артефакт открылся внезапно. Нет, не кристалл. Он был похож на что-то туманное, переливающееся – куб со стороной около двух метров, наполовину погруженный в прозрачную дождевую воду. Когда Андрей подошел к этому непонятному созданию Провидения, крестик, висящий на его груди, стал нагреваться, как и тогда, когда он подходил к исчадию. Вскоре жар стал таким сильным и болезненным, что Андрей вытащил крестик из-за пазухи. Но даже сквозь рубаху крест жег кожу так, будто это был раскаленный добела слиток металла.

Драконница была уже тут. Она приняла размер небольшой лошади и, спокойно лежа возле Артефакта, наблюдала, как подходит ее главный враг. Желтые глаза рептилии внимательно смотрели, как Андрей подошел к Артефакту, наклонился над озерцом прозрачной воды, набрал в ладони и с наслаждением плеснул в лицо.

– Ты не боишься, как я погляжу, – хмыкнула Натороканта, подняв голову с лап.

– Ты зачем меня вызывала? – нелюбезно ответил Андрей. – Чего надо?

– Невоспитанное яйцо! – фыркнула драконица. – Хоть бы поздоровался, что ли!

– Я не желаю тебе здоровья. Приветствовать не хочу. К чему лицемерить? – Андрей сел возле озерца, скрестив ноги. – Говори скорее, чего хотела, и займемся тем, для чего сюда прибыли.

– Хочешь уничтожить Артефакт? – прищурилась драконица.

– Откуда ты это узнала? – безучастно спросил Андрей. – Что, он сказал?

– Догадался, да? – холодно обронила драконица. – Сейчас с тобой будет говорить Он. Я лишь его проводник, его вместилище.

Помолчав, Натороканта продолжила:

– Глупец! Ты прилетел меня убивать! Как ты посмел?! Идиот! Это я вызвал тебя с твоей грязной планетки, это я вел тебя все это время! Я дал тебе те способности, что у тебя есть! Как ты посмел покуситься на меня?

– Ты – Саган? – равнодушно осведомился Андрей. – Это тебе приносили жертвы, убивая невинных людей?

– Невинных, виновных, всех! Да, я Саган, я Марук, я... у меня много имен! И все разумные служат мне! И будут служить!

– Кто ты? Или что ты? И зачем меня вызвал?

– Зачем вызвал? Конечно, затем, чтобы ты мне служил! Ты эффективный убийца, я видел это сквозь пелену времени и пространства. И ты оправдал мои надежды. Столько людей и драконов не убил никто. Я переполнен энергией! Почувствуй, как это сладко, пей!

Артефакт засиял, начал переливаться радужными огнями, и Андрей вдруг остро почувствовал невероятное наслаждение. Он погрузился в сладостный, радостный туман, который окутывал мозг, проникал во все уголки сознания.

И ему было все равно. Его подсознание предупреждало: «Ты погибаешь! Тебя берут в плен, поработают!» Но он ничего не мог с этим делать.

Голоса пели ему: «Ты наш... ты мой... иди к нам... ты будешь самым великим, самым богатым... самым счастливым... служи, служи нам... мне... служи... служи...»

Еще немного, и он растворился бы в сознании Артефакта, оставшись вечным рабом странного организма или прибора. Спас крестик. Сила воздействия неизвестной энергии была такова, что он буквально испарился,

оставив на груди Андрея ожог характерной формы.

И Андрей очнулся. Усилием воли он прогнал из головы туман, пробравшийся туда, как червь в мягкую землю. Выбросил из себя щупальца этого энергетического вампира.

Сияние Артефакта притихло, и Натороканта сказала:

– Зря. Эта драконица не устроила меня как носитель. Ты был бы лучшим. Мы с тобой подмяли бы весь мир! Ты жил бы вечно, вечно! А теперь... теперь тебе придется умереть.

Натороканта в долю секунды приняла свой обычный размер и выпустила гигантский язык пламени, едва не спаливший Андрея на месте. Если бы он на этом месте еще был.

Андрей, ожидавший какой-нибудь пакости, мгновенно бросился бежать, петляя как заяц, уворачиваясь от несущейся во весь опор драконицы. Артефакт, завладевший ее телом, заставлял мускулы Натороканты выдавать все, на что они были способны. Если бы не ее масса, Андрей мог бы погибнуть.

До Гараскарании он добежал, перекрыв все возможные рекорды скорости, и взлетел на спину драконицы прыжком, достойным олимпийского чемпиона по прыжкам в высоту. Тут же над его головой застрекотала длинная пулеметная очередь – поводя стволом, Шанти встречала врага шквальным огнем, как Терминатор.

Натороканта буквально села на зад, получив в грудь сотню крупнокалиберных тяжелых пуль, и Андрей с оторопью увидел, как дырки от пуль мгновенно заросли и исчезли под новой чешуей – она регенерировала с невероятной скоростью! Кости черепа, разбитого пулями, срослись, и, похоже, этот самый череп снова наполнился мозговым веществом. Да, личности Натороканты, скорее всего, там уже не было. Но Артефакту она и не была нужна – теперь Он царил в ее сером веществе, Он управлял послушной куклой с крыльями, и эта кукла не собиралась так просто отпускать своих жертв. Драконица снова бросилась в атаку.

Гараскарания захлопала крыльями, рывкнув на дочь, чтобы та прекратила обстрел, иначе попадет ей в крыло, и понеслась прочь от острова.

– Что делать, Андрей?! – крикнула она, вспарывая воздух мощными чешуйчатыми «парусами».

– Заходи на Артефакт! Сейчас бомбить будем! – Не теряя времени даром, он уже доставал из мешка ящик с минометными снарядами.

– Я же говорила, что старая дура неадекватна! – Гара выровняла курс, следя за тем, как за ней несется Натороканта, похожая на грозовую тучу.

– Это уже не она! – передал Андрей. – Артефакт захватил ее мозг! Он и меня пытался захватить, но я не дался! – «Если бы не крест – и мне бы хана, – подумал Андрей. – Если бы не моя Вера...» – Он может захватывать мозг любого живого существа и внушать ему любые мысли и желания! Вы все могли быть захвачены им. Вероятно, он может держать под полным контролем только одно существо, иначе бы вы давно плясали у него на ниточках. Впрочем, разве... – Он осекся.

– Разве мы не плясали у него на ниточках? – подхватила Гара. – Отвратительно, но так и есть. Заходим на Артефакт! Готовься! Шанти, не стреляй – снесешь мне хвост!

Андрей быстро ввернул в мины взрыватели, следя за тем, чтобы случайно не ударить ими о что-нибудь твердое, и, держа в руках две мины, изготовился к броску. Гараскарания сделала вираж, накренившись влево, и он метнул снаряды в радужный куб, стараясь попасть в центр. Увы, мины упали в стороне, разорвались, осыпав осколками Артефакт, но не причинили ему ни малейшего вреда.

Гараскарания полетела вправо от Артефакта и с трудом увернулась от когтей дракона, нацеливающегося на ее седоков.

Андрей поднял голову и увидел, что драконы, которые летали в вышине, со всей возможной скоростью летят на них, напоминая фашистские пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87».

Шанти перехватила пулемет и стала палить в нападавших – они сразу прыснули в стороны, а один завалился набок и ушел в море, взметнув при падении фонтан воды.

– Вниз, спускайся вниз! – крикнул Андрей. – К Артефакту! И сразу улетай, как я разгружусь! Шанти, держи оборону! Не подпускай тварь близко! Девочка, держись, милая! Еще немного!

Шанти ободряюще кивнула и заправила новую ленту в «акур». Ее руки болели – пулемет уже стал нагреваться, и вода почти кипела в кожухе. Еще немного, и она не сможет стрелять ошпаренными руками.

Гара буквально спикировала к Артефакту, затормозив у самой скалы и ощутимо ударившись лапами о камни. Андрей выхватил кинжал, перерезал веревки, притягивавшие мешки к гребню драконицы, и стал стаскивать груз на скалу. В мешках находились снаряды к «катюше» – двадцать штук, тонна груза. Андрей, ругаясь и рыча от напряжения, хватал в охапку сразу по два снаряда и, разбрызгивая ногами прозрачную воду, укладывал их к подножию Артефакта. Это заняло несколько минут, в течение которых Шанти вела стрельбу короткими очередями, вбивая их в тело Натороканты и не давая ей приблизиться на расстояние огненного выдоха. Остальные

драконы болтались где-то на периферии, видимо боясь, что с ними будет то же самое, что с их товарищем.

Наконец все снаряды были уложены, кроме одного, который Андрей планировал метнуть с взлетевшей драконицы, но случилось непредвиденное. Шанти, у которой руки покрылись волдырями от раскаленного кожуха «акура», нечаянно выронила пулемет, и стрельба прекратилась. Натороканта немедленно воспользовалась моментом и бросилась на двух дракониц, поливая их липким огнем. Гараскарания, у которой горела спина, спасаясь от тяжелых ожогов, метнулась к морю, рассчитывая потушить пламя о воду.

Пламя подожгло пороховой заряд снаряда, оставшегося на ее спине. Он жажнул и полетел к Артефакту, разорвавшись в нескольких метрах от смертоносного штабеля «дров».

Снаряды сдетонировали.

Андрей находился метрах в десяти от эпицентра взрыва, и спастись у него не было ни малейшего шанса. Взрыв уничтожил Артефакт, превратив его в разрозненные молекулы, высвободив всю энергию, которую он накопил за тысячелетия.

В Андрея ударила невероятная сильная, могучая волна, которая буквально раздробила его личность, его сознание на кусочки.

Волн было две: одна – несущая энергию, выпитую из сознаний разумных живых существ по всему миру, и вторая – ударная, от разорвавшихся снарядов. Первая была быстрее. Она разорвала пространство и выбросила тело Андрея, переместив на тысячи километров за долю секунды до того, как осколки рассекли воздух в том месте, где он стоял.

Человеческая оболочка ударилась о землю на неизвестном материке и застыла как изломанная кукла, скатившись по склону холма в придорожную грязь, оставшуюся после ночного ливня...

Натороканта, лишившаяся управления, рухнула с небес на скалы и разбилась вдребезги – ее кости пробили шкуру, а кровь потекла ручьем в бурное, жадное море, алчущее новых жертв.

Гараскарания вынырнула из воды, взлетела, тяжело захлопав крыльями и шипя от боли в обожженной спине, и через несколько минут уже сидела на плато, где когда-то стоял Артефакт, а теперь зияла опаленная воронка, иссеченная осколками снарядов.

– Вот и все, – грустно сказала Гараскарания, глядя на ошеломленную Шанти, сжавшую кулаки. – Мне жаль, дочка. Очень жаль. Он умер.

Шанти побелела, закрыла глаза, потом вдруг нахмурилась и энергично

помотала головой:

– Не может быть! Не верю. Я не верю! А значит – он жив. Я не знаю, где он, но чувствую: он жив!

– Дочка, так не бывает. У него не было никаких шансов спастись. Посмотри, от Артефакта не осталось даже следа. Что там говорить о человеке... Впрочем, можешь верить, если тебе так легче. Пусть будет так. Что собираешься делать?

– Вернусь домой, во дворец. Расскажу, что тут произошло, а потом полечу искать Андрея. Я найду его, чего бы это мне ни стоило!

Шанти решительно рубанула воздух сжатой в кулак рукой и забралась на спину матери. Та разбежалась, прыгнула со скалы и через секунду уже парила над бушующим морем.

Драконы, которые кружили над островом, после взрыва куда-то исчезли, и никто не помешал полету матери и дочери. Впереди была неизвестность. Но Шанти знала, что все преодолет и найдет Андрея.

Эпилог

Известие о гибели Андрея было воспринято по-разному. Кто-то злопыхал, кто-то радовался. Друзья плакали, враги потирали руки – сейчас корона падет на того, кто первый подставит под нее голову. Увы для них – надежды не оправдались. Федор жесткой рукой пресек вспыхнувшие было волнения, расстреляв кучку бунтовщиков и перевешав зачинщиков. Его немедленно объявили опекуном будущего императора Марка, регентом. Ведь за Федором стояла самая реальная сила в империи – армия, вышколенная, вооруженная, без раздумий подчиняющаяся своему главнокомандующему. Не зря он посвятил ей долгие месяцы тренировок.

Опасались проблем с пленными островитянами – ведь Андрей умер, а они присягали ему. Однако, как оказалось, отец Силан, переводя слова клятвы, которую они должны были принести, вставил от себя, что это присяга правителю империи. И аркуды присягнули. До совершеннолетия Марка империей будет править Федор, соответственно – они подчинились ему. И теперь Рыжий корпус был одним из самых сильных подразделений армии Балрона.

Шанти, конечно, сказала, что не верит в гибель Андрея, но ее никто не поддержал. Он просто *не мог* выжить в этой ситуации, и все тут. Все сразу припомнили древнее пророчество и утвердились в мысли: древние пророчества врать не будут.

Андрей Монах, самая выдающаяся личность за всю историю Балрона, – мертв.

Спустя год волнения улеглись – строились дома, строился завод, уже соединившийся с Анкаррой, и притихли воспоминания о погибших в этой войне. Мирная жизнь вступила в свои права.

Через неделю после того, как исчез Андрей, Шанти передала Федору все свои контакты с агентами и, освободившись от долгов перед Балроном, попрощавшись с друзьями, навестив детей Андрея, исчезла в неизвестном направлении. Ее пытались остановить, но на все уговоры и увещевания она упрямо отвечала: «Он жив! Я знаю».

И она действительно знала. Тонкая ниточка, которая всегда существовала между ними, не оборвалась. Шанти чувствовала, что Андрей жив, а потому однажды вечером покинула дворец и больше ее никто не видел.

– Смотри, смотри – кто-то лежит! Труп! Опять разбойнички шалили, похоже на то! Эти чертовы внеклановые совсем одолели! Пора бы облаву делать, скоро честному торговцу проехать нельзя будет. Сволочи!

– Пап, он жив, дышит!

– И что? Мы теперь всех бродяг будем собирать? Мать нас на улицу выгонит с этим внеклановым. Он вообще какой-то странный... может, больной? Тащить в дом заразу...

– Мать нас скорее выгонит, когда узнает, что мы бросили его без помощи! А если бы ты вот так валялся на дороге и тебя бы никто не подобрал? А мать умерла бы от горя, узнав, что ты умер?

– М-да... умеешь ты находить слова. Давай, грузим его в фургон. Ага, сюда клади. Да погоняй! Я до ночи хочу поесть горячей домашней похлебки, а солнце уже высоко! Поехали!